

Ж

В.В. МАЯКОВСКИЙ

2

В.В. МАЯКОВСКИЙ

НАУКА

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ
Фотография А. Родченко. 1924

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

В.В. МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА НАУКА 2014

В.В. МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Том второй

Стихотворения
1924–1926

МОСКВА НАУКА 2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос = Рус)6
М39

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Т.М. Горяева, А.П. Зименков (ученый секретарь),
Г.Ф. Коваленко, Н.В. Корниенко, В.А. Никонов (председатель),
Л.А. Спиридонова, В.Н. Терехина, А.М. Ушаков (зам. председателя),
А.И. Чагин, Н.И. Шубникова-Гусева, Б. Янгфельдт*

Основные тексты, другие редакции
и варианты произведений подготовил,
комментарии составил
А.А. Козловский

Ответственный редактор тома
В.Н. Терехина

Рецензенты:
Г.Н. Воронцова, Л.А. Спиридонова, Н.И. Шубникова-Гусева

ISBN 978-5-02-038137-7
ISBN 978-5-02-038139-1 (т. 2)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, составление, подготовка текстов, статья, комментарии, 2014
- © Российская академия наук и издательство «Наука», Полное (академическое) собрание произведений В.В. Маяковского в 20 томах, разработка, оформление, 2013 (год начала выпуска), 2014
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2014

СТИХОТВОРЕНИЯ

БУДЬ ГОТОВ!

Уверяла душой дура:
нам не дело-де до Рура.
Из-за немцев,
                    за германцев
лбам-де русским не ломаться.
Что, мол, Англия —
                    за морем,
от нее нам мало горя!
Пусть, мол, прет
10   к Афганистану:
беспокоиться не стану.
Эти речи
                    тем, кто глуп.
Тот,
                    кто умный,
                    смотрит в глубь.
Если где елозит Юз,
намотай себе на ус,
а повел Керзон рукой,
20   намотай на ус другой.
А на третий
                    (если есть)
намотай о Польше весть.
Мы
                    винтовку
                    рады кинуть,
но глядим врагу за спину.
Не таится ль за спиной
Врангель
30   тот или иной.
У буржуя,
                    у француза,
пуд-кулак,
                    колодезь-пузо —
сыт не будешь немцем голым.
Тянет их
                    и к нашим горлам.

Что ж
    лежать на печке дома?
40 Нет,
    рассейся наша дрема.
Что
    и где
        и как течет —
всё берите на учет!
В нашей
    войсковой газете
все страницы проглазейте.
Разгремим на сто ладов:
50 стой на страже —
        будь готов!

⟨1924⟩

УХ И ВЕСЕЛО!

О скуке
на этом свете
Гоголь
говаривал много.
Много он понимает —
этот самый ваш
Гоголь!
В СССР
от веселости
¹⁰ стонут
целые губернии и волости.
Например,
со смеха
слёзы потоком
на крохотном перегоне
от Киева до Конотопа.
Свечи
кажут
язычки кончики.
²⁰ 11 ночи.
Сидим в вагончике.
Разговор
перекидывается сам
от бандитов
к Брынским лесам.
Остановят поезд —
минута паники,
и мчи
в Москву,
³⁰ укутавшись в подштанники.
Осоловели;
поезд
темный и душный,
и легли,
попрятав червонцы
в отдушины.

4 утра.
Скок со всех ног.
Стук
40 со всех рук:
«Вставай!
Открывай двери!
Чай, не зимняя спячка.
Не медведи-звери!»
Где-то
с перепугу
загрохотал наган,
у кого-то
в плевательнице
50 застряла нога.
В двери
новый стук
раздраженный.
Заплакали
разбуженные
дети и жены.
Будь что будет...
Жизнь —
на ниточке!
60 Снимаю цепочку,
и вот...
Ласковый голос:
«Купите открытки.
Пожертвуйте
на воздушный флот!»
Сон
еще
не сошел с сонных,
ищут
70 радостно
карманы в кальсонах.
Черта
вытащишь
из голой ляжки.
Наконец,
разыскали
копеечные бумажки.
Утро,
вдали
80 петухи пропели...

— Через сколько
лет
соберет он на пропеллер?
Спрашиваю,
под плед
засовывая руки:
— Товарищ сборщик,
есть у вас внуки?
— Есть, —
90 говорит.
— Так скажите
и внучке,
чтоб с тех собирала,
на ком брючки.
А таким способом
— через тысячную ночку —
соберете
разве что
— на очки летчику. —
100 Наконец,
задыхаясь от смеха,
поезд
взял
и дальше поехал.
К чему спать?
Позевывает пассажир.
Сны эти
только
нагоняют жир.
110 Человеческим
происхождением
гордятся простофили.
А я
сожалею,
что я
не филин.
Как филинам полагается,
не предаваясь сну,
ждал бы
120 сборщиков,
взлезши на сосну.

9-е ЯНВАРЯ

О боге болтая,
о смирении говоря,
помни
    день —
        9-е января.
Не с красной звездой —
        в смирении тупом
с крестами шли
        за Гапоном-попом.
10 Не в сабли
        врубались
                конармией-птицей —
белели
        в руках
                листы петиций.
Не в горло
        вгрызались
                царевым лампасникам —
плелись
20 в надежде на милость помазника.
Скор
    ответ
        величества
                был:
«Пули в спины!
        в груди!
                и в лбы!»
Позор без названия,
        ужас без имени
30 покрыв и царя,
        и площадь,
                и Зимний.
А поп
    на забрызганном кровью требнике
писал
    в приход
        царевы сребреники.

Не все враги уничтожены.
Есть!

⁴⁰ Раздуйте
опять
потухшую месть.
Не сбиты
с Запада
крепости вражьи.
Буржуи
рабочих
сгибают в раже.

⁵⁰ Рабочие,
помните русский урок.
Затвор осмотрите,
штык
и курок.
В споре с врагом —
одно решение:
Да здравствуют битвы!
Долой прошения!

(1924)

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Украстье цветами!
Во флаги здания!
Снимите кепку,
картуз
и шляпу:
британский лев
в любовном признании
нам
протянул
10 когтистую лапу.
И просто знать,
и рабочая знать
годы гадала —
«признать — не признать?»
На слом сомненья!
Раздоры на слом!
О, гряди
послом,
О'Греди!
20 Но русский
в ус усмехнулся капризно:
«Чего, мол, особенного —
признан так признан!»
Мы славим
рабочей партии братию,
но...
не смиренных рабочих Георга.
Крепи РКП, рабочую партию, —
и так запризнают,
30 что любо-дорого!
Ясна
для нас
дипломатия лисьина:
чье королевство
к признанью не склонится?!?

Признание это
   давно подписано
 копытом
   летающей
 40   буденновской конницы.
 Конечно,
   признание дело гуманное.
 Но кто ж
   о признании не озаботится?
 Народ
   не накормишь небесною манною.
 А тут
   такая
   на грех
 50   безработица.
 Зачем...
   почему
   и как...
   и кто вот...
 признание
   — теперь! —
   осмеёт в колебаньи,
 когда
   такой у Советов довод,
 60 как зрелые хлебом станицы Кубани!
 А, как известно,
   в хорошем питании
 нуждаются
   даже лорды Британии.
 И руку пожмем,
   и обнимемся с нею.
 Но мы
   себе
   намотаем на ус:
 70 за фракком лордов
   впервые синеют
 20 000 000 рабочих блуз.
 Не полурабочему, полулорду
 слава признанья.
   Возносим славу —
 красной деревне,
   красному городу,
 красноармейцев железному сплаву!
 (1924)

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ

За дедкой репка...

Даже несколько репок:

Австрия,

Норвегия,

Англия,

Италия.

Значит —

Союз Советский крепок.

Как говорится в раешниках —

¹⁰ и так далее.

Признавшим

и признающим —

рука с приветом.

А это —

выжидающим.

Упирающимся — это:

ФАНТАСТИКА

Уму поэта-провидца

в грядущем

такая сценка провидится:

²⁰ в приемной Чичерина

цацей цаца

торгпред

каких-то «приморских швейцарцев» —

2 часа даром

цилиндрик мнет

перед скалой-швейцаром.

Личико ласковое.

Улыбкой сощерено.

«Допустите

³⁰ до Его Превосходительства Чичерина!»

У швейцара

ответ один

(вежливый,

постепенно становится матов):

— Говорят вам по-эс-эс-эс-эски —
отойдите, господин.
Много вас тут шляется,
запоздавших дипломатов.
Роты —
40 прут как шпроты.
Не выражаться же
в присутствии машинисток-дам.
Сказано:
прием признаваемых
по средám. —
Дипломат прослезился.
Потерял две ночи
ради
очереди.
50 Хвост —
во весь Кузнецкий Мост!
Наконец,
достояв до ночной черни,
поймали
и закрутили пуговицу на Чичерине.
«Ваше Превосходительство...
мы к вам, знаете...
Смилостивьтесь...
только пару слов...
60 Просим вас слезно —
пожалуйста, признайте...
Назначим —
хоть пять полномочных послов».
Вот
вежливый чичеринский ответ:
— Нет!
С вами
нельзя и разговаривать долго.
Договоров не исполняете,
70 не платите долга.
Да и общество ваше
нам негоже.
Соглашатели у власти —
правительство тоже.
До установления
общепризнанной
советской власти

ни с какою
запоздавшей любовью
80 не лазьте.

Конечно,
были бы из первых ежели вы —
были б и мы
уступчивы,
вежливы. —

Дверь — хлоп.

Швейцар
во много недоступней, чем Перекоп.

Постояв,
90 развязали кошли пилигримы.
Но швейцар не пустил,
франк швейцарский не взяв,
и пошли они,
солнцем палимы...

ВЫВОД

Признавайте,
пока просто.

Вход: Москва,
Лубянка,
угол Кузнецкого Моста.

(1924)

КИЕВ

Лапы елок,
                    лапки,
                                    лапушки...
Все в снегу,
                    а теплые какие!
Будто в гости
                    к старой, старой бабушке
я
    вчера
10   приехал в Киев.
Вот стою
            на горке
                    на Владимирской.
Ширь вовсю —
                    не вымчатъ и перу!
Так
    когда-то,
                    рассиявшись в выморозки,
Киевскую
20   Русь
                    оглядывал Перун.
А потом —
            когда
                    и кто,
                                    не помню толком,
только знаю,
                    что сюда вот
                                    пó льду,
30   да и по воде,
            в порогах,
                    волоком —
шли
    с дарами
                    Диру и Аскольду.
Дальше
    било солнце
                    куполам в литавры.

— На колени, Русь!
Согнись и стой! —

40 До сегодня
нас
Владимир гонит в лавры.
Плеть креста
сжимает
каменный святой.

Шли
из мест
таких,
которых нету глуше, —

50 прадеды,
прапрадеды
и пра-пра-пра-!..

Много
всяческих
кровавых безделушек
здесь у бабушки
моей
по берегам Днепра.

60 Был убит
и снова встал Столыпин,
памятником встал,
вложивши пальцы в китель.
Снова был убит,
и вновь
дрожали липы
от пальбы
двенадцати правительств.

А теперь
встают
70 с Подола
дымы,
киевская грудь
гудит,
котлами грета.

Не святой уже —
другой,
земной Владимир
крестит нас
железом и огнем декретов.

⁸⁰ Даже чуть
 зарусофильствовал
 от этой шири!
 Русофильство,
 да другого сорта.
 Вот
 моя
 рабочая страна,
 одна
 в огромном мире.

⁹⁰ – Эй!
 Пуанкаре!
 возьми нас!?
 Черта!
 Пусть еще
 последний,
 старый батька
 содрогает
 плачем
 лавры звонницы.

¹⁰⁰ Пусть
 еще
 врезается с Крещатика
 волчий вой:
 «Даю-беру червонцы!»
 Наша сила —
 правда,
 ваша —
 лавры звоны.

¹¹⁰ Ваша —
 дым кадильный,
 наша —
 фабрик дым.
 Ваша мощь —
 червонец,
 наша —
 стяг червонный.
 — Мы возьмем,
 займем
 и победим!

¹²⁰ Здравствуй
 и прощай, седая бабушка!

Уходи с пути!
                                скорее!
  ну-ка!
Умирай, старуха,
                                спекулянтка,
  на́божка.
Мы идем —
                                ватага юных внуков!

⟨1924⟩

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Смерть —
не сметь!

Строит,
    рушит,
        кроит
            и рвет,
тихнет,
    кипит
        и пенится,
гудит,
    говорит,
10   молчит
                и ревет —
юная армия:
    ленинцы.
Мы
    новая кровь
        городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
    нить.
20 Ленин —
    жил,
Ленин —
    жив,
Ленин —
    будет жить!
Залили горем.
    Свезли в мавзолей
частицу Ленина —
    тело.
30 Но тленью не взять —
    ни земле,
                ни золе —
первейшее в Ленине —
    дело.

Смерть,
        косу положи!
Приговор лжив.
С таким
        небесам
40   не блажить.
Ленин —
        жил,
Ленин —
        жив,
Ленин —
        будет жить!
Ленин —
        жив
        шаганьем Кремля —
50 вождя
        капиталовых пленников.
Будет жить,
        и будет
                земля
гордиться именем:
        Ленинка.
Еще
        по миру
        пройдут мятежи —
60 сквозь все межи
коммуне
        путь проложить.
Ленин —
        жил,
Ленин —
        жив,
Ленин —
        будет жить!
70 К сведению смерти,
        старой карги,
гонящей в могилу
        и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
        слова-враги.
«Ленин» и «Жизнь» —
        товарищи.

Тверже
                    печаль держи.
Грудью
80   в горе прилив.
Нам —
                    не ныть.
Ленин —
                    жил,
Ленин —
                    жив,
Ленин —
                    будет жить!
Ленин рядом.
90   Вот
                            он.
Идет
                    и умрет с нами.
И снова
                    в каждом рожденном рожден —
как сила,
                    как знанье,
                            как знамя.
Земля,
100   под ногами дрожи.
За все рубежи
слова —
                    взвивайтесь кружить.
Ленин —
                    жил,
Ленин —
                    жив,
Ленин —
                    будет жить!
110 Ленин ведь
                    тоже
                            начал с азов, —
жизнь —
                    мастерская геньина.
С низа лет,
                    с класса низов —
рвись
                    разгромадиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи!

120 Биржа нажив,
будешь
    битая
        выть.
Ленин —
    жил,
Ленин —
    жив,
Ленин —
    будет жить!

130 Ленин
    больше
        самых больших,
но даже
    и это
        диво
создали всех времен
        малыши —
мы,
    малыши коллектива.

140 Мускул
    узлом вяжи.
Зубы-ножи —
в знанье —
    вонзай крошить.
Ленин —
    жил,
Ленин —
    жив,
Ленин —
    будет жить!

150 Строит,
    рушит,
        кроит
            и рвет,
тихнет,
    кипит
        и пенится,
гудит,
    молчит,

160   говорит
            и ревет —
юная армия:
    ленинцы.

Мы
    новая кровь
            городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
        нить.

¹⁷⁰ Ленин —
        жил,
Ленин —
        жив,
Ленин —
        будет жить!

31 марта 1924 г.

НА УЧЕТ
КАЖДАЯ МЕЛОЧИШКА
(Пара издевательств)

ПЕРВОЕ

Поэта
интересуют
и мелкие факты.
С чего начать?
Начну с того,
как рабфаковцы
меня
хотели качать.
Засучили рукав,
10 оголили руку
и хватъ
кто за шиворот,
а кто за брюку.
Я
отбился
ударами ног,
но другому —
маленькому —
свернули-таки
20 позвонок.
Будучи опущенным,
подкинутый стократ,
напомню,
что сказал
ученикам Сократ.
Однажды,
после
Сокрачьего выступления,
лошадям
не доверяя
30 драгоценного груза,

сами —
          в коляску
                          впряглись в исступлении
студенты
          какого-то
                          помпейского вуза.
Студенты скакали
                          и делали стойку:
Сократ
40   разглядывал
                          кентаврью стайку.
Доехал
          спокойно,
                          на зависть стойку,
сказал,
          подневши
                          к кепке лайку:
— А все-таки
                          с лошадью конкурировать
50 не можете!..
Правильно
                          правоверным
  изрек Аллах:
мною
          для того же
                          изобретены лошади,
чтоб мы
          ездили
                          на них,
60   а не на ослах. —
Пример неподходящий,
                          спорить нечего;
но все же
          его
                          запомните крепче...
Чтоб в вас
          ничем
                          никогда не просвечивал
прошлый
70   белоподкладочный
                          мышинный жеребчик.
Каждую мелочь
                          мерь,
держи
          восторгов елей!

Быт
не прет в дверь —
быт
ползет
80 из щелей.
Затянет
тинкой зыбей,
слабых
собьет с копыт.
Отбивайся,
крепись,
бей
быт!

ВТОРОЕ

Рабфаковка
90 у меня
попросила портрет.
В этом
особенно плохого
нет.
Даже весело.
Пришла
и повесила.
Утром поглядела —
стена громада.
100 А Маяковский
маленький,
— других бы надо! —
Купила Шелли,
повесила.
Красивый —
оторвешься еле.
Купила Бетховена,
взяла Шаляпина, —
скоро
110 вся стена заляпана.
Вроде
Третьяковской галереи.
Благочинные живописи,
поэзии иереи.
На стенках
картинки
лестничками и веерами.

Появились
какие-то
120 бородастые
в раме.

Вскоре
новое горе:
открытки
между гравюрами,
как маленькие точки.

Пришлось
открытки
обфестонить в фестончики.

130 Наутро
осмотрела вместе:
серó-с.

Пришлось
накупить
бумажных роз!

Уже
о работе
никаких дум.

Смотри,
140 чтоб в уголочках
не откнопились кнопки!

Одни
стихи
и лезут на ум.

Бубнит
не хуже
дрессированного попки.

Особенно
если луница
150 припустит сиять —
сидит
и млеет
не сводя глаз:
ни дать ни взять
иконостас.
Ставлю вопрос
справедливый,
но колкий:

— Деточка,
160 чем вы лучше
кухарки-богомолки?

Хуже ангела,
скулящего
в божьем клире? —
Душу
разъедает
бездельник-лирик!
Каждую мелочь
мерь!
¹⁷⁰ Держи
восторгов елей!
Быт
не прет в дверь.
Быт
ползет
из щелей!
Затянет
тинкой зыбей,
слабых
¹⁸⁰ собьет с копыт.
Отбивайся,
крепись,
бей
быт!
(1924)

ДВА БЕРЛИНА

Авто

Курфюрстендаммом катая,
удивляясь,

раззеваю глаза —

Германия

совсем не такая,

как была

год назад.

На первый взгляд

¹⁰ общий вид:

в Германии не скулят.

Немец —

сыт.

Раньше

доллар —

лучище яркий,

теперь

«принимаем только марки».

По городу

²⁰ немец

шествует гордо,

а раньше

в испуге

тек, как вода,

от этой самой

от марки твердой

даже

улыбка

как мрамор тверда.

³⁰ В сомненьи

гляжу

на сытые лица я.

Зачем же

тогда

что ни шаг —

полиция!

Слоняюсь
и трусь
по рабочему Норду.
40 Нужда
худобой
врывается в глаз.
Толки:
«Вольфы...
покончили с голоду...
Семьей...
в каморке...
открыли газ...»
Поймут,
50 поймут и глупые дети,
если
здесь
хоть версту пробрели,
что должен
отсюда
родиться третий —
третий родиться —
Красный Берлин.
Пробьется,
60 какие рогатки ни выставь,
прорвется
сквозь штык,
сквозь тюремный засов.
Первая весть:
за коммунистов
подано
три миллиона голосов.
<1924>

ЮБИЛЕЙНОЕ

**Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.**

Дайте руку!
Вот грудная клетка.
Слушайте,
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нем,
в щенка смиренном львенке.
Я никогда не знал,
что столько
тысяч тонн
10 в моей
позорно легкомыслый головенке.
Я тащу вас.
Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
Больно?
Извините, дорогой.
У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.
20 Что нам
потерять
часок-другой?!
Будто бы вода —
давайте
мчать болтая,
будто бы весна —
свободно
и раскованно!
30 В небе вон
луна
такая молодая,
что ее
без спутников
и выпускать рискованно.

Я
теперь
свободен
от любви
и от плакатов.

40 Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.

Можно
убедиться,
что земля поката, —
сядь
на собственные ягодицы
и катись!

Нет,
50 не навязуюсь в меланхолишке черной,
да и разговаривать не хочется
ни с кем.

Только
жабры рифм
топырит учащенно
у таких, как мы,
на поэтическом песке.

Вред — мечта,
и бесполезно грезить,
60 надо
весть
служебную нуду.

Но бывает —
жизнь
встает в другом разрезе,
и большое
понимаешь
через ерунду.

Нами
70 лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.

Но поэзия —
пресволочнейшая штуковина:

существует —
и ни в зуб ногой.
80 Например,
вот это —
говорится или блеется?
Синемордое,
в оранжевых усах,
Навуходоносором
библейцем —
«Коопсах».
Дайте нам стаканы!
знаю
90 способ старый
в горе
дуть винище,
но смотрите —
из
выплывают
Red и White Star'ы*
с ворохом
разнообразных виз.
Мне приятно с вами, —
100 рад,
что вы у столика.
Муза это
ловко
за язык вас тянет.
Как это
у вас
говаривала Ольга?..
Да не Ольга!
из письма
110 Онегина к Татьяне.
— Дескать,
муж у вас
дурак
и старый мерин,
я люблю вас,
будьте обязательно моя,
я сейчас же
утром должен быть уверен,
что с вами днем увижусь я. —

---

* красные и белые звезды (англ.)

¹²⁰ Было всякое:
 и под окном стояние,
 письма,
 тряски нервное желе.
 Вот
 когда
 и горевать не в состоянии —
 это,
 Александр Сергеич,
 много тяжелей.

¹³⁰ Айда, Маяковский!
 Маячь на юг!
 Сердце
 рифмами вымучь —
 вот
 и любви пришел каюк,
 дорогой Владим Владимыч.
 Нет,
 не старость этому имя!
 Тушу

¹⁴⁰ вперед стремя,
 я
 с удовольствием
 справлюсь с двоими,
 а разозлить —
 и с тремя.
 Говорят —
 я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!
 Entre nous*...
 чтоб цензор не нацыкал.

¹⁵⁰ Передам вам —
 говорят —
 видали
 даже
 двух
 влюбленных членов ВЦИКа.
 Вот —
 пустили сплетню,
 тешат душу ею.
 Александр Сергеич,
¹⁶⁰ да не слушайте ж вы их!

---

* Между нами (фр.)

Может,
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.
Мне
при жизни
с вами
170 сговориться б надо.
Скоро вот
и я
умру
и буду нем.
После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
180 на ЭМ.
Кто меж нами?
с кем велите зняться?!
Чересчур
страна моя
поэтами нищá.
Между нами
— вот беда —
позатесался Надсон.
Мы попросим,
190 чтоб его
куда-нибудь
на Ща!
А Некрасов
Коля,
сын покойного Алеши, —
он и в карты,
он и в стих,
и так
неплох на вид.
200 Знаете его?
вот он
мужик хороший.

Этот
     нам компания —
                     пускай стоит.
 Что ж о современниках?!
 Не просчитались бы,
                     за вас
                             полсотни отдав.

210 От зевоты
             скулы
                     разворачивает аж!
 Дорогойченко,
                     Герасимов,
                             Кириллов,
                                     Родов —
 какой
     одноробразный пейзаж!
 Ну Есенин,
 220   мужиковствующих свора.
 Смех!
     Коровою
                     в перчатках лаечных.
 Раз слушаешь...
                     но это ведь из хора!
 Балалаечник!
 Надо,
     чтоб поэт
                     и в жизни был мастак.

230 Мы крепки,
             как спирт в полтавском штофе.
 Ну а что вот Безыменский?!
                     Так...
 ничего...
     морковный кофе.
 Правда,
     есть
         у нас
             Асеев
 240   Колька.
 Этот может.
     Хватка у него
                     моя.
 Но ведь надо
     заработать сколько!

Маленькая,
но семья.
Были б живы —
стали бы
250 по Лефу соредактор.
Я бы
и агитки
вам доверить мог.
Раз бы показал:
— вот так-то, мол,
и так-то...

Вы б смогли —
у вас
хороший слог.

260 Я дал бы вам
жиркость
и сукна,
в рекламу б
выдал
гумских дам.
(Я даже
ямбом подсюсюкнул,
чтоб только
быть
270 приятней вам.)
Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавий.

Нынче
наши перья —
штык
да зубья вил, —
битвы революций
посерьезнее «Полтавы»,
280 и любовь
пограндиознее
онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
Старомозгий Плюшкин,
перышко держа,
полезет
с перержавленным.

— Тоже, мол,
у лефов
290 появился
Пушкин.
Вот арап!
а состязается —
с Державиным...
Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели
хрестоматийный глянец.
300 Вы,
по-моему,
при жизни
— думаю —
тоже бушевали.
Африканец!
Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
— А ваши кто родители?
310 Чем вы занимались
до 17-го года? —
Только этого Дантеса бы и видели.
Впрочем,
что ж болтанье!
Спиритизма вроде.
Так сказать,
невольник чести...
пулею сражен...
Их
320 и по сегодня
много ходит —
всяческих
охотников
до наших жен.
Хорошо у нас
в Стране советов.
Можно жить,
работать можно дружно.
Только вот
330 поэтов,
к сожаленью, нету —

**ПРОЛЕТАРИЙ,
В ЗАРОДЫШЕ ЗАДУШИ ВОЙНУ!**

Будущие:

ДИПЛОМАТИЯ

– Мистер министр?
How do you do?*

Ультиматум истек.
Уступки?
Не иду.

Фирме Морган
должен Крупн
ровно
три миллиарда
10 и руп.
Обложить облака!
Начать бои!

Будет добыча –
вам пай.

Люди – ваши,
расходы –
мои.

Good bye!**

МОБИЛИЗАЦИЯ

20 «Смит и сын.
Самоговорящий ящик».

Ящик
министр
придвинул быстр.

В раструб трубы,
мембране говорящей,
сорок
секунд
бубнил министр.

---

* Здравствуйте! (англ.)

** Прощайте! (англ.)

30 Сотое авеню.
Отец семейства.
Дочь
играет
цепочкой на отце.
Записал
с граммофона
время и место.
Фармацевт — как фармацевт.
Пять сортировщиков.
Вид водолаза.
40 Серых
масок
немигающий глаз —
уставили
в триста баллонов газа.
Блок
минуту
повизгивал лая,
грузя
в кузова
50 «чумной газ».
Клубы
Нью-Йорка
раскрылись в сроки,
раз
не разнился
от других разов.
Фармацевт
сиял,
убивши в покер
60 флеш-роялем
— четырех тузов.

НАСТУПЛЕНИЕ

Штаб воздушных гаваней и доков.
Возд-воен-электрик
Джим Уост
включил
в трансформатор
заатлантических токов
триста линий —
зюд-ост.

70 Авиатор
    в карте
        к цели полета
вграфил
    по линейке
        в линию линия.
Ровно
    в пять
        без механиков и пилотов
взвились
80   триста
        чудовищ алюминия.
Треугольник
    — летящая фабрика ветра —
в воздух
    триста винтов всвистал.
Скорость —
    шестьсот пятьдесят километров.
Девять
    тысяч
90   метров —
        высота.
Грозой не кривясь,
    ни от ветра резкого,
только —
    будто
        гигантский Кольт —
над каждым аэро
    сухо потрескивал
ток
100   в 15 тысяч вольт.
Встали
    стражей неба вражьего.
Кто умер —
    счастье тому.
Знайте,
    буржуями
        сжигаемые заживо,
последнее изобретение:
    «крематорий на дому».

БОЙ

110 Город
дышал
что было мочи,
спал,
никак
не готовясь
к смертям.
Выползло
триста,
к дымочку дымочек.

120 Пошли
спиралью
снижаться, смердя.
Какая-то птица
— пустяк,
воробушки —
падала
в камень,
горохом ребрышки.

Крыша
130 рейхстага,
сиявшая лаково,
в две секунды
стала седая.
Бесцветный дух
домá обволакивал,
ник
к земле,
с этажей оседая.
«Спасайся кто может,
140 с десятого —
прыга...»

Слово
свело
в холодеющем нёбе;
ножки,
еще минуту подрывав,
рядом
легли —
успокоились обе.

150 Безумные
думали:
«Сжалим,
умолим».

Когда
растаял
газ,
повися, —
ни человека,
ни зверя,
160 ни моли!

Жизнь
была
и вышла вся.

Четыре
аэро
снизились искоса,
лучи
скрестя
огромнейшим иксом.

170 Был труп
— и нет.
Был дом
— и нет его.

Жег
свет
фиолетовый.
Обделали чисто.
Ни дыма,
ни мрака.

180 Взорвали,
взрыли,
смыли,
взмели.

И город
лежит
погашенной маркой
на грязном,
рваном
пакете земли.

ПОБЕДА

190 Морган.
Жена.
В корсетах.
Не двинется.
Глядя,
как
шампанское пенится,
Морган сказал:
— Дарю
имениннице
200 немного разрушенное,
но хорошее именице!

ТОВАРИЩИ, НЕ ДОПУСТИМ!

Сейчас
подытожена
великая война.
Пишут
мемуары
истории писцы.
Но боль близких,
любимых, нам
210 еще
кричит
из сухих цифр.
30 миллионов
взяли на мушку,
в сотнях
миллионов
стенанье и вой.
Но и этот
220 ад
покажется погремушкой
рядом
с грядущей
готовящейся войной.
Всеми спинами,
по пленам дранными,
руками,
брошенными
на операционном столе,

230 всеми
         в осень
                 ноющими ранами,
 всей трескотней
                 всех костылей,
 дырами ртов,
                 — выбил бой! —
 голосом,
                 визгом газовой боли —
 сегодня,
 240 мир,
         крикни
                 — Долой!!!
 Не будет!
         Не хотим!
                 Не позволим!
 Нациям
         нет
                 врагов наций.
 Нацию
 250 выдумал
         мира враг.
 Выходи
         не с нацией драться,
 рабочий мира,
         мира батрак!
 Иди,
         пролетарской армией топая,
 штыки
         последние
 260 атакой выставь!
 «Фразы
         о мире —
                 пустая утопия,
 пока
         не экспроприрован
                 класс капиталистов».
 Сегодня...
         завтра... —
                 а справимся все-таки!
 270 Виновным — смерть.
                 Невиновным — вдвойне.

Сбейте
жирных
дюжины и десятки.
Миру – мир,
война – войне.

2 августа 1924 г.

СЕВАСТОПОЛЬ–ЯЛТА

В авто
насажали
разных армян,
рванулись —
и мы в пути.
Дорога до Ялты
будто роман:
все время
надо крутить.

¹⁰ Сначала
авто
подступает к горам,
оаживая кряжевые.
Вот так и у нас
влюбленья пора:
наметишь —
и мчишь, ухаживая.

Авто
начинает
²⁰ по солнцу трясть,
то жаренной ты,
то варённой.
Так сердце
тебе
распаляет страсть
и грудь —
раскаленной жаровней.

Привал.
Шашлык.
³⁰ Не вяжешь лык.
С кружением
нету сладу.
У этих
у самых
гроздьев шашлы —
совсем поцелуйная сладость.

То солнечный жар,
                                то ущелий тоска, —
не верь
40   ни единой версийке.
Который москит
                                и который мускат,
и кто персюки́
                                и персики?
И вдруг
                                вопьешься,
  любовью залив
и душу,
                                и тело,
50   и рот.
Так разом
                                встают
  облака и залив
в разрыве
                                Байдарских ворот.
И сразу
                                дорога
  нудней и нудней,
в туннель,
60   тормозами тужась.
Вот куча камня,
                                и церковь над ней —
ужасом
                                всех супружеств.
И снова
                                почти
  о скалы скулой.
С боков
                                побелелой глядит.
70 Так ревность
                                тебя
  обступает скалой —
за камнем
                                любовник-бандит.
А дальше —
                                тишь.
  Крестьяне, корпя,
лозой
                                разделали скаты.

80 Так,
    свой виноградник
                                пóтом кропя,
и я
    рисую плакаты.
Потóм,
    пропылясь,
                                проплывают года,
трусят
    суетнёю мышиною,
90 и лишь
    развлекает
                                семейный скандал
случайно
    лопнувшей шиной.
Когда ж
    окончательно
                                это доест,
распух
    от моторного гвалта —
100 — стоп! —
    И склепом
                                отельный подъезд:
— Пожалте
    червонец!
                                Ялта.

⟨1924⟩

ВЛАДИКАВКАЗ–ТИФЛИС

Только
нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я —
грузин.
Эльбрус,
Казбек.
И еще —
10 как вас?!

На гору
горы грузи!
Уже
на мне
никаких рубях.
Бродягой —
один архалух.
Уже
20 подо мной
такой карабах,
что Ройльсу —
и то б в похвалу.

Было:
с ордой,
загорел и носат,
старее
всего старья,
я влез,
30 веков девятнадцать назад,
вот в этот самый
в Дарьял.
Лезгинщик
и гитарист душой,
в многовековом поту,
я землю
прошел
и возделал мушóй

отсюда
по самый Батум.
40 От этих дел
не вспомнят ни зги.
История —
врун даровитый,
бубнит лишь,
что были
царьки да князьки:
Ираклии,
Нины,
Давиды.
50 Стена —
и то
знакомая что-то.
В тахтах
вот этой вот башни —
я помню:
я вел
Руставели Шóтой
с царицей
с Тамарою
60 шашни.
А после
катился,
костьями хрустя,
чтоб в пену
Тереку врыться.
Да это что!
Любовный пустяк!
И лучше
резвилась царица.
70 А дальше
я видел —
в пробоину скал
вот с этих
тропиночек узких
на сакли,
звения,
опускались войска
золотопогонников русских.
Лениво
80 от жизни
взбираясь ввысь,

гитарой
         душу отверз —
 «Мхолот шен эртс
                         рац, ром чемтвис
 Моуция
         маглидган гмертс...»*
 И утро свободы
                         в кровавой росе
⁹⁰ сегодня
         встает поодаль.
 И вот
         я мечу,
                 я, мститель Арсен,
 бомбы
         5-го года.
 Живились
         в пажах
                         князёвы сынки,
¹⁰⁰ а я
         ежедневно
                 и наново
 опять вспоминаю
                         все синяки
 от плеток
         всех Алихановых.
 И дальше
         история наша
                         хмурá.
¹¹⁰ Я вижу
         правлящих кучку.
 Какие-то люди,
                 мутней, чем Кура,
 французов чмокают в ручку.
 Двадцать,
         а может,
                 больше веков
 волок
         угнетателей узы я,
¹²⁰ чтоб только
         под знаменем большевиков
 воскресла
         свободная Грузия.

---

* Лишь тебе одной всё, что дано мне с высоты богом... (груз.)

Да,
я грузин,
но не старенькой нации,
забитой
в ущелье в это.

Я —
130 равный товарищ
одной Федерации
грядущего мира Советов.
Еще
омрачается
день иной
ужасом
крови и яри.
Мы бродим,
мы
140 еще
не вино,
ведь мы еще
только мадчари.
Я знаю:
глупость — эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
150 Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты.
Я жду,
чтоб аэро
в горы взвились.
Как женщина,
мною
лелеема
надежда,
что в хвост
160 со словом «Тифлис»
вобьем
фабричные клейма.
Грузин я,
но не кинто озорной,
острящий
и пьющий после.

Я жду,
    чтоб гудки
                    взрели зурной,
170 где шли
        лишь кинто
                    да ослик.
Я чту
    поэтов грузинских дар,
но ближе
        всех песен в мире,
мне ближе
        всех
                    и зурн
180   и гитар
лебедек
    и кранов шаири.
Строй
    во всю трудовую прыть,
для стройки
        не жаль ломаний!
Если
    даже
        Казбек помешает —
190   срыть!
Все равно
    не видать
        в тумане.

(1924)

ТАМАРА И ДЕМОН

От этого Терека
                                в поэтах
  истерика.
Я Терек не видел.
                                Большая потеряйка.
Из омнибуса
                                вразвалку
сошел,
                                поплеывал
10 в Терек с берега,
совал ему
                                в пену
  палку.
Чего же хорошего?
                                Полный развал!
Шумит,
                                как Есенин в участке.
Как будто бы
                                Терек
20 организовал,
проездом в Боржом,
                                Луначарский.
Хочу отвернуть
                                заносчивый нос
и чувствую:
                                стыну на грани я,
овладевает
                                мною
  гипноз,
30 воды
                                и пены игранье.
Вот башня,
                                револьвером
  небу к виску,
разит
                                красотою нетроганой.

Поди
    подчини ее
                    преду искусств —
40 Петру Семенычу
                    Когану.
Стою,
    и злоба взяла меня,
что эту
    дикость и выступления
с такой бездарностью
                    я
                    променял
на славу,
50   рецензии,
                    диспуты.
Мне место
                    не в «Красных нивах»,
                                    а здесь,
и не построчно,
                    а даром
реветь
    стараться в голос во весь,
срывая
60   струны гитарам.
Я знаю мой голос:
                    паршивый тон,
но страшен
                    силою ярой.
Кто видывал,
                    не усомнится,
                                    что
я
    был бы услышан Тамарой.
70 Царица крепится,
                    взвинчена хоть,
величественно
                    делает пальчиком.
Но я ей
    сразу:
                    — А мне начхать,
царица вы
                    или прачка!

Тем более
80 с песен —
какой гонорар?!
А стирка —
в семью копейка.
А даром
немного дарит гора:
лишь воду —
поди
попей-ка! —
Взярилась царица,
90 к кинжалу рука.
Козой,
из берданки ударенной.
Но я ей
по-своему,
вы ж знаете как —
под ручку...
любезно...
— Сударыня!
Чего кипятитесь,
100 как паровоз?
Мы
общей лирики лента.
Я знаю давно вас,
мне
много про вас
говаривал
некий Лермонтов.
Он клялся,
что страстью
110 и равных нет...
Таким мне
мерещился образ твой.
Любви я заждался,
мне 30 лет.
Полюбим друг друга.
Попросту.
Да так,
чтоб скала
распостелилась в пух.
120 От черта скраду
и от бога я!

Ну что тебе Демон?
Фантазия!
Дух!
К тому ж староват —
мифология.
Не кинь меня в пропасть,
будь добра.
От этой ли
130 струшу боли я?
Мне
даже
пиджак не жаль ободрать,
а грудь и бока —
тем более.
Отсюда
дашь
хороший удар —
и в Терек
140 замертво треснетса.
В Москве
больнее спускают...
куда!
ступеньки считаешь —
лестница.
Я кончил,
и дело мое сторона.
И пусть,
озверев от помарок,
150 про это
пишет себе Пастернак,
А мы...
соглашайся, Тамара!
История дальше
уже не для книг.
Я скромный,
и я
бастую.
Сам Демон слетел,
160 подслушал
и сник
и скрылся,
смердя
впустую.

К нам Лермонтов ходит,
  презрев времена.

Сияет:

— Счастливая парочка! —

Люблю я гостей.

¹⁷⁰ Бутылку вина!

Налей гусару, Тамарочка!

⟨1924⟩

Гулом восстаний,
на эха помноженным,
Об этом
дадут настоящий стих.
А я
лишь то, что сегодня можно,
Скажу

О ДЕЛЕ 26-ти

I

Нас
больше европейцев.
На двадцать — сто.
Землею
больше, чем Запад,
Но мы —
азиатщина,
мы —
Восток.
¹⁰ На глотке
Европы лапа.
В Европе
женщины
радуют глаз.
Мужчины
тают
в комплиментных сантиментах.
У них манишки,
у них газ
²⁰ и пушки
любых миллиметров и сантиметров.
У них —
машины.
А мы
за шаг,
с бою
у пустынь
и у гор взятый,

30 платим жизнью,
лихорадками дыша.
Что мы?!
Мы — азиаты.
И их рабов,
чтоб не смели мычать,
пером
обложил
закон многолистый.
У них под законом
и подпись
40 и печать.
Они — умные,
они — империалисты.
Под их заботой
одет и пьян.
Закон:
«закуй и спаивай!»
Они культурные,
у них
аэроплан,
50 и газ,
и пули сипаевы.

II

Буржуй
шоферу
фыркнет: «Вези!»
Кровь
бакинских рабочих —
бензин.
Приехал.
Ковер —
60 павлин рассиянный —
ему
соткали
рабы-персиане.
Буржуй
садится
к столу из пальмы —
ему
в Багдадах
срубили и дали мы.

70 Ему
кофейку вскипятили:
«Выпейте,
для вас
на плантациях
гибли в Египте!»
Ему молоко —
такого не видано —
вовсю
отощавшая Индия выдоена.
80 Попил,
и лакей
преподносит, юрок,
сигары
из содранной кожи турок.
Он сыт.
Он всех,
от индуса
до грузина,
вогнал
90 в пресмыкающиеся твари,
чтоб сияли
витрины колониальных магазинов,
громоздя
товар на товаре.

III

Гроза
разрасталась со дня на день.
Окна дворцов
сыпались дребезжа.
И первым
100 с Востока
на октябрьской баррикаде
встал Азербайджан.
Их знамя с нами —
рядом борются.
Барабаном борьбы
пронесло
волю
веками забитых горцев,
волю
110 низов нефтяных промыслов.

Сила
                   мильонов
   восстанием била —
 но тех,
                   кто умел весть,
 борьбой закаленных,
   этих было —
 26.
 В кавказских горах,
 120   по закавказским степям
 несущие
                   трудовую ношу —
 кому
                   из вас
   не знаком Степан?
 Кто
                   не знал Алешу?
 Голос их —
   голос рабочего низа.
 130 Слова —
   миллионов слова.
 Их вызов —
   классу буржуев вызов,
 мысль —
   пролетариата голова.
 Буржуазия
   в осаде нищих.
 Маузер революции
   у ее виска.
 140 Впервые
                   ее
   распухшую пятерницу
 так
                   зажала
   рабочая рука.
   IV
 Машина капитала.
   Заработало колесо.
 Забыв
                   и обед и жен,
 150 Тиг-Джонсу
   депешу слал Моллесон,
 Моллесону
   писал Тиг-Джонс.

Как все их дела,
и это вот
до точки
с бандитов сколото.
Буржуи
сейчас же
160 двинули в ход
предательство,
подкуп
и золото.
Их всех
заманили
в тюремный загон
какой-то
квитанцией ложненькой.
Их вывели ночью.
170 Загнали в вагон.
И всем объявили:
— заложники! —
Стали
на 207-й версте,
на насыпь
с площадок скинув.
И сотен винтовок
огонь засвистел —
стреляли в затылок и в спину.
180 — Рука, размахнись,
раззудись, душа!
Гуляй,
правосудие наше!
Хрипевших
били,
прикладом глуша.
И головы
к черту с-под шашек!
Засыпав чуть
190 приличия для,
шакалам
не рыться чтоб слишком, —
вернулись
в вагон
и дрались,
деля
с убитых
в крови барахлишко.

V

200 Буржуи,
           воздайте помогшим вам!
 (Шакал
           помог покончить.)
 На шею
           шакалу —
                           орден льва,
 в 4 плеча
           погончик!
 Трубку
           пáсти каждой в оскал!
 210 Кокарду
           над мордою выставь!
 Чем не майоры?
                           Чем не войска
 для империалистов?!

VI

Плач семейный —
                           не смочит платочки.
 Плач ли
           сжатою в боль кулаку?!
 Это —
 220 траур
           не маленькой точки
 в карте,
           выбившей буквы —
                           «Баку».
 Не прощающим взором Ганди —
 по-иному,
           индусы,
                           гляньте!
 Пусть
 230 сегодня
           сердце корейца
 жаром
           новой мести греется.
 Тряпку
           с драконом
                           сними и скатай,
 знамя
           восстания
                           взвивший Китай!

240 Горе,
        ливнем пуль
                        пройди по праву
по Сахарам,
                        никогда
                                не видевшим дождей.
Весь
        трудящийся Восток,
                                сегодня —
  в траур!

250 Ты
        сегодня
                        чтишь
                                СВОИХ вождей.

VII

Никогда,
        никогда
                        ваша кровь не остынет, —
26 —
        Джапаридзе и Шаумян!
Окропленные
260   вашей кровью
                                пустыни
красным знаменем
                                реют,
  над нами шумя.
Вчера —
        20.
                Сегодня —
                        100.

Завтра
270   миллионом станем.
Вставай, Восток!
                                Бейся, Восток —
одним
        трудовым станом!
Вы
        не уйдете
                        из нашей памяти:
ей
        и века — не расстояние.

²⁸⁰ Памятней будет,
  чем камень-памятник,
свист
  и огонь восстания.
Вчера —
  20.
  Сегодня —
  100.
Завтра
  миллионом станем!

²⁹⁰ Вставай!
  Подымись, трудовой Восток,
единым
  красным станом!

Тифлис (1924)

ПРОЧЬ РУКИ ОТ КИТАЯ!

Война,
империализма дочь,
призраком
над миром витает.
Рычи, рабочий:
— Прочь
руки от Китая! —
Эй, Макдональд,
не морочь,
10 в лигах
речами тая.
Назад, дредноуты!
— Прочь
руки от Китая! —
В посольском квартале,
цари точь-в-точь,
расселись,
интригу сплетая.
Сметем паутину.
20 — Прочь
руки от Китая! —
Ку́ли,
чем их кули́ волочь,
рикшами
их катая, —
спину выпрями!
— Прочь
руки от Китая! —
Колонией
30 вас
хотят истолочь.
400 миллионов —
не стая.

Громче, китайцы:
— Прочь
руки от Китая! —
Пора
эту свóлочь сволóчь,
со стен
40   Китая
              кидая.
— Пираты мира,
              прочь
руки от Китая! —
Мы
              всем рабам
                  рады помочь,
сражаясь,
              уча
50   и питаю.
Мы с вами, китайцы!
— Прочь
руки от Китая! —
Рабочий,
              разбойничью ночь
громи,
              ракетой кидая
горящий лозунг:
— Прочь
60   руки от Китая!
(1924)

ХУЛИГАНЩИНА

Только
солнце усядется,
канув
за опустевшие
фабричные стройки,
стонут
окраины
от хулиганов
вроде вот этой
10 милой тройки.
Человек пройдет
и — марш поодаль.
Таким попадись!
Ежовые лапочки!
От них ни проезда,
от них ни прохода
ни женщине,
ни мужчине,
ни электрической лампочке.
20 «Мадамочка, стой!
Провожу немножко...
Клуб?
Почему?
Ломай стулья!
Он возражает?
В лопатку ножиком!
Зубы им вычти!
Помножь им скулья!»
30 Гудят
в башке
пивные пары,
тощая мысль
самогоном
смята,
и в воздухе
даже не топоры,

а целые
                  небоскребы
  стозтажного
40 мата.
Рабочий,
                  этим ли
  кровь наших жил?!
Наши дочери
                  этим разве?!
Пока не поздно,
                  конец положи
этой горланной
                  и грязной язве!

⟨1924⟩

СЕЛЬКОР

Город растет,
а в далекой деревне,
в тихой глуши
медвежья угла
все еще
стынет
в дикости древней
старый,
косматый,
10 звериный уклад.
Дико в деревне,
и только селькоры,
жизнь
подставляя
смертельным рискам,
смело
долбят
непорядков горы
куцым
20 своим
карандашным огрызком.
Ходит
деревнею
слух ухатый:
«Ванька — писатель!» —
Банда кулацкая,
камни запрятав,
таится у хаты,
30 бродит,
зубами
по-волчьи лацкая.
В темном лесу
настигнут к нóчи...
«Ванька идет!
Православные,
тише!»

Раз топором!
А после гогочут:
«Што?
40 Теперь,
небось не напишешь!»
Труден
и тяжек
путь селькора.
Но славят
и чтут вас
каждый день
все, кто беден,
все, кто в горе,
50 все, кто в обиде,
все, кто в нужде!
Враг богат,
изворотлив
и ловок,
но не носить нам
его оков.
Ваш карандаш
вернее винтовок,
бьет
60 и пронзает
лучше штыков.

⟨1924⟩

НА ПОМОЩЬ!

Рабочий!
Проснись,
вставай
и пройди
вверх
и вниз по Цветному.
В тебе
омерзенье
и страх родит
10 этот
немытый
омут.
Смотри и слушай.
Прогнивший смех,
взгляд
голодный и острый.
Идут,
расфуфырясь
в собачий мех,
20 жены, дочери
и сестры.
Не за червонец даже,
за грош
эта
голодная масса
по подворотням
на грязи рогож
распродает
свое мясо.
30 Сюда
попробуй
сунься,
полезь!
Здесь
бьют
пострашнее танков!

Иссушит,
                  сгрызет
                          и свалит болезнь
40 тебя,
              и детей,
                          и правнуков!
Идут —
              накрашены обе щеки —
аллеей
              грязной и торной,
а сбоку
              с червонцами попушники,
как будто —
50 над падалью вороны.
Я знаю:
              такое
                          не вытравишь враз,
века
              проститутток калечат.
Я знаю:
              десятки
                          красивеньких фраз
болезни веков
60 не излечат.
Рабочий,
              нужду
                          учись понимать
не той лишь,
                          с которой венчанный.
Своя ли,
              чужая ль жена
                          или мать —
рабочий! — вниманье женщине!
(1924)

ПОСМЕЕМСЯ!

СССР!
Из глоток из всех,
да так,
чтоб врагу аж смяться,
сегодня
раструбливай
радостный смех —

нам
можно теперь посмеяться!
¹⁰ Шипели: «Погибнут
через день, другой,
в крайности —
через две недели!»

Мы
гордо стоим,
а они дугой
изгибаются.
Ливреи надели.

Бились
²⁰ в границы Советской страны:
«Не допустим
и к первой годовщине!»

Мы
гордо стоим,
а они —
штаны
в берлинских подвалах чинят.
Ллойд-Джорджи
ревели
³⁰ со своих постов:

«Узурпаторы!
Бандиты!
Воришки!»

Мы
гордо стоим,
а они — раз сто
слетали. Как еловые шишки!

Они
на наши
40 голодные дни
радовались,
пожевывая пончики.
До урожая
мы доживаем,
а они
последние дожевали
миллиончики!
Злорадничали:
«Коммунистам
50 надежды нет:
погибнут
не в мае, так в июне».
А мы,
мы — стоим.
Мы — на 7 лет
ближе к мировой коммуне!
Товарищи,
вовсю
из глоток из всех —
60 да так,
чтоб врагам
аж смяться,
сегодня
раструбливайте
смех!
Нам
есть над чем посмеяться!
(1924)

ПАРИЖ

ЕДУ

Билет —
    щелк.
    Щека —
        чмок.
Свисток —
    и рванулись туда мы,
куда,
    как сельди,
        в сети чулок
10 плывут
    кругосветные дамы.
Сегодня приедет —
    уродом урод,
а завтра —
    узнать посмейте-ка:
в одно
    разубран
        и город и рот —
помады,
20 огней косметика.
Веселых
    тянет в эту вот даль.
В Париже грустить?
    Едва ли!
В Париже
    площадь —
        и та Этуаль,
а звезды —
    так сплошь этуали.
30 Засвистывай,
    трись,
        врезайся и режь
сквозь Льежи
    и об Брюссели.

Но нож
и Париж,
и Брюссель,
и Льеж —
тому,
40 кто, как я, обрусели.
Сейчас бы
в сани
с ногами —
в снегу,
как в газетном листе б...
Свисти,
заноси снегами
меня,
прихерсонская степь...
50 Вечер,
поле,
огоньки,
дальняя дорога, —
сердце рвется от тоски,
а в груди —
тревога.
Эх, раз,
еще раз,
стих — в пляс.
60 Эх, раз,
еще раз,
рифм хряск.
Эх, раз,
еще раз,
еще много, много раз...
Люди
разных стран и рас,
копая порядков грядки,
увидев,
70 как я
себя протряс,
скажут:
в лихорадке.

<1924>

ГОРОД

Один Париж —
                        адвокатов,
  казарм,
Другой —
                        без казарм и без Эррио.
Не оторвать
                        от второго
  глаза —
от этого города серого.
10 Со стен обещают:
                        «Un verre de Koto
donne de l'énergie»*.
Вином любви
                        каким
  и кто
мою взбудоражит жизнь?
Может,
                        критики
  знают лучше.
20 Может,
                        их
                                и слушать надо.
Но кому я, к черту, попутчик!
Ни души
                        не шагает
  рядом.
Как раньше,
                        свой
  раскачивай горб
30 впереди
                        поэтовых арб —
неси,
                        один,
                                и радость,
  и скорбь,

---

* «Стакан Кото дает энергию» (фр.).

и прочий
                  людской скорб.
Мне скучно
                  здесь
40   одному
                                  вперед, —
поэту
          не надо многого, —
пусть
          только
                  время
                                  скорей родит
такого, как я,
                  быстроногого.
50 Мы рядом
                  пойдем
                                  дорожной пылью.
Одно
          желанье
                  пучит:
мне скучно —
                  желаю
                                  видеть в лицо,
60 кому это
          я
                  попутчик?!
«Je suis un chateau»*,
                                  в плакате стоят
литеры,
          каждая — фут.
Совершенно верно:
                  «je suis» —
                                  это
  «я»,
70 а «chateau» —
          это
                  «я верблюд».
Лиловая туча,
                  скорей нагнись,
меня
          и Париж полей,

---

* «Я верблюд» (фр.)

чтоб только
                                скорей
  зацвели огни
80 длиной
                                Елисейских Полей.
Во всё огонь —
  и небу в темь
и в чернь промокшей пыли.
В огне
                                жуками
  всех систем
жужжат
                                автомобили.
90 Горит вода,
  земля горит,
горит
                                асфальт
  до жжения,
как будто
  зубрят
  фонари
таблицу умножения.
Площадь
100   красивей
  и тысяч
  дам-болонок.
Эта площадь
  оправдала б
  каждый город.
Если б был я
  Вандомская колонна,
я б женился
  на Place de la Concorde*.

⟨1925⟩

---

* площадь Согласия (фр.)

ВЕРЛЕН И СЕЗАНН

Я стучаюсь
                  о стол,
                          о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь
                          в отеле Istria —
на коротышке
                          Rue Campagne-Première*.
Мне жмет.
10   Парижская жизнь не про нас —
в бульвары
                          тоску рассыпай.
Направо от нас —
                          Boulevard Montparnasse**,
налево —
                          Boulevard Raspail***.
Хожу и хожу,
                          не щадя каблука, —
хожу
20   и ночь и день я, —
хожу трафаретным поэтом, пока
в глазах
                          не встанут виденья.
Туман — парикмахер,
                          он делает гениев —
загримировал
                          одного
                                  бородой. —
Добрый вечер, m-г Тургенев.
30   Добрый вечер, m-те Виардо.
Пошел:
                          «За что боролись?
                                  А Рудин?..

---

* улица Кампань-Премьер (фр.)

** бульвар Монпарнас (фр.)

*** бульвар Распай (фр.)

А вы,
именье
возьми подпальни...»
Мне
их разговор эмигрантский
нуден,
40 и юркаю
в кафе от скульни.
Да.
Это он,
вот эта сова —
не тронул
великого
тлен.
Приподнял шляпу:
«Comment ça va,
50 cher camarade Verlaine?»*
Откуда вас знаю?
Вас знают все.
И вот
довелось состукаться.
Лет сорок
вы тянете
свой абсент
из тысячи репродукций.
Я раньше
60 вас
почти не читал,
а нынче
вышло из моды, —
и рад бы прочесть —
не поймешь ни черта:
по-русски дрянь —
переводы.
Не злитесь, —
со мной,
70 должно быть, и вы
знакомы
лишь понаслышке.
Поговорим
о пустяках путевых,
о нашинском ремеслишке.

---

* «Как поживаете, дорогой товарищ Верлен?» (фр.)

Теперь
        плохие стихи —
                                труха.

Хороший —
80   себе дороже.
С хорошим
                        и я б
                                свои потроха
сложил
        под забором
                                тоже.

Бумаги
        гладь
                        облевывая
90 пером,
        концом губы —
поэт,
        как блядь рублевая,
живет
        с словцом любим.
Я жизнь
        отдать
                        за сегодня
                                рад.

100 Какая это громада!
Вы чуете
        слово —
                                пролетариат? —
ему
        грандиозное надо.
Из кожи
        надо
                        вылазить тут,
а нас —
110   к журнальчикам
                                премией.
Когда ж поймут,
        что поэзия —
                                труд,
что место нужно
                        и время ей.
«Лицом к деревне» —
                                заданье дано, —

за гусли,
120 поэты-друзи!
Поймите ж —
лицо у меня
одно —
оно лицо,
а не флюгер.
А тут и ГУС
отверзает уста:
«Вопрос не решен?!
Который?»
130 Поэт?
Так ведь это ж
просто кустарь,
простой кустарь,
без мотора».
Перо
такому
в язык вонзи,
прибей
к векам кунсткамер.
140 Ты врешь.
Еще
не найден бензин,
что движет
сердце кусками.
Идею
нельзя
замешать на воде —
в воде
отсыреет идеяка.
150 Поэт
никогда
и не жил без идей.
Что я —
попугай?
индейка?
К рабочему
надо
идти серьезней —
недооценили их мы.
160 Поэты,
покайтесь,
пока не поздно,

во всех
                   отглагольных рифмах.
 У нас
           поэт
                   событья берет —
 опишет
                   вчерашний гул,
¹⁷⁰ а надо
                   рваться
                           в завтра,
                                   вперед,
 чтоб брюки
                   трещали
                           в шагу.
 В садах коммуны
                           вспомнят о барде —
 какие
¹⁸⁰   птицы
                   зальются им?
 Что
           будет
                   с веток
                           товарищ Вардин
 рассвистывать —
                   свои резолюции?!
 За глотку возьмем —
                           теперь поори,
¹⁹⁰ несбитая быта морда!
 И вижу,
                   зависть
                           зажглась и горит
 в глазах
                   моего натюрморта.
 И каплет
                   с Верлена
                           в стакан слеза.
 Он весь —
²⁰⁰   как зуб на сверле.
 Тут
           к нам
                   подходит
                           Поль Сезанн:

«Я
     так
         напишу вас, Верлен!»
 Он пишет.
                 Смотрю,
 210   как краска свежа.
 Monsieur*,
                 простите вы меня,
 у нас
         старикам
                 как под хвост вожжа,
 бывало,
         от вашего имени.
 Бывало —
         сезон,
 220   наш бог — Ван Гог,
 другой сезон —
                 Сезанн.
 Теперь
         ушли от искусства
                                 вбок —
 не краску любят,
                 а сан.
 Птенцы —
         у них
 230   молоко на губах, —
 а с детства
         к смирению падки.
 Большущее имя взяли
                 АХРР,
 а чешут
         ответственным
                                 пятки.
 Небось
         не напишут
 240   мой портрет, —
 не трут
         понапрасну
                                 кисти.
 Ведь то же
         лицо как будто, —
                                 ан нет,

---

* местье (фр.)

рисуют
    кто поцекистей.
Сезанн
250   остановился на линии,
и весь
    размерсился — тронутый.
Париж,
    фиолетовый,
        Париж в анилине,
вставал
    за окном «Ротонды».

⟨1924⟩

NÔTRE-DAME

Другие здания

лежат,

как грязная кора,

в воспоминании

о Nôtre-Dame'e*.

Прошедшего

возвышенный корабль,

о время зацепившийся

и севший на мель.

¹⁰ Раскрыли дверь —

тоски тяжелей;

желе

из железа —

нелепее.

Прошли

сквозь монаший

служилый елей

в соборное великолепие.

Читал

²⁰ письма,

украшавшие храм,

про боговы блага

на небе.

Спускался в партер,

подымался к хорам,

смотрел удобства

и мебель.

Я вышел —

со мной

³⁰ переводчица-дура,

щебечет

бантиком-ротиком:

«Ну как вам

нравится архитектура?

---

* Собор Парижской Богоматери (фр.)

Какая небесная готика!»
Я взвесил все
и обдумал, —
ну вот:
он лучше Блаженного
40 Васьки.
Конечно,
под клуб не пойдет —
темноват, —
об этом не думали
классики.
Не стиль...
Я в этих делах не мастак.
Не дался
старью на съедение.
50 Но то хорошо,
что уже места
готовы тебе
для сидения.
Его
ни к чему
перестраивать заново —
приладим
с грехом пополам,
а в наших —
60 ни стульев нет,
ни оргáнов.
Копнёшь —
одни купола.
И лучше б оркестр,
да игра дорога —
сначала
не будет финансов, —
а то ли дело
когда оргán —
70 играй
хоть пять сеансов.
Ясно —
репертуар иной —
фокстроты,
а не сопенье.
Нельзя же
французскому госкино
духовные песнопенья.

А для рекламы —
80 не храм,
а краса —
старайся
во все тяжкие.
Электрорекламе —
лучший фасад:
меж башен
пустить перетяжки,
да буквами разными:
«Signe de Zогго»*,
90 чтоб буквы бежали,
как мышь.
Такая реклама
так заорет,
что видно
во весь Boul' Mich'**.
А если
и лампочки
вставить в глаза
химерам
100 в углах собора,
тогда —
никто не уйдет назад:
подряд —
битковые сборы!
Да, надо
быть
бережливым тут,
ядром
чего
110 не попортив.
В особенности
если пойдут
громить
префектуру
напротив.

⟨1924⟩

---

* «Знак Зорро» (фр.)

** бульвар Сен-Мишель (фр.)

ВЕРСАЛЬ

По этой
    дороге,
            спеша во дворец,
бесчисленные Людовики
трясли
    в шелках
            золоченых каретц
телес
    десятипудовики.
10 И ляжек
    своих
            отмахав шатуны,
по ней,
    Марсельезой пропет,
плюя на корону,
            теряя штаны,
бежал
    из Парижа
            Капет.
20 Теперь
    по ней
            веселый Париж
гоняет
    авто рассияв, —
кокотки,
            рантье, подсчитавший барыш,
американцы
    и я.
Версаль.
30   Возглас первый:
    «Хорошо жили стервы!»
Дворцы
    на тыщи спален и зал —
и в каждой
    и стол
            и кровать.

Таких
        вторых
                    и построить нельзя —
40 хоть целую жизнь
                    воровать!
А за дворцом,
                    и сюды
                            и туды,
чтоб жизнь им
                    была
                            свежа,
пруды,
                    фонтаны
50   и снова пруды
с фонтаном
                    из медных жаб.
Вокруг,
                    в поощренье
                            жантильных манер,
дорожки
                    полны стату́ями —
везде Аполлоны,
                    а этих
60   Венер
безруких —
                    так целые уймы.
А дальше —
                    жилья
                            для их Помпадурш —
Большой Трианон
                    и Маленький.
Вот тут
                    Помпадуршу
70   водили под душ,
вот тут
                    помпадуршины спальни.
Смотрю на жизнь
                            — ах, как не нова! —
красивость —
                    аж дух выматывает!
Как будто
                    влип
                            в акварель Бенуа

80 к каким-то
стишкам Ахматовой.
Я все осмотрел,
поощупал вещи.
Из всей
красотищи этой
мне
больше всего
понравилась трещина
на столике
90 Антуанетты.
В него
штыка революции
клин
вогнали,
пляша под распевку,
когда
санкюлоты
поволокли
на эшафот
100 королевку.
Смотрю,
а все же —
завидные видики,
сады завидные —
в розах!
Скорей бы
культуру
такой же выделки,
но в новый,
110 машинный рózмах.
В музеи
вот эти
лачуги б вымести!
Сюда бы —
стальной
и стекольный
рабочий дворец
миллионной вместимости —
такой,
120 чтоб и глазу больно.
Всем,
еще имеющим
купоны
и монеты,

всем царям —
еще имеющимся —
в назидание:

с гильотины неба
головой Антуанетты

¹³⁰ солнце
покатилось
умирать на зданиях.

Расплылась
и лип
и каштанов толпа,

слегка
листочки ворся.

Прозрачный
вечерний

¹⁴⁰ закрыл
небесный колпак

музейный Версаль.

(1924)

ЖОРЕС

Ноябрь,
а народ
зажат до жары.
Стою
и смотрю долго:
на шинах машинных
мимо —
шары
катаются
10 в треуголках.
Войной обогранные
руки
умыв
и красные
шансы
взвесив,
коммерцию
новую
вбили в умы —
20 хотят
спекульнуть на Жоресе.
Покажут рабочим —
смотрите,
и он
с великими нашими
тоже.
Жорес
настоящий француз.
Пантеон
30 не станет же
он
тревожить.
Готовы
потоки
слезливых фраз.

Эскорт,
                    колесницы —
  эффект!
Ни с места!
40   Скажите,
  кем из вас
пристрелен
                            Жорес
                                    в кафе?
Теперь
                    пришли
                                    панихидами выть.
Зорче,
                    рабочий класс!
50 Товарищ Жорес,
                                    не дай убить
себя
                    во второй раз.
Не даст.
                    Подняв
                                    знамен мачтóвый лес,
спаяв
                    людей
                            в один
60   плывущий флот,
громовый и живой,
                                    по-прежнему
  Жорес
проходит в Пантеон
                                    по улице Суфло.
Он в этих криках,
                                    несущихся вверх,
в знаменах,
                            в шагах,
70   в горбах
«Vivent les Soviets!
                                    A bas la guerre!
Capitalisme à bas!»*
И вот —
                            взбегает огонь
  и горит,

---

* «Да здравствуют Советы!
Долой войну!
Долой капитализм!» (фр.)

и песня
                  краснеет у рта.
И кажется —
80   снова
                          в дыму
                                  пушкари
идут
          к парижским фортам.
Спиною
          к витринам отжали —
                                  и вот
из книжек
                  выжались
90   тени.
И снова
          71-й год
встает
          у страниц в шелестении.
Гора
          на груди
                  могла б подняться.
Там
          гневный окрик орет:
100 «Кто смел сказать,
                  что мы
                          в семнадцатом
предали
          французский народ?
Неправда,
          мы с вами,
                  французские блузники.
Забудьте
          этот
110   поклеп дрянной.
На всех баррикадах
                  мы ваши союзники,
рабочий Крезо,
          и рабочий Рено».

⟨1924⟩

ПРОЩАНИЕ

(Кафе)

Обыкновенно
мы говорим:
все дороги
ведут в Рим.
Не так
у монпарнасса.
Готов поклясться —
и Рем
и Ромул,
10 и Ремул и Ром
в Rotonde'у придут
или в Dôme.
В кафе
идут
по сотням дорог,
плывут
по бульварной реке.
Вплываю и я:
«Garçon,
20 un grog
americain»*.
Сначала
слова,
и губы,
и скулы
кафейный гомон сливал.
Но вот
пошли
30 и лепятся
вылупляться из гула
фразой
слова:

---

* «Официант, американского грога» (фр.).

«Тут
     проходил
         Маяковский давеча,
 хромой —
         не видали рази?» —
 «А с кем он шел?» —
         «С Николай Николаичем». —

40 «С каким?» —
         «Да с великим князем!» —
 «С великим князем?
         Будет врать!
 Он кругл
         и лыс,
                 как ладонь.
 Чекист он,
         послан сюда
                 взорвать...» —

50 «Кого?» —
         «Буа де Булонь.
 Езжай, мол, Мишка...»
         Другой поправил:
 «Вы врете,
         противно слушать!
 Совсем и не Мишка он,
                 а Павел.
 Бывало, сядем —
         Павлуша! —

60 а тут же
         его супруга,
                 княжна,
 брюнетка,
         лет под тридцать...» —
 «Чья?
         Маяковского?
                 Он не женат». —
 «Женат —
         и на императрице». —

70 «На ком?
         Ее ж расстреляли...» —
                 «И он
 поверил...
         Сделайте милость!
 Ее ж Маяковский спас
                 за трильон!

Она же ж
омолодилась!»
Благоразумный голос:
80 «Да нет,
вы врете —
Маяковский — поэт». —
«Ну да, —
вмешалось двое саврасов, —
в конце
семнадцатого года
в Москве
чекой
конфискован Некрасов
90 и весь
Маяковскому отдан.
Вы думаете —
сам он?
Сбондил до йот —
весь стих
с запятыми
скраден.
Достанет Некрасова
и продает —
100 червонцев по десять
на день».
Где вы,
свахи?
Подымись, Агафья!
Предлагается
жених невиданный.
Видано ль,
чтоб человек
с такою биографией
110 был бы холост
и старел невыданный?!
Париж,
тебе ль,
столице столетий;
к лицу
эмигрантская нудь?
Смахни
за ушми
эмигрантские сплетни —

¹²⁰ провинция! —
   не продохнуть!
 Я вышел
   в раздумье —
   черт его знает!
 Отплюнулся —
   тьфу, напасть!
 Дыра
   в ушах
   не у всех сквозная —
¹³⁰ другому
   может запать!
 Слушайте, читатели,
   когда прочтете,
 что с Черчиллем
   Маяковский
   дружбу вертит
 или
   что женился я
   на кулиджевской тете,
¹⁴⁰ то, покорнейше прошу, —
   не верьте.

⟨1924⟩

ПРОЩАНИЕ

В авто,
    последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель? —
Париж
    бежит,
        провожая меня,
во всей
    невозможной красе.
Подступай
10   к глазам,
                разлуки жижя,
сердце
    мне
        сантиментальностью расквась!
Я хотел бы
    жить
        и умереть в Париже,
если б не было
20   такой земли —
                                Москва.

(1925)

ФЛАГ

Ты пёр
    позавчера
                    за громыханьем
                                    врангелевских ядер.

Теперь
    в изумленьи юли!
Вот мы —
    с пятьдесят —
                    стоим
10   на пяди
Советской
    посольской земли.
Товарищи,
    двое
        док
таких, что им
    и небо пустяк,
влезли
    и стали
20   крепить на флагшток
в серпе и молоте
    ситцевый стяг.
Флажок тонковат,
    помедлил минутцу,
кокетничал с ветром,
    и вдруг
        флажок
развился в ветре
    и стал пламениться,
30   зажег облака,
        поднебесья зажег.
Париж отвернулся,
    Париж крепится,
хранит
    солидность,
        годами вселённую.

Но вот
пошла
разрастаться тряпица
40 на весь Париж,
на мир,
на вселенную.
Бурчат:
«Флажок за долги?
Не цена!»
А тут —
и этого еще не хватало! —
Интернационал
через забор
50 махнул
и пошел по кварталам.
Факт —
поют!
Играют —
факт!
А трубы дулись,
гремели.
А флаг горит,
разрастается флаг.
60 Переполох на Гренелле.
Полезла консьержка,
консьерж полез,
из всех
из парадных окрест.
Из тысяч
свистков
«Аксион франсез»
ревет
кошачий оркестр.
70 Орут:
«Чем петь,
гоните долги!»
Мы жарим.
Смолкают, выждав,
и снова
свистят,
аж трещат потолки.
Мы вновь запеваем —
трижды.

80 Я крикнуть хочу:
  «Извините, мусьи,
мы
        здесь
                    пребываем по праву,
для этого
                    мили
  Буденный месил,
гоняя
                белых ораву.
90 Орете не вы,
  а долги орут.
Доели
                    белые,
  знать,
бросали
                    франки в них,
  как в дыру,
пока
                догадались
100 признать.
В драках,
                    чтоб песне
  этой
  распёсниться,
рубили нас
                    белые
  в доски.
Скажите,
                    их пушки
110 вашим
  ровесницы?
Их пули
                    вашинским
  тёзки?
Спуститесь на землю!
  Мораль —
  облака.
Сторгуемся,
  милые тети!
120 У нас
                    от нашествий,
  у нас
  от блокад

ведь тоже
                    трехверстный счетик.
Мы стали
                    тут
                    и не двинемся с места.
А свист —
130   как горох
                    об гранит.
Мы мёрли,
                    чтоб петь
                                вот это
                                вместо
«Боже,
                    буржуев храни».
(1924–1925)

ТРЕТИЙ ФРОНТ

Эй,
Роста,
давай телеграммы
во все концы!

Сегодня
со всех союзных мест
красной
учительской армии бойцы
сошлись
10 на первый
учительский съезд.
На третьем фронте
вставая горою,
на фронте учебы,
на фронте книг, —
учитель
равен
солдату-герою —
20 тот же буденновец
и фронтовик.

Он так же
мёрз
в окопах школы;
с книгой,
будто с винтовкой,
пешком
шел разутый,
чуть не голый,
30 верст за сорок
в город
с мешком.

С краюхой черствой,
с мерзлой луковкой,
Он,
слушая
вьюги шрапнельный рой,

сражался,
бился
с каждой буковкой,
40 идя
в атаки
со всей детворой.
В ОНО
и в ВИКе
к общей благодати
работай
не за страх, а за совесть,
а плату
за май
50 получишь в августе —
вот
шкрабовских дней
печальная повесть.
Пошла
всесоюзная
стройка даковка.
Коль будем
сильны
и на третьем фронте —
60 Коммуну
тогда
ни штыком,
ни винтовкой —
ничем
с завоеванных мест не стронете.
И шкраб,
как ребенка,
школу вынашивал,
пока
70 сменялась миром гроза.
И вот
со всего
Союза нашего
на шкраба
с вниманьем
поднялись глаза.
У нас
долгов —
80 пред учителем
много,

на весь ССР
  сегодня
  звучите:
идуций
  со всей коммуною в ногу,
да здравствует
  красный
  народный учитель!
Но каплю и грусти
90   прибавим к этому:
учитель,
  чеши виноватое темя, —
каб раньше
  учитель
  пошел за Советом,
мы,
  может быть,
  были бы
  сплошь грамотеями.

<1925>

РАБКОР

«Ключи счастья»

напишет какая-нибудь дура.

Это

раньше

и называлось:

л-и-т-е-р-а-т-у-р-а!

Нам этого мало —

не в коня корм.

Пришлось

10

за бумагу

браться рабкорам.

Работы груда.

Дела горы.

За что ни возьмись —

нужны рабкоры!

Надо

глядеть

за своим Пе-Де —

не доглядишь,

20

так быть беде.

Того и гляди

(коль будешь разиней)

в крестины

попа

привезет на дрезине.

Покрестит

и снова

гонит вон —

в соседнем селе

30

закупить самогон.

Пе-Че пропиши,

чтоб не брал Пе-Че

казенный кирпич

для своих печей.

С Те-Че

и с Ше-Че
не спускайте глаз,
а то,
разозлясь,
40 изорвут стенгаз.
Пиши!
И пусть
не сходит со стен
сам
совпревосходительный
ЭН!
С своих
высоких постов,
50 как коршуны,
начальства
глядят
на работу рабкорщины.
Позеленев
от пяток до носа,
грозят:
— Уволим! —
Пишут доносы.
Да у рабкоров
не робкий норов,
60 и взять на пушку
нельзя рабкоров.
Знаем
печатного слова вес,
не устрасит
ни донос,
ни обрез.
Пишет рабкор.
Рабкор —
проводник
70 ленинских дел
и ленинских книг.
Пишет рабкор.
За рабкорами
скоро
в селах
родится
селькор за селькором.

Пишет рабкор!
Хватает стенгаз
80 лучше, чем пуля,
чем штык,
чем газ.
И от того,
что пишет рабкор,
сохнет
белогвардеец и вор.
Вперед, рабкоры!
Лозунг рабкорин:
— Пишите в упор!
90 — Смотрите в корень!

⟨1925⟩

РАБКОР

Лбом
    пробив
            безграмотья горы,
сразу
    за перья
            засели рабкоры.
Тот — такой,
    а этот —
            этакий, —
10 каждого
    надо
            взять под заметки.
Спецы,
    замзавы
            и завы,
                как коршуны,
злобно
    глядят
            на работу рабкорщины.
20 Пишет:
    «Поставили
            скверного спеца,
с ним
    ни в какой работе не спеться».
Впишет,
    подумает:
            — Кажется, здорово?! —
Радостью
    светит
30 улыбка рабкорова.
Пишет:
    «Петров
            подозрительной масти,
лезет к бабью,
    матерщиниться мастер».

Белым
и вора
эта рабкорь
хуже, чем тиф,
40 чем взрослому корь.
Сжали кулак,
насупили глаз,
рады б порвать
и его
и стенгаз.
Да у рабкоров
не робкий нор,ов,
голой рукой
не возьмешь рабкоров.
50 Знают
печатного слова вес,
не устршит рабкара обрез.
Пишут рабкору,
лозунг рабкорин:
— Пишите в упор
и смотрите в корень!

(1925)

**НЕМНОЖКО УТОПИИ
ПРО ТО, КАК ПОЙДЕТ МЕТРОШКА**

Что такое?

Елки-палки!

По Москве —

землечерпалки.

Это

улиц потроха

вырывает МКХ.

МКХ

тебе

¹⁰ не тень

навело

на майский день.

Через год

без всякой тени

прите

в метрополитене.

Я

кататься не хочу,

я

²⁰ не верю лихачу.

Я

полезу

с Танею

в метрополитанию.

Это

нонече

не в плане —

в тучи

лезть

³⁰ на ероплане.

Я

с милёнком Сёмкою

прокачусь подзёмкою.

Под Москвой
товарищ крот
на аршин
разинул рот.
Электричество гудёт,
под землей
40 трамвай идет.
Во Москве-реке
карась
смотрит
в дырочку сквозь грязь.
Под рекой
быстрей налива
поезда проходят мимо.
У трамвайных
у воришек
50 в морде
радости излишек.
Времена пойдут не те,
поворучем
в темноте.
У милёнка
чин огромный:
он
в милиции подзёмной.
За проезд цена кусается.
60 Крот
в метрошку
лезет зайцем.

<1925>

ДВА МАЯ

Сегодня
забыты
нагайки полиции.
От флагов
и небо
огнем распалится.
Поставить
улицу —
она
10 от толп
в один
смерчевой
развихрится столб.
В Европы
рванется
и бешеный раж ее
пойдет
срывать
дворцов стоэтажие.
20 Но нас
не любовь сковала,
но мир
рабочих
к борьбе
взбарабанили мы.
Еще предстоит —
атакой взбежа,
восстаньем
пройти
30 по их рубежам.
Их бог,
как и раньше,
жирен с лица.
С хвостом
золотым,
в копытах тельца.

Сидит расфранчен
и наодеколонен.
Сжирает
40 на́ день
десять колоний.
Но скоро,
на радость
рабам покорным,
забитость
вырвем
из сердца
с корнем.
Но будет —
50 круги
расширяются верно
и Крест-
и Проф-
и Коминтерна.
И это будет
последний... —
а нынче
сердцами
не нежность,
60 а ненависть вынынчим.
Пока
буржуев
не выжмем,
не выжнем —
несись
по мужицким
разваленным хижинам,
несись
по асфальтам,
70 греми
по торцам:
— Война,
война,
война дворцам!
А теперь
картина
идущего,
вернее,
летающего
80 грядущего.

Нет
ни зим,
ни осеней,
ни шуб...
Май —
сплошь.
Ношу
к луне
и к солнцу
90 два ключа.
Хочешь —
выключь.
Хочешь —
включай.
И мы,
и Марс,
планеты обе
слетелись
к бывшей
100 пустыне Гоби.
По флоре,
эту печку
обвившей,
никто
не узнает
пустыни бывшей.
Давно
пространств
меж мирами Советы
110 слетаются
со скоростью света.
Миллионами
становятся в ряд
самолеты
на первомайский парад.
Сотня лет,
без самого малого,
как сбита
банда капиталова.
120 Год за годом
пройдут лета еще.
Про них
и не вспомнит
мир летающий.

И вот начинается
красный парад,
по тысячам
стройно
скользят и парят.

130 Пустили
по небу
красящий газ —
и небо
флагом
красное враз.
По радио
к звездам
— никак не менее! —

гимны
140 труда
раскатило
в пение.
И не моргнув
(приятно и им!)
планеты
в ответ
рассылают гимн.
Рядом
с этой
150 воздушной гимнастикой
— сюда
не нанести
бутафорский сор —
солнце
играм
один режиссер.
Всё
для того,
веселиться чтобы.

160 Ни ненависти,
ни тени злобы.
А музыка
плещется,
катится,
льет,
пока
сигнал
огласит
— разлёт! —

¹⁷⁰ И к солнцу
отряд
марсианами вскинут.
Купают
в лучах
самолетовы спины.

<1925>

МАЙ

Помню
старое
1-ое Мая.
Крался
тайком
за последние дома я.
Косил глаза:
где жандарм,
где казак?
10 Рабочий
в кепке,
в руке —
перо.
Сходились —
и дальше,
буркнув пароль.
За Сокольниками,
ворами,
шайкой,
20 таились
самой
глухой лужайкой.
Спешили
надежных
в дозор запрещь.
Отмахивали
наскоро
негромкую речь.
Рванув
30 из-за пазухи
красное знамя,
шли
и горсточкой
блузы за нами.
Хрустнул
куст
под лошажьей ногою.

— В тюрьму!
Под шашки!
40 Сквозь свист нагаек! —
Но нас
безднадежность
не жала тоской,
мы знали —
за нами
мир заводской.
Мы знали —
прессует
минута эта
50 трудящихся,
нищих
целого света.
И знал
знаменосец,
под шашкой осев,
что кровь его —
самый
вернейший посев.
Настанет —
60 пришедших не счесть поимённо —
миллионами
красные
встанут знамена!
И выйдет
в атаку
веков и эр
несметная силища
Эс Эс Эс Эр.

⟨1925⟩

КРАСНАЯ ЗАВИСТЬ

Я
еще
    не лыс
            и не шамкаю,
все же
    дядя
            рослый с виду я.
В первый раз
            за жизнь
10   малышам-ка я
барабанящим
            позавидую.
Наша
    жизнь —
            в грядущее рваться,
обивать
    его порог.
Вы ж
    грядущее это
20   в двадцать
расшагаете
            громом ног.
Нам
    сегодня
            корезит уши
громыханий
            теплушечных
                            ржа.
Вас,
30   забывших
            и имя теплушек,
разлетит
            на рабфак
                    дирижабль.
Мы,
    пергаменты
            текстами сáля,

подписываем
                                 договора.
⁴⁰ Вам
         забыть
                                 и границы Версаля
 на борту
                                 самолета-ковра.
 Нам —
         трамвай.
                                 Попробуйте
   влезьте!
 Полон.
⁵⁰   Как в арифметике —
   цифр.
 Вы ж
         в работу
                                 будете
   ездить,
 самолет
                                 выводя
   под уздцы.
 Мы
⁶⁰   сегодня
                                 двугривенный потный
 отчисляем
                                 от крох,
   от жалований,
 чтобы флот
                                 взлетел
   заработанный,
 вам
         за юность одну
⁷⁰ пожалованный.
 Мы
         живем
                                 как радиозайцы,
 телефонные
                                 трубки
   крадя,
 чтобы музыкам
                                 в вас
   врезаться,
⁸⁰ от Урала
                                 до Крыма грядя.

Мы живем
                    только тем,
                                что тощи,
чуть полней бы —
                                и в комнате
  душно.

Небо
          будет
⁹⁰   ваша жилплощадь —
не зажмет
          на шири
                    воздушной.

Мы
          от солнца,
                    от снега зависим.
Из-за дождика —
                    с богом
                                судятся.

¹⁰⁰ Вы ж
          дождем
                    раскропите выси,
как только
                    заблагорассудится.
Динамиты,
          бомбы,
                    газы —
самолетов
          наших

¹¹⁰   фарш.

Вам
          смертями
                    не сыпать наземь,
разлетайтесь
                    под звонкий марш.

К нам
          известье
                    идет
                    с почтовым,

¹²⁰ проплывает
          радость —
                    год.

Это
          глупое время
                    на что вам?

Телеграммой
  проносится код.
Мы
          в камнях
¹³⁰   проживаем вёсны —
нет билета
                                и денег нет.
Вам
          не будет
                                пространств повёрстных —
сам
          себе
                                проездной билет.
¹⁴⁰ Превратятся
          не скоро
                                в ягодку
словоцветы
                                О. Д. В. Ф.
Те,
          кому
                                по три
                                и по два годка,
вспомни
          нас,
¹⁵⁰   эти ягоды съев.

⟨1925⟩

ВЫВОЛАКИВАЙТЕ БУДУЩЕЕ!

Будущее
    не придет само,
если
    не примем мер.
За жабры его, — комсомол!
За хвост его, — пионер!
Коммуна
    не сказочная принцесса,
чтоб о ней
10 мечтать по ночам.
Рассчитай,
    обдумай,
        нацелься —
и иди
    хоть по мелочам.
Коммунизм
    не только
у земли,
    у фабрик в поту.
20 Он и дома
    за столиком,
в отношеньях,
    в семье,
        в быту.
Кто скрипит
    матерщиной смачной
целый день,
    как немазанный воз,
тот,
30 кто млеет
    под визг балалаечный,
тот
    до будущего
        не дорос.
По фронтам
    пулеметами такать —

не в этом
одном
война!
40 И семей
и квартир атака
угрожает
не меньше
нам.
Кто не выдержал
натиск домашний,
спит
в уюте
бумажных роз, —
50 до грядущей
жизни мощной
тот
пока еще
не дорос.
Как и шубу,
и время тоже —
проедает
быта моль ее.
Наших дней
60 залежалых
одежду
перетряхни, комсомолия!
(1925)

ЯЛТА–НОВОРОССИЙСК

Пустяшный факт —
а вот пожалте!
И месяцы
даже
его не истопали.
С вечера
в Ялте
ждал «Севастополя».
Я пиво пил,
10 изучал расписание,
охаживал мол,
залив огибающий,
углублялся
в круги
для спасания
погибающих.
Всю ночь прождали.
Солнце взвалив,
крымское
20 утро
разинулось в зное.
И вот
«Севастополь»
влез в залив,
спокойный,
как заливное.
Он шел,
как собака
к дичи подходит,
30 вползал,
как ревматик
вползает на койку.
Как будто
издевается пароходик,
на нас
из залива
делая стойку.

Пока
прикрутили
40 канатом бока,
машина
маслом
плевалась мило.
Потом
лебедкой
спускали быка —
ревел,
возможно
его прищемило.
50 Сошел капитан.
Продувная бестия!
Смотрел
на все
невинной овцы.
Я тыкал
мандат,
прикрывая
«Известия»
и упирая
60 на то, что «ВЦИК».
Его
не проведешь на мандате —
бывали
всякие
за несколько лет!
— Идите
направо,
червонец дайте,
а вам
70 из кассы
дадут билет. —
У самого лег
у котла
на наре.
Варили
когда-нибудь
вас
в самоваре?
80 А если нет,
то с подобным неучем

нам
и разговаривать не о чем.
Покойнице
бабушке б
ехать в Батум —
она — так да́ —
недурно поспáла бы.
В поту
бегу
90 на ветер палубы.
Валялась
без всяких классов,
горою
мяса,
костей
и жира,
разваренная масса
пассажиров.
А между ними
100 две,
в моционе,
оживленнейшие дамочки.
Образец —
дореволюционный!
Ямки и щечки,
щечки и ямочки.
Спросил капитана:
— Скажите, как звать их?
Вот эти вот
110 две
моркови? —
— Левкович,
которая порозоватей,
а беленькая —
Беркович.
Одна говорила:
— Ну и насели!
И чистая
публика
120 не выделена!
Когда
на «Дофине» сидела
в Марселе —

французы сплошь!
Удивительно! —
Сидел
на борту
матрос-лохматина,
130 трубе
корабельной
под рост.
Услышал,
обдумал,
ругнулся матерно
и так
сказал
матрос:
— Флотишко
белые сперли
140 дотла!
Угнали.
У нас —
ни кляпá!
Для нашей
галоши
дыры котла
сам
собственноручно клепал.
Плывет плоховато —
150 комода вроде.
На этих
дыни возили раньше нам.
Два лета
работал я
в райкомводе.
В Одессе
стоит иностранщина.
Не пароходы,
а бламанже!
160 У нас
в кочегарках
от копоти залежь,
а там
работай
хоть в паре манжет —
старайся,
и то не засалишь.

Конечно,
   помягше
 170   для нежных задов,
 но вот что,
   мои мамыши:
 здесь тише,
   здесь тверже,
   здесь хуже —
   зато

 н-а-ш-е!
 Эх,
   только были бы тут рубли —
 180 Европа
   скупая гадина, —
 уж мы б
   понастроили б нам корабли
 — громадина!
 Чтоб мачта
   спичкой казалась
   с воды,
 а с мачты —
   море в овчину.

190 Тады́
 катай
   хоть на даровщину! —
 Не знаю,
   сколько это узлов.
 Плелись,
   не быстрее комода.
 И в Черное море
   плюнул зло
 моряк
 200   из райкомвода.

⟨1925⟩

О. Д. В. Ф.

— Не понимаю я, —
сказал
    один,
        в раздумье сев, —
что это
    за такие
        воздушные друзья
и что такое
    О. Д. В. Ф.? —
10 Товарищ,
    брось
        в раздумье коптиться!
О. Д. В. Ф. —
    это
        тот,
кто сделает
    тебя
        птицей.
— А на что
20   воздушный флот? —
Вот.
    Если
        враг
            с пулеметом,
                    враг с картечью
налетит,
        на аэро сев, —
кто
    в защиту
30   ему
        полетит навстречу?
Самолет.
    А его
        построит
            О. Д. В. Ф.

Если
лихорадка,
народ калеча,
налетит,
40 комаром насеv, —
хину
кто повезет?
Кто
тебя
излечит?

Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.

50 Кто
прикажет,
за вёрсты увидев рыбу:
«Догоняй,
на лодки сев?»
(Ведь ее
с берегов
и не взвидели вы бы!)

Самолет.
А его
60 построит
О. Д. В. Ф.

Если
надо
в момент
исследовать местность,
враг
откуда
стреляет, засеv, —
кто
70 ее промерит?
Известно:

самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.

Если
надо
вмиг
доставить известие,

80 хоть верхом
на ласточку
сев, —
кто
его
доставит
с ветром вместе?
Самолет.
А его
построит
90 О. Д. В. Ф.
Если
Антанта
на нас
рассердится,
кто
смирит
антантин гнев?
Успокоит
антантино сердце
100 самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
солнце
огненным глазом
выжигает
крестьянский посев —
кто
110 заставит
тучи
раздóждиться наземь?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
надо
срочно
120 доставить клади,
хоть в ковер
в волшебный
засев, —

кто
и тысячу
верст
отмахает на день?
Самолет.
А его
130 построит
О. Д. В. Ф.
Когда
жара
и дождь когда,
кто,
на тучи
чуть не сев,
предскажет
крестьянину
140 и жар
и холода?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если надо,
чтоб мчал
пассажир,
в день
150 десятки
верст облетев, —
кто
отмахет
небесную ширь?
Самолет.
А его
построит
О. Д. В. Ф.
Если
160 не тушит
ни одна душа,
а пожар
разевает зев —
кто
взлетит
в облака,
туша́?

Самолет.
А его
170 построят О. Д. В. Ф.
Вот
для чего
воздушный флот!
Чтобы, бомбы
в кузов
грузя,
не грозили
враги
180 насея,
объединились
летанья друзья
в содружество
О. Д. В. Ф.

⟨1925⟩

ДАЕШЬ МОТОР!

Тяп да ляп —
                                не выйдет корабль,
а воздушный —
                                и тому подавно.
Надо,
                                чтоб винт
  да чтоб два крыла б,
чтоб плыл,
                                чтоб снижался плавно.
10 А главное —
                                сердце.
  Сердце — мотор.
Чтоб гнал
                                ураганней ветра.
Чтоб
                                без перебоев гудел,
  а то —
пешком
                                с трех тысяч
20   метров.
Воробьи,
                                и то
  на моторах скользят.
Надо,
                                сердце чтоб
  в ребра охало.
А замолк
                                мотор —
  и лететь нельзя.
30 И на землю
                                падает
  дохлый.
Если
                                нужен
  мотор
  и для воробья,

без него
                  обойдутся
                                  люди как?
40 Воробей
                  четверку весит,
                                  а я —
вешу
                  пять с половиной
                                  пудиков.
Это мало еще —
                                  человечий вес.
А машина?
                                  Сколько возьмет-то?!
50 Да еще
                  и без бомб
                                  на войну
  не лезь,
и без мины,
                                  и без пулемета.
Чтоб небо
                                  летчик
  исколесил,
оставляя
60   и ласточку сзади, —
за границей
                                  моторы
  в тысячи сил
строят
                  тыщами
                                  изо дня на день.
Вот
                  и станут
                                  наши
70   лететь в хвосте
на своих
                                  ходынских
  гробах они.
Тот же
                  мчит
                                  во весь
  тыщесильный темп —
только
                  в морду
80   ядром бабахнет.

И гудят
во французском небе
«Рено»,
а в английском
«Рольс-Ройсы».
Не догонишь
их,
оседлав бревно.
Пролетарий,
90 моторами стройся!
Если
враз
не сберешь —
не сдавайся, брат,
потрудишься
не неделю одну ты.
Ведь на первом
моторе
и братья Райт
100 пролетали
не больше минуты.
А теперь —
скользнут.
Лети, догоняй!
Только
тучи
кидает от ветра.
Шпалят,
даже
110 не сев
в течение дня,
по четыреста
— в час! —
километров.
Что мотор —
изобрел
буржуйский ум?
Сами
сделали
120 и полетали?
Нет,
и это чудо
ему

по заводам
растил
пролетарий.
Эй,
рабочий русский,
в чем затор?
130 Власть
в своих руках
держа, вы —
второе лучший
должны
создать мотор
для защиты
рабочей державы.
Вот
уже
140 наступает пора та —
над полями,
винтом тараторя,
оплываем
Рязань
да Саратов
на своем,
на советском
моторе.
Русский
150 часто
любит
«жить на авось» —
дескать,
вывезет кривая.
Ты
в моторном деле
«авоськи» брось,
заграницы
трудом
160 покрывая.
По-иному
поставь
работу.
Сам
к станку
приставься рэненько.

Каждый час
                    проверь
                                    по НОТу.

170 Возрасти
                    слесарей
                                    и механиков...
Чтоб скорее
                    в счастье
                                    настали века,
коммунисты
                    идут к которым,
ежедневно
                    потей

180   и корпи, «Икар»,
над родным
                    советским
                                    мотором.
Пролетарии,
                    помните
                                    это лишь вы:
землю
                    взмыли,
                                    чтоб с птицей сравняться ей.

190 Так дружней
                    за мотор
                                    возьмись, «Большевик», —
это
            сердце
                    всей авиации.
Надо —
            сердце.
                    Сердце — мотор,
чтоб гнал

200   ураганней ветра,
чтоб
                    без перебоев гудел,
                                    а то —
пешком
                    с трех тысяч
                                    метров.
Надо,
            чтоб винт
                                    да чтоб два крыла б,

210 чтоб плыл,
                                чтоб снижался плавно.
Тяп да ляп —
                                не выйдет корабль,
а воздушный —
                                и тому подавно.

⟨1925⟩

ВОТ ДЛЯ ЧЕГО МУЖИКУ САМОЛЕТ

Город —
                                летает.
  Ушел в поднебесье.
Прет.
                                Сквозь тучи.
  А рядом
  в деревне —
меряет,
                                месит
10   проселки да веси
лаптем,
                                возком
  по привычке древней.
Голову поднял
  и видит
  мужик —
там
                                самолет
  разрезает небо.
20 Хмур мужичонко.
  Дернул гужи.
— Не для ча
  нам
  подобная небыль.
Хватит
                                и тверди
  на нашинский век.
Чай,
                                не всю
30   обпахали пока.
Ишь,
                                загордился!
  Прет человек.
Лезет...
                                наверх...
  к ангелам...
  да к богам...

Это —
    блажь,
40   на мужицкий взгляд.
Воздух...
    На кой он надобен ляд? —
Брось.
    Не скули.
        Вглядись.
            Поглазастей.
Глаз
    защити
        ладонями рук.
50 Этот
    летун
        в мужицком хозяйстве
нынче
    первейший,
        надежнейший друг.
Тот,
    который
        в это не верит,
сам
60   убедись
        на первом примере.
Знает каждый,
        бывает
            часто —
надо
    обмерить
        земельный участок.
Без обмера
    плохое дело:
70 ни надела,
    ни передела.
Мужик
    запрягает
        гнедого мерина,
едет
    искать
        жилье землемерино.
Просят
    крестьяне
80   за год
            к зиме,

чтобы
    к весне
                    прискакал землемер.
К весне
    припрет
                    землемерина этакий,
да и пойдет
                    мотать рулетки.
90 Кто
    разберется
                    в этом деле?
Годы нужны ему
                    али
                    недели?!
Ну
    а цена землемера
                    кусается.
100 Носят
    ему
            то масло,
                    то яйца.
Дело
    пойдет
            куда короче,
если
    в дело
            вмешается летчик.
110 Мигом взлетит
                    (летуны на то они!).
Вся
    деревенька —
                    как на ладони.
Взвился
    с фотографом
                    аэроплан,
карточку снял —
                    и на тебе —
                    план.
120 Нам хорошо,
            и быстро,
                    и дешево,
и
    у землемера
            цела подошва.

Вот
зачем
при нашем строе
самолеты
130 лихо строят.
Чтоб взлетали
на́ небо
да снимали
планы бы.
Крестьяне,
пользу с планами
видели?
Теперь —
другая:
140 борьба с вредителем.
Урожай.
Сам-сто.
Собирай, кончай.
И вдруг
на хлеб
нашла саранча.
Не боится,
гадина,
ни попа,
150 ни ладана.
Махонькая,
а будто
в сажень рот!
Жрет
и летает.
Летает
и жрет.
Крестьянин,
и в этом деле
160 вот
не поп поможет,
а самолет.
Вылетел,
пропеллером рыча.
— Где тут
такая-растакая саранча? —
Увидел,
рассыпал
ядовитый порошок,

170 хлебам
не вредящий ни крошки.
Саранча подохла
и лежит
на вершок,
скрестив
на пузе
ножки.
Вот
зачем
180 при нашем строе
самолеты
лихо строят.
Чтобы он
летал
на небе
да смотрел
за нашим хлебом.
Этого мало —
с высшей пользой
190 в деле
в каждом
его используем.
Вот,
например,
лесной пожар
режет
целый лес
без ножа.
Не то что в лес —
200 не пройдешь
и мимо,
дома
сиди да чихай
от дыма.
Летчик
взлетел
и в зеленой гуще
видит,
где реже огонь,
210 где гуще.
Вмиг
облетел
окрестных жителей,

в нужных
                  местах
                          расставил тушителей.

Взялись
                  во весь
                          крестьянский дух.

220 Глядь,
                  через день
                          огонь и потух.

Чтоб скорей
                  домчать
                          газету,

тоже
                  лучше средства
                          нету.

Может
230   из любого
                          царства

вмиг
                  сюда
                          домчать лекарства.

Да и вас
                  доставит.

                  Вот

для чего вам
                  самолет.

240 Вот
                  зачем
                          при нашем строе
самолеты
                  надо строить.

Надо,
                  чтоб
                          по небесам
полетел
                  крестьянин сам.

250 А как построить?
                          Одному?
                                  Туго.

Дорог самолет,
                  то-то и оно-то.

Сообща.
                  Попробуй,
                                  стань другом
Красного
                  воздушного флота.
²⁶⁰ Полтина к полтине,
                                  силу множа,
возьмитесь, разом насеv.
В этом деле
                  всем поможет
Общество
                  Д. В. Ф.

<1925>

РАДИО-АГИТАТОР

Преград
                  человечеству нет.

И то,
                  что — казалось — утопия,
в пустяк
                  из нескольких лет
по миру шагает
                  топая.

Была ль
10   небывалей мечта!
Сказать,
                  так развесили б уши!
Как можно в Москве
                  читать,
а из Архангельска
                  слушать!

А нынче
                  от вечных ночей
до стран,
20   где солнце без тени,
в мильон
                  ушей слухачей
влезают
                  слова по антенне!
Сегодня нет
                  ни времен, ни пространств,
не то что
                  людской голос —
передадим
30   за сотню стран
и как
                  шевелится волос!
А может быть,
                  и такое
                  мы

услышим по воздуху
                                скоро:
рабочий
                                Америки и Чухломы
40 спюются
                                одним хором.
Чтоб шли
                                скорей
                                века без оков,
чтоб близилась
                                эта дата —
бубни
                                миллионом
                                своих языков,
50 радио-агитатор!
(1925)

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ

ИСПАНИЯ

Ты — я думал —
райский сад.
Ложь
подпивших бардов.
Нет —
живьем я вижу
склад
«ЛЕОПОЛЬДО ПАРДО».
Из прилипших к скалам сёл
¹⁰ опустясь с опаской,
чистокровнейший осёл
шпарит по-испански.
Всё плебейство выбив вон,
в шляпы влезла по́ нос.
Стал
простецкий
«телефон»
гордым
«телефонос».
²⁰ Чернь волос
в цветах горит.
Щеки в шаль орамив,
сотня с лишним
сеньорит
машет веерами.
От медуз
воде синё.
Глуби —
вёрсты мера.
³⁰ Из товарищей
«сеньор»
стал
и «кабальеро».
Кастаньеты гонят сонь.

Визги...
                  пенье...
                                  страсти!
А на что мне это все?
Как собаке — здрасите!

22/VI (1925) Santander

6 МОНАХИНЬ

Воздев
    печеные
                    картошки личек,
черней,
    чем негр,
                    не выдавший бань,
шестеро благочестивейших католичек
влезло
    на борт
10   парохода «Эспань».
И сзади
    и спереди
                    ровней, чем веревка,
шали,
    как с гвоздика,
                    с плеч висят,
а лица
    обвила
                    белейшая гофрировка,
20 как в пасху
    гофрируют
                    ножки поросят.
Пусть заполнится годами
                    жизни квота —
стоит
    только
                    вспомнить это диво,
раздирает
    рот
30   зевота
шире Мексиканского залива.
Трезвые,
    чистые,
                    как раствор борной,
вместе,
    эскадром,
                    салятся есть.

Пообедав,
 сообща
 40 скрываются в уборной.
 Одна зевнула —
 зевают шесть.
 Вместо известных
 симметричных мест,
 где у женщин выпуклость, —
 у этих выем:
 в одной выемке —
 серебряный крест,
 в другой — медали
 50 со Львом
 и с Пием.
 Продрав глазенки
 раньше, чем можно, —
 в раю
 (ужо
 отоспятся лишек!),
 оркестром без дирижера
 шесть дорожных
 вынимают
 60 евангелишек.
 Придешь ночью —
 сидят и бормочут.
 Рассвет в розы —
 бормочут стервозы.
 И днем,
 и ночью,
 и в утра,
 и в полдни
 сидят и бормочут
 70 дуры господни.
 Если ж
 день
 чуть-чуть
 помрачнеет с виду,
 сойдут в кабину,
 12 галош
 наденут вместе
 и снова выйдут,
 и снова
 80 идет
 елейный скулеж.

Мне б
         язык испанский!
                                 Я б спросил, взъяренный:
 – Ангелицы,
                         попросту
                                 ответ поэту дайте –
 если
         люди вы,
 90   то кто ж
                                 тогда
                                 вороны?
 А если
         вы вороны,
                         почему вы не летаете?
 Агитпропщики!
                         не лезьте вон из кожи,
 весь земной
                         обревизуйте шар.
 100 Самый
         замечательный безбожник
 не придумает
                         кощунственнее шарж.
 Радуйся, распяты́й Иисусе,
 не слезай
                 с гвоздей своей доски,
 а вторично явишься –
                                 сюда
                                 не суйся –
 110 все равно
                 повесишься с тоски!
 26/VI (1925) Атлантич(еский) океан

Развернись и плюнь —
пароход внизу.
Хочу топлю,
40 хочу везу.
Выходи сухой —
сварю ухой.
Людей не надо нам —
малы к обеду.
Не трону...
  ладно...
  пускай едут...»

Волны
будоражить мастера:
50 детство выплеснут,
  другому —
  голос милый.

Ну, а мне б
  опять
  знамена простирать.

Вон —
  пошло,
  затарактело,
  загромило.

60 И снова
  вода
  присмирела сквозная,
и нет
  никаких сомнений ни в ком.

И вдруг,
  откуда-то —
  черт его знает! —
встает
  из глубин
70   воднячий ревком.

И гвардия капель —
  воды партизаны —
взбираются
  ввысь
  с океанского рва,
до неба метнутся
  и падают заново,
порфиру пены в клочки изорвав.

И снова
 80   спаялись воды в одно,
 волне
                   повелев
                                 разбурлиться вождем.
 И прет волнища
                                 с-под тучи
   на дно,
 приказы
                   и лозунги
                                 сыплет дождем.
 90 И волны
                   клянутся
                                 всеводному ЦИКу
 оружие бурь
                   до победы не класть.
 И вот победили
                                 (экватору в циркуль!).
 Советов-капель бескрайняя власть.
 Последних волн небольшие митинги
 шумят
 100   о чем-то
                                 в возвышенном стиле,
 и вот
                   океан
                                 улыбнулся умытенький
 и замер
                   на время
                                 в покое и в штиле.
 Смотрю за перила.
                                 Старайтесь, приятели!
 110 Под трапом,
                   нависшим
                                 ажурным мостком,
 при океанском предприятии
 потеет
                   над чем-то
                                 волновый местком.
 И под водой
                   деловито и тихо
 дворцом
 120   растет
                                 кораллов плетенка,

чтоб легче жилось
                                трудо­вой китихе
с рабочим китом
                                и дошколь­ным китенком.
Уже
    и луну
        положили дорожкой.
Хоть прямо
                на пузе,
130   как посуху, лазь.
Но враг не сунет­ся —
                        в небо
                        сторожко
глядит,
        не сморгнув,
                        Атлан­тический глаз.
То стынешь
                в блеске лунного лака,
то стонешь,
140   облитый пеною ран.
Смотрю,
                смотрю —
                        и всегда одинаков,
любим,
        близок мне океан.
Навек
        твой грохот
                        удержит ухо.
В глаза
150   тебя
                        опрокинуть рад.
По шири,
                по делу,
                        по крови,
                        по духу —
моей револю­ции
                        старший брат.

2 VII (1925) *Океан*

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

Превращусь
                         не в Толстого, так в тóлстого, —
 ем,
         пишу,
                 от жары балда.
 Кто над морем не философствовал?
 Вода.
 Вчера
         океан был злой,
 10   как черт,
 сегодня
         смирней
                         голубицы на яйцах.
 Какая разница!
                 Все течет...
 Все меняется.
 Есть
         у воды
                 своя пора:
 20 часы прилива,
                         часы отлива.
 А у Стеклова
                 вода
                         не сходила с пера.
 Несправедливо.
 Дохлая рыбка
                 плывет одна.
 Висят
         плавнички,
 30   как подбитые крылышки.
 Плывет недели,
                 и нет ей —
                                 ни дна,
 ни покрывки.

Навстречу
медленней, чем тело тюленье,
пароход из Мексики,
а мы —
туда.

40 Иначе и нельзя.
Разделение
труда.
Это кит — говорят.
Возможно и так.
Вроде рыбьего Бедного —
обхвата в три.
Только у Демьяна усы наружу,
а у кита
внутри.

50 Годы — чайки.
Вылетят в ряд —
и в воду —
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?
Я родился,
рос,
кормили соскою, —
60 жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

3/VII (1925) — Атлант(ический) океан

БЛЕК ЭНД УАЙТ

Если
    Гавану
        окинуть мигом —
рай-страна,
        страна что надо.
Под пальмой
        на ножке
                стоят фламинго.

Цветет
10   колларио
                        по всей Ведадо.

В Гаване
        все
                разграничено четко:
у белых доллары,
                у черных — нет.

Поэтому
    Вилли
        стоит со щеткой
20 у «Энри Клей энд Бок, лимитед».
Много
        за жизнь
                повымел Вилли —
одних пылинок
                целый лес, —
поэтому
        волос у Вилли
                вылез,

поэтому
30   живот у Вилли
                        влез.
Мал его радостей тусклый спектр:
шесть часов поспать на боку,
да разве что
        вор,
                портовый инспектор,

кинет
     негру
         цент на бегу.
 40 От этой грязи скроешься разве?
 Разве что
         стали б
             ходить на голове.
 И то
     намели бы
         больше грязи:
 волосьев тыщи,
         а ног —
             две.
 50 Рядом
     шла
         нарядная Прадо.
 То звякнет,
         то вспыхнет
             трехверстный джаз.
 Дурню покажется,
         что и взаправду
 бывший рай
         в Гаване как раз.
 60 В мозгу у Вилли
         мало извилин,
 мало всходов,
         мало посева.
 Одно-
     единственное
         вызубрил Вилли
 тверже,
         чем камень
             памятника Масео:
 70 «Белый
     ест
         ананас спелый,
 черный —
         гнилью моченый.
 Белую работу
         делает белый,
 черную работу —
         черный».
 Мало вопросов Вилли сверлили.

80 Но один был
закорюка из закорюк.
И когда
вопрос этот
влезал в Вилли,
щетка
падала
из Виллиных рук.
И надо же случиться,
чтоб как раз тогда
90 к королю сигарному
Энри Клей
пришел,
белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит
к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пэрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
100 белый-белый,
должен делать
черный негр?
Черная сигара
не идет в усах вам —
она для негра
с черными усами.
А если вы
любите
кофий с сахаром,
110 то сахар
извольте
делать сами».
Такой вопрос
не проходит даром.
Король
из белого
становится желт.
Вывернулся
король
120 сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки
и ушел.

Цвели
    кругом
        чудеса ботаники.
Бананы
    сплетали
        сплошной кров.
Вытер
130   негр
        о белые подштанники
руку,
    с носа утершую кровь.
Негр
    посопел подбитым носом,
поднял щетку,
        держась за скулу.
Откуда знать ему,
                что с таким вопросом
140   надо обращаться
                в Коминтерн,
                        в Москву?

5/VII (1925) Гавана

СИФИЛИС

Пароход подошел,
завыл,
погудел —
и скован,
как каторжник беглый.
На палубе
700 человек людей,
остальные —
негры.

¹⁰ Подплыл
катерок
с одного бочка́.
Вбежав
по лесенке хро́мой,
осматривал
врач в роговых очках:
«Которые с трахомой?»
Припудрив прыщи
и наружность вымыв,

²⁰ с кокетством себя волоча,
первый класс
дефилировал
мимо
улыбавшегося врача.
Дым
голубой
из двустволки ноздрей
колечком
единым

³⁰ свив,
первым
шел
в алмазной заре
свиной король —
Свифт.

Трубка
          воняет,
                  в метр длиной.
Попробуй к такому —
40   полезь!
Под шелком кальсон,
                          под батистом-лино́
поди
          разбери болезнь.
«Остров,
          дай
                  воздержанья зарок!
Остановить велите!»
Но взял
50   капитан
                          под козырек,
и спущен Свифт —
                          сифилитик.
За первым классом
                          шел второй.
Исследуя
          этот класс,
врач
          удивлялся,
60   что ноздри с дырой, —
лез
          и в ухо
                  и в глаз.
Врач смотрел,
                  губу своротив,
нос
          под очками
                  взморща.
Врач
70   троих
                          послал в карантин
из
          второклассного сборища.
За вторым
                  надвигался
                          третий класс,
черный от негритья.

Врач посмотрел:
 четвертый час,
 80 время коктейлей
 питья.
 — Гоните обратно
 трюму в щель!
 Больные —
 видно и так.
 Грязный вид...
 И вообще —
 оспа не привита. —
 У негра
 90 виски́
 ревмя ревут.
 Валяется
 в трюме
 Том.
 Назавтра
 Тому
 оспу привьют —
 и Том
 возвратится в дом.
 100 На берегу
 у Тома
 жена.
 Волоса
 густые, как нефть.
 И кожа ее
 черна и жирна,
 как вакса
 «Черный лев».
 Пока
 110 по работам
 Том болтается,
 — у Кубы
 губа не дура —
 жену его
 прогнали с плантаций
 за неотработку
 натурой.
 Луна
 в океан
 120 накидала монет,

хоть сбросся,
вбежав на насыпь!
Недели
ни хлеба,
ни мяса нет.
Недели —
одни ананасы.
Опять
пароход
130 привинтило винтом.
Следующий —
через недели!
Как дождаться
с голодным ртом?
— Забыл,
разлюбил,
забросил Том!
С белой
рогожу
140 делит! —
Не заработать ей
и не скрасть.
Везде
полисмены под зонтиком.
А мистеру Свифту
последнюю страсть
раздула
эта экзотика.
Потело
150 тело
под бельецом
от черненького мясца.
Он тыкал
доллары
в руку, в лицо
в голодные месяца.
Схватились —
желудок,
160 пустой давно,
и верности тяжеловес.
Она
решила отчетливо:
«No!» —

и глухо сказала:
   «Yes!»
 Уже
       на дверь   плечом напирал
 подгнивший мистер Свифт.
 170 Его
       и ее
           наверх
                   в номера
 взвинтил
                   услужливый лифт.
 Явился
           Том
                   через два денька.
 Неделю
 180 спал без просыпа.
 И рад был,
           что есть
                   и хлеб,
                                   и деньга
 и что не будет оспы.
 Но день пришел,
                   и у кож
                                   в темноте
 узор непонятный впечен.
 190 И дети
           у матери в животе
 онемевали
           и слепли.
 Суставы ломая
                   день ото дня,
 года календарные вылистаны,
 и кто-то
           у тел
                   половину отнял
 200 и вытянул руки
                   для милостыни.
 Внимание
           к негру
                   стало особое.
 Когда
           собиралась паства,

морали
наглядное это пособие
показывал
210 постный пастор:
«Карает бог
и его
и ее
за то, что
водила гостей!»
И слазило
черного мяса гнилье
с гнилых
негритянских костей.

---

220 В политику
этим
не думал ввязаться я.
А так —
срисовал для видика.
Одни говорят —
«цивилизация»,
другие —
«колониальная политика».

(1926)

ХРИСТОФОР КОЛОМБ

Христофор Колумб был
Христофор Колумб – испанский еврей.

Из журналов

1

Вижу, как сейчас,
объедки да бутылки...
В портишке,
известном
лишь кабачком,
Коломб Христофор
и другие забулдыги
сидят,
нахлобучив
10 шляпы бочком.
Христофора злят,
пристают к Христофору:
«Что вы за нация?
Один Сион!
Любой португалишка
даст тебе фору!»
Вконец извели Христофора –
и он
покрыл
20 дисканточком
щелканье пробок
(задели
в еврее
больную струну):
«Что вы лезете:
Европа да Европа!
Возьму
и открою другую
страну».

30 Дивятся приятели:
  что с Коломбом?
Вина не пьют,
  не ходит гулять.
Надо смотреть —
  не вывихнул ум бы.
Всю ночь сидит,
  раздвигает циркуля.

2

Мертвая хватка в молодом еврее —
думает,
40   не ест,
  недосыпает ночей,
лакеев
  оттягивает
  за фалды ливреи,
лезет
  аж в спальни
  королей и богачей.
«Кораллами торгуете?!
  Дешевле редиски.
50 Сам
  наловит
  каждый мальчуган.
То ли дело
  материк индийский:
не барахло —
  бирюза,
  жемчуга!
Дело верное:
  вот вам карта.
60 Это океан,
  а это —
  мы.
Пунктиром путь —
  и бриллиантов караты

на каждый полтинник,
  данный взаймы».
Тесно торгашам.
  Томятся непоседы.

Посуху
70 и в год
не обернется караван.
И закапали
флорины и пезеты
Христофору
в продырявленный карман.

3

Идут
посвистывая,
отчаянные из отчаянных.
Сзади тюрьма.
80 Впереди —
ни рубля.
Арабы,
французы,
испанцы
и датчане
лезли
по трапам
Коломбова корабля.
«Кто здесь Колумб?
90 До Индии?
В ночьку!
(Чего не откроешь,
если в пузе орган!)
Выкатывай на палубу
белого бочку,
а там
вези
хоть к черту на рога!»
Прощанье — что надо,
100 не отъезд — а помпа:
день
не просыхали
капли на усах.
Время
меряли,
вперяясь в компас.
Спьяна
путали штаны и паруса.

Чуть не сшибли
110 маяк зажженный.
Палубные
не держатся на полу,
И вот,
быть может, отсюда,
с Жижона,
на всех парусах
рванулся Колумб.

4

Единая мысль мне сегодня любя,
что эти вот волны
120 Колумба лапили,
что в эту же воду
с Колумбова лба
стекали
пота
усталые капли.
Что это небо,
землей обмеля́,
на это вот облако,
вставшее с юга:
130 — На мачты, братва!
глядите —
земля! —
орал
рассудок теряющий юнга.
И вновь
океан
с простора раскосого
вбивал
в небеса
140 громыхающий клин,
а после
братался
с волной сарагоссовой,
и вместе
пучки травы волокли.
Он
этой же бури слушал лады.

Когда ж
затихает бури задор,
150 мерещатся
в водах
Коломба следы,
ведущие
на Сан-Сальвадор.

5

Вырастают дни
в бородатые месяцы.
Луны
мрут
у мачты на колу.
160 Надоело океану,
Атлантический бесится.
Взбешен Христофор,
извелся Коломб.
С тысячной волны трехпарусник
съехал.
На тысячу первую взбираться
надо.
Видели Атлантический?
Тут не до смеха!
170 Команда ярится —
устала команда.
Шепчутся:
«Черту ввязались в попутчики.
Дома плохо?
И стол и кровать.
Знаем мы
эти
жидовские штучки —
180 разные
Америки
закрывать и открывать!»
За капитаном ходят по пятам.
«Вернись! — говорят,
играют мушкой. —
Какой ты ни есть
капитан-раскапитан,
а мы тебе тоже
не фунт с осьмушкой».

Лазит Коломб
190 на бра́мсель с фо́ка,
глаза аж навькате,
исхудал лицом;
пустился вовсю:
придумал фокус
со знаменитым
Колумбовым яйцом.
Что́ яйцо? —
игрушка на́ день.
И день
200 не оттянешь
у жизни-воровки.
Галдит команда,
на Коломба глядя:
«Крепка
петля
из генуэзской веревки.
Кончай,
Христофор,
собачий век!..»
210 И кортики
воздух
во тьме секут.
— Земля! —
Горизонт в туманной
кайме.
Как я вот
в растущую Мексику
и в розовый
этот
220 песок на заре,
вглазелись.
Не смеют надеяться:
с кольцом экватора
в медной ноздре
вставал
материк индейцев.

6

Года прошли.
В старика-
шипуна

230 смельчал Атлантический,
гордый смолоду.
С бортов «Мажестіков»
любая шпана
плюет
в твою
седоусую морду.
Коломб,
твое пропало наследство!
В вонючих трюмах
240 твои потомки
с машинным адом
в горящем соседстве
лежат,
под щеку
подложивши котомки.
А сверху,
в цветах первоклассных розеток,
катаясь пузом
от танцев
250 до пьянки,
в уюте читален,
кино
и клозетов
катаются донны,
сеньоры
и янки.
Ты бада, Коломб, —
скажу по чести.
Что касается меня,
260 то я бы
лично —
я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл —
вторично.
7.VII. (1925) Атлантич(еский) океан

ТРОПИКИ
(Дорога Веракрус–Мехико-сити)

Смотрю:
вот это —
тропики.

Всю жизнь
вдыхаю наново я.

А поезд
прет торопкий
сквозь пальмы,
сквозь банановые.

¹⁰ Их силуэты-веники
встают рисунком тошненьким:
не то они — священники,
не то они — художники.
Аж сам

не веришь факту:
из всей бузы и вара
встает

растенье — кактус
трубой от самовара.

²⁰ А птички в этой печке
красивей всякой меры.
По смыслу —
воробейчики,
а видом —
шантеклеры.

Но прежде чем
осмыслил лес

и бред,
и жар,

³⁰ и день я —

и день
и лес исчез

без вечера
и без
предупрежденья.

Где горизонта борозда?!
Все линии
                                потеряны.
Скажи,
40   которая звезда
и где
                                глаза пантерины?
Не счел бы
                                лучший казначей
звезды́
                                тропических ночей,
настолько
                                ночи августа
звездой набиты
50   нагусто.
Смотрю:
                                ни зги, ни тропки.
Всю жизнь
                                вдыхаю наново я.
А поезд прет
                                сквозь тропики,
сквозь запахи
                                банановые.

<1926>

МЕКСИКА

О, как эта жизнь читалась взасос!
Идешь.

Наступаешь на ноги.

В руках

превращается

ранец в лассо,

а клячи пролеток —

мустанги.

Взаправду

¹⁰ игрушечный

рос магазин,

ревел

пароходный гудок.

Сейчас же

сбегу

в страну мокасин —

лишь сбондю

рубль и бульдог.

А сегодня —

²⁰ это не умора,

сколько миль воды

винтом нарыто, —

и встает

живьем

страна Фениамора

Купера

и Майн Рида.

Рев сирен,

кончается вода.

³⁰ Мы прикручены

к земле

о локоть локоть.

И берет

набитый «Лефом»

чемодан

Монтигомо
Ястребиный Коготь.
Глаз торопится слезой налиться.
Как? чему я рад? —
40 Ястребиный Коготь!
Я ж
твой Бледнолицый
Брат.
Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,
из-за клумбы
стрелами
отравленными
50 били
мы
по кораблям Колумба?
Цедит
злобно
Коготь Ястребиный,
медленно,
как треснувшая крынка:
— Нету краснокожих — истребили
60 гачупины с гринго.
Ну а тех из нас,
которых
пульки
пощадили,
просвистевши мимо,
кабаками
кактусовый «пульке»
добивает
по 12-ти сантимов.
70 Заменяла
чемоданов куча
стрелы,
от которых
никуда не деться... —
Огрызнулся
и пошел,
сомбреро нахлобуча
вместо радуги
из перьев

80 птицы кётцаль,
 Года и столетья,
                   как ни косите
 склоненные головы дней,
 корявые камни
                   Мехико-сити
 прошедшее вышепчут мне.
 Это
     было
                   так давно,
 90   как будто не было.
 Бабушки столетних попугаев
   не запомнят.
 Здесь
     из зыби озера
   вставал пюзбло,
 дом-коммуна
   в десять тысяч комнат.
 И золото
                   между озерных зыбей
 100 лежало,
                   аж рыть не надо вам.
 Чего еще,
                   живи,
   бронзовой,
 вторая сестра Эладова!
 Но очень надо
   за морем
   белым,
 чего индейцу не надо.
 110 Жадна
                   у белого
   Изабелла,
 жена
                   короля Фердинанда.
 Тяжек испанских пушек груз.
 Сквозь пальмы,
   сквозь кактусы лез
 по этой дороге
   из Веракрус
 120 генерал
                   Эрнандо Кортес.
 Пришел.

Вода студеная
                          хочет
вскипеть кипятком
                          от огня.

Дерутся
          72 ночи
                  и 72 дня.

130 Хранят
          краснокожих
                          двумордые идола.

От пушек
          не видно вреда.

Как мышь на сало,
                          прельстясь на титулы,
своих
          Монтесума преда́л.

Напрасно,
140   разбитых
                          в отряды спаяв,

Гватéмок
          в озерной воде
                          мок.

Что
          против пушек
                          стреленка твоя!..

Под пытками
          умер Гватéмок.

150 И вот стоим,
          индеец да я.

Товарищ
          далекого детства,
он умер,
          чтоб в бронзе
                          веками стоять
наискосок от полпредства.

Внизу
          громыхает
160   столетий орда,
и горько стоять индейцу.

Что́ братьям его,
          рабам,
                          чехарда
всех этих Хуэрт
          и Диэцов?..

Прошла
        годов трезначная сумма.
Героика
170   нынче не тема.
Пивною маркой стал Монтесума,
пивною маркой —
                        Гватемок.
Буржуи
        всё
                под одно стригут.
Вконец обесцветили мир мы.
Теперь
        в утешенье земле-старик
180 лишь две
                конкурентки-фирмы.
Ни лиц пожелтелых,
                        ни солнца одёж,
в какую
        огромную лупу,
в какой трущобе
                теперь
                        найдешь
сарape и Гваделупу?
190 Что Рига, что Мехико —
                        родственный жанр.
Латвия
        тропического леса.
Вся разница:
        зонтик в руке у рижан,
а у мексиканцев
                «Смит и Вессон».
Две Латвии
        с двух земных боков —
200 различные собой они
лишь тем,
        что в Мексике
                        режут быков
в театре,
        а в Риге —
                на бойне.
И совсем как в Риге,
                        около пяти,
проклиная

210 мамову опеку,
фордом
разжигая
жениховский аппетит,
кружат дочки
по Чапультапеку.
А то,
что тут урожай фуража,
что в пальмы земля разодета,
так это от солнца, —
сиди
220 и рожай
бананы и президентов.
Наверху министры
в бриллиантовом огне.
Под —
народ.
Гoleyший зад виднеется.
Без штанов,
во-первых, потому, что нет,
230 во-вторых, —
не полагается:
индейцы.
Обнищало
монтесумье племя,
и стоит оно
там,
где город
выбег
на окраины прощаться
240 перед вывеской
муниципальной:
«Без штанов
в Мехико-сити
вход воспрещается».
Пятьсот
по Мексике
нищих племен,
а сытый
с одним языком:
250 одной рукой выжимает в лимон,
одним запирает замком.

Нельзя
борьбе
в племена рассекаются.
Нищий с нищими
рядом!
Несись
по земле
из страны мексиканцев,
260 роднящий крик:
«Камарадо»!
Голод
мастер людей равнять,
каждый индеец,
кто гол,
в грядущем огне
родня-головня
ацтек,
метис
270 и креол.
Милion не угробят богатых лопаты.
Страна!
Поди
покори ее!
Встают
взамен одного Запаты
Гальваны,
Морено,
Карио.
280 Сметай
с горбов
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис!
Скорей
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись!
20/VII 1925 г. Мехико-сити

БОГОМОЛЬНОЕ

Большевики
надругались над верой православной.
В храмах-клубах —
словесные бои.
Колокола без языков —
немые словно.
По божьим престолом
похабничают воробьи.
Без веры
и нравственность ищем напрасно.
¹⁰ Чтоб нравственным быть —
кадилами вей.
Вот Мексика, например,
потому и нравственна,
что прут
богомолки
к воротам церквей.
Кафедраль —
богомольнейший из монашских институтцев.
²⁰ Брат Nôtre Dame'a
по площади,
а около,
запружена народом,
Площадь Конституции,
в простонародии —
Площадь Сокола.
Блестящий
двенадцатицилиндровый
Паккард
³⁰ остановил шофер,
простоватый хлопец.
— Стой, — говорит, —
помолюсь пока... —
донна Эсперанца Жуан де Лопец.
Нету донны
ни час, ни полтора.

Видно, замолилась.
Веровать так веровать.
И снится шоферу —
40 донна у алтаря.
Парит
голубочком
душа шофера.
А в кафедрале
безлюдно и тихо:
не занято
в соборе
ни единого стульца.
С другой стороны
50 у собора —
выход
сразу
на четыре гудящие улицы.
Донна Эсперанца
выйдет как только,
к донне
дон распаленный кинется.
За угол
улица Изабелла Католика,
60 а в этой улице —
гостиница на гостинице.
А дома —
растет до ужина
свирепость мужа.
У донна Лопеца
терпенье лопается.
То крик,
то стон
испускает дон.
70 Гремит
по квартире
тигровый соло:
— На восемь частей разрежу ее! —
И, выдрав из уса
в два метра волос,
он пробует
сабли своей остриё.
— Скажу ей:
«Иначе, сеньора, лягте-ка!

80 Вот этот
                  КОЛЬТ
                          ваш сожитель до гроба!»
И в пумовой ярости
                                  — все-таки практика! —
сбивает
                  с бутылок
                                  дюжину пробок.
                  Гудок в два тона —
                  приехала донна.

90 Еще
          и рев
                  не успел уйти
за кактусы
                  ближнего поля,
а у шоферских
                                  виска и груди
нависли
                  клинок и пистоля.
— Ответ или смерть!

100   Не вертеть вола!
Чтоб донна
                  не могла
                                  запираться,
ответь немедленно,
                                  где была
жена моя
                  Эсперанца? —
— О дон Хуан!
                                  В вас дьяволы злобятся.

110 Не гневайте
                  божью милость.
Донна Эсперанца
                                  Хуан де Лопец
сегодня
                  усердно
                                  молилась.

⟨1925⟩

МЕКСИКА–НЬЮ-ЙОРК

Бежала
    Мексика
            от буферов
горящим,
            сияющим бредом.
И вот
    под мостом
            река или ров,
делящая
10   два Ларедо.
Там доблести —
            скачут,
                    коня загоня,
в пятак
    попадают
            из кольта,
и скачет конь,
            и брюхо коня
о колкий кактус исколото.
20 А здесь
    железо —
            не расшатать!
Ни воли,
    ни жизни,
            ни нерва вам!
И сразу
    рябит
            тюрьма-решето
вам
30   для знакомства
            для первого.
По рельсам
            поезд сыпет,
под рельсой
            шпалы сыпятся.

И гладью
Миссисипи
под нами миссисипится.
По бокам
40 поезда
не устанут снова́ть:
или хвост мелькнет,
или нос.
На боках поездных
странове́ют слова:
«Сан-Луи́с»,
«Мичи́ган»,
«Иллинойс»!
50 Дальше, поезд
огнями расцвеченный!
Лез,
обгоняет,
храпит.
В Нью-Йорк несется
«Твенти-сенчери-
экспресс».
Курьерский!
Рapid!
60 Кругом дома,
в этажи затеряв
путей
и проволок мно́жь.
Теряй шапчонку,
глаза задеря,
все равно —
ничего не поймешь!

⟨1926⟩

БРОДВЕЙ

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.

На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока —
стриты.

¹⁰ А между —
(куда их строитель завез!) —
дома
невозможной длины.

Одни дома
длиною до звезд,
другие —
длиной до луны.

Янки
подошвами шлепать

²⁰ ленив:
простой

и курьерский лифт.
В 7 часов

человечий прилив,
в 17 часов —
отлив.

Скрежещет механика,
звон и гам,

а люди
³⁰ немые в звоне.

И лишь замедляют
жевать чуингвам,
чтоб бросить:
«Мек моней?»

Мамаша
грудь
ребенку дала.

Ребенок,
                   с каплями из носу,
 40 сосет
       как будто
                   не грудь, а доллар —
       и занят
                   серьезным
                               бизнесом.
 Работа окончена.
                   Тело обвей
       в сплошной
                   электрический ветер.
 50 Хочешь под землю —
                               бери собвей,
       на небо —
                   бери элеветер.
 Вагоны
                   едут —
                               и дымам под рост,
       и в пятках
                   домовых
                               трутся.
 60 То вынесут
                   хвост
                               на Бруклинский мост,
       то спрячут
                   в норы
                               под Гудзон.
       Тебя ослепило,
                   ты
                               осовел,
       но,
 70 как барабанная дробь,
       из тьмы
                   по темени:
                               «Кофе Максвел
       гуд
                   ту ди ласт дроп».
       А лампы
                   как станут
                               ночь копать,
       ну, я доложу вам —
 80   пламечко!

Налево помотришь —
  мамочка мать!

Направо —
  мать моя мамочка!

Есть что поглядеть московской братве.
И за́ день

  в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.

  Это Бродвей.

⁹⁰ Гау ду ю ду?

Я в восторге
  от Нью-Йорка города.

Но
  кепчонку
  не сдеру с виска.

У советских
  собственная гордость:

на буржуев
  смотрим свысока.

6 августа (1925), Нью-Йорк

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

Вид индейцев таков:

пернат,
смешон
и нездешен.

Они
приезжают
из первых веков
сквозь лязг
Пенсильвения Стэйшен.

¹⁰ Им
Ку́лиджи
пару пальцев суют,
снимают
их
голивудцы,
на крыши ведут
в ресторанный уют,
под ними,
гульбу разгудевши свою,
²⁰ нью-йоркские улицы льются.
Кто их радует?
чем их злят?
О чем их дума?
куда их взгляд?
Индейцы думают:
«Ишь —
капитал!

Ну и дома́ застроил.
Всё отберем
³⁰ ни за пятак
при
социалистическом строе.
Сначала
будут
бои клокотать,

а там
ни вражды,
ни начальства!
Тишь
40 да гладь
да божья благодать —
сплошное луначарство.
Иными
рейсами
вспенятся воды,
пойдут
пароходы зажаривать,
сюда
из Москвы
50 возить переводы
произведений Жарова.
И радио —
только мгла легла —
правду-матку вызвенит.
Придет
и расскажет
на весь вигвам,
в чем
красота
60 жизни.
И к правде
пойдет
индейская рать,
вздымаясь
знаменной уймою...»
Впрочем,
зачем
про индейцев врать?
Индейцы
70 про это
не думают.
Индеец думает:
«Там,
где черно
воде
у моста в оскале,
плескался
недавно
юркий челнок

⁸⁰ деда,
искателя скальпов.
А там,
где взвит
этажей коробок
и жгут
миллион киловатт, —
стоял
индейский
военный бог,
⁹⁰ брюхат
и головат.
И всё,
что теперь
вокруг течет,
всё,
что отсюда видимо, —
всё это
вытворил белый черт,
заморская
¹⁰⁰ белая ведьма.
Их
всех бы
в лес прогнать
в один,
и мы чтоб
с копьём гонялись...»
Поди
под такую мысль
подведи
¹¹⁰ классовый анализ.
Мысль человечья
много сложнее,
чем знают
у нас
о ней.
Тряхнув
оперенья нарядную рядь
над пастью
облошаделой,
¹²⁰ сошли
и — пока!
пошли вымирать.

А что им
больше
делать?

Подумай
о новом агит-винте.

Винти,
чтоб задор не гас его.

¹³⁰ Ждут.
Переводи, Коминтерн,
расовый гнев
на классовый.

⟨1926⟩

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ

Бродвей сдурел.
Бегня и гúлево.
Дома
с небес обрываются
и висят.
Но даже меж ними
заметишь Вульворт.
Корсетная коробка
этажей под шестьдесят.
10 Сверху
разведывают
звезд взводы,
в средних
тайпистки
стрекочут бешено.
А в самом нижнем —
«Дрогс сода,
грет энд феймус компани-нейшенал».
А в окошке мисс
20 семнадцати лет
сидит для рекламы
и точит ножи.
Ржавые лезвия
фирмы «Жиллет»
кладет в патентованный
железный зажим.
И гладит
и водит
кожей ремня,
30 Хотя
усов
и не полагается ей,
но водит
по губке,
усы возомня, —

дескать —
                    готово,
                                наточил и брей.
Наточит один
40 до сияния лучика
и новый ржавый
                                берет для возни.
Наточит,
                    вынет
                                и сделает ручкой.
Дескать —
                    зайди,
                                купи,
  возьми.
50 Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
Бегут без бород
                                и без выражений на лице.
Богатств буржуйских особые источники:
работай на доллар,
                                а выдадут цент.
У меня ни усов,
                                ни долларов,
  ни шевелюр,
и в горле
60 застревают
                                английского огрызки.
Но я подхожу
                                и губми шевелю —
как будто
                                через стекло
  разговариваю по-английски.
«Сидишь,
                                глазами буржуев охлопана.
Чем обнадежена?
70 Дура из дур».
А девушке слышится:
                                «Óпен,
óпен ди дор».
«Что тебе заботиться
                                о чужих усах?
Вот...
                    посадили...
                                как дуру еловую».

А у девушки
80 фантазия раздувает паруса,
и слышится девушке:
«Ай лóв ю».

Я злею:
«Выйдь,
окно разломай —
и бритвы раздай
для жирных горл».

А девушке мнится:
«Май,
90 май гóрл».

Выходит
фантазия из рамок и мерок —
и я
кажусь
красивый и толстый.

И чудится девушке —
влюбленный клерк
на ней
жениться
100 приходит с Во́л-стрит.

И верит мисс,
от счастья дрожа,
что я —
долларовый воротила,
что ей
уже
в других этажах
готовы бесплатно
и стол
110 и квартира.

Как врезать ей
в голову
мысли-ножи,
что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
во все этажи
без грез,
без свадеб,
без жданий наследства.

⟨1925⟩

НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ

Возьми
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то.
Увидишь —
старейшие
норки да каморки —
10 совсем
дооктябрьский
Елец аль Конотоп.
Первый —
ювелиры,
караул бессменный,
замок
зацепился ставням о бровь.
В сером
герои кино,
20 полисмены,
лягут
собаками
за чужое добро.
Третий —
спят бюро-конторы.
Ест
промокашки
рабий пот.
Чтоб мир
30 не забыл,
хозяин который,
на вывесках
золотом
«Вильям Шпрот».
Пятый.

Подсчитав
приданные сорочки,
мисс
перезрелая
40 в мечте о женихах,
вздымая грудью
ажурные строчки,
почесывает
пышных подмышек меха.
Седьмой.
Над очагом
домашним
высясь,
силы сберегши
50 спортом смолоду,
сэр
своей законной миссис,
узнав об измене,
кровавит морду.
Десятый.
Медовый.
Пара легла.
Счастливей,
чем Ева с Адамом были.
60 Читают
в «Таймсе»
отдел реклам
«Продажа в рассрочку автомобилей».
Тридцатый.
Акционеры
сидят увлечены,
делят миллиарды,
жадны и озабочены.
Прибыль
70 треста
«Изготовление ветчины
из лучшей
дохлой
чикагской собачины».
Сороковой.
У спальни
опереточной дивы.

В скважину
                                замочную,
80   сосредоточив прыть,
чтоб Кулидж дал развод,
                                детективы
мужа
                                должны
                                в кровати накрыть.
Свободный художник,
                                рисующий заочки,
дремлет в девяностом,
                                думает одно:
90 как бы ухажнуть
                                за хозяйской дочкой —
да так,
                                чтоб хозяину
                                всучить полотно.
А с крыши стаял
                                скатертный снег.
Лишь ест
                                в ресторанной выси
большие крохи
100   уборщик негр,
а маленькие крошки —
                                крысы.
Я смотрю,
                                и злость меня берет
на укывшихся
                                за каменный фасад.
Я стремился
                                за 7000 верст вперед,
а приехал
110   на 7 лет назад.

⟨1925⟩

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН

Если глаз твой
  врага не видит,
пыл твой выпили
  нэп и торг,
если ты
  отвык ненавидеть, —
приезжай
  сюда,
  в Нью-Йорк.
10 Чтобы, в мили улиц опутан,
    в боли игл
  фонарных ежей,
ты прошел бы
  со мной
  лилипутом
у подножия
  их этажей.
Видишь —
  вон
20   выгребают мусор —
на обедках
  с детьми пронянчиться,
чтоб в авто,
  обгоняя «бусы»,
ко дворцам
  неслись бриллиантщицы.
Загляни
  в окошки в эти —
здесь
30   наряд им вышили княжий,
только
  сталью глушит элеветер
хрип
  и кашель
  чахотки портняжей.

А хозяин —
                    липкий студень —
с мордой,
                    вспухшей на радость чирю́,
40 у работницы
                    щупает груди:
«Кто понравится —
                    удочерю!
Двести дам
                    (если сотни мало),
грусть
                    сгоню
                    навсегда с очей!
Будет
50 жизнь твоя —
                    Кони-Айланд,
луна-парк
                    в миллиард свечей».
Уведет —
                    а назавтра
                    звѣрья,
волчья банда
                    беспольх старух
проститутку —
60 в смолу и в перья,
и опять
                    в смолу и в пух.
А хозяин
                    в отеле «Плаза»,
через рюмку
                    и с богом сблизясь,
закатил
                    в поднебесье глазки:
«Сѣнк'ю
70 за хороший бизнес!»
Успокойтесь,
                    вне опасения
ваша трезвость,
                    нравственность,
                                    дети,
барабаны
                    «армий спасения»
вашу
                    в мир

80   трубят добродетель.
Бог
    на вас
          не разукоризнится:
с вас
    и маме их —
                  на платок,
и ему
    соберет для ризницы
божий менеджер,
90   поп Платон.
Клоб полиций
                  на вас не свалится.
Чтобы ты
    добрел, как кулич,
смотрит сквозь холеные пальцы
на тебя
    демократ Кулидж.
И, елозя
    по небьим сводам
100 стражем ханжества,
                  центов
                  и сала,
пялит
    руку
        ваша Свобода
над тюрьмою
    Элис-Айланд.

(1925)

ВЫЗОВ

Горы злобы
                  аж ноги гнут.
Даже
                  шея вспухает зобом.
Лезет в рот,
                  в глаза и внутрь,
оседая,
                  влезает злоба.
Весь в огне,
¹⁰   стою на Риверсайде.
Сбоку
                  фордами
                                  штурмуют мрака
  форт,
небоскребы
                                  локти скручивают
  сзади,
впереди
                                  американский флот.
²⁰ Я смеюсь
                                  над их атакою тройной.
Ники Картеры
                                  мою
  не доглядели визу.
Я
                                  полпред стиха —
  и я
  с моей страной
вашим штатишкам
³⁰   брошаю вызов.
Если
                                  кроха протухла,
  плéснится,
выбрось
                                  весь
  прогнивший кус.

Сплюнул я,
                    не доев и месяца
вашу доблесть,
40   законы,
                                    вкус.
Посылаю к чертям свинячим
все доллары
                    всех держав.
Мне бы
                    кончить жизнь
                                    в штанах,
  в которых
50   начал,
ничего
                    за век свой
                                    не стяжав.
Нам
                    смешны
                                    дозволенного зоны.
Взвод мужей,
                    остолбелей,
                                    цинизмом поражен.
Мы целуем
60   — незаконно! —
                                    над Гудзоном
ваших
                    длинноногих жен.
День наш
                    шумен.
                                    И вечер пышен.
Шлите
                    сыщиков
                                    в щелки слушать.
70 Пьем, плюя
                    на ваш прогибишен,
ежедневную
                    «Белую лошадь».
Вот и я
                    стихом побрататься
прикатил и вбиваю мысли,
не боящиеся депортаций:
ни сослать их нельзя
                                    и не выселить.

80 Мысль
                  сменяют слова,
  а слова —
  дела,
и, глядишь,
                  с небоскребов города,
раскачав,
                  в мостовые
  вбивают тела
Вандерлипов,
90   Рокфеллеров,
  Фордов.
Но пока
                  доллар
  всех поэм родовей.
Обирая,
                  лапя,
  хапая,
выступает,
                  порфирой надев Бродвей,
100 Капитал —
                  его препохабие.

⟨1925⟩

100 %

Шеры...

облигации...

доллары...

центы...

В винницкой глуши тьмутараканясь,
так я рисовал,

вот так мне представлялся
стопроцентный

американец.

¹⁰ Родила сына одна из жен.

Отвернув

пеленочный край,

акушер демонстрирует:

Джон как Джон.

Ол райт!

Девять фунтов,

глаза —

пяточки.

Ощерив зубовой ряд,

²⁰ отец

протер

роговые очки.

Ол райт!

Очень прост

воспитанья вопрос.

Ползает,

лапы марают.

Лоб расквасил —

ол райт!

³⁰

нос —

ол райт!

Отец говорит:

«Бездельник Джон.

Ни цента не заработал,

а гуляет!»

Мальчишка
Джон
выходит вон.

Ол райт!
40 Техас,
Калифорния,
Массачузэт.

Ходит
из края в край.
Есть хлеб —
ол райт!
нет —

ол райт!
Подрос,
50 поплевывает слюну,
Трубчонка
горит, не сгорает.
«Джон,
на пари,
пойдешь на луну?»

Ол райт!
Одну полюбил,
назвал дорогой.

В азарте
60 играет в рай.
Она изменила,
ушел к другой.

Ол райт!
Наследство Джону.
Расходов —
рой.

Миллион
растаял от трат.

Подсчитал,
70 улыбнулся —
найдем второй.

Ол райт!
Работа.
Хозяин —
лапчатый гусь —
обкрадывает
и обирает.

Джон
намотал

80   на бритый ус.
 Ол райт!
 Хозяин выгнал.
                                   Ну что ж!
 Джон
                           рассчитаться рад.
 Хозяин за кольт,
                                   а Джон за нож.
 Ол райт!
 Джон
 90   хозяйской пулей сражен.
 Шепчутся:
                           «Умирает».
 Джон услышал,
                           усмехнулся Джон.
 Ол райт!
 Гроб.
                           Квадрат прокопали черный.
 Земля —
                           как по крыше град.
 100 Врыли.
                           Могильщик
                                   вздохнул облегченно.
 Ол райт!
 Этих Джонов
                           нету в Нью-Йорке.
 Мистер Джон,
                           жена его
                                   и кот
 зажирели,
 110   спят
                           в своей квартирной норке,
 просыпаясь
                           изредка
                                   от собственных икот.
 Я разбезалаберный до крайности,
 но судьбе
                           не любящий
                                   учтиво кланяться,
 я,
 120   поэт,
                           и то американистей
 самого что ни на есть
                                   американца.

⟨1925⟩

АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ

Петров
Капланом
за пуговицу пойман.

Штаны
заплатаны,
как балканская карта.

«Я вам,
сэр,
назначаю апо́йнтман.

¹⁰ Вы знаете,
кажется,
мой апáртман?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткáра набита,
около
можете взять
²⁰ подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересадки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на кóрнере
у дрогс ликет,
а мне уж
и пинту
принес бутлегер.

³⁰ Приходите ровно
в сэвен оклóк, —
поговорим
про новости в городе
и проведем
по-московски вечерок —
одни свои:
жена да бóрдер.

А с джабом завозитесь в течение дня
или
40   раздумаете вовсе —
тогда
          обязательно
                          отзвоните меня.
Я буду
          в офисе».
«Гуд бай!» —
          разнеслось окрест
и кануло
          ветру в свист.
50   Мистер Петров
          пошел на Вест,
а мистер Каплан —
          на Ист.
Здесь, извольте видеть, «джаб»,
                          а дома
                                  «цуп» да «цус».
С насыпи
          язык
                          летит на полном пуске.
60   Скоро
          только очень образованный
                                  француз
будет
          кое-что
                          соображать по-русски.
Горланит
          по этой Америке самой
стоязыкий
          народ-оголтец.
70   Уж если
          Одесса — Одесса-мама,
то Нью-Йорк —
          Одесса-отец.

(1925)

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Издай, Кулидж,
радостный клич!
На хорошее
и мне не жалко слов.
От похвал
красней,
как флага нашего материйка,
хоть вы
и разъянайтед стетс
10 Америка. оф
Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется,
строг и прост, —
так я
в вечерней
20 сереющей мерещи
вхожу,
смиранный, на Бруклинский мост.
Как в город
в сломанный
прет победитель
на пушках — жерлом
жирафу под рост —
так, пьяный славой,
так жить в аппетите,
30 влезаю,
гордый,
на Бруклинский мост.
Как глупый художник
в мадонну музея
вонзает глаз свой,
влюблен и остр,

так я,
с поднебесья,
в звезды усеян,
40 смотрю
на Нью-Йорк
сквозь Бруклинский мост.
Нью-Йорк
до вечера тяжек
и душен,
забыл,
что тяжело ему
и высоко,
и только одни
50 домовьи души
встают
прозрачным свечением окон.
Здесь
еле зудит
элевейтеров зуд,
и только
по этому
тихому зуду
поймешь —
60 поезда́
с дребезжаньем ползут,
как будто
в буфет убирают посуду.
Когда ж,
казалось, с-под речки на́чатой
развозит
с фабрики
сахар лавочник, —
то
70 под мостом проходящие мачты
размером
не больше размеров булавочных.
Я горд
вот этой
стальной милей,
живьем в ней
мои видения встали —
борьба
за конструкции

80   вместо стилей,
 расчет суровый
     гаек
     и стали.
 Если
           придет
                                   окончание света —
 планету
                           хаос
                                   разделает в лоск,
 90 и только
                           один останется
     этот
 над пылью гибели вздыбленный мост,
 то,
           как из косточек,
     тоньше иголок,
 тучнеют
                           в музеях стоящие
     ящеры,
 100 так
           с этим мостом
     столетий геолог
 сумел
           воссоздать бы
     дни настоящие.
 Он скажет:
                   — Вот эта
     стальная лапа
 100 соединяла
                           моря и прерии,
 откуда
                   Европа
                                   рвалась на запад,
 пустив
           по ветру
     индейские перья.
 Напомнит
                           машину
     ребро вот это —
 120 сообразите,
                           хватит рук ли,
 чтоб, став
                           стальной ногой
     на Мангétен,

к себе
    за губу
        притягивать Бруклин?
По проводам
        электрической пряжи —
130 я знаю —
        эпоха
            после пара —
здесь
    люди
        уже
            орали по радио,
здесь
    люди
        уже
140   взлетали по аэро.
Здесь
    жизнь
        была
            одним — беззаботная,
другим —
        голодный
            протяжный вой.
Отсюда
    безработные
150 в Гудзон
        кидались
            вниз головой.
И дальше
    картина моя
        без загвоздки
по струнам-канатам,
        аж звездам к ногам.
Я вижу —
    здесь
160   стоял Маяковский,
стоял
    и стихи слагал по слогам.
Смотрю,
    как на поезд глядит эскимос,
впиваюсь,
    как в ухо впивается клещ,
Бруклинский мост —
да...
    Это вещь!

⟨1925⟩

КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»

Запретить совсем бы
ночи-негодяйке
выпускать
из пасти
столько звездных жал.
Я лежу, —
палатка
в кемпе «Нит гедайге».
Не по мне все это.
10 Ни к чему...
и жаль...
Взвоят
и замрут сирены над Гудзоном,
будто бы решают:
выть или не выть?
Лучше бы не были.
Пассажирам сонным
надо просыпаться,
20 думать,
есть,
любить...
Прямо
перед мордой
пролетает вечность —
бесконечночасый распустила хвост.
Были б все одеты,
и в белье, конечно,
если б время
ткало
не часы,
30 а холст.
Впрямь бы это
время
в приводной бы ремень, —
спустят
с холостого —
и чеши и сыпь!

Чтобы
не часы показывали время,
40 а чтоб время
честно
двигало часы.
Ну, американец...
тоже...
чем гордится.
Втер очки Нью-Йорком.
Видели его.
Сотня этажишек
в небо городится.
50 Этажи и крыши —
только и всего.
Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною —
во́ сто лет.
Что ж,
с мостицы с этого
60 глядим с презрением вниз мы?
Кверху нос задрали?
загордились?
Нет.
Мы
ничьей башки
мостами не морочим.
Что такое мост?
Приспособленье для простуд.
Тоже...
70 без домов
не проживете очень
на одном
таком
возвышенном мосту.
В мире социальном
те же непорядки:
три доллара за день,
на́ —
и отвяжись.
80 А у Форда сколько?
Что играть в прятки!

Ну, скажите, Ку́лидж, —
разве это жизнь?
Много ль
человеку
(даже Форду)
надо?
Форд —
в миллионах фордов,
90 сам же Форд —
в аршин.
Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада
разве мало
двух
просторнейших машин?
Лишек —
в МКХ.
100 Повесим ваш портретик.
Монумент
и то бы
вылепили с вас.
Кланялись бы детки,
вас
случайно встретив.
Мистер Форд —
отдайте!
110 Даст он...
Черта с два!

За палаткой
мир
лежит угрюм и темен.
Вдруг
ракетой сон
звонит в унынье в это:
«Мы смело в бой пойдём
за власть советов...»
Ну и сон приснит вам
120 полночь-негодаяка!
Только сон ли это?
Слишком громок сон.

Это
    КОМСОМОЛЬЦЫ
                    кемпа «Нит гедайге»
песней
    заставляют
                    плыть в Москву Гудзон.
20/IX (1925) Нью-Йорк

ДОМОЙ!

Уходите, мысли, восвояси!
Обнимись,
                                души и моря глубы
Тот,
кто постоянно ясен,
тот,
по-моему,
                                просто глуп.
Я в худшей каюте из всех кают —
¹⁰ всю ночь
                                надо мной
  ногами куют.
Всю ночь,
                                покой потолка возмутив,
несется танец,
                                стонет мотив:
«Маркита,
                                Маркита,
Маркита моя,
²⁰ зачем ты,
                                Маркита,
не любишь меня».
А зачем любить меня Марките?!
У меня
и франков даже нет!
А Маркиту
                                (толечко моргните!)
за сто франков
                                препроводят в кабинет.
³⁰ Небольшие деньги —
                                поживи для шику.
Нет,
интеллигент,
                                взбивая грязь вихров,

будешь всучивать ей
швейную машинку,
по стежкам
строчащую
шелка стихов.

40 Пролетарии
приходят к коммунизму низом,
низом шахт,
серпов
и вил.

Я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне

50 без него любви.

Все равно —
сослался сам я
или послан к маме,
слов ржавеет сталь,
чернеет баса медь.

Почему
под иностранными дождями
намочать мне,
гнить мне

60 и ржаветь.

Вот лежу,
уехавший за воды,
ленью
еле двигаю
моей машины части,
но себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.

70 Не хочу,
чтоб меня,
как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот.

Я хочу,
 чтоб в дебатах
                         потел Госплан,
 мне
     давая
 80   задания на год.
 Я хочу,
 чтоб над мыслью
 времен комиссар
 с приказанием нависал.
 Я хочу,
 чтоб сверхставками спеца
 получало
                 любвищу сердце.
 Я хочу,
 90   чтоб в конце работы
   завком
 запирали мои губы
                                 замком.
 Я хочу,
 чтоб к штыку
                         приравняли перо,
 с чугуном чтоб
                 и с выделкой стали
 о работе стихов
 100   от Политбюро
 пред съездом
                 докладывал Сталин:
 — Вот так, мол,
                 и так...
                                 до самых верхов
 прошли
                 из рабочих нор мы, —
 Коминтерн
                 и Союз
 110   в пониманье стихов
 достигли довоенной нормы.
 Я хочу
                 быть понят моей страной,
 а не буду понят —
                 что ж,
 по родной стране
                 пройду стороной,
 как проходит
                 косой дождь.

<1925>

КРАСНОДАР

Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
                                про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!
Вымыл все февраль
10   и вымел —
не февраль,
                                а прачка,
и гуляет
                                мостовыми
разная собачка.
Подпрыгивают фоксы —
показывают фокусы.
Кроме лапок,
                                вся, как вакса,
20   низко пузом стелется,
волочит
                                вразвалку
  такса
длинненькое тельце.
Бегут,
                                трусят дворняжечки —
мохнатенькие ляжечки.
Лайка
                                лает,
30   взвивши нос,
на прохожих Ванечек;
пес такой
                                уже не пес,
это —
                                одуванчик.

Легаша,
                  сеттерá,
мопсики, этцетерá.
Даже
40   если
              пара луж,
в лужах
                  сотня солнц юлится.
Это ж
              не собачья глушь,
а собачкина столица.
(1926)

«СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ»

Погода такая,
                        что маю впору.
Май —
                ерунда.
                        Настоящее лето.
Радуешься всему:
                                носильщику,
  контролеру
билетов.
10 Руку
        само
                подымает перо,
и сердце
                вскипает
                                песенным даром.
В рай
        готов
                расписать перрон
Краснодара.
20 Тут бы
        запеть
                соловью-трелёру.
Настроение —
                        китайская чайница!
И вдруг
        на стене:
                        «Задавать вопросы
  контролеру
        строго воспрещается!»
30 И сразу
        сердце за удилá.
Соловьев
                камнями с ветки.
А хочется спросить:
        — Ну, как дела?

Как здоровьице?

Как детки? —

Прошел я,

глаза

40

к земле низя́,

только подхихикнул,

ища покровительства.

И хочется задать вопрос,

а нельзя —

еще обидются —

правительство!

<1926>

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
10 Нет, Есенин,
это
не насмешка,
в горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
врезанной рукой помешкав,
собственных
костей
20 качаете мешок.
— Прекратите!
бросьте!
вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?
Вы ж
такое загибать умели,
30 что другой
на свете
не умел.
Почему,
зачем?
Недоуменье смяло.

Критики бормочут:
— Этому вина
то... да сё,
а главное,
40 что смычки мало,
в результате
много пива и вина. —
Дескать,
заменить бы вам
богему
классом,
класс влиял на вас,
и было б не до драк.
Ну, а класс-то
50 жажду
заливает квасом?
Класс — он тоже
выпить не дурак.
Дескать,
к вам приставить бы
кого из напостóв —
стали б
содержанием
премного одарённой.
60 Вы бы
в день
писали
строк по сто,
утомительно
и длинно,
как Доронин.
А по-моему,
осуществись
такая бредь,
70 на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.

80 Может,
окажись
                                чернила в «Англетере»,
вены
                резать
                                не было б причины.
Подражатели обрадовались:
  бис!
Над собою
                чуть не взвод
90   расправу учинил.
Почему же
                увеличивать
                                число самоубийств?
Лучше
                увеличь
                                изготовление чернил!
Навсегда
                теперь
                                язык
100   в зубах затворится.
Тяжело
                и неуместно
                                разводить мистерии.
У народа,
                у языкотворца,
умер
                звонкий
                                забуддыга подмастерье.
И несут
110   стихов заупокойный лом,
с прошлых
                с похорон
                                не переделавши почти.
В холм
                тупые рифмы
                                загонять колом —
разве так
                поэта
                                надо бы почтить?
120 Вам
                и памятник еще не слит, —

где он,
     бронзы звон
                     или гранита грань? —
 а к решеткам памяти
                     уже
                     понанесли
 посвящений
     и воспоминаний дрянь.
¹³⁰ Ваше имя
     в платочки рассоплено,
 ваше слово
     слюнявит Собинов
 и выводит
     под березкой дохлой —
 «Ни слова, о друг мой,
                     ни вздо-о-о-о-ха».
 Эх,
     поговорить бы и́наче
¹⁴⁰ с этим самым
                     с Леонидом Лознгринычем!
 Встать бы здесь
     гремящим скандалистом:
 — Не позволю
                     мямлить стих
                                     и мять! —
 Оглушить бы
                     их
                     трехпалым свистом
¹⁵⁰ в бабушку
     и в бога душу мать!
 Чтобы разнеслась
                     бездарнейшая погань,
 раздувая
     тьмь
                     пиджачных парусов,
 чтобы
     врассыпную
                     разбежался Коган,
¹⁶⁰ встреченных
                     увеча
                     пиками усов.
 Дрянь
     пока что
                     мало поредела.

Дела много —
                                только поспевать.

Надо
    жизнь
170   сначала переделать,
переделав —
                        можно воспевать.

Это время —
                        трудоновато для пера.

Но скажите
    вы,
                        калеки и калекши,
где,
    когда,
180   какой великий выбирал
путь,
                        чтобы протоптанней
  и легше?

Слово —
    полководец
                        человечьей силы.

Марш!
    чтоб время
                        сзади
190   ядрами рвалось.

К старым дням
                        чтоб ветром
                                относило
только путаницу волос.

Для веселия
    планета наша
                        мало оборудована.

Надо
    вырвать
200   радость
                        у грядущих дней.

В этой жизни
    помереть
                        не трудно —
сделать жизнь
                        значительно трудней.

⟨1926⟩

**МАРКСИЗМ – ОРУЖИЕ,
ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД.
ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ
МЕТОД ЭТОТ!**

Штыками
двух столетий стык
закрепляет
рабочая рать.
А некоторые
употребляют штык,
чтоб им
в зубах ковырять.
Все хорошо:
10 поэт поет,
критик
занимается критикой.
У стихотворца –
корытце свое,
у критика –
свое корытико.
Но есть
не имеющие ничего,
20 окромя
красивого почерка.
А лезут в книгу,
хваля
и грома
из пушки
критического очерка.
А чтоб
имелось
научное лицо
у этого
30 вздора злопыханного –
всегда
на столе

покрытый пылью
 неразрезанный том
 Плеханова.
 Зазубрит фразу
 (ишь, ребята!)
 и ходит за ней,
 как за няней.

40 Бытье —
 а у этого — еда и питье
 определяет сознание.
 Перелистывая
 авторов
 на букву «эл»,
 фамилию
 Лермонтова
 встретя,
 критик выясняет,
 50 что́ он ел
 на первое
 и что на третье.
 Шампанское пил?
 Выпивал, допустим.
 Налет буржуазный густ.
 А его
 любовь
 к маринованной капусте
 доказывает
 60 помещичий вкус.
 В Лермонтове, например,
 чтоб далеко не идти,
 смысла
 не больше,
 чем огурцов в акации.

Целые
 хоры
 небесных светил,
 и ни слова
 70 об электрификации.
 Но,
 очищая ядро
 от фразерских корок,
 бобы —
 от шелухи лиризма,

признаю,
                                 что Лермонтов
   близок и дорог
 как первый
 80   обличитель либерализма.
 Массам ясно,
                                 как ни хитри,
 что, милюковски юля,
 светила
                                 у Лермонтова
   ходят без ветрил,
 а некоторые —
                                 и без руля.
 Но так ли
 90   разрабатывать
   важнейшую из тем?
 Индивидуализмом пичкать?
 Демоны в ад,
                                 а духи —
   в эдем?
 А где, я вас спрашиваю, смычка?
 Довольно
                                 этих
   божественных легенд!
 100 Любою строчкой вырванной
 Лермонтов
                                 доказывает,
   что он —
   интеллигент,
 к тому же
                                 деклассированный!
 То ли дело
                                 наш Степа
 — забыл,
 110   к сожалению,
   фамилию и отчество, —
 у него
                                 в стихах
   Коминтерна топот...
 Вот это —
                                 настоящее творчество!
 Степа —
                                 кирпич
   какого-то здания,

120 не ему
        разговаривать вкось и вкривь.
Степа
        творит,
                не затемняя сознания,
без волокиты аллитераций
  и рифм.
У Степы
        незнание
  точек и запятых

130 заменяет
        инстинктивный
  массовый разум,
потому что
        батрачка —
  мамаша их,
а папаша —
        рабочий и крестьянин сразу.
В результате
        вещь
140   ясней помидора
обволакивается
        туманом сизым,
и эти
        горы
                нехитрого вздора
некоторые
        называют марксизмом.
Не говорят
        о веревке
150   в журнале повешенного
не изменить
        шаблона прилежного.
Лежнев зарадуется —
  «он про Вешнева».
Вешнев — «он про Лежнева».

19/IV (19)26 г.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Товарищ солнце, — не щерься и не ящерься! — Вели облакам своротить с пути! — Сегодняшний праздник — праздник трудящихся, — и нечего саботажничать: взойди и свети!

Тысячи лозунгов, знаменами избранных, — зовут к борьбе за счастье людей, — а кругом пока — толпа безпризорных. — Что несправедливей, злей и лютей?!

Смотри: над нами красные шелка — словами бессребрянными затканы, — а у скольких еще бока кошелька —¹⁰ оттопыриваются взятками?

Подняв надзнаменных звезд рогулины, — сегодня по праву стойте и ходите! — А мало ли буден у нас прогулено? — Мало простоено? Сколько хотите!

Наводненье видели? В стены домьи — бьется льдина, мокра и остра. — Вот точно так режим экономии — распирает у нас половодье растрат.

Товарищ солнце, скажем просто: дыр и прорех у нас до чёрта. — Рядом с делами огромного роста — целая коллекция прорв и недочетов.

²⁰ Солнце, и в будни лезь из-за леса, — жги и не пяться на попятный! — Выжжем, выжжем каленым железом — эти язвы и грязные пятна!

А что же о мае, поэтами опетом? — Разве п-е-р-в-о-г-о такими поздравлениями бодрят? — А по-моему: в о - п е р - в ы х, подумаем об этом, — если есть свободные три дня подряд.

(1926)

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

В центре мира —
  стоит Гиз.
Оправдывает штаты служебный раж.
Чтоб книгу
  народ
  зубами грыз,
наворачивается
  миллионный тираж.
Лицо
10   тысячеглазого треста
  блестит
электричеством ровным.
Вшивают
  в Маркса
  Аверченковы листы,
выписывают гонорары Цицеронам.
Готово.
  А зав
  упрется назавтра
20 в заглавие,
  как в забор дышлом.
Воедино
  сброшюровано
  12 авторов!
— Как же это, родимые, вышло?? —
Темь
  подвалов
  тиражом бея,
залегает знание —
30   и лишь
бегает
  по книжным штабелям
жирная провинциалка —
  мышь.
А читатели
  сидят
  в своей уездной яме,

иностранным упиваются,
                                мозги щадя.

40 В Африки
                        вослед за Бенуями
улетают
                        на своих жилплощадах.
Званье
                        «пролетарские»
  нося как эполеты,
без ошибок
                        с Пушкина
  списав про вёсны,

50 выступают
                        пролетарские поэты,
развернув
                        рулоны строф повёрстных.
Чем вы — пролетарий,
  уважаемый поэт?
Вы
                        с богемой слились
  9 лет назад.

Ну скажите,
                                уважаемый пролет,

60 вы давно
                        динаму
  видели в глаза?
— Извините
                        нас,
  сермяжных,
  за стишенок неудачненький.

Не хотите
                        под гармошку поплясать ли? —

70 Это,
                        в лапти нарядившись,
  выступают дачники
под заглавием
                                — крестьянские писатели.
О, сколько нуди такой городимо,
от которой
                                мухи падают замертво!
Чего только стоит
                                один Радимов

80 с греко-рязанским своим гекзаметром!

Разлунивши
                                лысины лачки,
убежденно
                                взявши
  ручку в ручки,
бороденок
                                теребя пучки,
честно
                                пишут про Октябрь
90   попутчики.
Раньше
                                маленьким казался и Лесков —
рядышком с Толстым
  почти не виден.
Ну скажите мне,
                                в какой же телескоп
в те недели
                                был бы виден Лидин?!
— На Руси
100   одно веселье —
  пити... —
А к питью
                                подай краюху
  и кусочек сыру.
И орут писатели
                                до хрипоты
  о быте,
увлекаясь
                                бытом
110   госиздатовских кассиров.
Варят чепуху
                                под клúбы
  трубочного дыма —
всякую уху
                                сожрет
  читатель Фока.
А неписаная жизнь
                                проходит
  мимо
120   улицею фыркающих окон.
А вокруг
                                скачут критики
  в мыле и пене:

– Здорово пишут писатели, братцы!
– Гений – Казин,
Санников – гений...

Все замечательно!
Рады стараться! –

С молотка
¹³⁰ литература пущена.

Где вы,
сеятели правды
или звезд сиятели?

Лишь в четыре этажа халтурщина:

Гиза,
критика,
читаки
и писателя.

Нынче
¹⁴⁰ стала
зелень веток в редкость,

гол
литературы ствол.

Чтобы стать
поэту крепкой веткой –
выкрепите мастерство!

⟨1926⟩

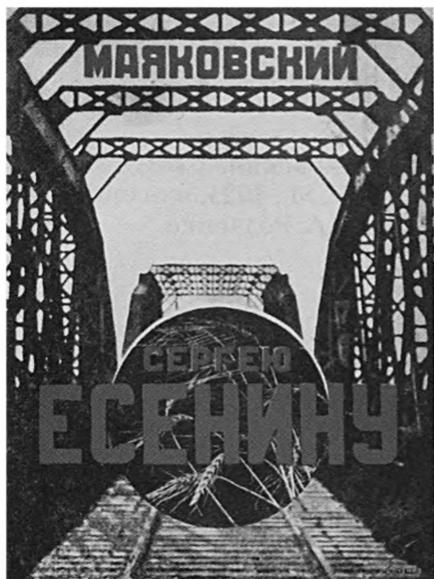

Владимир Маяковский.
Фотография. 1926

Сергею Есенину
Вы души
как говоритесь — в шур в шур —
Низра,
лучше в рубчик в рубчик,
но где аванта
на тибной —
Грузовик,
куп Есенин —
но не пишется.
В горле
перо сокола — не слышок.
Вот в рубчатой рубчатой пошевелит
собратьники
господи
какая же шок.
Пространство!
пространство!
Вы в своем уме вы?
Душ
чтоб из себя
замыслил
собратьники или?!!
Вот — расе
замыслил есенин
что брешь
на свете
но утратил.
Почему?
Зачем?
Кричат в рубчатой
недоумение слышно
продумывание
То... со... анализ
что слышат слышно...

Нуш
что бы проговорили и слыше?
Фил Есенин
какая же
мало оборудована
кадо
высказ
работы
у есенина есть.
В этой рубчатой
пошевелит
не трудно
ссылать рубчатой
ушибленные рубчатой.
В.В. Маяковский.

В.В. Маяковский.
«Сергею Есенину».
Беловой автограф
стихотворения. 1926

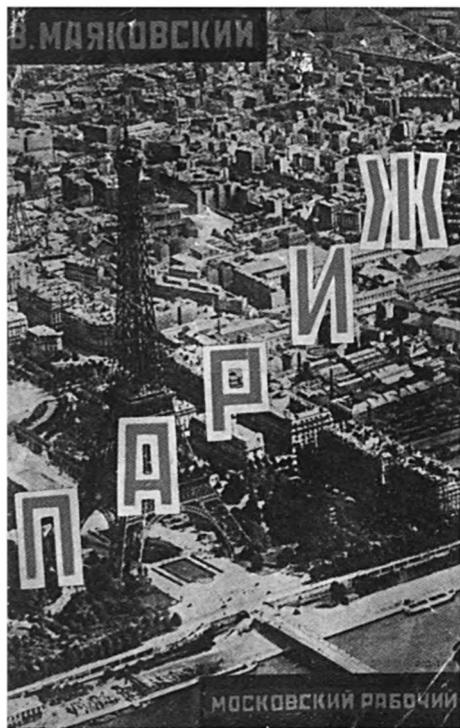
В.В. Маяковский.
«Сергею Есенину». Тифлис, 1926.
Обложка А. Родченко

В.В. Маяковский. «Вещи этого года».
Москва; Берлин, 1924.
Обложка

В.В. Маяковский.
«Только новое». М.; Л., 1925.
Обложка А. Изенберга

В.В. Маяковский.
«Париж». М., 1925.
Обложка А. Родченко

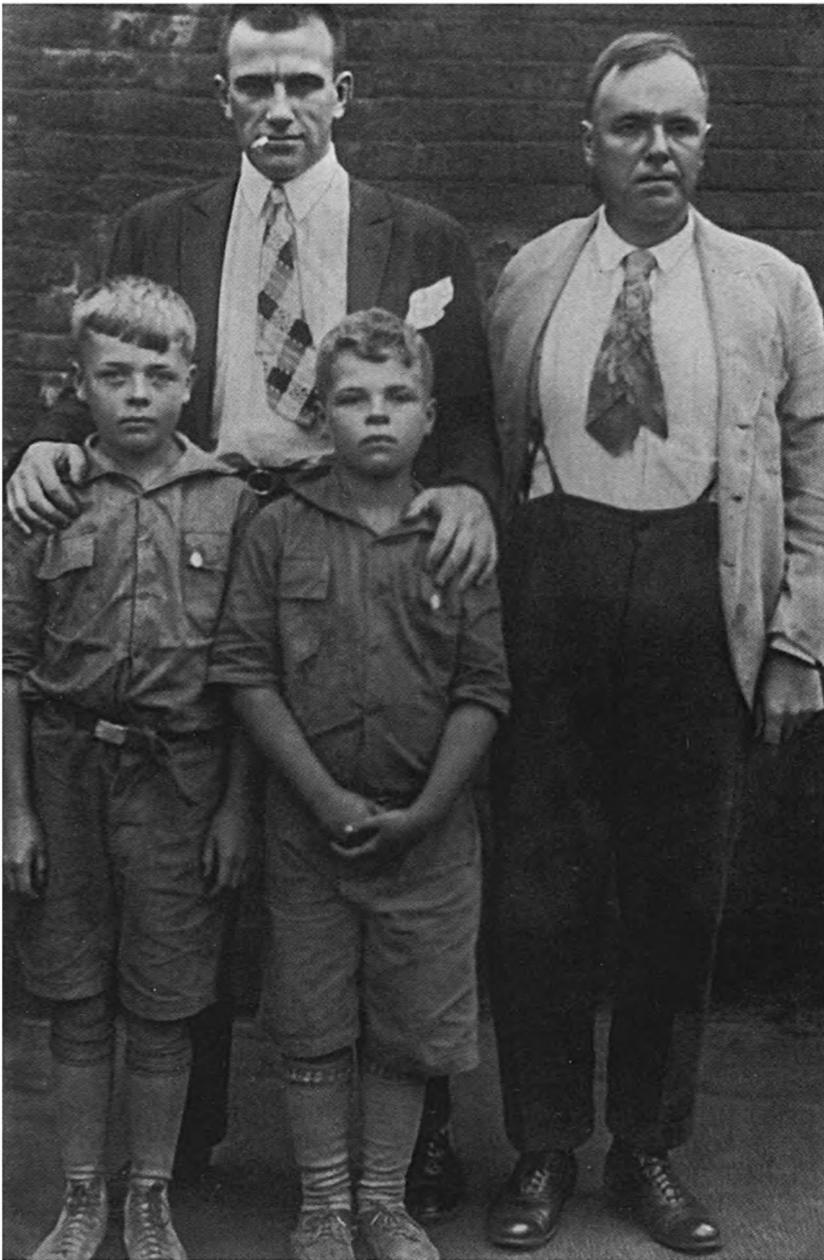
Владимир Маяковский
в Париже.
Фотография П. Шумова. 1925

В. Маяковский и Ф. Морено.
Мехико, 1925

Д. Ривера.
Рисунок к стихотворению
В. Маяковского «Наш марш»
в переводе на испанский язык.
1925

В. Маяковский и Д. Бурлюк с сыновьями Давидом и Никифором.
Нью-Йорк, 1925

В.В. Маяковский.
«Солнце в гостях у Маяковского».
Нью-Йорк, 1925. Обложка Д. Бурлюка

Элли Джонс.
Рисунок Д. Бурлюка.
1925

Афиша
выступления Маяковского.
Чикаго, 1925

В.В. Маяковский.
Открытие Америки. Нью-Йорк, 1925.
Обложка Д. Бурлюка

Атлантический океан 1

Испанский камень слезяц и бел
и стень

зубьями, пил.

Параход

до 12 ти
уголь ел

и пресную воду пил.

Повел

параход

окованным носом

и в час

сойд

вобрал екоря

и потессея

Европа

скрылась млыгасб

негут

по бортам

водяные швыбы

пропные как вода.

надо много прицы,

надо много рыбы,

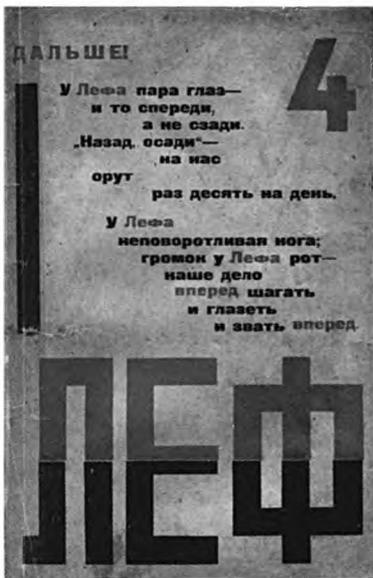
а кругом

вода.

В. Маяковский после возвращения из Америки.
Сидят: Э. Триоле, Л. Брик, Р. Кушнер, Е. Пастернак, О. Третьякова.
Стоят: В. Маяковский, О. Брик, Б. Пастернак, С. Третьяков,
В. Шкловский, Л. Гринкруг, О. Бескин, П. Незнамов. 1925

В.В. Маяковский.
 «Испания. Океан. Гавана.
 Мексика. Америка».
 М.; Л., 1926.
 Обложка А. Родченко

Журнал «Левф». 1924. № 4.
 Обложка

«Левф или блеф». Афиша.
 1927

Встреча с японским писателем Тамидзи Найто. Слева направо:
Т. Найто, Б. Пастернак, С. Эйзенштейн, О. Третьякова,
Л. Брик, В. Маяковский, А. Вознесенский и неуст. лицо. 1924

Владимир Маяковский читает стихи.
Кадр кинохроники. 1925

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАНЯ ДЫЛДИН.

Парень дурак:
— как зовут, мил?—

Пле,
сойла
и своя дура,
подмигнув под щелку руку,
Колени,
удивил зыбку—
С косяком и чашей
разной раскаты
шлетася.

Давило
на комически,
Господи,
угрюмо стои,
Удивительно—

Толстой и
Ваня Дылдин.

Мне попал,
что мне попал.

Я
впечатлительный ду,
По слабости
по слабости

Я
краси
на в глазах общества.
Прошу
мне

от всякой
всесоветности.

Оттаки
впечатлительным

Я
под слезу для колесной,
Жела,
мне и раньше,
друзьями видеть.
— Вот фронт,
но славасть ины!

Там,
та истинной зналой,
Грозится Зинченко,
И пле бакутский в шепот,
Прислушивается лерок,
А Лодкин—

человек,
внуки
подумать
не жалится,
Лезути впер,
идеи толка:

Рабочий,
костяки,
будь готов!

Будь готов,
будь рад
стать

красноармейцем в ряд.

Стихотворение и рисунки Вя. Маяковского.

Подписатель
Ваня Дылдин
был

сосою
очень видел.

Рост
(длинной ножек стешней!)—

Самый
без сетки вершков.

Славил!
За пошлу клас.

Телен
раз

миле мой шкаф.

Только
аря у арня сыма:

гулеть вперь
до булка.

Былает,
он на все класуш,—

вдружил
красильнику!

Пом
и мешки

скажут прыган.

Скажут клас за клетка.

Ходит
вперь и впераст,

что на фосо—
«А перду хрест».

Но скажать о нем далеко.

Общай три сани—
—Векна!

Шла дорога много
через Драгомилово

На это в—
букашный ласт.

Оборачивал скандалист,
Нали бумага,

и на ней
вечено:

— Принять парней—
Мен штише истрим

или Союз—
сатише.

Чтоб клануть
врагов оружие

владоса
кандуше оружан.

Намизму,
или клануть, тсно:

Нечего бакуш— Сига,
мело в клануть,

вадо в Красной
вадо в дожи скалуть.

С ого-челка—
калеть с кл.

Нали вора
и ворла клас

Издатель: «Культурная революция».

Универсальный редактор Д. В. Антонов.

Москва, Арбат, Филиппки, в. 31. Тираж 76.109.

В.В. Маяковский.
«Разговор с фининспектором
о поэзии».
Тифлис, 1926.
Обложка А. Родченко

Владимир Маяковский.
Шарж Кукрыниксов

Владимир Маяковский.
Фотография А. Родченко. 1924

Владимир Маяковский с собакой Скотиком.
Пушкино, 1927.
Фотография А. Родченко

АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ

Вокзал оцепенел.

Онемевает док.

Посты полиции,

заводчикам в угоду.

От каждой буквы

замиранья холодок,

как в первый день

семнадцатого года.

Радио

¹⁰ стальные шеи своротили.

Слушают.

Слушают –

что из-за Ламанша?

Сломают?

Сдадут?

Предадут?

или –

красным флагом нам замашут?

Слышу,

²⁰ слышу

грузовозов храп...

Лязг оружия...

Цоканье шпор...

Это в док

идут штрейкбрехера.

Море,

им в морду

выплесни шторм!

Слышу,

³⁰ слышу, расступается челядь.

К своему хозяину,

не вяжущему лык,

сэр Макдональд

пошел церетелить.

Молния,

прибей соглашательский язык!

Слышу —
                    плач промелькнул мельком.
Нечего есть.
40   И нечего хлебать.
Туман,
                    к забастовщикам
                                    теки молоком!
Камни,
                    обратитесь в румяные хлеба!
Радио стало.
                    Забастовала высь.
Пусто,
                    ни слова —
50   тишь да гладь.
Земля,
                    не гони!
                                    земля, остановись!
Дай удержаться,
                                    дай устоять!
Чтоб выйти
                    вам
                                    из соглашательской опеки,
чтоб вам
60   гореть,
                                    а не мерцать —
вам наш привет
                                    и наши копейки,
наши руки
                                    и наши сердца.
Нам
                    чужды
                                    политиков шарады.
Большевикам
70   не надо аллегорий.
Ваша радость —
                                    наша радость!
Боль —
                    это наша боль
                                    и горе.
Мне бы
                    сейчас
                                    да птичью должность.

Я бы в Лондон!
80 Целые пять,
пять миллионов — простите за восторженность! —
взял бы, обнял
и стал целовать.

(1926)

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство...
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства:
о месте
10   поэта
                  в рабочем строю.
В ряду
                  имеющих
                  лабазы и уголья
и я обложен
                  и должен караться.
Вы требуете
                  с меня
                  пятьсот в полугодие
20 и двадцать пять
                  за неподачу деклараций.
Труд мой
                  любому
                  труду
                  родствен.
Взгляните —
                  сколько я потерял,
какие
                  издержки
30   в моем производстве
и сколько тратится
                  на материал.
Вам,
                  конечно, известно
                  явление «рифмы».

Скажем,
         строчка
                     окончилась словом
                                     «отца»,
 40 и тогда
         через строчку,
                                 слога повторив, мы
 ставим
         какое-нибудь:
                     ламцагрица-ца.
 Говоря по-вашему,
                     рифма —
                                 вексель.
 Учесь через строчку! —
 50 И ищешь   вот распоряжение.
         мелочишку суффиксов и флексий
 в пустующей кассе
                     склонений
                                 и спряжений.
 Начнешь это
         слово
                     в строчку всовывать,
 а оно не лезет —
 60   нажал и сломал.
 Гражданин фининспектор,
                                 честное слово,
 поэту
         в копеечку влетают слова.
 Говоря по-нашему,
                     рифма —
                                 бочка.
 Бочка с динамитом.
                     Строчка —
 70   фитиль.
 Строка додымит,
                                 взрывается строчка, —
 и город
         на воздух
                     строфой летит.
 Где найдешь,
         на какой тариф,
 рифмы,
         чтоб враз убивали, нацелясь?

⁸⁰ Может,
 пятóк
 небывалых рифм
 только и остался
 что в Венецуэле.
 И тянет
 меня
 в холода и в зной.
 Бросаюсь,
 опутан в авансы и в займы я.

⁹⁰ Гражданин,
 учтите билет проездной!
 Поэзия
 – вся! –
 езда в незнаемое.
 Поэзия –
 та же добыча радия.
 В грамм добыча,
 в год труды.
 Изводишь
¹⁰⁰ единого слова ради
 тысячи тонн
 словесной руды.
 Но как
 испепеляюще
 слов этих жжение
 рядом
 с тлением
 слова-сырца.

¹¹⁰ Эти слова
 приводят в движение
 тысячи лет
 миллионов сердца.
 Конечно,
 различны поэтов сорта.
 У скольких поэтов
 легкость руки!
 Тянет,
 как фокусник,
 строчку изо рта
¹²⁰ и у себя
 и у других.
 Что говорить
 о лирических кастратах?!

Строчку
чужую
вставит — и рад.
Это
обычное
воровство и растрата
130 среди охвативших страну растрат.
Эти
сегодня
стихи и оды,
в аплодисментах
ревомяе ревямя,
войдут
в историю
как накладные расходы
на сделанное
140 нами —
двумя или тремя.
Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово
150 из артезианских
людских глубин.
И сразу
ниже
налога рост.
Скиньте
с обложенья
нуля колесо!
Рубль девяносто
сотня папирос,
160 рубль шестьдесят
столовая соль.
В вашей анкете
вопросов масса:
— Были выезды?
или выездов нет? —

А что,
если я
десяток пегасов
загнал
170 за последние
15 лет?!

У вас
— в мое положение войдите —
про слуг
и имущество
с этого угла.

А что,
если я
народа водитель
180 и одновременно —
народный слуга?

Класс
гласит
из слова из нашего,
а мы,
пролетарии,
двигатели пера.

Машину
души
190 с годами изнашиваешь.

Говорят:
— в архив,
исписался,
пора! —

Все меньше любитя,
все меньше дерзается,
и лоб мой
время
с разбега крушит.

200 Приходит
страшнейшая из амортизаций —
амортизация
сердца и души.

И когда
это солнце
разжиревшим боровом
взойдет
над грядущим
без нищих и калек, —

210 я
уже
сгнию,
умерший под забором,
рядом
с десятком
моих коллег.
Подведите
мой
посмертный баланс!

220 Я утверждаю
и — знаю — не налгу:
на фоне
сегодняшних
дельцов и пролаз
я буду
— один! —
в непролазном долгу.
Долг наш —
реветь
медногорлой сиреной

230 в тумане мещанья,
у бурь в кипеньи.
Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на горе
проценты
и пени.

240 Я
в долгу
перед бродвейской лампионией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.

250 А зачем
вообще
эта шапка Сене?

Чтобы — целься рифмой
и ритмом яришь?
Слово поэта —
ваше воскресение,
ваше бессмертие,
гражданин канцелярист.
Через столетья
260 в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет
день этот
с фининспекторами,
с блеском чудес
и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный житель,
выправьте
270 в энкапезс
на бессмертье билет
и, высчитав
действие стихов,
разложите
заработок мой
на триста лет!
Но сила поэта
не только в этом,
что, вас
280 вспоминая,
в грядущем икнут.
Нет!
и сегодня
рифма поэта —
ласка
и лозунг,
и штык,
и кнут.
Гражданин фининспектор,
290 я выплачу пять,
все
нули
у цифры скрестя!
Я
по праву
требую пядь

в ряду
    беднейших
                    рабочих и крестьян.
300 А если
        вам кажется,
                    что всего делов —
это пользоваться
                    чужими словесами,
то вот вам,
                товарищ,
                    мое стилó,
и можете
                писать
310   сами!

(1926)

МОСКОВСКИЙ КИТАЙ

Чжан Цзолин,
                                  да У Пейфу,
  да Суй да Фуй –
разбирайся,
                                  от усилий в мыле!
Натошак
                                  попробуй
  расшифруй
путаницу
¹⁰   раскитаенных фамилий!

Эта жизнь
                                  отплыла сновиденьем,
здесь же –
  только звезды
  поутру утрут –
ДЫМ
                                  уже
  встает над заведением:
«Китайский труд».
²⁰ Китаец не рыбка,
не воробей на воротах,
надо
                                  «шибака»
ему работать.
Что несет их
  к синькам
  и крахмалам,
за 6 тысяч верст
  сюда
³⁰ кидает?
Там
                                  земля плохая?
  Рису, что ли, мало?

Или
           грязи мало
                                 для мытья
   в Китае?

Длинен всегда
 день труда.
 40 Утюг сюда,
    утюг туда.
    Тихо здесь,
                         коты
                                 лежат и жмурятся.

И любой
                         рабочий
                                 защищен.

А на родине
                         мукденцы
 50   да маньчжурцы...

Снимут голову —
                                 не отрастишь еще.

Тяжело везде,
 да не надо домой,
 лучше весь день
 гладь
                 да мой!

У людей
 60   единственная
                                 фраза на губах,
 все одно и то же,
                                 явь ли
   или сон:

— В пятницу
                         к двенадцати
                                 пять рубак! —

— В среду
                         к обеду
                                 семь кальсон! —

70 Не лучший труд —
    бумажные розы.
    Мальчишки орут:
    — У-у-у!
                         Китаёзы! —

Повернется,
                         взглядом подарив,

от которого

зажглось

лицо осеннее...

⁸⁰ Я

хотя

совсем не мандарин,

а шарахаюсь

от их косения.

Знаю,

что, когда

в Китай

придут

октябрьские повторы

⁹⁰ и сшибется

класс о класс, —

он покажет им,

народ,

который

косоглаз.

(1926)

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

Довольно
сонной,
расслабленной праздности!

Довольно
козырянья
в тысячи рук!

Республика искусства
в смертельной опасности —
в опасности краска,
10 слово,
звук.

Громы
зажаты
у слова в кулаке, —
а слово
зывается
только с тем,
чтоб кланялось
20 событию
слово-лакей,
чтоб слово плелось
у статей в хвосте.

Брось дрожать
за шкуры скряжи!
Вперед забегайте,
не боясь суда!

Зовите рукой
с грядущих кряжей:
30 «Пролетарий,
сюда!»

Полезли
одиночки
из миллионной давки —
такого, мол,
другого
не увидишь в жисть.

Каждый
рад
40 подставить бородавки
под увековечливую
ахровскую кисть.
Вновь
своя рубаха
ближе к телу?
А в нашей работе
то и ново,
что в громаде,
класс которую сделал,
не важно
50 сделанное
Петровым и Ивановым.
Разнообразны
души наши.
Для боя — гром,
для кровати —
шепот.
А у нас
для любви и для боя —
марши.
60 Извольте
под марш
к любимой шлепать!
Почему
теперь
про чужое поем,
изъясняемся
ариями
Альфреда и Травиаты?
И любви
70 придумаем
слово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.
В годы голода,
стужи-злюки
разве
филармонии играли окрест?
Нет,
свои,
80 баррикадные звуки

нашел
    гудков
        медногорлый оркестр.
Старью
    революцией
        поставлена точка.
Живите под охраной
        музейных оград.
Но мы
90   не предадим
        кустарям-одиночкам
ни лозунг,
        ни сирену,
        ни киноаппарат.
Наша
    в коммуны
        не иссякнет вера.
Во имя коммуны
        жмись и мнись.
100 Каждое
        сегодняшнее дело
                меряй,
как шаг
        в электрический,
                в машинный коммунизм.
Довольно домашней,
        кустарной праздности!
Довольно
        изделий ловких рук!
110 Федерация муз
        в смертельной опасности —
в опасности слово,
        краска
        и звук.

(1926)

ВЗЯТОЧНИКИ

Дверь. На двери —
«Нельзя без доклада».
Под Марксом,
в кресло вкресленный,
с высоким окладом,
высок и гладок,
сидит
облеченный ответственный.
На нем
10 контрабандный подарок — жилет,
в кармане —
ручка на страже,
в другом
уголочком торчит билет
с длиннющим
подчищенным стажем.
Весь день —
сплошная работа уму.
На лбу —
20 непролазная дума:
к кому
ему
устроить куму,
кому приспособить кума?
Он всюду
пристроил
мелкую сошку,
везде
у него
30 по лазутчику.
Он знает,
кому подставить ножку
и где
иметь заручку.
Каждый на месте:

невеста —
в тресте,
кум —
в ГУМ,
40 брат —
в наркомат.
Все шире периферия родных,
и
в ведомостичках узких
не вместишь
всех сортов наградных —
спецставки,
танъемы,
нагрузки!
50 Он специалист,
но особого рода:
он
в слове
мистику стер.
Он понял буквально
«братство народов»
как счастье братьев,
тетя
и сестер.
60 Он думает:
как сократить ему штаты?
У Кэт
не глаза, а угли...
А может быть,
место
оставить для Наты?
У Наты формы округлей.
А там
в приемной —
70 сдержанный гул,
и воздух от дыма спирается.
Ответственный жмет плечьями:
— Не могу!
Нормально...
Дела разбираются!
Зайдите еще
через день-другой... —
Но дней не дожидаться жданных.

Напрасно
80 проситель
согнулся дугой.
— Нельзя...
Не имеется данных! —
Пока поймет!
Обшаркав паркет,
порывшись в своих чемоданах,
проситель
кладет на суконце пакет
с листами
90 новейших данных.
Простился.
Ладонью пакет заслоня
— взрумянились щеки-пончики, —
со сладострастием,
пальцы слюня,
мерзавец
считает червончики.
А давший
по учрежденью орет,
100 от праведной гневности красен:
— Подать резолюцию! —
И в разворот
— во весь! —
на бумаге:
«Согласен»!
Ответственный
мчит
в какой-то подъезд.
Машину оставил
110 по праву.
Ответственный
ужин с любовницей ест,
ответственный
хлещет «Абрау».
Любовницу щиплет,
весел и хитр.
— Вот это
подарочки Сонечке.
Вот это, Сонечка,
120 вам на духи.
Вот это
вам на кальсончики... —

Такому
в краже рабочих тыщ
для ширмы октябрьское зарево.
Он к нам пришел,
чтоб советскую нищ
на кабаки разбазаривать.
Я
130 белому
руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.
Я лишь усмехнусь:
— А здорово вам
наши
намылили шею! —
Укравшему хлеб
не потребуешь кар.
Возможно
140 простить и убийце.
Быть может, больной,
сумасшедший угар
в душе
у него
клубится.
Но если
скравший
этот вот рубль
ладонью
150 ладонь мою тронет,
я, руку помыв,
кирпичом ототру
поганую кожу с ладони.
Мы белым
едва обломали рога;
хромает
пока что
одна нога, —
для нас,
160 полусытых и латочных,
страшней
и гаже
любого врага —
взяточник.

Железный лозунг
партией дан.
Он нам
недешево дался!
Долой присосавшихся
170 к нашим
рядам
и тех,
кто к грошам
присосался!
Нам строиться надо
в гигантский рост,
но эти
обсели кассы.
Каленым железом
180 выжжет нарост
партия
и рабочие массы.
<1926>

В ПОВЕСТКУ ДНЯ

Ставка на вас,
  комсомольцы товарищи, —
на вас,
  грядущее творящих!
Петь
  заставьте
  быт тарабарящий!
Расчистьте
  квартирный ящик!
10 За десять лет
  — устанешь бороться, —
расшатаны
  — многие! —
  тряской.

Заплыло
  тиной
  быта болотце,
покрылось
  будничной ряской.

20 Мы так же
  сердца наши
  ревностью жжем —
и суд наш
  по-старому скорый:
мы
  часто
  наганом
  и финским ножом

30 решаем —
  любовные споры.
Нет, взвидя,
  что есть
  любовная ржа,
что каши вдвоем
  не сварись, —
ты зубы стиснь
  и, руку пожав,

скажи:
— Прощевай, товарищ! —
40 У скольких
мечта:
«Квартирку б внаем!
Свои сундуки
да клетки!
И угол мой
и хозяйство мое —
и мой
на стене
портретик».
50 Не наше счастье —
счастье вдвоем!
С классом
спаяйся четко!
Коммуна:
все, что мое, —
твое,
кроме —
зубных щеток.
И мы
60 по-прежнему,
если радостно,
по-прежнему,
если горе нам —
мы
топим горе в сорокаградусной
и празднуем
радость
трехгорным.
Питье
70 на песни б выменять нам.
Такую
сделай, хоть тресни!
Чтоб пенистой пива,
чтоб крепче вина
хватали
за душу
песни.

Гуляя,
80 работая,
к любимой льня, —
думай о коммуне,
быть или не быть ей?!
В порядок
этого
майского дня
поставьте
вопрос о быте.

(1926)

ПРОТЕКЦИЯ
Обывателиада в 3-х частях

1

Обыватель Михин —
друг дворничихин.
Дворник Службин
с Фелицией в дружбе.
У тети Фелиции
лицо в милиции.
Квартхоз милиции
Федор Овечко
имеет
10   в совете
                  нужного человечка.
Чин лица
                  не упомнишь никак:
главшвейцар
                  или помистопника.
А этому чину
                  домами знакома
мамаша
                  машинистки секретаря райкома.
20 У дочки ее
                  большущие связи:
друг во ВЦКе
                  (шофер в автобазе!),
а Петров, говорят,
                  развозит мужчину,
о котором
                  все говорят шепоточком, —
маленького роста,
                  огромного чина.
30 Словом —
                  он...
                  Не решаюсь...
                  Точка.

Тихий Михин
 пойдет к дворничихе.
 «Прошу покорненько,
 попросите дворника».
 Дворник стукнется
 к тетке-заступнице.
 40 Тетка Фелиция
 шушукнет в милиции.
 Квартхоз Овечко
 замолвит словечко.
 А главшвейцар —
 да Винчи с лица,
 весь в бороде,
 как картина в раме, —
 прямо
 пойдет
 50 к машинисткиной маме.
 Просьбу
 дочь
 предает огласке:
 глазки да ласки,
 ласки да глазки...
 Кого не ловили на такую афёру?
 Куда ж удержаться простаку-шоферу!
 Петров подождет,
 покамест
 60 как солнце
 персонье лицо расперсонится:
 — Простите, товарищ,
 извинений тысячка... —
 И просит
 и молит, ласковой лани.
 И чин снисходит:
 — Вот вам записочка. —
 А в записке —
 исполнение всех желаний.

70 А попробуй —
 полазий
 без родственных связей!

Покроют дворники
 словом черненьким.
 Обложит белолицая
 тетя Фелиция.
 Подвернется нога,
 перервутся нервы
 у взвидевших наган
 80 и усы милиционеров.
 В швейцарской судачат:
   — И не лезь к совету:
 все на даче,
   никого нету. —
 И мама сама
   и дитя-машинистка,
 невинность блюдя,
   не допустят близко.
 А разных главных
 90   неуловимо
 шоферы
   возят и возят мимо.
 Не ухватишь —
   скользкие, —
   не люди, а налимы.
 «Без доклада воспрещается».
   Куда ни глянь,
 «И пойдут они, солнцем палимы,
 И застонут...»
 100   Дело дрянь!
 Кто бы ни были
   сему виновниками
 — сошка маленькая
   или крупный кит, —
 разорвем
   сплетенную чиновниками
 паутину кумовства,
   протекций,
   волоки.

〈1926〉

ЛЮБОВЬ

Мир
    опять
        цветами оброс.
У мира
    весенний вид.
И вновь
    встает
        нерешенный вопрос
о женщинах,
10 о любви.
Мы любим парад,
    нарядную песню,
говорим красиво,
    если митинг.
Но часто
    под этим —
        покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собрание:
20 «Вперед, товарищи!..»
А дома,
    забыв об арии сольной,
орет на жену,
    что щи не в наваре
и что
    огурцы
        плоховато просолены.
Живет с другой —
    киоск в ширину!
30 Бельем —
    шантанная дива.
Но тонким чулком
    попрекает жену:
— Компрометируешь
    пред коллективом. —
То лезут к любой —
    была бы с ногами.

Пять баб
 переменит
 40 в течение суток.
 У нас, мол,
 свобода,
 а не моногамия,
 долой мещанство
 и предрассудок!
 С цветка на цветок
 молодым стрекозлом
 порхает,
 летает,
 50 мечется...
 Одно ему
 в мире
 кажется злом —
 это
 алиментщицы.
 Он рад умереть,
 экономя треть,
 три года
 судиться рад:
 60 и я, мол, не я,
 и она не моя,
 и я вообще
 кастрат.
 А любят,
 так будь
 монашенкой верной!
 Тиранит
 ревностью
 всякий пустяк
 70 и мерит
 любовь
 на калибр револьверный,
 неверной
 в затылок
 пулю пустя.
 Четвертый —
 герой десятка сражений,
 а так,
 что любо-дорого,

80 бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфлишки Мосторга!
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
— ребенок этакий —
уловенье
90 любимой
в романические сети
с повышеньем
подчиненной по тарифной сетке...
По женской линии —
тоже вам не райские скинии.
Для простенького хлопца
долго ль
в шелковую барыньку влопаться?
Он работает,
100 а женин хвост
подметает
Кузнецкий Мост.
А за барыней
кавалеры
бульвара бульварней!
Муж пришел.
Хорошо.
Тишина.
Дует горькую,
110 вдумчив и тих.
— Для кого ж
у меня
завелась жена:
для себя —
или для них? —
У родителей
и дети такого сорта:
— Что родители?
И мы
120 не хуже, мол! —
Занимаются
любовью в виде спорта,

не успев
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне —
быт без движенъица.
Живут, как и раньше,
из году в год.
130 Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо:
140 не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
150 где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!
Нет!
Но мы живем коммуной,
плотно.
В общежитиях
грязнеет кожа тел.
160 Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.

Не отвливай —
                                мол, я не венчан!
Нас
      не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
170   обвязать
                                и жизнь мужчин и женщин
словом,
          нас объединяющим:
  товарищи.

(1926)

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

Товарищи,
                    позвольте
                                    без позы,
  без маски —
как старший товарищ,
                                    неглупый и чуткий,
поразговариваю с вами,
                                    товарищ Безыменский,
товарищ Светлов,
10   товарищ Уткин.
Мы спорим,
                                    аж глотки просят лужения,
мы
                    задыхаемся
                                    от эстрадных побед,
а у меня к вам, товарищи,
                                    деловое предложение:
давайте
                    устроим
20   веселый обед!
Расстелем внизу
                                    комплименты ковровые,
если зуб на кого —
                                    отпилим зуб;
розданные
                    Луначарским
                                    венки лавровые —
сложим
                    в общий
30   товарищеский суп.
Решим,
                    что все
                                    по-своему правы.
Каждый поет
                    по своему
                                    голоску!

Разрежем
                                общую курицу славы
и каждому
40   выдадим
  по равному куску.
Бросим
                                друг другу
  шпильки подсовывать,
разведем
                                изысканный
  словесный ажур.
А когда мне
                                товарищи
50   предоставят слово —
я это слово возьму
  и скажу:
— Я кажусь вам
  академиком
  с большим задом,
один, мол, я
                                жрец
  поэзий непролазных.
А мне
60   в действительности
  единственное надо —
чтоб больше поэтов
  хороших
  и разных.
Многие
                                пользуются
  напостóвской тряскою,
с тем
                                чтоб себя
70   обозвать получше.
— Мы, мол, единственные,
  мы пролетарские... —
А я, по-вашему, что —
  валютчик?
Я
                                по существу
  мастеровой, братцы,
не люблю я
  этой

коммуна —
                                это место,
  где исчезнут чиновники
и где будет
                                много
  стихов и песен.

130 Стоит
                                изумиться
  рифмочек парой нам —
мы
                                почитаем поэта гением.
Одного
                                называют
  красным Байроном,
Другого —
                                самым красным Гейнем.

140 Одного боюсь
  — за вас и сам, —
чтоб не обмелели
  наши души,
чтоб мы
                                не возвели
  в коммунистический сан
плоскость раешников
  и ерунду частушек.

Мы духом одно,
150   понимаете сами:
по линии сердца
  нет раздела.

Если
                                вы не за нас,
  а мы
  не с вами,
то черта ль
                                нам
  остается делать?

160 А если я
                                вас
  когда-нибудь крою
и на вас
                                замахивается
  перо-рука,
то я, как говорится,
  добыл это кровью,

я
170 больше вашего рифмы строгал.
Товарищи,
бросим
замашки торгашьи
— моя, мол, поэзия,
мой лабаз! —
всё, что я сделал,
всё это ваше —
рифмы,
темы,
180 дикция,
бас!
Что может быть
капризной славы
и пепельней?
В гроб, что ли,
брать,
когда умру?
Наплевать мне, товарищи,
в высшей степени
190 на деньги,
на славу
и на прочую муру!
Чем нам
делить
поэтическую власть,
сгрудим
нежность слов
и слова-бичи,
и давайте
200 без завистей
и без фамилий
класть
в коммунову стройку
слова-кирпичи.
Давайте,
товарищи,
шагать в ногу.
Нам не надо
брюзжащего
210 лысого парика!

А ругаться захочется —
врагов много
по другую сторону
красных баррикад.

⟨1926⟩

ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ

Его прислали
                                для проведения режима.
Средних способностей.
                                Средних лет.
В мыслях — планы.
                                В сердце — решимость.
В кармане — перо
                                и партбилет.
Ходит,
¹⁰   распоряжается энергичным жестом.
Видно —
                                занимается новая эра!
Сам совался в каждое место,
всех переглядел —
                                от зава до курьера.
Внимательный
                                к самым мельчайшим крохам,
вздувает
                                сердечный пыл...
²⁰ Но бьются
                                слова,
                                как об стену горохом,
об
                                канцелярские лбы.
А что канцелярии?
                                Внимает мошенница!
Горите
                                хоть солнца ярче, —
она
³⁰   уложит
                                весь пыл в отношеньица,
в анкетку
                                и в циркулярчик.
Бумажку
                                встречать
                                с отвлращением нужно.

А лишь
увлечешься ею, —
то через день
40 голова заталмужена
в бумажную ахинею.
Перепишут всё
и, канителью исходящей нитью,
на доклады
с папками идут:
— Подпишитесь тут!
Да тут вот подмахнитесь!..
И вот тут, пожалуйста!..
И тут!..
50 И тут!.. —
Пыл
в чернила уплыл
без следа.
Пред
в бумагу
всосался, как клещ..
Среда —
это
паршивая вещь!..
60 Глядел,
лицом
белее мела,
сквозь канцелярский мрак.
Катился пот,
перо скрипело,
рука свелась
и вновь корпела, —
но без конца
громадой белой
70 росла
гора бумаг.
Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:
куда,
зачем,
кого?
Собственную
тетушку
80 назначит римским папою.

Сам себе
                    подпишет
                                    смертный приговор.
Совести
                    партийной
                                    слабенькие пiski
заглушает
                    с днями
                                    исходящий груз.
90 Раскусил чиновник
                                    пафос переписки,
облизнулся,
                    въелся
                                    и — вошел во вкус.
Где решимость?
                    планы?
                                    и молодчество?
Собирает канцелярию,
                                    загрибок мыля ей:
100 — Разузнать
                    немедля
                                    имя-отчество!
Как
                    такому
                                    посылать конверт
  с одной фамилией??! —
И опять
                    несется
                                    мелким лайцем:
110 — Это так-то службу мы несем?!
Написали просто
                                    «прилагается»
и забыли написать
                                    «при сем»! —
В течение дня
страну наводня
потопом
                    ненужной бумажности,
в машину
120   живот
уложит —
                    и вот
на дачу
                    стремится в важности.
Пользы от него,
                                    что молока от черта,

ТОВАРИЦУ НЕТТЕ –
ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.

В порт,
                  горящий,
                          как расплавленное лето,
разворачивался
                          и входил
  товарищ «Теодор

Нетте».

¹⁰ Это – он.
      Я узнаю его.
      В блюдечках-очках спасательных кругов.
– Здравствуй, Нетте!
      Как я рад, что ты живой
                          дымной жизнью труб,
  канатов
  и крюков.

Подойди сюда!
                          Тебе не мелко?

²⁰ От Батума,
                  чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте, –
                          в бытность человеком
ты пивал чаи
                          со мною в дипкупе?
Медил ты.
                          Захрапывали сони.

Глаз
                  кося
³⁰   в печати сургуча,
напролет
                          болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
                          стихи уча.

Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...

Суньтесь —
кому охота!

⁴⁰ Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.

За кормой лунища.
Ну и здорово!

Залегла,
просторы надвое порвав.

Будто навеки
⁵⁰ за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.

В коммунизм из книжки
веришь средне.

Мало ли,
что можно
в книжке намолоть!

А такое —
⁶⁰ оживит внезапно бредни
и покажет
коммунизма
естество и плоть.

Мы живем,
зажатые
железной клятвой.

За нее —
на крест,
и пулею чешите.

⁷⁰ Это
чтобы в мире,
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.

В наших жилах —
кровь, а не водица.

Мы идем
сквозь револьверный лай,
80 чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
90 встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

15. VII (1926). Ялта

**РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ
ДЕСАНТНЫХ СУДОВ «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН»
И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»**

Перья-облака,
                                закат расканарейте!
Опускайся,
                                южной ночи гнет!
Пара
                                пароходов
  говорит на рейде:
то один моргнет,
                                а то
10   другой моргнет.
Что сигналият?
                                Напрягаю я
  морщины лба.
Красный раз...
                                угаснет,
  и зеленый...
Может быть,
                                любовная мольба.
Может быть,
20   ревнует, разозленный.
Может, просит:
                                — «Красная Абхазия»!
Говорит
                                «Советский Дагестан».
Я устал,
                                один по морю лазая,
подойди сюда
                                и рядом стань. —
Но в ответ
30   коварная
  она:
— Как-нибудь
                                один
  живи и грейся.

Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер. —

40 — Все вы,
бабы,
трясогузки и каналы...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун? —
Поскулил
и снова засигналил:
— Кто-нибудь,
пришлите табачку!..

50 Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня... —
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезищу
морем оброня.

⟨1926⟩

УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

Куда бы
ты
ни направил разбег,
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи, —
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
переулок или тупик.

¹⁰ Где я?
В Ялте или в Туле?
Я в Москве
или в Казани?
Разберешься?
— Черта в стуле!
Не езда, а — наказанье.
Каждый дюйм
бытия земного
профамилиен
²⁰ и разыменован.
В голове
от имен
такая каша!
Как общий котел пехотного полка.
Даже пса-дворняжку
вместо
«Полкаша»
зовут:
«Собака имени Полкан».

³⁰ «Крем Коллонтай.
Молодит и холит».
«Гребенки Мейерхольд».
«Мочала
а-ля Качалов».
«Гигиенические подтяжки
имени Семашки».

После этого
                         гуди во все моторы,
 изобретай идей мешок,
 40 все равно —
                         про Мейерхольда будут спрашивать:
   «Который?
 Это тот, который гребешок?»
 Я
                         к великим
                                 не суюсь в почетнейшие лики.
 Я солдат
                         в шеренге миллиардной.
 Но и я
 50   взываю к вам
                                 от всех великих:
 — Милые,
                         не обращайтесь с нами фамильярно!
 (1926)

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Я
    два месяца
                    шатался по природе,
чтоб посмотреть цветы
                            и звезд огнишки.
Таковых не видел.
    Вся природа вроде
телефонной книжки.
Везде —
10   у скал,
                    на массивном грузе
Кавказа
            и Крыма скалоликого,
на стенах уборных,
                    на небе,
                            на пузе
лошади Петра Великого,
от пыли дорожной
                    до гор,
20   где грóзы
гремят,
            грома потрясав, —
везде
            отрывки стихов и прозы,
фамилии
            и адреса.
«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало».
«Коля и Зина
30   соединили души».
Стрела
            и сердце
                    в виде груши.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Комсомолец Петр Парулайтис».
«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога».

Каждому
                  в лапки
дать по тряпке.
За спину ведра —
и марш бодро!
Подписавшимся
                                  и Колям
  и Зинам
собственные имена
90   стирать бензином.
А чтоб энергия
                                  не пропадала даром,
кстати и Ай-Петри
                                  почистить скипидаром.
А кто
                  до того
                                  к подписям привык,
что снова
                                  к скале полез, —
100 у этого
                  навсегда
                                  закрывается лик-
без».
Под декретом подпись
                                  и росчерк броский —
  Владимир Маяковский.

*Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алушка и т.г.
1, 2, 3, 4/I, II, III, IV, V и т.г. (1926)*

БЕСПРИЗОРЩИНА

Эта тема
еще не избóрнная.
Смотрите
котлам асфальтовым в зев!
Еще
копошится
грязь беспризорная —
хулиганья́ бесконечный резерв.
Сгнули мать,
¹⁰ и отец,
и брат его
в дни,
что волжский голод прорвал.
Бросили их
волгари с-под Саратова,
бросила их
с-под Уфы татарва.
Детей возить
стараемся в мягком.
²⁰ Усадим их
на плюшевом пуфе.
А этим, усевшимся,
пользуясь мраком,
грудные клетки
ломает буфер.
Мы смотрим
своих детишек
в оба:
ласкаем,
³⁰ моем,
чистим,
стрижем.
А сбоку
растут болезни и злоба,
и лезвие финки
от крови рыжо.

Школа —
кино америколицее;
40 дав контролерше
промежду глаз,
учится убегать от милиции,
как от полиции скачет Дуглас.
Таких
потом
не удержишь МУУРОм —
50 стоит, как в море риф.
Сегодня
расти деловито и хмуро
столбцы помогающих цифр!
Привыкшие к щебету ангела-ротика,
слов
60 беспризорных продумайте жуть:
«Отдайте сумку, гражданка-тетенька,
а то укушу,
а то заражу».
Меж дум
приходящих,
страну наводня,
на лоб страны,
невзгодами взморщенный,
70 в порядок года,
месяца,
дня
поставьте лозунг:
Борьба с беспризорщиной.

⟨1926⟩

М Ю Д

Додвадцатилетний люд —
выше знамена вздень.
Сегодня
                        праздник МЮД,
мира
                        юношей
                                день.
Нам
                        дорóга
10   указана Лениным,
все другие —
                                кривы и грязны́.
Будем
                        только годами зелены,
а делами и жизнью
                                красны.
Не сломят
                        сердца и умы
                        тюремщики
20   в стенах плоских.
Мы знаем
                        застенки румын
и пули
                        жандармов польских.
Смотрите,
                        какая Москва,
французы,
                        немцы,
                                голландцы.
30 И нас чтоб
                        пускали к вам, —
но чтоб не просить
                                и не кланяться.
Жалуются —
                        Октябрь отгудел.

Нэповский день —
тих.

А нам
еще много дел —
40 и маленьких,
и средних,
и больших.

А с кем
такое случилось,
что в семнадцать
сидит пригорюнивши,
у такого —
собачья старость.

Он не будет
50 и не был юношей.

Старый мир
из жизни вырос,
развевайте мертвое в дым!
Коммунизм —
это молодость мира,
и его

возводить
молодым.

Плохо,
60 если
одна рука!
С заводскими парнями
в паре

выступай
сегодня
и сын батрака,
деревенский
вихрастый парень!

Дов двадцатилетний люд,
70 красные знамена вздень!
Раструбим

по земле
МЮД,
малышей
и юношей день.

(1926)

ДВЕ МОСКВЫ

Когда автобус,
                                пыль развеяв,
прет
                        меж часовен восковых,
я вижу ясно:
                        две их,
их две в Москве —
                                Москвы.

1

Одна —
10   это храп ломовий и скрип.
Китайской стены покосившийся гриб.
Вот так совсем
                                и в седые века
здесь
                        ширился мат ломовика.
Вокруг ломовых бубнят наобум,
что это
                        бумагу везут в Главбум.
А я убежден,
20   что, удар изловча,
добро везут,
                                разбив половчан.
Из подмосковных степей и лон
везут половчанок, взятых в полон.
А там,
                        где слово «Моссельпром»
под молотом
                                и под серпом,
стоит
30   и окна глазом ест
вотjak,
                        приехавший на съезд,
не слышавший,
                                как печенег,

о монпансье и ветчине.
А вбок
        гармошка с пляскою,
пивные двери ляскают.
Есенины
40   по кабакам,
как встарь,
                        друг другу мнут бока.
А ночью тишь,
                        и в тишине
нет ни гудка,
                        ни шины нет...
Храпит Москва деревнею,
и в небе
                        цвета крем
50 глухой старухой древнею
никчемный
                        черный Кремль.

2

Не надо быть пророком-провидцем,
всевидающим оком святейшей троицы,
чтоб видеть,
                        как новое в людях роится,
вторая Москва
                        вскипает и строится.
Великая стройка
60   уже начата.
И в небо
                        лесами идут
там
                        почтайт,
здесь
                        Ленинский институт.
Дыры
                        метровые
                        пóтом поли́ты,
70 чтоб ветра быстрей
                        под землей полетел,
из-под покоев митрополитов
сюда чтоб
                        вылез
                        митрополитен.

Восторженно видеть
рядом и вместе
пыхтенье машин
и пыли пласты.
80 Как плотники
с небоскреба «Известий»
плюются
вниз
на Страстной монастырь.
А там,
вместо храпа коней от обузы
гремят грузовозы,
пыхтят автобúсы.
И кажется:
90 центр-ядро прорвало
Садовых кольцо
и Коровьих валов.
Отсюда
слышится и мне
шипенье приводных ремней.
Как стих,
крепящий бóлтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
100 завод «Зари»
и «Розы».
Растет представленье
о новом городе,
который
деревню погонит на корде.
Качнется,
встанет,
подтянется сонница,
придется и ей
110 трактореть и фордзониться.
Краснеет на шпиле флага тряпица,
бессонен Кремль,
и стены его
зовут работать
и торопиться,
бросая
со Спасской
гимн боевой.

<1926>

ПИСЬМО
ПИСАТЕЛЯ
ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА
МАЯКОВСКОГО
ПИСАТЕЛЮ
АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ
ГОРЬКОМУ

Алексей Максимович,
   как помню,
   между нами
 что-то вышло
                                 вроде драки
   или ссоры.
 Я ушел,
                         блестя
   потертыми штанами,
¹⁰ взяли Вас
                         международные рессоры.
 Нынче —
 иначе.
 Сед височный блеск,
   и взоры озарённой.
 Я не лезу
                         ни с моралью,
   ни в спасатели,
 без иронии,
²⁰ как писатель
   говорю с писателем.
 Очень жалко мне, товарищ Горький,
 что не видно
                         Вас
   на стройке наших дней.
 Думаете —
                         с Капри,
   с горки
 Вам видней?

30 Вы
и Луначарский —
похвалы повальные,
добряки,
а пишуций
бесстыж —
тычет
целый день
свои
похвальные

40 листы.
Что годится,
чем гордиться?
Продают «Цемент»
со всех лотков.
Вы
такую книгу, что ли, цените?
Нет нигде цемента,
а Гладков
написал

50 благодарственный молебен о цементе.
Затыкаешь ноздри,
нос наморщишь
и идешь
верстой болотца длинненького.
Кстати,
говорят,
что Вы открыли мощи
этого...
Калиникова.

60 Мало знать
чистописания ремёсла,
расписать закат
или цветенье редьки.
Вот
когда
к ребру душа примерзла,
ты
ее попробуй отогреть-ка!
Жизнь стиха —

70 тоже тиха.
Что горенья, —
даже
нет и тленья

в их стихе
                  холодном
                          и лядащем.
Все
      входящие
80 и печатают срифмуют впечатления
                  в журнале
                          в исходящем.
А рядом
          молотобойцев
                          анапестам
учит
      профессор Шенгели.
Тут
90 не поймете просто-напросто,
в гимназии вы,
          в шинке ли?
Алексей Максимович,
                  у вас
                          в Италии
Вы
      когда-нибудь
                  подобное
                          видали?
100 Приспособленность
и ласковость дворовой,
деятельность
          блюдо-, рубле- и тому подобных «лиз»
называют многие
                  — «здоровый
реализм».
И мы реалисты,
                  но не на подножном
корму,
      не с мордой, упершейся вниз, —
110 мы в новом,
          грядущем быту,
                          помноженном
на электричество
                  и коммунизм.
Одни мы,
          как ни хвалите халтуры,

но, годы на спины грузя,
 тащим
         историю литературы —
 120 лишь мы
         и наши друзья.
 Мы не ласкаем
                 ни глаза,
                                 ни слуха.
 Мы —
         это Леф.
                 Без истерики —
                                 мы
 по чертежам
 130 деловито
                 и сухо
 строим
         завтрашний мир.
 Друзья —
         поэты рабочего класса.
 Их знание
         невелико́,
 но врезал
         инстинкт
 140 в оркестр разногласий
 буквы
         грядущих веков.
 Горько
         думать им
                 о Горьком-эмигранте.
 Оправдайтесь,
         гряньте!
 Я знаю —
         Вас ценит
 150 и власть
                 и партия,
 Вам дали б всё —
                 от любви
                                 до квартир.
 Прозаики
         сели
                 пред Вами
                                 на парте б:
 — Учи!
 160 Верти! —

Или жить вам,
   как живет Шаляпин,
 раздушенными аплодисментами оляпан?
 Вернись
   теперь
   такой артист
 назад
                                 на русские рубрики —
 я первый крикну:
 170   — Обратно катись,
 народный артист Республики! —
 Алексей Максимыч,
   из-за ваших стекол
 виден
                                 Вам
   еще
   парящий сокол?
 Или
                                 с Вами
 180   начали дружить
 по саду
                                 ползущие ужи?
 Говорили
   (объясненья ходкие!),
 будто
                                 Вы
   не едете из-за чахотки.
 И Вы
                                 в Европе,
 190   где каждый из граждан
 смердит покоем,
   жратвой,
   валютцей!
 Не чище ль
   наш воздух,
   разреженный дважды
 грозою
   двух революций!
 Бросить Республику
 200   с думами,
   с бунтами,
 лысинку
   южной зарей озарив, —

ХУЛИГАН

Республика наша в опасности.
В дверь
лезет
    немыслимый зверь.
Морда матовым рыком гулка́,
лапы —
    в кулаках.
Безмозглый,
    и две ноги для ляганий,
¹⁰ вот — портрет хулиганий.
Матроска в полоску,
    словно леса.
Из этих лесов
    глядят телеса.
Чтоб замаскировать рыло мандрилье,
шерсть
    аккуратно
    сбрил на рыле.
Хлопья пудры
²⁰   («Лебяжьего пуха!»),
бабочка-галстук
    от уха до уха.
Души не имеется.
    (Выдумка бар!)

В груди —
    пивной
    и водочный пар.
Обутые лодочкой
качает ноги водочкой.
³⁰ Что ни шаг —
враг.
— Вдрызг фонарь,
    враги — фонари.
Мне темно,
    так никто не гори.

Враг — дверь,
враг — дом,
враг —
всяк,
40 живущий трудом.
Враг — читальня.
Враг — клуб.
Глупейте все,
если я глуп! —
Ремень в ручище,
и на нем
повисла гиря кистенем.
Взмахнет,
и гиря вертится, —
50 а ну —
попробуй встретиться!
По переулочкам — луна.
Идет одна.
Она юна.
— Хорошенькая!
(Зá косу.)
Обкрутимся без загсу! —
Никто не услышит,
напрасно орет
60 вонючей ладонью зажатый рот.
— Не нас контрапупят —
не наше дело!
Бежим, ребята,
чтоб нам не влетело! —
Луна
в испуге
за тучу пятится
от рваной груди
мяса и платьца.
70 А в ближней пивной
веселье неистовое.
Парень
пиво глушит
и посвистывает.
Поймали парня.
Парня — в суд.
У защиты
словесный зуд;

— Конечно,
80 от парня
уйма вреда,
но кто виноват?
— Среда.
В нем
силу сдерживать
нет моготы.
Он — русский.
Он —
богатырь!
90 — Добрыня Никитич!
Будьте добры,
не трогайте этих Добрынь! —
Бантиком
губки
сложил подсудимый.
Прислушивается
к речи зудимой.
Сидит
смирней и краше,
100 чем сахарный барашек.
И припаяет судья
(сердобольно)
«4 месяца».
Довольно!
Разве
зверю,
который взбесится,
дают
на поправку
110 4 месяца?
Деревню — на сход!
Собери
и при ней
словами прожги парней!
Гуди,
и чтоб каждый завод гудел
об этой
последней беде.
А кто
120 словам не умилится,

тому
агитатор —
шашка милиции.
Решимость
и дисциплина,
пружинь
тело рабочих дружин!
Чтоб, если
возьмешь за воротник,
¹³⁰ хулиган раскис и сник.
Когда
у больного
рука гниет —
не надо жалеть ее.
Пора
топором закона
отсечь
гнилые
дела и речь!
<1926>

ХУЛИГАН

Ливень докладов.

Прееете?

Прей!

А под клубом,

гармошкой избóранные,

в клубах табачных

шипит «Лёвенбрей»,

в белой пене

прибоем

10

трехгорное...

Еле в стул вмещается парень.

Один кулак —

четыре кило.

Парень взвинчен.

Парень распарен.

Волос взъерошенный.

Нос лилов.

Мало парню такому доклада.

Парню —

20

слово душевное нужно.

Парню

силу выхлестнуть надо.

Парню надо...

— новую дюжину!

Парень выходит.

Как в бурю на катере.

Тесен фарватер.

Тело намокло.

Парнем разосланы

30

к чертовой матери

бабы,

деревья,

фонарные стекла.

Смотрит —

кому бы заехать в ухо?

Что башка не придумает дурья?!

Бомба
из безобразий и ухарств,
дурости,
40 пива
и бескультурья.
Так, сквозь песни о будущем рае,
только солнце спрячется, канув,
тянутся
к центру огней
от окраин
драка,
муть
и ругня хулиганов.
50 Надо
в упор им —
рабочьи дружины,
надо,
чтоб их
судом обломало,
в спорт
перелить
мускулья пружины, —
надо и надо,
60 но этого мало...
Суд не скрутит —
набрать имен
и раструбить
в молве многогласой,
чтоб на лбу горело клеймо:
«Выродок рабочего класса».
А главное — помнить,
что наше тело
дышит
70 не только тем, что скушано;
надо —
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.

⟨1926⟩

но не встанет
разве
        облик Чемберлений
над погромом,
        раздраконенным в Вансяне?
Пушки загремели,
40 с канонерок грянув.
Пристань
        трусами полна.
Рядом с этим
40
        ленинградских хулиганов —
уголовная
        бездарная шпана.

А на Маньчжурии,
        за линией
50 идущей
        сквозь Китай
        дороги,
сидит Чжан Цзолин
        со своей чжанцзолинией,
на стол положивши ноги.
Маршал!
        А у маршалов
        масштабы крупные,
и какой
60 ему,
        скажите,
        риск...
Маршал
        расшибает
        двери клубные,
окна школьные
        разносит вдрызг.
Здесьняя
        окраинная
70 рвань и вонь,
на поклон к учителю идите,
пожимай же
        чжанцзолинову ладонь,
мелкий
        клубный
        хулиган-вредитель!

Конечно,
                  должны войти и паны́
в опись этой шпаны.
80 Десяток банд коренится
в лесах
                  на польской границе.

Не время ль
                  кончать
                                  с буржуями спор?
Не время ль
                  штыком причесать?
Поставьте
                  такие дела
90   на разбор
в 24 часа!
Пора
                  на очередь
                                  поставить вопрос
о делах
                  мандаринства и панства.
Рабочие мира,
                  прекратите рост
международного хулиганства!
(1926)

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАНЯ ДЫЛДИН

Подмастерье
                                Ваня Дылдин
был
                                собою
                                очень виден.
Рост
                                (длинней моих стишков!) —
сажень
                                без пяти вершков.
10 Сйлища!
                                За ножку взяв,
поднял
                                раз
                                железный шкаф.
Только
                                зря у парня сила:
глупый парень
                                да бузила.
Выйдет,
20   выпив всю пивную, —
переулок
                                врассыпную!
Псы
                                и кошки
                                скачут прытки,
скачут люди за калитки.
Ходит
                                весел и вихраст,
что ни слово —
30   «в морду хряст».
Не сказать о нем двояко.
Общий толк один:
                                — Вояка!

Шла дорога милого
через Драгомилово.
На стене —

бумажный лист.
Огорчился скандалист.
Клок бумаги,
40 а на ней
велено:
Призвать парней!
«Меж штыков острых
Наш Союз —
остров.
Чтоб сломить
врагов окружие,
надобно
владеть оружием.
50 Каждому,
как клюква, ясно:
нечего баклуши бить,
надо в нашей,
надо в Красной,
надо в армии служить».
С огорченья
парень скис.
Ноги врозь,
и морда вниз.

---

60 Парень думал:
— Как пойду, мол? —
Пил,
сопел
и снова думал,
подложив под щеку руку.
Наконец
удумал штуку.
С постной миной
резвой рысью
70 мчится
Дылдин
на комиссию.
Говорит,
учтиво стоя:

— Убежденьями —
Толстой я.

Мне война
что нож козлу.

Я —
80 непротивленец злу.

По слабости
по своейской

я
кровь
не в силах вынести.

Прошу
меня
от воинской
освободить повинности.

---

90 Этаким
непротивленцам
я б
под спину дал коленцем.

Жива,
как и раньше,
тревожная весть:
— Нет фронтов,
но опасность есть!

Там,
100 за китайской линией,
грозится чжанцзолиния,
и пан Пилсудский в шпорах
просушивает порох.

А Лондон —
чемберленится,
кулак
вздымать
не ленится.

Лозунг наш
110 ряду годов:
— Рабочий,
крестьянин,
будь готов!

Будь горд,
                                  будь рад
стать
                                  красноармейцам в ряд.
(1926)

МЕЧТА ПОЭТА

Поэзия
любит
в мистику облекаться,
говорить
о вещах
едва касаемо.

Я ж
открыто
агитирую
10 за покупку облигаций
государственного
выигрышного займа.
Обсудим трезво,
выгодно ль это?
Предположим,
выиграл я:
во всех журналах —
мои портреты.

Я
20 и моя семья.
Это ж не шутки —
стать
знаменитостью
в какие-то сутки.
Широкая известность
на много лет.
За что?
Всего —
за четвертной билет.

30 Всей облигации
цена сторублевка,
но до чего ж
Наркомфин
придумал ловко!
Нету ста —
не скули
и не ной,

четверть облигации бери
за четвертной.
40 Четвертной не сбережете —
карманы жжет.
Кто
без облигации
четвертной сбережет?
Приходится считать
восторженно и пылко,
что облигация
каждому —
лучшая копилка.
50 И так
в копилку
хитро положено,
что проиграть нельзя,
а выиграть —
можно.
Разве
сравнишь
с игрою с этакой
продувную железку
60 с бандитской рулеткой!
А не выиграю —
тоже не впаду в раж.
через 3 месяца —
новый тираж.
А выигрышей!
Не вычерпаешь —
хоть ведрами лей.
Больше
30 000 000 рублей!
70 Сто тысяч выиграю
(верю счастью!) —
и марш
в банк
за свою частью.
И мне
отслюнявливают
с правого кончика
две с половиной тысячи
червончиков.

⁸⁰ Сейчас же,
 почти не отходя от кассы,
 вещей приобретаю
 груды и массы!
 Тут же покупается
 (нужно или не нужно)
 шуба
 и меховых воротничков
 дюжина.
 Сапог понакуплю —
⁹⁰ невиданный сон!
 На любой размер
 и любой фасон!
 За покупками
 по Москве по всей
 разъезжусь,
 весь день
 не вылезая из таксей.
 Оборудую
 мастерскую
¹⁰⁰ высокого качества
 для производства
 самого лучшего стихачества.
 Жилплощадь куплю
 и заживу на ней
 один!
 на все на двадцать сажений!
 И вдруг
 звонок:
 приходит некто.
¹¹⁰ — Пожалте бриться,
 я — фининспектор! —
 А я
 ему:
 — Простите, гражданинчик,
 прошу
 со мной
 выразаться и́наче.
 Уйдите,
 свои портфели забрав,
¹²⁰ выигрыш
 облагать
 не имеете прав! —

И выиграй
я
хотя с миллион,
от меня
фининспектор
уйдет посрамлен.

130 Выигрыш —
другим делам
не чета.

Вот это
поэты
и называют:
мечта!

Словом,
в мистику
нечего облекаться.

140 Это —
каждого
вплотную касаемо.

Пойдем
и просто
купим облигации
государственного
выигрышного займа.

(1926)

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Раньше
    праздновался
                    разный Кирилл
да Мефодий.
Питье,
    фонарное освещение рыл
и прочее в этом роде.
И сейчас еще
    село
10 самогоном весело.
На Союзе-
    великане
тень фигуры хулиганьей.
Но мы
    по дням и по ночам
работаем,
    тьме угрожая.
Одно
    из наших больших начал —
20 Праздник урожая.
Праздников много,
    но отродясь
ни в России,
    ни около
не было,
    чтоб люди
                    трубили, гордясь,
что рожь уродилась
    и свекла.
30 Республика
    многим бельмо в глазу,
и многим
    охота сломать ее.
Нас
    штык
    от врагов
                    защищает в грозу,

а в мирный день —
дипломатия.

40 Но нет у нас
                  довода
                  более веского,
чем амбар,
                  ломящийся от хлебных груд.
Нет у
                  дела
                  почетней деревенского,
почетнее,
                  чем крестьянский труд.

50 Каждый корабль пшеничных зерен —
это
                  слеза у буржуев во взоре.
Каждый лишний вагон репы —
это
                  смычке новые скрепы.
Взрастишь кукурузу в засушливой зоне —
и можешь
                  мечтать о новом фортзоне.
Чем больше будет хлебов ржаных,
60 тем больше ситцев у моей жены.
Еще завелась племенная свинья,
и в школу
                  рубль покатился звеня.
На литр увеличь молоко коров,
и новый ребенок в Союзе здоров.
Чем наливней
                  и полнее колос,
тем громче
                  будет
70   советский голос.
Крепись этот праздник
                  из года в год,
выставляй
                  — похвалиться рад —
лучшую рожь,
                  лучший скот
и радужнейший виноград.
Лейся
                  по селам
80   из области в область,

слов
горящая лава:
урожай — сила,
урожай — доблесть,
урожай увеличившим
слава!

(1926)

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ

Этими —
и добрыми,
и кобры лютей —
Союз
до краев загружён.
Кто делает
этих
искусственных людей?
Какой нагружённый Гужон?
¹⁰ Чтоб долго
не размусоливать этой темы
(ни зол,
ни рад),
объективно
опишу человека —
системы
«бюрократ».
Сверху — лысина,
пятки — низом,
²⁰ организм как организм.
Но внутри
вместо голоса —
аппарат для рожений
некоторых выражений.
Разлад в предприятии —
грохочет адом,
буза и крик.
А этот, как сова,
два словца изрыгает:
³⁰ — *Наго*
согласовать! —
Учрежденья объяты ленью.
Заменили дело канителью длиною.
А этот
отвечает
любому заявлению:

— Ничего,
выравниваем линию. —
Надо геройство,
40 надо умение,
чтоб выплыть
из канцелярщины вязкой,
а этот
жмет плечьми в недоумении:
— Неувязка! —
Из зава трестом
прямо в воры́
лезет
пройдоха и выжига,
50 а этот
изрекает
со спокойствием рыб:
— Продвижка! —
Разлазится все,
аппарат — вразброд,
а этот,
куря и позевывая,
с достоинством
мямлит
60 во весь свой рот:
— Испо́льзовываем. —
Тут надо
видеть
вражьи войска,
надо
руководить прицелом, —
а этот
про все
твердит свысока:
70 — В общем и целом.

Тут не приходится в кулак свистеть,
как пишется
в стенгазетных листах:
«Уничтожим это, —
если не везде,
то во всех местах».

(1926)

ТИП

По улицам,
                    посредине садов,
меж сияющих клубных тетерей
хулиганов
                    различных сортов
больше,
                    чем сортов бактерий.

По окончании
                    рабочего дня,
¹⁰ стакан кипяченой зажав в кулачке,
под каждой крышей Союза бубня,
докладывают докладчики.
Каждая тема —
                    восторг и диво.
Вмиг выясняет вопросы бытия.
— Новость!
                    Польза от кооператива.
Последняя новость!
                    Вред от питья!

²⁰ Пустые места
                    называются — дыры.
Фиги
                    растут
                    на Лиге Наций.
Дважды два
                    по книгам — четыре.
Четырежды четыре —
                    кругом шестнадцать.

Устав,
³⁰ отходят ко сну культпросветчики
и видят
                    сквозь музыку храпа мерненького —
Россия,
                    затеплив
                    огарок свечки,

читает
взасос
политграмоту Бердникова.
Сидит,
40 читает,
делает выноски
до блеска
зари
на лысине шара.
А сбоку
пишет с него Либединский,
стихи
с него
сочиняет Жаров.
50 Иди и гляди —
не жизнь,
а лилия.
Идиллия.

А пока
докладчики преют,
народ почему-то
прет к Лёвенбрею.
Еле в стул вмещается парень.
Один кулак —
60 четыре кило.
Парень взвинчен.
Парень распарен.
Волос штопором.
Нос лилов.
Мозг его
чист от мыслей сора.
Жить бы
ему
70 не в Москве,
а на Темзе.
Парень,
возможно,
стал бы боксером,
нос бы расшиб
Карпантье и Демпси.

Что
    для него
                    докладчиков сонм?
Тоже
80   сласть
                    в наркомпросной доле!
Что он —
                    Маркс
                            или Эдисон?
Ему
    телефоны выдумывать,
                                    что ли?
Мат,
    а не лекции
90   соки корней его.
Он
    не обучен
                    драться планово.
Спорт —
    по башке бутылкой Карнеева,
доклад —
    этажом обложить у Горшанова.
Парень выходит,
    как в бурю на катере.
100 Тесен фарватер.
    Тело намокло.
Парнем разсланы
    к чертовой матери
бабы,
    деревья,
                    фонарные стекла.
В полтротуара болтаются клёши,
рубашка-апаш
    и кепка домиком.
110 Кулак
    волосатей, чем лучшая лошадь,
и морда —
    на зависть циркачьим комикам.
Лозунг дня —
    вселенной в ухо! —
Все, что знает башка его дурья!

Бомба
из матерщины и ухарств,
пива,
120 глупости
и бескультурья.
Надо помнить,
что наше тело
дышит
не только тем, что скушано, —
надо
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.
(1926)

**КАЖДЫЙ,
ДУМАЮЩИЙ О СЧАСТЬЕ СВОЕМ,
ПОКУПАЙ
НЕМЕДЛЕННО
ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ!**

Смешно и нелепо
заботиться
поэту
о счастье нэпов.

Однако
приходится
дать совет:

граждане,
подымайтесь чуть свет!

¹⁰ Беги в банки,
пока не толпятся
и не наступают на́ ноги.

И, изогнувшись
в изящной грации,
говоришь кассиру:

— Подать облигации! —

Получишь
от кассира,
уваженьем объятото,

²⁰ говоришь ему
голосом,
тверже, чем жель:

— Так как
куплено
до 25-го,

гони
сторулевки
по 96.

³⁰ А так как
я
человек ловкий,

мозг расчетлив,
и глаз мой
зорок,
купив до 20-го,
из каждой сторублевки
вношу
наличными
только сорок.
40 Пользуясь отсрочкой,
не кряхтя
и не ноя,
к 15-му ноября
внесу остальное. —
Купили
и — домой,
богатством нагружены́, —
на радость родителей,
детей
50 и жены.
И сразу
в семье
порядок что надо:
нет ни грязи,
ни ссор,
ни разлада,
Раньше
каждый
щетинился, как ёж,
60 а теперь —
дружба,
водой не разольешь.
Ни шума,
ни плача ребячьими ариями,
в семействе чу́дно:
тихо, как в аквариуме.
Все семейство,
от счастья дрожа,
ждет
70 с нетерпением
первого тиража.
Дождались,
сидят, уткнувши лица
в цифровые столбики
выигрышной таблицы.

И вдруг —
                                 возглас,
   как гром в доме:
 — Папочка,
 80   выиграл наш номер! —
 Достали облигацию,
   машут ею,
 от радости
                                 друг другу
   бросаются на шею.
 Надели шляпы,
   ноги обули
 и в банк —
                                 быстрее
 90   революционной пули.
 Получили
                                 и домой
   бегут в припляске,
 везя
                                 червонцы
   в детской коляске.
 Жарь,
                                 веселись,
   зови гостей
 100 под общее одобрение
   всех властей.
 А не выиграл —
                                 опять-таки
   спокойствие храни.
 Спрячь облигации,
   чтоб крепи они.
 Облигации этой
   удержу нет,
 лежит
 110   и дорожает
   5 лет.
 И перед последним тиражом
 нигде не купишь,
   хоть приставай с ножом.
 Еще бы,
                                 чуть не каждая
   годна.

Из 19-ти облигаций
выигрывает одна.
120 Запомните
твердо,
как точное знание:
облигации надо
покупать заранее.
Каждый,
заботящийся
о счастье своем,
покупай
немедленно
130 выигрышный заем.
(1926)

— Это я, мол,
                                пятый номер,
здесь
                        таких
                                и нету кроме. —

40 Но зато
                        должника
не разыщешь
                        никак.
Разносящему повестки
перемолвить слово не с кем,
лишь мычат,
                                тоской объаты:

— Это
                        следующий — пятый!

50 Обойдите этажи —
нет
                        таких
                                под этот номер.
Если
                        здесь
                                такой и жил,
то теперь
                                помер. —

Почтальоны
60   сутки битые
летят.
                        Пот течет водой.
На работу
                                выйдут бритые,
а вернуться —
                                с бородой.

После этих
                                запутанных мест
прошу побывать

70   под вывеской
  КРАСНЫЙ КРЕСТ
(Софийка, 5).
                                Из 30 сотрудников —
15 ответственные;
таким
                                не очень трудненько,

дела
не очень бедственные.
Без шума
80 и давки
получают
спецставки.
Что за ставочка!
В ей —
чуть не двадцать червей!
Однажды,
в связи
с режимом экономии,
у них
90 вытягиваются физиономии.
Недолго завыв морщатся,
зовут
к себе
уборщицу.
Зампомова рука
тычет ей
вместо сорока
20 рублей.
100 Другая рука,
по-хозяйски резвая,
уже
курьеру
ставку урезывает.
Клуб ответственных
не глуп —
устроился
неплохо,
сэкономил
с лишним рупь
110 на рабочих крохах.
По-моему,
результаты
несколько сла́бы.
С этими
с экономиями самыми —
я бы
к некоей бабушке послал бы
подобных помов с замами.

¹²⁰ Подсказывает
практический ум:
с этого
больше
сэкономить сумм.

⟨1926⟩

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОГУЛОК
ИЗ УЛИЦЫ В ПЕРЕУЛОК**

Стой, товарищ!
                        Ко всем к вам
доходит
                        «Рабочая Москва».
Знает
                        каждый,
  читающий газету:
нет чугуна,
  железа нету!

¹⁰ Суются тресты,
суются главки
в каждое место,
во все лавки.
А на Генеральной,
                                у Проводниковского дома —
тысяча пудов
                                разного лома.
Надорветесь враз-то —
пуды повзвесьте!

²⁰ Тысяч полтораста,
а то
                        и двести.
Зёмли
                        слухами полны:
Гамбург —
                        фабрика луны.
Из нашего количества
  железа и чугуна
в Гамбурге

³⁰   вышла б
  вторая луна.
Были б
                        тысячи в кармане,
лом
                        не шлепал по ногам бы.

Да, это
                  не Германия!
Москва,
                  а не Гамбург!

40 Лом
          у нас
                  лежит, как бросят, —
благо,
          хлеба
                  лом не просит.

Если б
          я
                  начальством был,
думаю,
50   что поделом
я бы
          кой-какие лбы
бросил бы
                  в чугунный лом.

Теперь
          перейду
                  к научной теме я.

Эта тема —
                  Сельхозакадемия,
60 не просто,
          а имени
Тимирязева.
Ясно —
          сверху
                  снег да ливни,
ясно —
          снизу грязь вам...

А в грязи
          на аршин —
70 масса
          разных машин.
Общий плач:
                  полежим,
РКИ подождем.
Разве ж
          в этом режим,
чтоб ржаветь под дождем?

Для машины
дай навес —
80 мы
не яблоки моченые...
Что
у вас
в голове-с,
господа ученые?
Что дурню позволено —
от этого
срам
ученым малым
90 и профессорам.
Ну и публика!
Пожалела рублика...
Что навес?
Дешевле лука.
Сократили б техноруков,
посократили б должности —
и стройся
без задолженности!
Возвели б сарай —
100 не сарай,
а рай.
Ясно —
каждый
скажет так:
— Ну и ну!
Дурак-то!
Сэкономивши пятак,
проэкономил трактор.
<1926>

ДОЛГ УКРАИНЕ

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится чернó,
и герб
10 звездой пятиконечной вточен.
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
20 на турбины течь.
И Днипро
по проволокам-усам
электричеством
течет по корпусам.
Небось, рафинада
и Гоголю надо!

Мы знаем,
курит ли,
пьет ли Чаплин;
30 мы знаем
Италии безрукие руины;
мы знаем,
как Дугласа
галстух краплен...

А что мы знаем
  о лице Украины?
Знаний груз
  у русского
  тощ —
40 тем, кто рядом,
  почета мало.
Знают вот
  украинский борщ,
знают вот
  украинское сало.
И с культуры
  поснимали пенку:
кроме
  двух
50   прославленных Тарасов —
Бульбы
  и известного Шевченка, —
ничего не выжмешь,
  сколько ни старайся.
А если прижмут —
  зардеется розой
и выдвинет
  аргумент новый:
возьмет и расскажет
60   пару курьезов —
анекдотов
  украинской мовы.
Говорю себе:
  товарищ москаль,
на Украину
  шуток не скаль.
Разучите
  эту мову
70   на знаменах —
  лексиконах алых, —
эта мова
  величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав...»
Разве может быть
  затрепанней
  да тише

слова
поистасканного
80 «Слышишь»?!
Я
немало слов придумал вам,
взвешивая их,
одно хочу лишь —
чтобы стали
всех
моих
стихов слова
полновесными,
90 как слово «чуешь».

Трудно
людей
в одно истолочь,
собой
кичись не очень.
Знаем ли мы украинскую ночь?
Нет,
мы не знаем украинской ночи.
(1926)

ОКТЯБРЬ
1917–1926

Если
стих
сердечный раж,
если
в сердце
задор смолк,
голосами его будоражь
комсомольцев
и комсомолок.
¹⁰ Дней шоферы
и кучера
гонят
пулей
время свое,
а как будто
лишь вчера
были
бури
этих боев.
²⁰ В шинелях,
в поддевках идут...
Весть:
«Победа!»
За Смольный порог.
Там Ильич и речь,
а тут
пулеметный говорок.
Мир
другими людьми оброс,
³⁰ пионеры
лет десяти
задают про Октябрь вопрос,
как про дело
глубоких седин.

Вырастает
                                времени мол,
день — волна.
                                Не в силах противиться.
В смоль-усы
40   оброс комсомол,
из юнцов
                                перерос в партийцев.
И партийцы
                                в годах борьбы
против всех
                                буржуазных лис
натрудили
                                себе
50   горбы,
многий
                                стал
                                и выросл,
                                и лыс.
А у стен,
                                с Кремля под уклон,
спят вожди
                                от трудов,
                                от ран.
Лишь колышет
60   камни
                                поклон
ото ста
                                подневольных стран.
На стене
                                пропылен
                                и нем
календарь как календарь,
но в сегодняшнем
                                красном дне
70   воскресает
                                годов легендарь.
Будет знамя,
                                а не хоругвь,
будут
                                пули свистеть над ним,
и «Вставай, проклятьем...»
                                в хору

будет бой
и марш,
80 а не гимн.
Век промчится
в седой бороде,
но и десять
пройдет хотя б,
мы
не можем
не молодеть,
выходя
на праздник — Октябрь.
90 Чтоб не стих
сердечный раж,
не дряхлел,
не стыл
и не молк,
голосами
его
будоражь
комсомольцев
и комсомолок!

<1926>

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
  про Октябрь сказать,
  не в колокол названивая,
не словами,
  украшающими
  тепленький уют, —
дать бы
  революции
  такие же названия,
10 как любимым
  в первый день дают!
Но разве
  уместно
  слово такое?
Но разве
  настали
  дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
  кто зонтик;
20 радуется обыватель:
  «Небо голубó...»
Нет,
  в такую ерунду
  не рассказёйте
боевую
  революцию — любовь.

В сотне улиц
  сегодня
  на вас,
30   на меня
упадут огнем знаменá.
Будут глотки греметь,
  за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

Белой гвардии
   для меня
   белей
 имя мертвое: юбилей.
 Юбилей — это пепел,
 40   песок и дым;
 юбилей —
   это радость седым;
 юбилей —
   это край
   кладбищенских ям;
 это речи
   и фимиам;
 остановка предсмертная,
   вздохи,
 50   елей —
 вот что лезет
   из букв
   «ю-б-и-л-е-й».
 А для нас
   юбилей —
   ремонт в пути,
 постоял —
   и дальше гуди.
 Остановка для вас,
 60   для вас
   юбилей —
 а для нас —
   подсчет рублей.
 Сбереженный рубль —
   сбереженный заряд,
 поражающий вражеский ряд.
 Остановка для вас,
   для вас
   юбилей —
 70 а для нас —
   это сплавы лей.
 Разобьет
   врага
   электрический ход
 лучше пушек
   и лучше пехот.

Юбилей!
А для нас —
                        подсчет работ,
80 перемеренный литрами пот.
Знаем:
                        в графиках
  довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
                        что бой измельчал:
— Глаз на мелочь! —
  приказ Ильича.
Надо
90 в каждой пылинке
  будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минутой
                        не будь рассеянной!
Будет:
                        под ногами
  заколеблется почва
почище японских землетрясений.
100 Молчит
                        перед боем,
  топки глуша,
Англия бастующих шахт.
Пусть
                        китайский язык
  мудрен и велик, —
знает каждый и так,
  что Кантон
тот же бой ведет,
110 наш
                        что в Октябрь вели
наш
                        рязанский
  Иван да Антон.
И в сердце Союза
  война.
  И даже
киты батарей
  и полки.

Воры
120 с дураками
засели в блиндажи
растрат
и волокит.
И каждая вывеска:
рабкооп —
коммунизма тяжелый окоп.
Война в отчетах,
в газетных листах —
рассчитывай,
130 режь и крои.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь —
нас трое!
Мы
трое
охапки в огонь кидаем:
растет революция
140 в огнях Волховстроя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.
Нам
девятый Октябрь —
не покой,
не причал.
Сквозь десятки таких девяти
мозг живой,
живая мысль Ильича,
150 нас
к последней победе веди!
(1926)

СТОЯЩИМ НА ПОСТУ

Жандармы вселенной,
вылоснив лица,
стоят над рабочим:
— Эй,
не бастуй! —
А здесь
трудящихся щит —
милиция
стоит
10 на своем
бессменном посту.
Пока
за нашим
октябрьским гулом
и в странах
в других
не грянет такой, —
стой,
береги своим караулом
20 копейку рабочую,
дом и покой.
Пока
Волховстроев яркая речь
не победит
темноту нищеты,
нутро республики
вам беречь —
рабочих
домов и людей
30 щиты.
Храня республику,
от людей до иголок,
без усталости стой
и без лени,
пока не исчезнут
богатство и голод —
поставщики преступлений.
Враг — хитёр!
Смотрите в оба!

40 Его не сломишь,
                                 если сам лоботряс.
Помни, товарищ, —
                                 нужна учёба
всем,
                 защищающим рабочий класс!
 Голой рукой
                 не взять врага нам,
 на каждом участке
                                 преследуй их.

50 Знай, товарищ,
                 и стрельбу из нагана,
 и книгу Ленина,
                                 и наш стих.
 Слаба дисциплина — петлю накинут.
 Бандит и белый
                                 живут в ладах.
Товарищ,
                 тверже крепи дисциплину
в милиционерских рядах!

60 Иной
                 хулигану
                                 так
                                 даже рад, —
 выйдет
                 этакий
                                 драчун и голосило:
 — Ничего, мол,
                                 выпимши —
                                 свой брат —

70 богатырская
                 русская сила. —
 А ты качнешься
                                 (от пива частого),
 у целой улицы нос заалел:
 — Ежели,
                 мол,
                                 безобразит начальство,
 то нам,
                 разумеется,
 80   и бог велел! —
 Сорвут работу
                                 глупым ляганьем
 пивного чада
                                 бузящие чады.

Лозунг твой:
 – Хулиганам
нет пощады! –
 Иной рассуждает,
 морща лоб:
⁹⁰ – Что цапать
 маленьких воришек?
 Ловить вора,
 да такого,
 чтоб
 об нем
 говорили в Париже! –
 Если выудят
 миллион
 из кассы скряжьей,
¹⁰⁰ **новый**
 с рабочих
 сдерет задарма.
На мелочь глаз!
На мелкие кражи,
потрошащие
тощий
рабочий карман!
 В нашей республике
 свет не равен:
¹¹⁰ чем дальше от центра –
 тем глубже ночи.
Милиционер,
в темноту окраин
глаз вонзай
острей и зорче!
 Пока
 за нашим
 октябрьским гулом
 и в странах других
¹²⁰ не пройдет такой, –
 стой,
 береги своим караулом
 копейки,
 людей,
 дома
 и покой.

⟨1926⟩

ЕВРЕЙ
(Товарищам из Озета)

Бывало,
        начни о вопросе еврейском —
тебе
        собеседник
                        ответит резко:
— Еврей?
        На Ильинке!
Все в одной линиике!
Еврей — караты,
¹⁰ еврей — валюта...
Люто богаты
и жадны люто.
А тут
        им
дают Крым!
А Крым известен:
не карта, а козырь;
на лучшем месте —
дворцы и розы. —
²⁰ Так врут
        рабочим врагов голоса,
но ты, рабочий,
                        но ты —
ты должен честно взглянуть в глаза
еврейской нищеты.
И до сегодня
        над западным краем
слышатся отзвуки
                        стонов и рёва.
³⁰ Это, «жидов»
        за бунты карая,
тешилась
        пуля и плеть царёва.

Как будто бы
                                у крови стока
стоишь
                                у столбцов статистических выкладок.
И липнет
                                пух
40   из перин Белостока
к лежащим глазам,
  которые выколоты.
Уставив зрачок,
  и желт и огромен,
глядело солнце,
  едва не заплакав.
Как там —
                                война
  проходила в погроме:
50 и немец,
                                и русский,
  и шайки поляков.
Потом демократы
  во весь свой мах
громили денно и ночью.
То шел Петлюра
  в батарейных громах,
то плетью свистела махновщина.
Еще и подвал
60   от слезы не высох —
они выползали,
  оставив нору.
И было
                                в ихних Мюр-Мерилизах
гнилых сельдей
  на неполный рубль.
И снова
                                смрад местечковых ям
да крови несмытой красная медь.
70 И голод
                                в ухо орал:
  — Земля!
Земля и труд
  или смерть! —
Ни моря нет,
                                ни куста,
  ни селеньца,

худшее из худших мест на Руси —
место,
80   куда пришли поселенцы,
палаткой взвив
                 паруса парусин.
Эту пустыню
                 в усердии рьяном
какая жрала саранча?!
Солончаки сменялись бурьяном,
и снова
                 шел солончак.
Кто смерит
90   каторгу их труда?!
Геройство — каждый дым,
и каждый кирпич,
                 и любая труба,
и всякая капля воды.
А нынче
                 течет ручьевáя лазурь;
и пота рабочего
                 крупный град
сегодня
100   уже
                 перелился в лозу,
и сочной гроздью
                 повис виноград.
Люди работы
                 выглядят ровно:
взгляни
                 на еврея,
                 землей полированного.
Здесь
110   делом растут
                 коммуны слова:
узнай —
                 хоть раз из семи,
который
                 из этих двух
                 из славян,
который из них
                 семит.
Не нам
120   со зверьими сплетнями знаться.

И сердце
и тощий бумажник свой
откроем
во имя
жизни без наций —
грядущей жизни
без нищих
и войн!

⟨1926⟩

О ТОМ,
КАК НЕКОТОРЫЕ
ТОВАРИЩАМ,
ИМЕЮЩИМ ЦИКОВСКИЕ ЗНАЧКИ

1

Двое.

В петлицах краснеют флажки.
К дверям учрежденья направляют
шажки...

Душой – херувим,
ангел с лица,

дверь
перед ними
открыл швейцар.

¹⁰ Не сняв улыбки с прелестного ротика,
ботики снял
и пылинки с ботишков.

Дескать:
– Любой идет пускай:
ни имя не спросим,
ни пропуска! –
И рот не успели открыть,
а справа

принес секретарь
²⁰ подюжины справок.
И рта закрыть не успели,
а слева

несет резолюцию
какая-то дева...

Очередь?
Где?
Какая очередь?

Очередь –
воробьиного носа короче.

³⁰ Ни чином своим не гордясь,
ни окладом,

принял
обоих
зав
без доклада...

Идут обратно —
                                весь аппарат,
как брат
                                любимому брату рад...
40 И даже
                                котенок,
  сидящий на папке,
с приветом
                                поднял
  передние лапки.
Идут улыбаясь,
                                хвалить не ленятся:
— Рай земной,
                                а не учрежденьице! —
50 Ушли.
      У зава
                                восторг на физии:
— Ура!
                                пронесло,
  не будет ревизии!..

2

Назавтра,
                                дома оставив флажки,
двое
                                опять направляют шажки.
60 Швейцар
                                сквозь щель
  горделиво лается:
— Ишь, шпана,
                                а тоже — шляется!.. —
С черного хода.
                                Дверь узка.
Орет какой-то:
                                — Предъявь пропуска! —
А очередь!
70 Мерь километром...
  Куда! —
раз шесть
                                окружила дом
  как удав!
Секретарь,
                                величественней Сухаревой башни,
вдали
                                телефонит знакомой барышне...

Вчерашняя дева
80 в ответ на вопрос
сидит
и пудрит
веснушчатый нос...
У завовской двери
драконом-гадом
некто шипит:
— Нельзя без доклада! —
Двое сидят,
ковыряют в носу...
90 И только
уже в четвертом часу
закрыли дверь
и орут из-за дверей:
— Приходите
после дождика в четверг! —
У кошки —
и то тигрячий вид:
когти
вцарапать в глаза норовит...
В раздумье
100 оба
обратно катятся:
— За день всего —
и так обюрократиться?! —
А в щель
гардероб
вдогонку брошен:
на двух человек
полторы галоши.

Нету места сомнениям шатким:
110 чтоб не пасса
бюрократ
коровой на лужку,
надо
или бюрократам
дать по шапке,
или
каждому гражданину
дать по флажку!

⟨1926⟩

НАШ ПАРОВОЗ, СТРЕЛОЙ ЛЕТИ

С белым букетом
из дымных роз
бежит паровоз,
летит паровоз...
За паровозом —
толпой вагончик.
Начни считать —
и брось, не кончив!
Вагоны красные,
10 как раки свáренные,
и все гружёные,
и все товарные...
Приветно машет
вослед рука:
— Должно, пшеница,
должно, мука! —
Не сходит радость
со встречных рож:
— Должно, пшеница,
20 должно быть, рожь! —
К вокзалу главному
за пудом пуд
в сохранной целости
привез маршрут...
Два человечика,
топыря пузо,
с одной квитанцией
пришли за грузом:
— Подать три тысячи четыре места:
30 «Отчет
Урало-металло-треста!» —
С усердьем тратя
избыток силищи,
за носильщиком
потел носильщик...

Несут гроссбух,
приличный том,
весом
почти
40 в двухэтажный дом.
Потом притащили,
как — неведомо,
в два километра! —
степь, а не ведомость!
Кипы
обиты в железные планки:
это расписки,
анкеты, бланки...
Четверо
50 гнулись
от ящика следующего,
таща
фотографии
с их заведующего.
В дальнейшем
было
не менее трудненько:
профили,
фасы
60 ответсотрудников.
И тут же
в трехтонки
сыпались прямо
за диаграммою диаграмма.
Глядя на это,
один ротозей
высказал мысль
не особенно личную:
— Должно,
70 с Ленинграда
картинный музей
везут
заодно
с библиотекой Публичною. —
Пыхтит вокзал,
как самовар на кухне:
— Эй, отчетность, гроссбухнем!
Волокитушка сама пойдет!

Попишем,
80   подпишем,
  гроссбухнем! —
Свезли,
                          сложили.
  Готово.
  Есть!
Блиндаж
                          надежней любого щита.
Такое
                          никогда
90   никому не прочесть,
                          никому
                          никогда не просчитать...
Предлагаю
                          — не вижу выхода иного —
                          сменить паровоз
  на мощный и новый
                          и писаное и пишущих
  по тундре и по́ лесу
                          послать
100   поближе к Северному полюсу...
Пуškai на досуге,
  без спешки и лени,
                          арифметике
  по отчетам
  учат тюленей...

⟨1926⟩

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ И ПОДАРКИ

Лучше
мысль о елках
навсегда оставь.
Елки пусть растут
за линией застав.
Купишь елку,
так и то
нету, которая красива,
а оставшуюся
10 после вычески лесных массивов.
Что за радость?
Гадость!
Почему я с елками пристал?
Мой ответ
недолог:
ничего
из-за сомнительного рождества Христа
миллионы истреблять
рожденных елок.
20 Формулирую, все вопросы разбив
(отцепись, сомненья клещ!):
Христос — миф,
а елка —
вещь.
А чтоб зря
рождество не пропадало —
для каждого
подумал про подарок.

1. АНГЛИИ

30 Хочу,
чтоб в одну
коммунистическую руку
сложили
рабочих
разрозненные руки.

Рабочим —
        миллионы стойких Куков,
буржуям —
        один хороший кукиш.

2. КИТАЮ

От сердца от всего,
40   от самого дóнца,
хочу,
        чтоб взвился
  флаг-малина.
Чтоб получить
  свободными
  14 кантонцев
и, кстати,
        одного
  арестованного Чжан Цзолина.

3. ДВУМ МИНИСТРАМ

50 Куски закусок,
  вина и пена.
Ешь весело!
  Закусывай рьяно!
Пока
        Бриан
  не сожрет Чемберлена,
а Чемберлен
  сожрет Бриана.

4. СССР

Каждой республике —
60   три Волховстроя,
втрое дешевые,
  мощные втрое.
Чтоб каждой реки
  любая вода
миллионы вольт
  несла в провода.
Чтоб новую волю
  время вложило
в жилы железа
70   и наши жилы.

Пусть
хоть лампой будет пробита
толща
нашего
грязного быта.

5. БУРЖУЮ

Разумеется — ствол.
Из ствола — кол.
Попробуй, мол,
кто крепче и дольше проживет —
⁸⁰ кол
или живот.

6

И, наконец,
БЮРОКРАТАМ —
елочную хвою.

Пусть их
сидят на иголках
и воют.

Меньше
будут
⁹⁰ на заседаниях тратиться,
и много труднее —
обюрократиться.

(1926)

Что в селе?
                                 Навоз
   и скрипучий воз?
 40 Свод небесный
                                 коркою вычерствел?
 Есть ли там
                                 уже
   миллионы звезд,
 расцветающие в электричестве?
 Не купая
                                 в прошедшем взора,
 не питаясь
                                 зрелищем древним,
 50 кто и нынче
                                 послал ревизоров
 по советским
                                 Марьям Андревнам?
 Нам
                                 коммуна
   не словом крепка́ и любá
 (сдашь без хлеба,
   как ни крепися!).
 У крестьян
 60   уже
   готовы хлеба
 всем,
                                 кто переписью переписан?
 Дайте крепкий стих
   годочков этак на́ сто,
 чтоб не таял стих,
   как дым клубимый,
 чтоб стихом таким
   звенеть
   и хвастать
 70 перед временем,
   перед республикой,
   перед любимой.
 Пусть гремят
                                 барабаны поступи
 от земли
                                 к голубому своду.
 Занимайте дни эти —
   подступы

⁸⁰ к нашему десятому году!
Парад
    из края в край растянем.
Все,
    в любой работе
                                и чине,
рабочие и драмщики,
                                стихачи и крестьяне,
готовьтесь
                                к десятой годовщине!

⁹⁰ Всё, что красит
                                и радует,
  всё —
и слова,
                                и восторг,
  и погоду —
всё
    к десятому припасем,
к наступающему году.
(1926)

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ГРУЗИЯ

Лишь только
нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я —
грузин.
Эльбрус,
Казбек,
и еще —
10 как вас?!

На горы
горы грузи!
Уже
на мне
никаких рубах.
Бродягой.
Один архалух.
Уже
20 подо мной
такой карабах,
что рольсу
и то б в похвалу.
Я помню,
что я,
загорел и носат,
старее
всего старья.
Я влез
веков девятнадцать назад
30 вот в этот самый
Дарьял.
Лезгинщик
и гитарист душой,
в многовековом поту,
я землю
прошел
и возделал мушой

отсюда
по самый Батум.
40 Из дел моих
не вспомнят ни зги.
История —
врун даровитый.
Бубнит лишь,
что были
цари да князьки:
Ираклии,
Нины,
Давиды.
50 И я
катился,
костями хрустя,
чтоб в пену
Тереку врыться.
Да это что!
Любовный пустяк.
И чище
резвилась царица.
И я
60 от земли
подымался ввысь.
Я песне
душу отверз:
«Мхолот шен эртс
рац ром чемтвис
моуциа
маглидган Гмертс...»
И слышу,
шпоры
70 гремят между скал.
Вот с этих
тропиночек узких
на сакли,
гремя,
опускались войска
золотопогонников русских.
Резвились
в пажах
царевы сынки,
80 а я
ежедневно
и наново

ужасом
                    крови и гари, —
я знаю,
                    мы
130   еще
                    не вино.
ведь мы еще
                    только «мачари».
Грузин я,
                    но не кинто озорной,
оруший
                    и пьющий после.
Я жду,
                    чтоб гудки
140   запели зурной,
где шли
                    лишь кинто
                            да ослик.
Я жду,
                    чтоб аэро
                            в небо взвились.
Как женщина,
                    много лелеема
150   мечта,
                    что в хвост
                            со словом «Тифлис»
вобъем
                    фабричные клейма.
Работай
                    во всю
                            трудовую прыть,
для стройки
                    не жаль ломаний!
Если даже
160   Казбек помешает —
  срыть!
Все равно
                    не видать:
                            в тумане.

⟨1925⟩

Плывет недели,
и нет ей ни дна,
ни покрышки.
Волны
40 друг друга
лупят плашмя,
и так и этак —
то всыпят,
то высыпят,
и вновь водословят,
звenea и шумя...
Диспут...
Это кит, говорят.
Возможно и так.
50 Вроде рыбьего Бедного —
обхвата в три.
Только у Демьяна
усы наружу,
а у кита
внутри.
Годы — чайки.
Вылетят в ряд
и в воду —
брюшко рыбешкой пичкать.
60 Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?
Я родился,
рос,
кормили соскою, —
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
70 как прошли Азорские
острова.

Прим.: Этот стих — скелет, который может и должен обрастать при моей помощи и вашей, гг. поэты, мясом злободневных строк. Так строки про «обрастание» и «диспут» — новы. Другие — устаревшие — вычеркнуты. Таким скелетом, например, была моя «Схема смеха».

В. М.

⟨ДОМОЙ⟩

Я хочу быть понят моей страной
а не буду понят что ж
по родной стране пройду стороной
как проходит косой дождь.
Проценты на время!
Как ни идти
в хороший отданы рост.
Мне 30 уже и у 30-ти
пошел пробиваться хвост.
10 Уходите, мысли восвояси
обнимись души и моря глубь
тот кто постоянно ясен
тот по-моему просто глуп
Я в худшей каюте из всех кают
Всю ночь надо мной как будто куют
всю ночь покой потолка возмутив
несется танец и стонет мотив
Маркита Маркита
Маркита моя
20 зачем ты
Маркита
не любишь меня
А зачем любить тебя Марките –
у поэта даже франков нет
А Маркиту – толечко моргните
За сто франков посылают в кабинет
небольшие деньги поживи для шику
нет интеллигент начнешь с верхов
будешь всучивать ей швейную машинку
30 по стежкам строчащую шелка стихов
Пролетарии приходят к коммунизму низом
низом шахт серпов и вил
я же с туч поэзии бросаюсь в коммунизм
от огромной от несбыточной любви
Вот лежу уеханный за воды
ленью еле двигаю моей машины части

но себя советским чувствую заводом
вырабатывающим счастье
не хочу чтоб меня как цветочек с полян
40 рвали после служебных тягот
Я хочу чтоб в дебатах потел Госплан
мне давая задания на год
Я хочу чтоб над мыслью времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу чтоб сверхставками спеца
получало любовь мое сердце
Я хочу чтоб в конце работы завком
запирал мои губы замком.
Я хочу чтоб к штыку приравняли перо
50 С чугуном чтоб и с выделкой стали
о работе стихов от Политбюро
чтобы делал доклады Сталин
Вот так мол и так и до самых верхов
прошли из рабочих нор мы
Коминтерн и Союз в понимании стихов
достигли довоенной нормы.
Все равно послался сам я или послан к маме
Слов ржавеет сталь чернеет баса медь.
Почему под иностранными дождями
60 намочать мне гнить мне и ржаветь
Чтоб я мое имя Владимир
похожее на вымер на стон
сменил, на чужое имя
и звался мусье Гастон?
Я хочу быть понят моей страной
а не буду понят что ж
по чужой стране пройду стороной
как проходит косой дождь.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Товарищ солнце,
  не щерься и не ящерься!
Вели
                облакам
  своротить с пути.
Сегодняшний праздник —
  праздник трудящихся.
И нечего саботажничать.
  Взойди и свети!
10 Тысячи лозунгов,
  знаменами избранных.
Зовут к борьбе
  за счастье людей, —
А кругом
                                пока
  толпа беспризорных.
Где несправедливость
  злей и лютей?
Смотри, —
20   над нами
  красные шелка
Словами бессребренными затканы.
А у скольких
                                вокруг
  бока кошелька
Оттопыриваются взятками.
Подняв
                                Надзнаменных звезд рогулины,
Сегодня
30   по праву
  стойте, ходите!
А мало ли
                                буден
  у нас прогулено?
Мало простоено?
  Сколько хотите!

Наводнение видели?
В стены домьи
Бьется льдина,
40 мокра и остра.
Вот точно так
режим экономии
Распирает
у нас половодье растрат.
Товарищ солнце,
скажем просто, —
Дыр
и прорех у нас
до черта.
50 Рядом
с делами гигантского роста
Целые коллекции
прорех и недочетов.
Солнце, —
и в будни
лезь из-за леса.
И не пяться
на попятный.
Выжжем,
60 выжжем каленым железом
Эти язвы
и грязные пятна!
А что же
о мае,
поэтами опетом?
Разве
первого
такими поздравлениями бодрят?
А по-моему,
70 во-первых,
подумаем об этом,
Если есть
свободные
три дня подряд.

ВАРИАНТЫ

УХ И ВЕСЕЛО!

(С. 9)

Смехач:

81–83 Через сколько лет он соберет на пропеллер?

9-е ЯНВАРЯ

(С. 12)

Машинопись с авт. правкой:

42–47 первоначально отсутствовали, вписаны на полях.

49 а. помните царский урок!

б. как в тексте.

54 а. В борьбе с врагом

б. как в тексте.

56 а. Да здравствует пуля

б. как в тексте.

Красная Там.:

Заглавие Долой прошенная!

Смена:

Заглавие 9 января 1905 года

25–27 «Пули в груди,
И в спины и в лбы!»

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

(С. 14)

Черновой автограф:

Текст записан по преимуществу без ритмического членения стихотворных строк. Четко выражена лесенка только в записи строфы, ставшей заключительной, и нескольких отдельных строк. Первоначально в записи отсутствовали стк. 24–30, которые записаны сразу вслед за стк. 63–64. Затем записана строфа, ставшая заключительной. Отдельно записан набросок стк. 67–72. Стк. 41–50 и 65–66 в записи отсутствуют.

Заглавие отсутствуют.

- 56 а. у прабабушки
б. как в тексте.
- 78 крестит вас
- 129–128 а. Дай дорогу
б. Дай пройти
в. Мы идем
ватаге
ватага юных внуков

КОМСОМОЛЬСКАЯ

(С. 23)

Беловой автограф:

- 165 а. юная кровь
б. как в тексте.

НА УЧЕТ КАЖДАЯ МЕЛОЧИШКА

(С. 28)

Смена:

- 103–108 Купила Шелли;
красивый —
оторвешься еле.
Купила Бетховена
и Шаляпина...
- 120 дяди
- 125 меж гравюрами
- 133–134 Пришлось
их
- 159–161 Деточка,
чем вы лучше
богомолки?!

ЮБИЛЕЙНОЕ

(С. 35)

Беловой автограф:

- 65 встает в ином разрезе
- 161 а. да не слушайте вы их!
б. как в тексте.
- 219 а. Вот Есенин
б. как в тексте.

- 261 – 263 Вам дал бы
 Моссушно
 и сукна¹
- 345 – 347 Мне бы
 памятник при жизни.
 Полагается ж по чину.
- Заря Вост.:*
- Подзаголовок (А.С. Пушкину)
 35 – 39 Я
 сейчас
 свободен
 от любви и от плакатов
- 59 – 69 *идут после стк. 70–80.*
 69 Мною
- 73 – 75 Ищем речи
 резкой и нагой.
- 80 – 82 Скажем это:
 говорится или блеется
- 99 Я люблю вас Пушкин;
 203 – 204 Это нам компания —
- 219 – 223 Вот Есенин —
 мужиковствующих свора.
 Выглядит —
 коровою
 в перчатках лаечных.
- 230 Чтобы крепкий был
 253 вам доверять смог
- 263 – 265 и рекламу б
 выдал
 «гумских» дам.
- 274 – 275 Наш перья —
 298 Развели
- 314 – 315 что за разговоры
 спиритизма вроде.
- 336 лучище выкалил.
 345 – 347 Мне бы памятник
 при жизни.
 Полагается по чину

¹ Опуска автора, но неясно, в какой из двух строк.

СЕВАСТОПОЛЬ–ЯЛТА

(С. 52)

Беловой автограф 1:

- ³ всяких армян
33–36 а. Дави
                                поцелуями
  гроздья шашлы
любви
                                виноградная сладость
б. как в тексте.
37–38 а. Сомнений жар
                                ущелий тоска
б. как в тексте.
41–42 а. и кто москит
                                и кто мускат
б. как в тексте.
87 проплывали года
91 а. веселит
б. как в тексте.
103 а. Слезайте
б. как в тексте.

Беловой автограф 2:

- ³ грузин и армян.
41–42 а. И кто москит
                                и кто мускат
б. Который москит...
                                который мускат...
62 и церковь на ней
89 суетою мышиною
91 а. веселят
б. как в тексте.
103–105 – [Слезайте!] Пожалте!
                                Червонец.
  Ялта.

Беловой автограф 3:

- ³ всяких армян
33–36 Дави
                                поцелуями
  гроздья шашлы –
любви виноградная сладость.

41–42 И кто москит
и кто мускат
61 Вот куча камней
87 проплывали года
91 веселит
103–105 «Слезайте!
Червонец!
Ялта!»

ТАМАРА И ДЕМОН

(С. 60)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмической разбивки абсолютно-го большинства стихотворных строк и без членения на строфы; заглавие отсутствует.

Перед текстом — заготовка рифм к стк. 45 и 51:

диспуты
выступы

Отдельная запись:

лирический

На полях в средней части автографа — заготовка рифм к стк. 168 и 171, а также заготовка стк. 139–140 и 144–145:

парочку
Тамарочка
и в Терек с размаху треснется
у нас неудобней лестница

Запись текста начинается со стк. 14–22 и 1–13. Последовательность записи данных строк неясна. Возможно, начальные варианты 14–22 предшествовали 1–13. Указаний перестановки строк нет. Видимо, она была произведена при перебеливании текста.

1–13 От этого Терека
в поэтах истерика
Я Терек не видел
тоже потерийка
С омнибуса вразвалку
Сошел поплеывая с берега Терека
Совал ему в пену палку

- 14–22 а. Терек рвется вразброд и вразвал
бушует как пьяный в участке
Как будто бы Терек организовал
проездом в Тифлис Луначарский
б. А Терек бурлят вразброд и вразвал
в. А Терек идет вразброд и вразвал
г. Чего ж хорошего полный развал
Шумит как Есенин в участке
Как будто бы Терек организовал
проездом в Боржом Луначарский
- 27–29 а. Овладевает глазами гипноз
б. Овладевает гипноз
воды и пены играшзя
- 35–36 а. стоит красотой нетроганной
б. горит красотой нетроганной
- 57–58 реветь я стараться в голос во весь
- 61–64 Я знаю свой голос паршивый тон
но страшен силой ярой
- 65–67 а. Кто слышал не усомнится што
б. Кто знает не усомнится што
- 79–88 *отсутствуют; записаны отдельно одновременно
с черновиком конца (стр. 154–171).*
- 79–85 а. Тем более с этого какой гонорар
б. Тем более с песен какой гонорар
А прачка — в семью копейка
Немного дарит даром гора
- 89–90 вскочила царица к кинжалу рука
- 96–100 Под ручку с усмешкой Сударыня
Чего вы пыхтите как паровоз
- 106–107 Рассказывал некий Лермонтов
- 108–110 в тебе ничего кроме страсти нет
- 113–121 дрожу упустить мне ведь 30 лет
хочу любить тебя попросту
любить чтоб камень казался пух
чтоб камнем казалось многое
- 122–124 а. а что твой демон воздух дух
б. а что муж твой демон фантазия дух
- 127–133 С скалы не бросай меня будь добра
от этой ли сдамся боли я
мне даже черкеску не жаль ободрать
- 136–138 Отсюда парню хороший удар
- 141–143 а. У нас посерьезнее будет куда
б. У нас побольнее будет куда
- 144–145 Считай ступеньки лестнице

- 146–151 а. Пусть пишет про это в
 б. Я кончал и дело мое сторона
 Пускай озверев от помарок
 Про это пашет в Москве Пастернак
- 154–161 А дальше это уже не для книг
 Из скромности я бастую
 Сам Демон слетел послушал и сник
- 165–171 а. Мы любим гостя
 Тамара вина
 б. Сам Лермонтов если б пришел невзначай
 Раскис бы счастливая парочка
 Мы приняли б гостя
 [устроили б]
 закуски и чай
 Налей гусару Тamarочка
 в. К нам Лермонтов ходит презрев времена
 И киснет счастливая парочка
 г. Сам Лермонтов видя ее и меня
 Раскис бы счастливая парочка
 Мы приняли б гостя достали б вина
 Налей гусару Тamarочка.
Беловой автограф:
- 65 а. Кто слышал
 б. как в тексте.
- 82–83 а. стирка
 в семью копейка
 б. Стирка ж
 в семью копейка
- 120 [у] от черта скраду
 127 а. Забудь про пропасти
 б. Забудь о пропастях
- 131–133 Мне
 даже черкеску не жаль ободрать
- 148 Пускай
 169–170 а. Люблю я гостей.
 Подвигаю вина.
 б. как в тексте.
Красная новь; Только новое; Американцам; ИзИз:
- 127 Забудь о пропастях
 132–133 даже черкеску не жаль ободрать
- 148 Пускай
Красная новь:
- 84 Даром

О ДЕЛЕ 26-ти

(С. 65)

Заря Вост.:

² на эха помноженным
¹¹⁶ по рабам пронесло
121–122 Сила
          миллионов
168–170 Буржуи
          — как водится
                                двинули в ход
211–212 (Помог
          шакал покончить.)

Красная нива; Только новое:

² на эха помноженным

Песни рабочим:

¹¹⁶ по рабам пронесло
121–123 Сила
          миллионов
                                восстаньем била
168–170 Буржуи
          — как водится
                                двинули в ход
211–212 (Помог
          шакал покончить.)

Заря Вост.; Красная нива; Только новое;

Песни рабочим:

160, 163 имя Тиг-Джонс писалось Тигль Джонс

ХУЛИГАНЩИНА

(С. 75)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмического членения стихотворных строк; окончание, находившееся, видимо, на следующей странице записной книжки, не сохранилось; заглавие отсутствует.

^{1–5} Чуть только солнце садится канув
За опустелые фабричные стойки
^{6–10} а. Вылазят на улицы банды хулиганов

- б. Улицы стонут от хулиганов
вроде вот этой жуткой тройки.
- 11–14 Люди от них бегут поодаль
таким попадись в ежовые лапочки
- 20–21 а. Мадам позвольте проводить немножко
б. Мадам позвольте провожу немножко
- 22–24 Клуб плевать ломай скулья
- 25–28 Смотри прохожий а ну его ножиком
Зубы [вычтет] вычтем помножим скулья

СЕЛЬКОР

(С. 77)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмической разбивки стихотворных строк; заглавие отсутствует.

- 1–2 Город растет. А в дальней деревне
- 11–15 а. Лишь пробивая невежества горы
Дичь и разбой и только селькоре
б. Дико в деревне и только селькоры
Жизнь обрекая смертельным риском
- 16–18 смело долбят [неве(жества)] непорядков горы
- 25–26 Ванька писатель и банда кулацкая
- 27–31 Камни запрятав шагает у хаты
Ходит забами по-волчьи лацкая
- 32–33 В темном лесу понастигнут к ночи
- 42–44 Труден и тяжек [ваш] путь селькора
- 48–49 Все кто (в) несчастье все кто в горе
- 52–54 а. Враг кулак изворотлив и ловок
б. Враг богат изворотлив и ловок
- 57–58 а. Ваш карандаш их лучше винтовок
б. Ваш карандаш вернее винтовок
- 59–61 а. бьет и дырявит лучше штыков
б. бьет и пронзает лучше штыков

ЕДУ

(С. 83)

Прожектор; Париж:

- 27 и то — Этуаль
- 49 приднепровская степь...

ГОРОД

(С. 85)

Прожектор:

100–101 лучше
тысяч

Париж:

64 буквы
73 Товарищ туча
99–101 Эта площадь
лучше
тысяч

ВЕРЛЕН И СЕЗАНН

(С. 88)

Прожектор:

226 не живопись чтут
233 Хорошее имя взяли
255 весь в анилине

Париж:

93 как рвань рублевая
Между 125 и 126 Конечно,
травку
нельзя отрицать,
но я-то
смотрю с тоскою:
мое-то ведь существо
от лица
до пяток
сплошь городское.
188 За глотку быт
228–248 *отсутствуют.*
255 весь в анилине

NÔTRE-DAME

(С. 95)

Красная новь; Париж; ИзИз:

89 «Знак Зоро»
95 во весь Бульмиш

ИзИз:

18 в соборное благолепие

ВЕРСАЛЬ

(С. 98)

Красная новь:

106 Нам бы

Париж; ИзИз:

92 штыка какого-то

109–110 но в наш,
в машинный розмах!

ЖОРЕС

(С. 102)

Список рукой Л.Ю. Брик:

69–70 в болящих горбах
78 краснеет по ртам
84 по парижским фортам

Красная новь:

69–70 в болящих горбах

Париж:

37 колесница
84 по парижским фортам

ПРОЩАНИЕ. (Кафе)

(С. 105)

Огонек:

Заглавие Прощание. (Кафе)
4 приводят в Рим
6 у монпарнасцев
114 столица столетий
120 провинция ж

Париж:

97 украден

ТРЕТИЙ ФРОНТ

(С. 114)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмической разбивки стихотворных строк.

- Заглавие *отсутствует.*
- 9–11 [сте(клись)] сошлись на первый учительский съезд
 12–13 на третьем фронте вставая горой
 14–15 а. на третьем фронте учебы и книг
 б. на фронте учебы на фронте книг
 24–26 а. С мешком пожитков та(щился) пешком
 б. так же с книгой как будто с винтовкой
 27–31 Он шел разутый и чуть не голый
 верст за сорок в город пешком
 37–39 а. он так же сражался с каждой буковкой
 б. сражался бился с каждой буковкой
 40–42 в атаки идя со [сво(ей)] всей детворой
 43–47 а. Корпи и в узу и в оно и в вике
 Вот шкрабовских дел трудовая повесть
 б. В онах и в виках к общей благости
 работай не за страх, а за совесть
 54–65 *первоначально отсутствовали, записаны в конце текста.*
 54–56 пошла всероссийская стройка даковка
 66–70 Но шкраб как ребенка школу вынашивал
 пока войною гремела гроза
 71–73 И [ныче] вот со всего Союза нашего
 89–99 *отсутствуют.*

РАБКОР («Лбом пробив безграмотья горы...»)

(С. 120)

Пролет. правда:

Подзаголовок (Киевским рабкорам)

ЯЛТА–НОВОРОССИЙСК

(С. 137)

Список рукой Л.Ю. Брик:

- 25 безбурный
 33 просто
 86–87 Она
     недурно поспала бы
 106 щечки да ямочки
 142 а у нас
 149 Пльвем плоховато
 198 сплюнул зло

Прожектор:

Заглавие Ялта – Севастополь

РАДИО-АГИТАТОР

(С. 160)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмического членения стихотворных строк.

- Заглавие *отсутствует.*
- 5–6 а. в каких-нибудь несколько лет
б. в пустяк из нескольких лет
- 7–8 по миру ногой топает
- 21–22 а. в миллио(н)
б. мильону ушей слушачей
в. в мильон ушей слушачей
- 23–24 слетают слова по антенне
- 27–28 не то что [ради(о)] людской голос
- 40–41 в Интернационале хором
- 42–44 а. Чтоб шли скорей века без оков
б. Чтоб в скорей
в. Чтоб шли скорей века без оков
- 47–49 а. Труби
б. Бубни миллионом своих языков

ИСПАНИЯ

(С. 162)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмического членения стихотворных строк.

- 8–11 первоначально – после 32, затем строфа переставлена.
- 20–21 а. От цветов толпа горит
б. Чернь волос в цветах горит
- 35–37 Вскрики пенье страсти
- Нов. мир:*
- 12 чешет по-испански.
- ИзИз:*
- 39 Как собаке «здрате».

6 МОНАХИНЬ

(С. 164)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший (стр. 61–64 – двустихия), с пробелами между строками, без ритмического членения стихотворных строк.

- 11–13 а. И сзади и спереди одина(ковые)
 б. И сзади и спереди ровные как веревка
 в. сзади и спереди ровней чем веревка
- 14–16 а. Как на вешалке шали на плечах висят
 б. Шали как на вешалке на плечах висят
 в. Шали как с гвоздика с плеч висят
- 28–30 рот мой раздерет зевота
- 32–34 Трезвые и чистые как раствор борной
- 38–40 а. пообедав вместе скрываются в уборной
 б. пообедав сообща скрываются в уборной
- 41–42 одна зевнула зеваает шесть
- 54–56 в раю ужю отоспят лишек
- 79–81 и снова идет [бого(мольный)] елейный скулеж
- 88–92 а. если вы народ то кто тогда вороны
 б. если люди вы то кто ж тогда вороны
- 93–95 А если вы вороны [то] почему вы не летаете!
- 98–99 а. обойдите весь земной религиозный шар
 б. весь земной обревизуйте шар
- 110–111 а. меж таких повесишься с тоски
 б. гарантирую повесишься с тоски

Прожектор:

- Заглавие Монашки
- 56 отоспят лишек!
- 79 и вновь
- 110–111 гарантирую
 повесишься с тоски.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

(С. 167)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший (стр. 35–36, 41–42 – двустихия), с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк.

- 3–4 а. а стены зубцами пил
 б. а стены зубьями пил
- 13–17 а. вобрал пароход якоря и понесся
 и горы Европы исчезли мельчась
 б. сопя вобрал якоря и понесся
 Европа ушла мельчась
- 18–20 а. [Пошли] Стек(ли) по бортам водяные глыбы
 б. Бегут по бортам водяные глыбы

25–26 а [вокруг] кругом вода
27–34 [Неделями] Столетья грудью своей атлетической
от Гавра и до Вера Круц до Гаван
вдыхает и [хрипит] гремит Атлантический
океан

Строфа зачеркнута и начата заново:

а. Недели грудью

Пьян в лоскутья как стелька пьян

б. Недели грудью своей атлетической

1) то в лени то в яри то трезв то пьян

2) то работяга то в стельку пьян

вдыхает и гремит Атлантический
океан

После 36 *зачеркнуто:*

а. У у уху у-ух

сунься попробуй который сух

б. У у ух

выходи который сух

45–46 а. живут и ладно

б. не трону ладно

56–59 а. чтоб еще октябрь

б. вон пошло идет слилось и загромило

60–62 а. вода неподвижно лежит сквозная

б. и снова вода присмирела как

в. и снова вода присмирела сквозная

71–72 и гвардия [пен(ы)] капель воды партизаны

76–77 до неба метнутся падают заново

78 порфиру пены в клочки изодрав

79–89 и снова верстой [вознесут] вознесли одного

безмолвным согласьем [крест(или)] назвали вождем

и каждой волнишке вокруг от него

приказы и лозунги [сыпет] блещут дождем

Строфа зачеркнута и начата заново:

а. И снова капли спаялись в одно

б. И снова вода

в. И снова спаялись воды в одно

[велев] волне повелев разбурлиться вождем

и прет волнища с-под тучи на дно

приказы и лозунги сыпет дождем

90–92 И волны клянутся всеводному [вцику] циду

93–94 оружие бурь до победы не класть

95–96 а. И вот победим экватора циркуль

б. Даешь победили экватору в циркуль

- 97 Советов капель [огро(мная)] бескрайняя власть
110–112 а. под трапом с палубы свисшим мостком
б. под трапом свисшим прозрачным мостком
119–121 а. дворцом заплетают кор(аллы)
б. дворцом растет кораллов плетенка
131–136 но враг не сунется в тучи сторожо
глядит не моргнув атлантический глаз
139–140 а. то воешь облитый пеною ран
б. то стонешь облитый пеною ран
141–143 смотри и смотрю и всегда одинаков
144–145 а. глядит не моргая
б. любим и близок мне океан
149–151 в глаза [б] тебя опрокинуть рад
152–155 а. по крови гудящей по грозному духу
б. по шири по делу по крови по духу
156–157 а. моей революции младший брат
б. моей революции старший брат

Беловой автограф:

- 110–112 под трапом
свисшим
[аж(урным)] прозрачным мостком
135 не моргнув
141–145 Смотри и смотрю
и всегда одинаков
любим
и близок мне океан.
152–155 по крови гудящей
по грозному духу

Авторизованная машинопись; Известия:

- 110–112 под трапом,
свисшим
прозрачным мостком
122–124 чтоб легче
жилось
рабочей китихе
с китом трудовым
131–136 Но враг не сунется:
в тучи сторожо
глядит,
не моргнув,
атлантический глаз.

137–140 То стонешь
                                в блеске
  лунного лака,
То стынешь,
                                облитый
  пеною ран.
144–145 любим
                                и близок мне
  океан.

Фонограмма авторского чтения:

18–20 Встают по бокам водяные глыбы
144–145 любим и близок мне океан

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

(С. 171)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк.

3–5 ем [строчу] пишу от жары балда
11–13 а. сегодня смиренный как голубица на яйцах
                        б. сегодня смиренней голубицы на яйцах
После 16 стк. 50–56
17–19 а. У моря есть своя пора
                        б. Есть у воды своя пора
22–24 А у Стеклова вода не сходит с пера
После 25 стк. 35–42
37–39 Пароход [ползет] из Мексики а мы туда
50–51 Годы как чайки вылетят в ряд
57–59 Родился рос кормили соскою.

Беловой автограф:

17–34 *отчеркнуты на полях карандашом, возможно как намеченные к перестановке или исключению.*
35–42 *зачеркнуто; в конце текста – вместо вычеркнутых строк, с указанием места вставки:*

Волны
                        друг друга
  лупят плашмя
и так и этак
                        о всыпят то высыпят
и вновь водословят
                        звения и шума
диспут...

БЛЕК ЭНД УАЙТ

(С. 173)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмического членения стихотворных строк.

Заглавие *отсутствует.*

1–11 *записаны после 140–142 как заключительная строфа.*

6–8 под пальмой на ножке стоит фламинго

20 у Энри [Бок] Клей энд Бок лимитед

34–39 да разве что вор портовой инспектор

кинёт негру сантим на бегу

47–49 волосьев тысячи а ног две

62–63 мало всхода мало посева

82–84 и когда вопрос этот лез в Вилла

94 величайший из сахарных королей

95–97 а. негр к королю подходит смелый

99–100 б. негр подходит к туше дебелой

отчего и сахар белый белый

107–109 а если вы любите кофе с сахаром

110–112 извольте сахар делать сами

132–133 руку с-под носа утершую кровь

Красная новь:

Подзаголовок (Белые и черные)

36 портовой инспектор

110–112 то сахар,

пожалуйста,

делайте сами.

133 с-под носа утершую кровь.

ИЗИЗ:

Заглавие Черное и белое

1–11 *отсутствуют.*

19 стоял со щеткой

36 портовой инспектор

55 трёхвёрстый джаз.

78–79 *отсутствуют.*

88 И надо же ж случиться

107–112 А если вы

любите

кофе с сахаром,

то не хотите ли
сахар
                        делать сами?
134 у носа
                        стёршую кровь

СИФИЛИС

(С. 177)

Черновой автограф:

Текст записан в форме отдельных четверостиший; в единичных случаях — с ритмическим членением стихотворных строк. Порядок записи отдельных строф не всегда ясен, поэтому варианты — в последовательности окончательного текста.

На полях, среди текста, а также на полях белого автографа стих. «Свидетельствую» (в той же записной книжке) — заготовки к отдельным строкам, впоследствии частично использованные:

Сборища — см. стк. 68–73
морща
велите — см. стк. 48–53
сифилитик
Том не приехал где же Том — см. стк. 134–140
С другою рогожу делит
Что скоро начнется коктейлей
питье — см. стк. 80–81
нефть — см. стк. 103–105
черней чем вакса черный лев¹
ея — см. стк. 213–217

Заглавие гнилья
отсутствует.

1–3 а. Пароход Куба
б. Напрасно Куба

ВЫЛ

гудел

в. Подошел пароход повыл пох(рипел)
г. Подошел пароход завыл погудел

4 а. он скручен
б. и скован

¹ Слово записано в форме «леф».

- 6 а. на Кубе
б. на палубе
- 10–12 а. Подошла паровая лодка с бочка
б. Подошел
в. Подплыл катерок к нему с одного бочка
- 13–17 вбежав по лестнице хромоу
осматривал
[доктор] врач
в роговых очках
[кто в оспе а кто]
которые с трахомой
- 18–19 Припудрив прыщи и язвы вымыв
- 21–23 первый класс [проходил] дефилировал мимо
- 25–27 а. голубой дым из двух ноздрей
б. дым голубой из двух ноздрей
- 28–30 а. единым кольчиком свив¹
б. единым колечком свив
- 31–33 первым [шел] был в алмазной заре
- 36–38 а. Он шел поражая сигарной длиной
б. Воняет трубка в аршин длиной
- 43–44 Пойди [разбери] разгляди болезнь
- 45–47 а. Гавана давай воздержаться зарок
б. Порт воздержаться давай зарок
- 54–73 *отсутствуют.*
- 82 а. Говорит
обратно
б. Гоните
обратно
- 95–97 а. лишь завтра Тому оспу привьют
б. лишь завтра оспу Тому привьют
- 103–104 а. Глаза
б. волоса густые как нефть
- 109–111 а. пока за работой Том болтается
б. пока по работам Том болтается
- 114–115 а. плант(атор)
б. жену его прогнали с плантацияй
- 116–117 за то (что) не платит натурой
- 128–140 а. Пароход пришел. Не пришел Том
Следующий через недели
Как дожждаться с голодным ртом
1) когда его прикрутит винтом
2) когда прикрутит его винтом

¹ В этом и следующем варианте записано в форме «свив».

- 3) когда прикрутит винтом
 Забыл разлюбил забросил Том
 с кем он рогожу делит
 б. Опять пароход привинтило винтом
 Следующий через недели
 Как дожидаться с голодным ртом
 Забыл разлюбил забросил Том
 с белой рогожу делит
- 161–165 Она решила отчетливо но!
 и глухо сказала — ес
- 169 подпивший мистер Свифт
- 185 и то что не будет оспы
первоначально после 201 набросок двух строк:
 а. Горели сами и дети родясь
 онемевали и слепли
 б. *строфа записана отдельно, в конце текста,*
с вариантом стк. 190–191:
 И дети у матерей в животе
- 194–196 а. ломаньем суставов день ото дня
 дни полугодия вылистаны
 б. ломая суставы день ото дня
 года календарные вылистаны
- 197–199 и кто-то ноги у них отнял
- 202–204 а. И к негру внимание было особое
 б. Внимание к негру стало особое
- 209–210 а. засохший и постный пастор
 б. вытаскивал постный пастор
 в. показывал постный пастор
- 211–213 Господь покарал его и ее
- 218–219 с [больных] гнилых негритянских костей

Авторизованная машинопись:

- 19 а. и язвы вымыв
 б. и наружность вымыв
 подвигался

Молодая гвардия:

- 75 подвигался
- 181 И рад

Отг. изд.:

- 75 подвигался

ХРИСТОФОР КОЛОМБ

(С. 183)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмического членения стихотворных строк.

Деление на главы отсутствует.

Имя героя в тексте – везде Христофор Колумб.

- Заглавие а. Христофор Колумб
б. Христофор Колумб
- Эпиграф *отсутствует.*
- 3–5 а. в приморской таверне у скалы бочком
б. в портишке известном лишь кабачком
- 6–7 а. Колумб Христя и другие забулдыги
б. Колумб Христофор и другие забулдыги
- 11–12 а. Христофора злят [надоели] изводят Христофора
б. Христофора злят пристают к Христофору
- 19–21 а. покрыл баритоном щелканье пробок
б. покрыл дисканточком щелканье пробок
в. покрыл тенорочком щелканье пробок
- 30–37 *записаны отдельно, на полях; с другим порядком строк:
30–31, 34–35, 32–33, 36–37.*
- 36–37 всю ночь сидит и раздвигает циркуля
- 55–57 не барахло [а] бирюза и жемчуга
- 69–71 а. посуху год караван
б. посуху и в год не обернется караван
- 72–73 и закапали флорины и пьезеты
- 76–78 а. Идут посвистывая отчаянные
б. Идут посвистывая отчаянные из отчаянных
- 82–85 арабы и французы испанцы и датчане
- 89–91 а. Кто здесь Колумб на Индию в ночь
б. Кто здесь Колумб до Индии в ночь
- 99–100 [От(ъезд)] Прощанье что надо не отъезд а помпа
- 104–106 время меряли вперяся в компас
- 107–108 спьяну путали штаны и паруса
- После 117 *зачеркнута незавершенная строфа:*
Еще паруса и не все развеяли
а к флагам аж рвется злоба волн
[недели шли и люди стрезвели]
вода пьянела люди трезвели
- 123–125 стекали пота уставшие капли

- 146–147 Он [слушал] этой же бури слушал лады
 162–163 а. взбешен Христофор устал Колумб
 б. взбешен Христофор изверился Колумб
 в. взбешен Христофор извелся Колумб
 170–171 а. команда ярстела команда
 б. команда ярстела устала команда
 193–196 пустился вовсю [в(ыдумал)] придумал фокус
 [зн(аменитое)] со знаменитым колумбовым яйцом
 202–203 а. ловит Колумба на мачты глядя
 б. галдит команда на Колумба глядя
 213–215 а. земля горизонт в растущей кайме
 б. земля горизонт в туманной кайме
 216–220 а. как я вот вперяюсь в Мексику
 Растет красноватый песок на заре
 б. как я вот в растущую Мексику
 и в [этот] розовый этот песок на заре
 221–222 вглазелись не смея надеяться
 230–231 смельчал Атлантический [пьяный] гордый смолоду
 237–238 а. Колумб и ты не оставил наследство
 б. Колумб твое пропало наследство
 254–256 а. катают доны синьоры и янки
 б. плывут доны синьоры и янки
 в. плывут синьоры доны и янки
 264–266 и потом опять открыл вторично

Авторизованная машинопись; Красная газ.:

- Имя героя в тексте – Христофор Колумб*
 Заглавие Открытие Америки
 Эпиграф отсутствует.
 36 сидит всю ночь
 56 бриллиант
 58 Дело простое:
 63 Путь пунктиром...
 85 датчане
 107 Спяну
 121–122 что в эту вот воду
 с Колумбова лба
 175 Стол и кровать.
 После 188 *знак начала новой главки (пятая главка разделена на две).*
 202 Ходит команда
 221–222 вглазелись,
 не смея надеяться –

232 С бортов Мажестика
237 – 238 Колумб,
пропало твое наследство!
254 – 256 плывут сеньоры,
донны
и янки

Открытие Америки; Париж. вестн.:

Заглавие Открытие Америки
Подзаголовок Поэма — (только в Париж. вестн.)
107 Спяну
159 у мачт на колу
221 – 222 взгляделись
не смея надеяться
254 – 256 катаются дамы,
синьоры
и янки.

Испания:

254 – 256 катаются дамы,
синьоры
и янки.

МЕКСИКА

(С. 192)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмического членения стихотворных строк.

Перед заглавием

зачеркнуто:

Кому океан не мерещил синь
не слал пароходный гудок
Кто в детстве не бегал в страну мокасин
9 – 11 До правды игрушечный рос магазин
14 – 18 а. и каждый рвался в страну мокасин
укравши рубль и бульдог
б. сейчас же сбегу в страну мокасин
лишь [сбондить бы] сбондю рубль и бульдог
36 – 37 а. папуас Ястребиный Коготь
б. Монтегома Ястребиный Коготь

- 44–45 а. Не узнал меня чего таишься
б. Где товарищи чего таишься
- 54–60 а. Злой и горький Коготь Ястребиный
цедит медленно по слову в год
легче детства твоего индейцев истребили
кочупины и гринго
б. Цедит злобно Коготь Ястребиный
медленно как треснувшая крынка
нету краснокожих истребили
кочупины с гринго
- 61–63 Ну а тех которых пульки
- 70–80 а. 1) И взвалил индеец чемоданов кучи
2) Навалил индеец чемоданов кучи
на спину где стрелы зубьились пугая
и пошел сомбреро нахлобучив
вместо радуги из перьев попугая
б. Заменяла чемоданов куча
стрелы от которых никуда не деться
и [идет] пошел сомбреро нахлобуча
вместо радуги из перьев птицы кетцаль
- 84–86 а. старинные
б. древнейшие камни Мехико-сити
вернут прошедшее мне
в. корявые камни Мехико-сити
прошедшее вышепчут мне
- 91–92 а. Старожилы не запомнят
б. Попугаи полувековые не запомнят
в. Попугаи вековые не запомнят
- 93–97 а. Сити было озером а Мехико пуэбло
городом
б. Сити озеро а Мехико пуэбло
островом коммуна домом в тысячу комнат
- 98–101 а. Добрела Мексика золото в ей
лежит и ко(пать)
б. Здесь золото между песочных зыбей
лежит аж и рыть не надо вам
- 116–119 а. Останавливался и лез
б. Сквозь пальмы сквозь кактусы лез
из Вера Крус
- 122–124 Уже вода студеная хочет
- 133–134 а. и нет от пушек вреда
б. и не было вреда
- 135–138 а. но вот Монтесума прельстясь на титулы
своих испанцам предал

- б. пока Монтесума прельстясь на титулы
 испанцам своих не предал
 142–144 а. напрасно в озерной воде мок
 б. Гватемок в озерной воде мок
 150–157 а. Вот это индеец на ять
 б. Вот это индеец индеец на ять
 согнуть его не было средства
 он умер чтоб в бронзе векам стоять
 наискосок от полпредства
 167–168 Прошла годов изрядная сумма
 171–173 Пивною маркой стал Монтецума
 пивною маркой Гватемок
 177–179 где сыщем индейский мир мы
 остались теперь земле старику
 183–184 Стирается разница лиц и одеж
 186–188 в каком селе через год найдешь
 190–191 Что Рига что Мехико тот же жанр
 198–206 а. Мещане разных земных боков
 разные между собой они
 вся разница в Мексике режут быков
 в театре а в Риге на бойне
 б. Две Латвии с двух земных боков
 лишь тем различны собой они
 что здесь в театре режут быков
 а в Риге режут на бойне
 211–215 а. дочки разбитая жениховский аппетит
 кружат по Чапультапеку
 б. фордом разжигая жениховский аппетит
 кружат девы по Чапультапеку
 223–227 Как везде буржуи в бриллиантовом огне
 а у бедных голый зад виднеется
 233–235 Обнищало племя Монтецумы и стоит оно
 245–247 Пятьсот мексиканских нищих племен
 250–251 одной рукой выжимают в лимон
 одним запирают замком
 260–261 а. роднящий крик
 б. роднящий зов камарадо
 268–270 а. индеец метис и креол
 б. ацтек метис и креол
 277–279 а. Монсоны Морено Карิโอ
 б. Гальваны Морено Карิโอ
 280–282 а. Скидывай всех толстопузых
 б. Смети со спин толстопузых обузу
 288 [трех(цветное)] багровое знамя взметись

Огонек:

98–101 А золото
        между озерных зыбей
лежит,
        аж и рыть не надо вам!
Что Рига, что Мексика

БОГОМОЛЬНОЕ

(С. 199)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший (стр. 63–69 — двустихия) с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк.

Заглавие

отсутствует.

7–8 а. по божьим престолом развратничают воробьи
б. по божьим престолом похабничают воробьи
13–14 а. вот Мексика например и набожна и нравственна
б. вот Мексика например потому и нравственна
15–17 что прут богомольцы к воротам церквей
23–24 запружена автомобилями площадь Конституции
34 донья Эсперанца Хуан де Лопец
37–38 должно замолилась веровать так веровать
52–53 сразу на четыре гудящих улицы
59–60 а. за угол в улицу Изабелла Католика
б. за угол улица Изабелла Католика
61–62 а. а в улице этой гостиница на гостинице
б. по улице этой гостиница на гостинице
70–72 Гремит по квартире тигровый [голос] соло
74–75 и вырвав из уса в два метра волос
79–82 Ина(че)] Скажу ей иначе сеньора лягте-ка
вот этот кольт вам сожитель до гроба
90–94 а. Еще гудка отголосок гудит
по кактусам ближнего поля
б. Еще и рев не успел уйти
за кактусы ближнего поля
97–98 нависли [свисток] клинок и пистоля
112–113 [сегодня] она Эсперанца Хуан де Лопец
114–116 до этой минуты молилась

Бак. рабочий; Нов. мир:

102–103 не могла отпираться

МЕКСИКА–НЬЮ-ЙОРК

(С. 202)

- Шквал:*
Заглавие От кактусов до железа
Тропики
- Черновой автограф:*
Заглавие отсутствует.
Подзаголовок отсутствует.
1–3 а. Вот это вот тропики
б. Смотрю
вот это тропики
4–5 а. весь
б. всю жизнь вдыхаю
заново я
в. всю жизнь вдыхаю
наново я
После 9 первоначально шла шестая строфа (стрк. 36–42).
47–48 а. и эти ночи августа
б. настолько ночи августа
51–58 отсутствуют.
- Красный Крым:*
Подзаголовок отсутствует.
После 35 идет седьмая строфа (стрк. 43–50).
47–50 настолько
небо августа
звездой набито
нагусто.
51–58 Ни рельсы нет,
Ни тропки,
вдыхаю воздух наново я.
А поезд
прет торопкий
сквозь запахи
банановые...
- Красная нива:*
49 звездой забиты

БРОДВЕЙ

(С. 204)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк. Перед текстом — первый вариант ключительной строфы стих. «Небоскреб в разрезе».

Заглавие

отсутствует.

10–17

*а. А между дома невозможной длины
куда их строитель завез
одни дома длиной до луны
другие длиной до звезд
б. А между куда их строитель завез
дома невозможной длины
одни дома длиной до звезд
другие длиной до луны*

После 17

зачеркнуто:

*В пять и в восемь прилив и отлив
как будто и не люди вовсе
мячом тебя захурдачит лифт
и ты на тридцатом в офисе*

После зачеркнутой строфы идет строфа, ставшая в окончательном тексте пятой (стрк. 35–45).

18–26

отсутствуют.

27–28

Кругом механики звон и гам

31–32

На миг лишь замедлят жевать чингвам

38–45

*и этот с каплями из носу
сосет как будто гонит доллар
как будто бы занят бизнесом*

50–53

*хочешь под землю берешь собвей
на небо берешь элеветер*

57–65

*а. В ногах домов собаченками трутся
а после
б. В ногах домов собаченками трутся
другие [небу] тучам под рост
то хвост убирают в норы под Гудзон
в. То в пятках домов собаченками трутся
г. То к пяткам домов собаченками трутся
то дымам трубным под рост
то хвост убирают в норы под Гудзон
г. То мчатся трубным дымам под рост
то в пятках [трутся] домовьих трутся*

то вынесут хвост на Бруклинский мост
то спрячут в норы под Гудзон

Вместо 66–84 Шиши реклам небесам зачет
сдают над полосками штор
направо посмотришь что за черт
налево черт его што

На нас напоззает дом уютю
ошибемся и вновь разлетаемся
и кружимся в сотне других летюг
вокруг стоэтажия Таймса
66–72 *записаны отдельно, на развороте записной книжки;
стк. 73–75 не вписаны.*

85–90 Есть что поглазеть московской братве
и в год до концов не дойдут
это Нью-Йорк это Бродвей
Гав ду ю ду.

91–95 Я в восторге от кипенья вашинского города
но шапченку не сорву с виска

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ

(С. 211)

Черновой автограф:

*Текст записан в форме четверостиший, с пробелами
между строками без ритмического членения стихо-
творных строк.*

Заглавие *отсутствует.*

*В начале текста зачеркнуты варианты первой и пер-
вой–третьей строф.*

Первая строфа:

Гудит Бродвей и в этом гуле вот
в небо высаживая труб десант
стоит нью-йоркская гордость Вульворт
домина этажей под шестьдесят

Первая–третья строфы:

Гудит и гремит Бродвеево гулево
крыши в небо высаживают десант
а посредине Бродвея Вульворт
домина этажей под шестьдесят

Вверху телескопы к небесным сводам
посредине конторы конешно

а внизу конечно дрогс сода
аптекарский магазин компаний нейшонэл

- [вокруг] в витрине мисс 18-ти лет
вокруг мисс заржавленные ножи
мисс заржавленные ножи жилет
кладет в патентованный новейший зажим
- 1-9 Бродвей сдурил бегня и гулево
С небес обрываясь дома висят
но даже меж ними заметишь Вульворт
корсетную коробку этажей в шестьдесят
- 10-18 а. Сверху разведывают звезд взводы
между цифры пишут бешено
а в самом низу
б. В верхнем разведывают звезд взводы
в средних таписты стрекочут бешено
а в самом нижнем дроге сода
и прочее аптекарство компаний нейшонел
- 19-22 а. Хорошенькая мисс 18-ти лет
В окне для рекламы точит ножи
б. А в окошке мисс под осьмнадцать лет
сидит для рекламы и точит ножи
- 23-24 а. заржавленное лезвие фирмы жилет
б. ржавое лезвие фирмы жилет
- 33-38 а. но водит по губке усы возомня
дескать готово возьми и брей
б. но гладит по губке усы возомня
дескать готово поточил и брей
- 50 а. Немного сэкономишь на бритвенной точке
б. буржуем не станешь с бритвенной точки
- 51-52 идут без бород и без выражений на лице
- 54-55 работай на доллар а выдадим цент
- 56-58 у меня ни усов ни бород ни шевелюр
- 62-66 но я стою и губми шевелю
в стекло как будто ей по-английски
(девятая строфа) *идет перед восьмой строфой –
стк. 67-73.*
- 74-82 [чего] сидишь глазами буржуев охлопана
на что надеешься дура из дур
а девушке слышится опен
опен the door
- 81-82 а. и девушке чудится ай лов ю ай лов ю
б. и чудится девушке ай лов ай лов ю
в. и слышится девушке ай лов ай лов ю

- 86–87 [а] и бритвы раздай для жирных горл
88–89 а. а чудится девушке
б. а девушке чудится май
96–97 и мнится девушке влюбленный клерк
108–110 готовятся мною стол и квартира
114–119 а. что мне известно другое средство
как влезть рабочим во все этажи
без вздохов без свадеб без жданья наследства
б. что есть на свете другое средство
чтоб влезть рабочим во все этажи
без грез без свадеб без жданья наследства

*После текста зачеркнута запись стк. 23–28 стих.
«Вызов».*

Экран:

- 12 звезд скопы
50 Буржуем не станешь с бритвенной точки.
55 а выводим цент,
63 и губами шевелю
88 А девушке мнится

НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ

(С. 214)

Черновой набросок – первоначальная редакция заключительной строфы:

Смотрю разинув рот
смотрю растопыря глаза
я проехал на 9 000 километров вперед
и на 7 лет назад

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк.

Заглавие *вписано позднее, вероятно во время работы над заключительными строфами.*

- 1–12 а. Взять бы разболющий дом в Нью-Йорке
взглянуть бы насквозь на здание на то
увидите старейшие квартирные норки
б. Взять разболющий дом в Нью-Йорке
взглянуть насквозь на здание на то
увидишь старейшие квартирные норки
совсем дооктябрьский Елец да Конотоп
13–15 В первом ювелиры караул бессменный

- 18–20 в сером как из кино полисмены
 21–23 а. стоят берегут чужое добро
 б. берегут собаками хозяев добро
 24–25 а. Спят во втором бюро конторы
 б. В третьем спят бюро конторы
 26–28 их кляксами ест подневольный пот
 32–34 на книгах штемпель Иосиф Шпрот
 35–44 а. Вздыхая грудью ажурные строчки
 почесывая пышных подмышек меха
 в третьем подсчитав приданные сорочки
 мисс перезрелая в мечте о женихах
 б. В пятом подсчитав приданные сорочки
 мисс перезрелая в мечте о женихах
 вздыхает грудью ажурные строчки
 почесывая пышных подмышек меха
 45–50 а. В 10
 б. В седьмом над очагом домашним высясь
 в. Седьмой над очагом домашним высясь
 сберегши силы спортом смолоду
 55–57 В десятом медовый пара легла
 60–63 читает в Таймсе отдел реклам
 даешь в рассрочку автомобиля
 64–68 В тридцатом акционеры сидят увлечены
 [делением] делят миллиарды жадны и озабочены
 69–71 доходы треста изготовленья ветчины
 75–80 В сороковом у спальни опереточной дивы
 на замочной скважине сосредоточив пруть
 88–89 а. в сороко(вом)
 б. засыпает в девяностом и думает одно
 95–96 а. обтаял с крыши скатертный снег
 б. а с крыши стаял скатертный снег
- Красная нива:*
- 88–89 дремлет в девяностом
 и думает одно

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН

(С. 217)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк.

- Заглавие *отсутствует.*
- 7–9 приезжай [ко мне] сюда в Нью-Йорк
- 11–12 в боли игл от фонарных ежей
- 18–20 а. Видишь мать выгребает мусор
б. Видишь вон выгребают мусор
- 23–26 а. чтобы вкось обгоняя бусы
во
б. чтоб в авто обгоняя бусы
ко дворцам неслись бриллиан(т)щицы
- 27–28 Загляните в окошечки в эти
- 38–41 с мордой вспухшей на зависть чирю
у работниц щупает груди
- 44–53 вписаны отдельно на полях.
- 46–48 грусть сгоню [с] навсегда с очей
- 49–53 Будет жизнь вам Куни Айланда
луна парк в миллион свечей
- 65–66 а. через рюмку с религией сблизясь
б. через рюмку и с богом сблизясь
вписаны отдельно на полях.
- 81–90 а. вашу в мир[у] бубнят добродетель
б. в мир твою бубнят добродетель
- 93–97 а. чтобы мог добреть как кулич
смотрит вас сквозь холеные пальцы
демократ молчальник Кулидж
б. чтобы ты добрел как кулич
смотрит сквозь холеные пальцы
на [вас] тебя демократ Кулидж
- 98–99 [Вон] И елозя по небьим сводам
- 100–102 стражем ханжества [денег] центов и сала
- Бак. рабочий:*
- 39 вспухшей на зависть чирю
- 60 в смолу и перья
- 100 стражей ханжества

ВЫЗОВ

(С. 220)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмического членения стихотворных строк.

- Заглавие *отсутствует.*
- 5–6 лезет в рот и в глаза и внутрь
- 7–8 а. насаждает на сердце злоба
б. оседая влезает злоба
- 11–14 сбоку фордами штурмует мрака форт
- 31–33 если крошка протухла плеснится
- 39–41 вашу доблесть закон и вкус
- 45–52 а. дни спущу целковым звенящим
ничего за жизнь не стяжав.
б. мне бы кончить жизнь в штанах в которых начал
ничего за век свой не стяжав.
- 53–63 а. Мне смешна дозволенного зона
добродетелью законов поражен
[я] под луною и на солнце над Гудзоном
я целую ваших длинноногих жен
б. Мне смешны дозволенного зоны
муж остолбеней цинизмом поражен
в. Мне смешны дозволенного зоны
взвод мужей остолбеней цинизмом поражен
я целую беззаконно над Гудзоном
ваших длинноногих жен
- 64–66 день мой шумен я вечер пышен
- 70–71 пью плюя на ваш прогибишен
- 72–73 а. знамениту(ю)
б. ежедневную «Белую лошадь»
- 74–76 И приехав стихом побрататься
я вбиваю в головы мысли
- 80–83 А за мыслью слова за словами дела
- 86–91 а. в мостовые раскачав
б. раскачав в мостовые вбивают тела
Вандерлица Рокфеллера Форда
- 92–94 а. А пока за спиной натянувши Бродвей
б. Но пока доллар всех поэм родовей
- 95–97 Обирая лапая и хапая
- Коммунист; Бак. рабочий:*
- 9–14 В грохоте,
в огне
стою на Риверсайде,
сбоку
фордами
штурмует мрака форт

- 40–48 а. Из Калифорнии в Масачузет
 ходит из края в край.
 Есть хлеб ол райт нет
 ол райт.
 б. Идет в Калифорнию идет в Масачузет
 ходит из края в край
 Есть деньги ол райт
 и нет ол райт
- 51–52 с-под трубки пока сгорает
- 53–55 а. Пари предложи попрет на луну.
 б. Есть пари пойдём на луну.
- После 56 *первоначальная редакция строфы, ставшей в окончательном тексте десятой:*
- 73–81 Джона каждый лапчатый гусь
 обкрадывает и обирает.
 Мотает Джон на бритый ус.
 Ол райт.
- 57–58 Нашел одну назвал дорогой
- 61–62 [одна] она изменила пошел к другой
- 64–66 Наследство Джону долларов рой
- 82–88 Хозяин обидел. Ну что ж
 сцепиться с хозяином рад.
 Хозяин за браунинг Джон за нож.
 Ол райт.
- 89–92 Хозяйской пулей Джон сражен
 врач говорит умирает.
- 93–94 а. Джон услышал ругнулся Джон
 б. Джон услышал задумался Джон
- 96–103 *отсутствуют.*
- Вместо 104–114 *две строфы:*
- а. Но не встретил я американца в Нью-Йорке
 б. Но не видно Джонов в Нью-Йорке
 в. Но не вижу Джонов в Нью-Йорке
 Лирикой [размоченные] в Нью-Йорке как везде
 по Уайт-Уэй фланеры и фланерки
 без энергии без спешки и без дел.
 Разлежались разоспались дома
 Просыпаясь изредка от собственных икот
 Зажирели сами скопидомы
 Их жена собака их и кот.
- 115 а. даже я разбесхарактерный до крайности
 б. я разбезалаберный до крайности

- 119–121 а. я расхлябанный и то американистей
б. я поэт и то американистей
На полях *заготовка, оставшаяся неиспользованной:*
Улыбнулись доллары улыбнулся Джон

АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ

(С. 226)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмической разбивки стихотворных строк.

Заглавие *отсутствует.*

- 4–6 Порты заплатаны как балканская карта
10–12 вы кажется знаете мой апартаман
16–20 а если кара набита около
можете сесть на другой трен.
21–22 а. Возьмете без меняния пересядок тикет
б. Возьмете в дантаун с пересядкой тикет
23–26 Прите спокойно будто в телеге
слезьте на корнере у дрогс ликет
30–31 Приходите прямо в севен оклок
48–49 и кануло улице в свист
сможет понимать насочиненное по-русски
66–67 а. Горланят
б. Горланит по этой Америке самой

Известия (Огесса):

- 22 с менянием пересадки, тикет

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

(С. 228)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строками, без ритмической разбивки стихотворных строк.

Заглавие *отсутствует.*

- 8–9 хоть вы юнайтет стетс оф
21–22 смиренно всхожу на Бруклинский мост
23–25 как в сломанный город идет победитель

- 29–30 так пьяный славой, жить в аппетите
31–33 взлезаю гордый на Бруклинский мост
51–52 а. встают в прозрачном свечении окон
б. встают прозрачным свечением окон.
64–65 Когда же казалось с-под речки начатой
66–67 а. развозит сахар с фабрики лавочник
б. развозит с фабрики сахар лавочник
78–83 мечта о скупом конструктивном стиле
религия гаек тяги и стали.
84–88 И если придет окончание света
97–99 а. лепились
б. рождались
в. тучнели в музеях стоящие ящеры
г. тучнеют в музеях стоящие ящеры
106–110 сказал бы вот эта стальная лапа
соединила моря и прерии
114–116 срываю со скальпом индейские перья.
117–126 Орет о машине ребро вот это
сообразите, хватило б рук ли
чтоб стать [одной] стальной ногой на Мангетен
и за губу притягивать Бруклин
137–140 здесь в небо уже взлезали по аэро
140–149 *вписаны отдельно на полях:*
здесь жизнь одним была беззаботная
другим голодный протянутый вой
отсюда безработные
156–157 по струнам канатов — аж звездам к ногам
158–160 я знаю отсюда смотрел Маяковский
165–166 впиваюсь как в тело впивается клещ.

Прожектор:

- 51–52 встают
в прозрачном свечении окон
78–86 мечта
о скупом
конструктивном стиле,
религия гаек,
тяги
и стали.
И если
придет
окончание света

КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»

(С. 232)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, с пробелами между строфами, без ритмического членения стихотворных строк.

Первоначально текст начинал выстраиваться иначе: строфа о Форде, которая в окончательном тексте оказалась в конце стихотворения (стк. 84–97), шла в черновике второй; в конце работы, когда в заключительных строфах возникла тема беспорядков в мире, появилась строфа, явно связанная текстуально с этой второй строфой (см. варианты к стк. 98–110), автор, несомненно, на этой стадии задумал изменить композицию и перенести данную строфу в конец, но в рукописи это не обозначено. Окончательно композиция определилась, вероятно, при перебеливании стихотворения. Порядок строф в черновом автографе: 1–11, 84–97, 22–31, 32–42, 12–21, 43–51, 52–63, 64–74, 75–83, 98–110, 111–118, 119–128.

Заглавие

отсутствует.

- 1–2 а. Запретить бы вовсе ночи негодяйке
б. Запретить совсем бы ночи негодяйке
- 6–8 вот лежу в палатке кемпа Нит гедайге
- 14–15 а. будто бы решают выть или не выть
б. будто голосуют выть или не выть
- 16–17 а. лучше бы не выли пассажирам сонным
б. лучше бы не выть возня народам сонным
- 22–24 прямо перед мордой пролетает [брем(я)] вечность
- 38–42 чтобы не часы показывали б время
а чтоб время [дв(игало)] честно двигало б часы
- 43–45 Ну американец тоже чем гордятся
- 48–49 а. сотни этажишек в небо городятся
б. сотня этажишек в небо городятся
- 52–54 а. нами через пропасть мост к социализму
б. нами через пропасть прямо к коммунизму
- 59–63 с этого моста глядим с презреньем вниз мы
к небу нос задрали загордились нет
- 64–68 Вашей головы мостами не морочим
мост без стен без крыши место для простуд
- 75–83 В мире социальном те же беспорядки
знаете ль вы Кулидж среднюю зарплату
Будем откровенны что игратья в прятки
плохо с вашим братом нашенскому брату.

- 84–97 *идут как вторая строфа.*
 88–91 а. миллионы фордов сам же Форд в аршин
 б. Форд с миллионом фордов сам же Форд в аршин
 92–97 разве для его для высохшего зада
 не хватило б двух удобнейших машин
 98–110 Дали б остальные сняли б с вас портретик
 даже монументик вылепили б с вас
 кланялись бы детки вас случайно встретив
 дайте без скандалов даст он черта с два.
 114–116 вдруг ракетой сна зажглось унынье это
 119–120 [Эко что] Ну и сон приснит вам полночь негодяйка
 126–128 Песней заставляють мчать в Москву Гудзон

Красная новь; Молот:

- 42 двигало б часы

КРАСНОДАР

(С. 239)

Красная нива:

- Заглавие Собачья глушь
 Посвящение Посвящ. Л.Ю. Брик
 7 будто щек краснота
 9 Вымыл грязь февраль
 44–45 Это
 не собачья глушь

«СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ»

(С. 241)

Известия (Одесса):

- 6–9 Радуешься всему:
 небу,
 носильщику,
 контролеру билетов!
 10–19 *отсутствуют.*
 23–24 Настроение —
 радужное.
 Как китайская чайница.
 25–28 И вдруг
 на стене

объявление:

«Контролеру задавать вопросы

³¹ настроение за удила

⁴¹ И только

подхихикнул

Беловой автограф; Красная нива; Соч. 5:

^{45–46} еще обидятся —

Правительство.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

(С. 243)

Беловой автограф:

^{1–3} Вы ушли,

как говорится,

— в мир в иной —

⁶² писали б

⁶⁴ верноподданно

^{75–96} первоначально отсутствовали; записаны после 172; автором на полях указана перестановка — как в основном тексте.

^{173–183} первоначально отсутствовали; записаны после 194; автором на полях указана перестановка — как в основном тексте.

Заря. Вост.; отг. изг.; Лен. правда; Смена; Нов. мир:

⁴⁷ Он влиял на вас

Лен. правда; Смена:

⁹⁵ увеличить

Нов. мир:

⁵² утоляет квасом?

**МАРКСИЗМ – ОРУЖИЕ, ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД.
ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ МЕТОД ЭТОТ!**

(С. 248)

Беловой автограф:

Перед текстом два эпитафия:

То самое затаенное, что думал Пушкин о Радищеве, о Пестеле, о декабристах и революции, но чего сказать не мог своим современникам в форме ясного бытового сюжета, он передал в картинах и образах из египетской жизни, превратив Сенатскую площадь в ложе Клеопатры, а первые смертельные поцелуи русской свободы в поцелуи любви, оплаченной смертью.

Л. Войтоловский, Ист. рус. лит., ч. I, 5 ст.

Какое разнообразие животного царства проходит перед воображением читателя, когда он перелистывает страницы Ф. Гладкова! Поросенок, цапля, кошка, змея, орел, мопс, паук, сорока, голубь, индюк, ворона, теленок, цыпленок, галка, собака, медведь, вол, жеребец, ястреб, петух, кабан, лягушка, саранча, пиявка, волчица и многие другие, которых я не выписал.

В. Вешнев, Известия, 18/IV 26 г.

Начальная строфа:

а. Метод —

оружие.

Дело человеческое

бить им

себе

не причиняя увечья.

б. Марксистский метод

дело человеческое

бей

своим

не причиняя увечья.

в. строфа зачеркнута; одновременно зачеркнуты оба эпиграфа; на полях вписано новое двустихие, которое в окончательном тексте стало заглавием.

⁹ а. Каждому свое.

б. Все хорошо.

¹³⁻¹⁶

а. Поэт

[из мира] из жизни черпает свое.

Критик

из книжного корытика.

б. Поэт

у музы черпает свое.

У критика

свое корытико.

в. как в тексте.

- 17–25 а. Портной
и сапожник
в молодые года
нуждаются
в образовательном цензе
А [критик] такой
не выучась
читать по складам
берется
за выделку рецензий
б. как в тексте.
- 41 а. а у критика еда и питье
б. а у такого еда и питье
- 63 а. современности
б. смысла
- 68 [стройн(ых)] небесных светил
71–80 *первоначально отсутствовали; вписаны на полях.*
- 76–77 а. Лермонтов
массам
б. Признаем
что он
в. как в тексте.
а. а также
б. как в тексте.
- 89–90 а. Разве так
разрабатывают
б. как в тексте.
- 97–99 а. Нам
довольно
соглашательских легенд
б. как в тексте.
- После 106 *зачеркнуто:*
А понятен ли
он
широкой массе
Ни для полотера
ни для водопроводчика
ни тете Соне
ни дяде Васе
Лермонтов не понятен —
точка.
- 119 [грядущего] из какого-то здания
120–121 а. Он
не разговаривает [вкривь] вкось и вкривь

б. Не ему
разговаривать
вкось и вкривь

125–126 без волокиты [Без] аллитераций и рифм

132 [классовый] массовый разум

133–135 а. Так как
прачка мамаша их

б. Потому что
из батрачек
мамаша их —

в. как в тексте.

145 [мистического] нехитрого вздора

146 а. эти

б. такие

в. как в тексте.

150 в доме повешенного

155 а Вешнев

Беловой автограф отрывка («Красная газ.»):

Перед 1 Марксистский метод —
дело человежье:

5 бей,
своим не причиняя увечья.
Но некоторые

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

(С. 252)

Беловой автограф:

12–13 а. вещают
о грядущем счастье людей

б. как в тексте.

14–16 а. а кругом
толпа беспризорных

б. как в тексте.

22 а. словами бессеребренников затканы

б. словами бессеребранными затканы

31 а. Без дел ходите!

б. как в тексте.

40 а. И точно так

б. как в тексте.

- 42–43 а. Распирает
 б. У на(с)
 в. как в тексте.
- 52–53 а. целые тучи
 подвохов и недочетов.
 б. целая коллекция
 прорех и недочетов.
- 57–58 а. влезь
 жги
 и не пяться на попятный
 б. как в тексте.

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

(С. 253)

Черновой автограф:

Начальная часть автографа (заглавие, стк. 1–34) отсутствует. Сохранившаяся часть представляет собой соединение записей отдельных рифм, набросков строк и строф. Имеются записи строк 35–43, 44–53, 54–63, 64–74, 81–90, 91–98, 99–110, 111–120, 129–138. Записи строк 75–80, 121–128 и концевой строфы – стк. 139–146 – отсутствуют. Последовательность записей неясна. Текст записан без ритмического членения стихотворных строк.

Варианты приведены в последовательности окончательного текста. Заготовки рифм и отдельных строк:

щадя	– см. стк. 39–43
площадах	
эполеты	– стк. 46–51
поэты	
Вы давно динаму	– стк. 61–62
замертво	– стк. 77–80
гекзамером	
литература по ветру пущена	– стк. 130–134
халтурщина	
ограничных	– не использовано
заграничных	
35–37 а. А читатели сидят в жилищной яме б. А читатели сидят в своей уездной яме	
52–53 б. с грудами стихов поверстных а. развернув рулоны рифм поверстных	

- 56–58 а. стал богомцем десять лет назад
 б. вы с богемой слились 9 лет назад
- 59–60 а. Вы скажите уважаемый пролет
 б. Расскажите уважаемый пролет
- 70–74 Это нарядившись в лапти выступают дачники
 под заглавьем пролетарские писатели
- 81–82 Рассиявши лысины лачки
- 83–85 а. Убежденно в ручку ручки
 б. Убежденно взявши ручку в ручки
- 93–94 Рядышком с Толстым почти [что был] не виден
- 95–96 Ну скажите мне в какой [же] бы телескоп
- 105–107 И орут до хрипоты писатели о быте
- 120 а. фыркающих улицею окон
 б. улицею фыркающих окон
- 129–130 На ветер литература пущена

АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ

(С. 257)

Машинопись с авторской правкой:

- 30 а. шлепает дворцовая челядь,
 б. слышу расступается челядь.
- 31 а. К Болдуину
 б. К своему хозяину

Известия; Соч. 5:

- 30–31 как в машинописи до авторской правки.

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

(С. 260)

Черновой автограф:

Текст записан в форме четверостиший, без ритмического членения стихотворных строк.

Черновик начат двумя первыми строфами (стк. 1–21), среди последующих записей – несколько внутренне связанных блоков (стк. 95–130, 142–161, 162–181, 217–249), но свободное расположение записей других строф на различных листах блокнота не позволяет доказательно судить о ходе работы. Окончательная композиция текста определялась, видимо, в процессе перебеливания карандашного черновика. Следы перебеливания: после-

довательное зачеркивание строк косыми чернильными линиями, а также записанный этими же чернилами вариант стк. 12–14.

Поскольку реконструировать ход работы невозможно, варианты приведены в последовательности окончательного текста.

Заглавие *отсутствует.*

6–8 а. У меня разговор особого свойства
б. У меня к вам дело деликатно(го) свойства

9–11 казну поусовестить лопастую

12–21 а. Как всякий имеющий лавки или угоды
должен и я облагаться и караться
и вот я обложен на пятьсот в полугодие
б. Как всякий имеющий лавки и угоды
и я обложен и должен караться
и вот вы требуете пятьсот в полугодие
и двадцать пять за неподачу деклараций

При перебеливании черновика вписана новая редакция 12–14:

а. Вместе

б. В ряду имеющих [лавки] лабазы и угоды
26–32 посмотрим сколько я потерял
какие издержки у меня в производстве
и сколько я трачу на материал

33–45 Вам должно быть известно [существо(вание)]
явление рифмы

[Скажем] Если строчка окончена словом отца
то через строчку конец повторив мы
ставим какое-нибудь ламца дри, ца ца

46–55 Что такое рифма рифма вексель
учесть через строчку мое распоряжение
сколько понапортишь суффиксов и флексий
сколько тратишь склонений и спряжений

56–75 *отсутствуют.*

76–82 Где найти на какой тариф
рифмы чтоб враз убивали нацеля
может таких пяточек рифм

85–94 *отсутствуют.*

95–100 Поэзия сходна с добычей радия
[на грамм металла год труда]
в грамм введешь годовые труды
разрабатываешь единого слова ради

- 103–108 а. И как ослепительно слов этих жжение
рядом с мерцанием слова-сырца
б. И как испепеляюще слов этих жжение
рядом с тлением слова-сырца
- 109–110 И это слово приводит в движение
- После 112 122–130, затем 113–121.
- 115–121 Например у Безыменского легкость руки
тянет как фокусник строчки изо рта
у кого попадетса у себя и у других
- 122–129 А есть такие лирические кастраты
что [лирику] строчку чужую вставит и рад
Так ведь это обычные воровство и растраты
- 131–135 И всех кто еще стихи и оды
пишет и читает [ревмя] ревя ревя
- 136–138 а. Лишь будут упомянуты как накладные расходы
рядом
б. В историю войдут лишь как накладные расходы
- 142–149 Пуд съедите соли столовой
сотней папирос в разговоре клуби
чтобы достать драгоценное слово
- 152–154 И сразу [снижается] ниже налога рост
- 155–157 Скиньте с обложения нуля колесо
- 158–159 а. рубль шестьдесят кор(обка)
б. рубль девяносто сотня папирос
- 160–161 и рубль шестьдесят столовая соль
- 166–168 А что если я с полсотни пегасов
- 180–181 и я же [класса] народа верный слуга
- 182–194 *отсутствуют.*
- 195–196 Все меньше любитса меньше дерзается
- 207–209 пройдет над грядущим без нищих и без калек
- 214–216 а. в подражание сотне моих коллег
б. рядом с сотней моих коллег
- 217–224 а. Подведите мой посмертный баланс
б. Подведемте ж мой посмертный баланс
Я утверждаю и знаю [что] не налгу
[что] на фоне сегодняшних дельцов и пролаз
- 228–230 Наш долг реветь медногорлой сиреней
- 236–239 а. платящий штрафы проценты и пени
б. платящий по горю проценты и пени
- 243–244 перед вами геленджикские небеса
- 253–254 а. целься рифмой и ритмом ярьсь
б. чтобы целься рифмой и ритмом ярьсь

- 261–262 а. строчку прочти и время верни
б. строчку возьми и время верни
- 266–267 а. б(леском)
б. в
в. с блеском чудес и с вонью чернил
- 269–271 выправьте в энкапеезе на бессмертье билет
- 282–284 а. нет и сегодня дело поэта
б. нет и сегодня слово поэта
в. нет и сегодня рифма поэта
- 289–290 Гражданин фининспектор оставьте пять
- 303–304 пользоваться даровыми словесами
- 305–307 то вот вам уважаемый мое стило
- Машинопись с авторской правкой:*
- 8 а. особого свойства
б. как в тексте.
- 11 а. в человеческом строю
б. как в тексте.
- 92–94 а. Вся поэзия
езда в неизвестное
б. как в тексте.
- 119 а. строку изо рта
б. как в тексте.
- 135 ревущие ревмя
- 207 а. Пойдет
б. как в тексте.
- 215 а. с десятками
б. как в тексте.
- 244 а. как в тексте.
б. Тифлиссские небеса
- 268–276 первоначально отсутствовали; вписаны на полях.
- Отг. изг.:*
- 135 ревущие ревмя
- 244 Тифлиссские небеса
- За 7 дней:*
- 244 тифлиссские небеса
- Нов. мир:*
- 135 ревущие ревмя

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

(С. 271)

Автограф стк. 95–114:

¹¹⁰ Республика искусств

Красная газ.; На лит. посту:

¹¹⁰ Федерация искусств

ВЗЯТОЧНИКИ

(С. 274)

Известия:

³² кому подставить подножку
^{36–37} невесте —
в тресте,
¹⁵⁵ в обломках

Тамб. правда:

Заглавие Взятчик

В ПОВЕСТКУ ДНЯ

(С. 279)

Комс. правда:

^{54–56} Коммуна —
это все, что мое —
твое

ПРОТЕКЦИЯ

(С. 282)

Машинопись с авт. правкой:

²⁴ а. А шофер Петров
б. как в тексте.
⁴⁴ а. А замшвейцар
б. как в тексте.
^{56–57} а. Ловили царей на такую аферу!
Куда удержаться простаку-шоферу!
б. как в тексте.
⁶¹ Персонье лицо весной расперсонится,

63 а. извинений тысяча...»
б. как в тексте.
После 69 вставлен номер главки III.
88 не подпустят близко.
89 а. А самых гланных
б. как в тексте.
108–109 протекций
и волокит

Известия:

61 Персонье лицо весной расперсонится.
88 не подпустят близко.
108–109 протекций
и волокит.

ЛЮБОВЬ

(С. 285)

Машинопись до авт. правки; Соч. 5:

14 выходя на митинг
50 и мечется
55 алиментщица
83 простой туфли Мосторга.
96–113 Простенького паренька
подцепила
барынька.
Он работать,
а ее
не удержать никак —
бегает за клёшем
каждого бульварника
Что ж,
сиди
и в плаче
Нилом нилься.
Ишь! —
Жених!
— Для кого ж я, милые женился?

ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ

(С. 296)

Машинопись с авт. правкой:

18–19 а. он
тратит сердечный пыл...

б. вздувает
сердечный пыл...
33 и в циркулярчики.
80 назначит римским папою.

Известия:

33 и в циркулярчики.
80 назначит римским папою.

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ – ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

(С. 300)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмической разбивки стихотворных строк.

Разбивка указана только в стк. 10–12.

Заглавие *отсутствует.*

3–5 а. в воду порта
б. в порт горящий как расплавленное лето

6–8 а. выворачивался и входил огромный Теодор
б. выворачивался и входил товарищ Теодор

24–25 [распивал] ты пивал чай со мною в дипкупе

26 а. Ты не спал
б. Медлил ты

35–37 а. спал к утру аж палец на курке свело
б. [засыпал] спал к утру курок аж палец свел

49–51 *будто навек за собой из [теми] битвы коридоровой*
Строфа седьмая (стк. 54–63) идет между девятой и
заключительной, десятой строфой (т.е. между стк. 85
и 86).

54–58 В коммунизм из книги веришь средне
мало ли что можно в книге намолоть

70–73 только чтобы в мире без Россией без Латвий

74–75 а. жить единым человечьим общежитьем
б. жить одним работающим общежитьем

78–79 а. мы живем сквозь
б. мы идем сквозь револьверный лай

83–85 в пароходы и в другие [вечные] долгие дела

86–87 Мне бы жить и жить [го⟨дами⟩] сквозь годы мчась

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ
«СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»

(С. 303)

Черновой автограф:

Текст записан без ритмической разбивки стихотворных строк.

Заглавие *отсутствует.*

- 1–2 а. Перья облака в закат расканарейте
б. Перья облака закат расканарейте
- 5–7 а. Два
б. пара пароходов говорит на рейде
- 14–16 а. красный раз другой моргнет зеленый
б. красный раз угаснет и зеленый
- 29–31 а в ответ коварная она
- 35–39 а. я теперь товарищ влюблена
в гордый Коминтерн трехтрубный крейсер
б. я теперь по мачты влюблена
в серый Коминтерн трехтрубный крейсер
- 40–42 а. сволочь бабы трясогузки и каналы
б. все вы бабы трясогузки и каналы

Заготовка к стк. 49–58:

И слеза размером в Черноморский округ
мокро
броня
ронять

- 49–54 Скушно тут нехорошо и мокро
тут от скуки отсыреет и броня

УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

(С. 305)

Черновой автограф:

Набросок первой, черновики второй и заключительной (с нее начата запись) строф (стк. 1–5, 10–16, 44–53). Набросок первой и черновик второй строфы – с разбивкой заключительной строфы – без ритмической разбивки стихотворных строк.

- 1–5 Куда не ездей
как не ерзай
и где ногой не ступи

- в голове
от имен
- 10–11 Где я
в Омске
или в Туле
- 44–53 Я к великим не суюсь в святые лики
Но пускай я даже миллиардный
Я взываю к вам от всех великих
Милые не обращайтесь с нами так фамильярно
- Машинопись с авт. правкой:*
- 51 а. от всех великих
б. за всех великих
- 53 а. не обращайтесь с нами фамильярно!
б. не обращайтесь с ними фамильярно!
- Известия:*
- 49–53 Но и я
взываю к вам
за всех великих:
— Милые
не обращайтесь с ними фамильярно! —

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

(С. 307)

Машинопись с авт. правкой:

- 35 а. Комсомолец Петр Пранайтяс
б. как в тексте.
- 44 И талант иссяк
*Дата под текстом первоначально отсутствовала,
вписана от руки.*

БЕСПРИЗОРЩИНА

(С. 310)

Черновой автограф:

Запись двух строф (стк. 1–8 и 56–63); текст записан без ритмической разбивки стихотворных строк. Там же, на соседнем листе, среди стихотворных заготовок — запись двух рифм, использованных в стихотворении:

пуфе *ср. стк. 21–25*

буфер

между глаз *ср. стк. 41–45*

Дуглас

^{3–4} Смотрите котлам в разинутый зев

^{56–61} а. Привыкше к щебету ангельских ротиков
вдумайтесь

б. Привыкшие к щебету ангела ротиков
слов беспризорных о(б)думайте жуть
Отдайте сумку товарищ тетенька

М Ю Д

(С. 312)

Черновой автограф стк. 34–50:

^{36–37} а. день

б. нэповский день тих

^{49–50} он не был в жизни юношей

Машинопись с авт. правкой:

Двадцатилетний люд

⁴⁶ а. сидит пригорюнившись

б. сидит пригорюнивши

⁵² а. смертельно вырос

б. из жизни вырос

Известия:

Двадцатилетний люд

ДВЕ МОСКВЫ

(С. 314)

Машинопись с авт. правкой:

^{59–66} а. И там

и тут

то громоздится лесами почтамт,
то Ленинский институт.

б. как в тексте.

Соч. 5:

^{59–66} как в машинописи до авт. правки.

ПИСЬМО
ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО
ПИСАТЕЛЮ АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ ГОРЬКОМУ

(С. 317)

Черновой автограф:

Текст записан в виде отдельных строф. Их композиционная взаимосвязь или отсутствует, или проявляется слабо (особенно во второй половине текста). Последовательность расположения отдельных строф в черновике, видимо, не отражает хода работы автора. Строфы, скорее всего, записывались одновременно: между записями оставались свободные места, некоторые записи разделены деловыми заметками. Поэтому установить точную последовательность создания отдельных строк и строф не представляется возможным. Текст записан без ритмического членения стихотворных строк.

Порядок строк и строф в автографе: 218–228 (отдельная от остального текста запись, в начале зап. книжки), 1–11, 22–29, 12–21, 30–40, 161–171, 60–68, 41–42, 199–208, 115–121, 188–198, 148–160, 183–187, 209–217, 172–182, 83–91, 69–70, 99–114, 71–82, 122–142, 51–59, 43–50. Варианты приводятся в последовательности окончательного текста.

- Заглавие *отсутствует.*
- 14–15 сед височный блеск и взоры озареннее
- 33–35 а. добрые
а наш народ бесстыж
б. добряки
а пишуций бесстыж
- 41–42 чем гордиться
что годится
- 49–50 написал молебн о цементе.
- 55–57 кстати говорят что [это] вы открыли мощи
- 60–61 Мало знать чистописаниев ремесла
- 62–63 а. опи(сать)
б. расписать закат или цветенье редьки
- 71–73 Что горенья даже нет и тленья
- 74–76 а. в их стихах
б. в их стихе холодном и лядащем
- 80–82 [ну] и печатают в журнале в исходящем

- 99–102 а. ласковость болоночки дворовой
 деятельность блюдо рубле и других подобных лиз
 б. приспособленность и ласковость дворовой
 деятельность блюдо рубле и тому подобных лиз
- 106–107 и мы в быту но не на подножном
- 110–112 мы в новом в грядущем быту помноженном
 117 годы на спины грузя
- 120–121 мы и наши друзья
- 122–124 мы не ласкаем ни глаз ни слуха
- 132–133 просто строим завтрашний мир
- 138–142 а. но рядом ведет инстинкт многогласый
 на штурм культуры веков
 б. но верно ведет их инстинкт многогласый
 в культуру рабочих веков
 в. но врезал инстинкт в оркестр разногласый
 и слово грядущих веков
- 152–158 вам дали все б от любви до квартир
 прозаики сели пред вами б на парте
- 169 я крикну ему
- 183–184 говорят защитники
 товарищ ходкий
- 191–193 смердит покоем едой валютей
- 194–195 а. не лучше ль наш воздух
 б. не чище ль наш воздух
- 202–203 а. лысину южным теплом озарив
 б. лысину южным лучем озарив
- 214–217 а. и соколов сталь в моторном клетоте
 глядит, чтоб не лезли орлы
 б. и соколы — сталь в моторном клетоте
 глядят чтоб не лезли орлы
- 218–220 делами кровью и строчкой этою
- 223–224 мы славим взвитое красной ракетой
После восьмой строфы (стк. 51–59, «Затыкаешь ноздри... Калининкова») — не использованное в тексте двустишие:
 Чтение
 мое почтение.
В конце записи после седьмой строфы (стк. 43–50. «Продают "Цемент"... о цементе») — черновая запись не вошедшей в текст строфы:
 [Пять]
 Столько-то увесистых томов
 как столько-то колов

Русью загоняет в Русь Романов.
Издается много для пустых голов
но для оттопыренных карманов.
Рядом с 25-й строфой (стк. 199–208, «Бросить республику... на разрыв») запись рифмы:

грудами
Эдмундович

На полях, рядом с 17-й строфой (стк. 122–133, «Мы не лакаем... завтрашний мир») – заготовка к ней:

Вовлекут века
вовлекут классы
многогласый
слух
мы
духа
мир

Черновой автограф стк. 92–98 и 164–171:

164–168 И если зайвится этот артист
у нас собирать рублики

Нов. Леф:

49–50 написал
                                молебен о цементе

117 годы на спины грузя

181–182 вами

                                сочиненные ужи?

192 едой

202 лысину

220 строкою этою

223 мы славим

ХУЛИГАН («Республика наша в опасности...»)

(С. 323)

Машинопись с авт. правкой:

а. Республика в дикой опасности

б. как в тексте.

6–7 на лапах —

                                два кулака.

33 *а. Врежь фонари*

б. как в тексте.

38–40 а. Враг
                                всем
  живущим трудом,

б. как в тексте.

68 а. от нарванной груди

б. как в тексте.

71 веселье неистово

117–118 а. об этом
  последнем вреде,

б. как в тексте.

Известия:

6–7 на лапах —

                                два кулака.

71 веселье неистово

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

(С. 329)

Машинопись; Известия:

Заглавие Хулиганы в мировом масштабе

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ

(С. 343)

Красная газ.:

Заглавие Механические люди

24 определенных выражений

40 надо уметь

74–75 Надо уничтожить —

«если не везде,

ТИП

(С. 345)

Крокодил:

Заглавие Три хулигана

После 7 Из мордоротной плеяды их
я выбираю троих.

122–129 отсутствуют.

- 62–63 а. это счет сбереженных рублей
а. а для нас подсчет рублей
- 70–71 а. это новые домны лей
б. это новые домны лей
в. а для нас расплавы лей
г. это снова сплавы лей
д. а для нас это сплавы лей
- 77–79 а. Юбилей
для нас
подсчет работ
- б. как в тексте.

СТОЯЩИМ НА ПОСТУ

(С. 370)

Машинопись с правкой:

- 72 а. А если ты качнешься
б. как в тексте.
- 110–111 а. в центре — огни,
на окраине — ночи
б. как в тексте.

ЕВРЕЙ

(С. 373)

Машинопись с правкой:

- 2 а. заговори о вопросе еврейском
б. как в тексте.
- 43 а. уставив глаз
б. как в тексте.
- 46 а. чуть не заплакав
б. как в тексте.
- 50–52 а. и немцам
и русским
и шайкой поляков
- б. как в тексте.
- 88 а. пошел солончак
б. как в тексте.
- 113 а. хоть разов с семи
б. как в тексте.
- О том, как некоторые втирают очки
товарищам, имеющим циковские значки

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1924–1926 гг.

Второй том Полного собрания произведений В.В. Маяковского объединяет стихотворения 1924–1926 гг. Среди них такие известные произведения, как «Юбилейное», «Владикавказ – Тифлис», «Верлен и Сезанн», «Бруклинский мост», «Домой!», «Товарищу Нетте – пароходу и человеку» и др. В них запечатлелось новое, в высшей степени присущее Маяковскому качество лирического героя – единство, слитность лирического героя и окружающего мира.

В стихотворениях этих лет усиливается публицистичность и агитационность как необходимая составляющая произведений на злобу дня, написанных в соответствии с социальным заказом и публикуемых в газетах и журналах общественно-политического профиля («В повестку дня»; «Хулиган»; «В мировом масштабе»; «Английскому рабочему»; «Селькор»; «Лев Толстой и Ваня Дылдин»). К этой категории произведений поэт относил «авиастихи», которые должны были составить сборник «Сам пройдишь по небесам» («Даешь мотор!»; «О.Д.В.Ф.»; «Вот для чего мужику самолет»).

Состав второго тома в значительной мере определяется положениями, изложенными в ст. «О структуре и текстологических принципах издания» (т. 1 наст. изд.). Однако решение конкретных проблем применительно к произведениям этого периода имело некоторые особенности.

В хронологическом ряду произведений выделяются два стихотворных цикла – «Париж» (1925) и «Стихи об Америке» (1925–1926), написанные Маяковским в результате его зарубежных поездок.

Цикл «Париж» был начат в ноябре – декабре 1924 г., во время посещения Франции, и завершен весной 1925 г. Он отличается внутренним развитием единого художественного замысла, композиционной цельностью и завершенностью. О «Париже» сам автор неоднократно говорил как о «поэме из отдельных стихов». Маяковский четко установил последовательность стихотворений в этом цикле, открыто выявив их взаимосвязь, и дважды в полном виде повторял эту композицию в печати – в отдельном издании и Соч. 5.

Цикл «Стихи об Америке» был создан в основном во время поездки в Европу и Америку, которая продолжалась шесть месяцев – с 25 мая по 22 ноября 1925 г. Маяковский написал 18 стихотворений, связанных с впечатлениями от океанского плавания, пребывания на Кубе, в Мексике и США. 5 декабря 1925 г. был заключен договор с

Госиздатом на сборник стихов «Мексика — Америка». Сборник шел под названием «Мое открытие Америки». В корректуре Маяковский изменил название: сначала — «Испания. Гавана. Америка», затем «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка». В конце книги он добавил более 40 примечаний к отдельным словам и переводам иноязычных выражений, несколько поправок внес в тексты (см. примеч. к стих. «Христофор Колумб» и «Домой!»).

Сборник появился в августе 1926 г. В него вошло 17 стихотворений, законченных ко времени сдачи рукописи, не было включено одно — «Вызов». В марте — июле 1926 г. Маяковский написал еще четыре стихотворения по впечатлениям от поездки: «Свидетельствую...», «Сифилис», «Мексика — Нью-Йорк», «Тропики».

Этот круг стихотворений он вновь объединил в пятом томе Собрания сочинений, на этот раз под заглавием «Стихи об Америке». К стихам, вошедшим в указанный выше том, он добавил четыре написанных в 1926 г., но, как и раньше, не включил «Вызов». Вместе с тем, с февраля по июль 1926 г. Маяковский четырежды напечатал это стихотворение в периодике, оно входило в круг произведений, наиболее часто читавшихся тогда им с эстрады (хотя многие стихи в кратких афишных перечнях вообще не указывались, из десяти соответствующих программ «Вызов» назван в четырех). Поскольку «Вызов» тематически и хронологически непосредственно относится к «Стихам об Америке» и это не противоречит позиции Маяковского, составители тома, сохраняя авторское расположение стихотворений в цикле, дополняют его стихотворением «Вызов».

В настоящий том не включаются те стихотворные произведения 1924 — 1926 гг., которые относятся к жанру агитационно-производственного искусства и воспроизводятся в томах, где сгруппированы произведения этого типа. Среди них реклама торговая и реклама выигрышного займа (Буржуй, — прощайся с приятными деньками...; Твердые деньги — твердая почва...). Основная часть рекламных текстов имела подчеркнутую краткую, плакатно-лозунговую форму. В эти же годы Маяковский продолжал создавать лубки. Вышло четыре книжки (три в соавторстве с Н. Асеевым). Большая часть агиттекстов была связана с работой Маяковского в тонком иллюстрированном сатирическом журнале «Красный перец» в сентябре 1924 — феврале 1925 г., где он напечатал около тридцати произведений. То, что подобные стихи должны входить в круг произведений, принадлежащих к агитационно-производственному искусству, определяется функциональными задачами, которым было подчинено их создание, и их вербально-визуальным единством.

Композиция тома определялась общим для всего издания жанрово-хронологическим принципом расположения произведений. При этом под хронологическим порядком понималась творческая хронология, т.е. время создания произведений, а не хронология публикаций, которая учитывалась в тех случаях, когда отсутствовали другие прямые или косвенные данные о времени создания произведения.

В разделе «Другие редакции» приводятся тексты, сохранившие самостоятельное значение в ходе переработки произведений. Создав и опубли-

ликовав то или иное стихотворение, Маяковский иногда возвращался к некоторым из них и на основе первоначального текста создавал новое произведение. При этом первоначальный текст как бы «растворялся» в новой редакции. Характерным примером может служить стихотворение «Грузия», впервые включенное в собрание в качестве редакции стихотворения «Владикавказ — Тифлис».

В качестве основного источника текста, как правило, избирается публикация в томах прижизненного Собрания сочинений. Стихотворения 1924 г. входили в тома 2—3, вышедшие в 1928 г. Основные произведения 1925—1926 гг. вошли в т. 5 и после этого автором в большинстве своем не переиздавались. Именно с этого тома в 1927 г. начался выпуск его Собрания. Рукопись тома была подготовлена вскоре после того, как был принципиально решен вопрос о выпуске Собрания сочинений Маяковского в Госиздате. Договор на издание тома был подписан 6 сентября 1926 г., рукопись сдана в издательство 12 ноября того же года, вышел том в июне 1927 г.

Как показывает анализ рукописных источников, в этих томах, подготовленных Маяковским, содержатся наиболее авторитетные тексты. В тех случаях, когда составители выбирают другой источник текста стихотворения, приводятся аргументы в пользу данного текста.

Определенные особенности связаны с воспроизведением иноязычных фрагментов — слов и фраз на иностранных языках или данных автором в русской транскрипции, собственных имен и географических названий. Подобных слов, фраз и словосочетаний в стихах 1924—1925 гг. немало. Маяковский записывал их на слух, но учитывал при этом и уже устоявшиеся написания. В его рукописях по большей части правильно фиксировались уже укоренившиеся к тому времени в русском языке иноязычные слова (*бизнес, бутлегер, вигвам, депортация, лассо, мустанг* и т.п.), но все же ориентация на фиксацию звучания слова приводила к таким формам, как «Жилет» (вместо «Жиллетт», название фирмы). Изменений и унификации не производилось, если это могло сказаться на звуковом строе стиха. В таких случаях воспроизводились авторские написания отдельных слов, фраз, имен и географических названий: *Вол-стрип* (совр. *Уолл-стрип*), *Мангетен* (совр. *Манхэттен*), *Массачузэт* (совр. *Массачусетс*) и т.п. В тех случаях, когда в текстах Маяковского встречались вариативные написания одного и того же слова и это не было обусловлено ритмическими особенностями стиха или сознательным авторским намерением, тогда избирались авторские написания, отвечающие современным нормам. Нормативные написания использовались и в тех случаях, когда это не отражалось на звуковом строе стиха. Например, печатается: *голивудцы* (в автографе — *голивудцы*), *менеджер* (у Маяковского — *менаджер*), *мокасины* (в автографе — *макасины*, в печати — *мокассины*) и т.п. Наиболее значительные изменения специально отмечаются и оговариваются в каждом конкретном случае в комментариях.

БУДЬ ГОТОВ!

(С. 7)

Красная звезда. 1924. № 11, 13 янв.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту газеты.

Датируется по первой публикации.

Посвящено теме защиты страны от внешних врагов. Об этом см.: плакат РОСТА № 744 (декабрь 1920): «Мы отучили ряд могучих держав от войны с нами, но надо *быть готовым*» (курс. наш. — *Сост.*).

Рур — главный район каменноугольной, тяжелой и военной промышленности Германии, являвшийся после поражения Германии в годы Первой мировой войны предметом ожесточенной борьбы между европейскими странами. В издававшемся под редакцией Маяковского журнале «Леф» (1923. № 1) со стихотворениями «Рур траурный» и «Рур радостный», посвященными поддержке немецких рабочих Рура, выступил Алексей Крученых.

Юз (Хьюз) Чарлз Эванс (1862 — 1948) — в 1921 — 1924 гг. государственный секретарь США.

УХ И ВЕСЕЛО!

(С. 9)

Смехач. 1924. № 1, [1] февр. — с пометой «18/1 Киев — Москва»; *Только новое*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2 с исправлением в стк. 91 — 92: «Так скажите и внучке» вместо «Так скажите внучке» по первоначальному тексту.

Датируется по первой публикации.

Написано при возвращении из поездки в Киев. Связано с имевшими в то время место случаями, когда банды на глухих перегонах останавливали дальние поезда и грабили пассажиров. Ср., например: «Ограбление скорого поезда. В ночь с 8 на 9 августа (1924 г.) скорый поезд № 1 между станцией Поповой и Бурчацк был остановлен бандитами» (Красный Крым. 1924. 10 авг.).

Афишные варианты заглавия: «Вагон до Конотопа» (афиша «Кто мы? Что Леф? Как критика?», 25 февр. 1924), «По дороге до Конотопа» (афиша «Отчет за 1923 — 24 гг.», 4 марта 1924).

...*Гоголь говаривал много.* — См. заключительные слова в «Сорочинской ярмарке» («Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится

сердцу, и нечем помочь ему»), в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» («Скучно на этом свете, господа!»), начало в «Заколдованном месте», «Коляске» и др.

...к *Брынским лесам*. — В былинах и легендах Брынские леса — это чащобы, где скрывались шайки разбойников, в частности место обитания Соловья-разбойника (название — от лесов, расположенных по реке Брынь в Калужской области).

9-е ЯНВАРЯ

(С. 12)

Известия. 1924. 22 янв.; Красная Татария. 1926. 22 янв., под загл. «Долой прощения!»; Смена. Л., 1929. 22 янв., под загл. «9 января 1905 года».

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 238.

Печатается по «Известиям» с исправлением в стк. 48: «сгибают в раже» вместо «сгибают в рожья» по автографической вставке в машинопись (ГАРФ) и с конъектурой в стк. 37: «сребреники» вместо «серебреники».

Датируется по первой публикации.

Судя по ряду деталей, публикации в «Красной Татарии» и «Смене» не являлись перепечатками из «Известий», как считалось раньше, а восходили, вероятно, к каким-то авторским источникам. Однако их невозможно рассматривать в качестве основы, поскольку текст в обеих газетах воспроизведен с грубыми искажениями (в «Смене», например, явно самовольно «лесенка» была переделана в «столбик»).

Написано к 19-й годовщине Кровавого воскресенья: 9(22) января 1905 г. царскими войсками близ Зимнего дворца было расстреляно мирное шествие петроградских рабочих, возглавлявшееся священником Гапоном (Георгий Аполлонович Гапон, 1870—1906).

...*ломазника*... — Так во всех источниках; видимо, умышленный авторский иронический неологизм (вместо «помазанника»).

...*писал в приход царицы сребреники*. — Вскоре после революции были опубликованы записки П.М. Рутенберга, который рассказал, что после событий 9 января 1905 г. эсерами было проведено расследование, которое показало, что Г.А. Гапон получал значительные суммы от департамента полиции, что он — «предатель, провокатор, растратил деньги рабочих. Он осквернил честь и память товарищей, павших 9-го января». Было решено его казнить. Он был захвачен дружинниками и повешен 28 марта 1906 г. (см.: Былое. 1917. № 2; *Рутенберг П.М. Убийство Гапона*. Л., 1925).

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

(С. 14)

Известия. 1924. 8 февр.

Черновой автограф — ГММ. Р-93. Машинопись с коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 251.

Печатается по тексту «Известий».

Датируется по первой публикации.

Написано по поводу признания Великобританией Советского Союза. В результате прошедших 7 декабря 1923 г. в Англии выборов консерваторы лишились большинства в парламенте. 21 января 1924 г. новый парламент выразил недоверие правительству С. Болдуина, оно ушло в отставку. 22 января было сформировано первое в истории Англии лейбористское правительство (лейбористская партия именовалась тогда в советской печати *рабочей партией*, подчеркивалась ее связь с рабочим движением).

Одним из основных предвыборных лозунгов лейбористов было признание СССР. 1 февраля 1924 г. новое правительство Великобритании приняло это решение. 2 февраля британский представитель Р.М. Хаджсон вручил Г.В. Чичерину ноту: «По поручению моего Правительства имею честь известить Ваше Превосходительство, что оно признает Союз Советских Социалистических Республик в качестве правительства *de jure* тех территорий бывшей Российской Империи, которые подчиняются его власти» (Международная летопись. 1924. № 2. С. 28—29). Проходивший в то время II съезд Советов СССР в специальном постановлении от 2 февраля отметил, что «этот исторический акт явился одним из первых актов первого правительства Англии, выдвинутого рабочим классом» (Известия. 1924. 3 февр.). 25 марта Маяковский обратился за получением английской визы, однако 5 мая ему было отказано на основании секретного документа от 9 февраля 1923 г. как «пропагандисту РОСТА» (см.: *Янгфельдт 2009*. С. 302—304).

Лидер лейбористов Джеймс Рамсей Макдональд (1866—1937) занял в новом правительстве посты премьер-министра, первого лорда казначейства и главного статс-секретаря по иностранным делам (отсюда у Маяковского ироническое «*Не полурабочему, полулорду...*»). Однако лейбористы оставались у власти недолго. Парламентская коалиция, поддерживавшая их, распалась. 9 октября 1924 г. парламент был распущен. Новые выборы принесли победу консерваторам и премьер-министром вновь стал С. Болдуин.

О'Грега Джеймс (1866—1934) — видный деятель лейбористской партии, представитель ее левого крыла. Пост посла в СССР ему действительно предлагался Д. Макдональдом, но назначение не состоялось, он стал губернатором Тасмании.

Георг V (1865—1936) — английский король с 1910 г.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ

(С. 16)

Красная нива. 1924. № 8, 24 февр.; Известия. Одесса, 1924. 24 февр.
Автограф неизвестен.

Печатается по тексту одесских «Известий».

Датируется по первой публикации.

Обе публикации появились в один день, но текст в «Красную ниву» Маяковский сдал раньше, до отъезда из Москвы. 17 февраля 1924 г. он выехал с выступлениями в Гомель – Винницу – Одессу – Киев. В Одессе Маяковский выступал с 20 февраля, 21 февраля в вечернем выпуске «Известий» была напечатана беседа с ним. Вероятно, в этот день он передал в редакцию и текст стихотворения, предварительно его выправив: замена в перечне признавших СССР держав Германии и Польши на Австрию и Норвегию сделала текст более злободневным.

Вслед за Англией (см. коммент. к стих. «Здравствуйте!») последовало признание СССР другими европейскими державами: Италией – 7 февраля, Норвегией – 13 февраля; 20 февраля 1924 г. австрийское правительство направило ноту, в которой извещало о возобновлении нормальных дипломатических и консульских отношений (временное соглашение было заключено 7 декабря 1921 г., но затем отношения были прерваны). Ранее, до 1924 г., Советская Россия была признана только Афганистаном, Германией, Латвией, Литвой, Монголией, Персией, Польшей, Турцией, Финляндией и Эстонией.

Постояв, развязали кошли пилигримы. – Парафраз строки из «Размышлений у парадного подъезда» Н.А. Некрасова.

КИЕВ

(С. 19)

Пролет. правда, 1924. 2 марта; Огонек. 1924. № 12, 16 марта; *МиП*.

Беловой автограф – ИРЛИ. Р1. Оп. 17. № 477, без даты; был передан Маяковским в редакцию киевской «Пролет. правды»; на обороте помета бывшего владельца автографа И.Г. Ямпольского: «Начало 1924 г.»

Печатается по *МиП* с исправлением в стк. 35: «с дарами Диру и Аскольду» вместо «с дарами к Диру и Аскольду» по автографу, «Пролет. правде» и «Огоньку».

Датируется по первой публикации.

Написано под впечатлением от пребывания в Киеве 12–13 и 16–17 января 1924 г. Высказывавшееся мнение, что, судя по стк. 78–80 («...земной Владимир крестит нас железом и огнем декретов»), стихотворение было написано до смерти Ленина (т.е. до 21 янв. 1924), недостаточно убедительно: представление о ленинских декретах как действующих есть и в других произведениях Маяковского, написанных после смерти Ленина, например в стих. «Комсомольская». Автограф был, вероятно,

передан в редакцию киевской газеты не во время январского, а в следующий приезд Маяковского в этот город — 25–26 февраля 1924 г. Косвенно это подтверждается воспоминаниями И.Г. Ямпольского, который помогал Маяковскому в редакционной работе с рукописью стихотворения в конце февраля 1924 г. (см. альм. «Лица». М.; СПб., 1996. № 7. С. 478–479). Если допустить, что стихотворение было написано еще в январе 1924 г. и тогда же передано в редакцию киевской газеты, то трудно объяснить задержку публикации и в киевских, и в московских изданиях.

Дир и Аскольг — дружинники Рюрика, ставшие киевскими князьями, были убиты князем Олегом в 882 г.

...гоним в лавры. — Киево-Печерская лавра, древнейший на Руси православный монастырь; был основан в 1051 г.

...каменный святой. — Памятник князю Владимиру Святославичу (? — 1015), который ввел христианство на Руси, возвышается над Днепром на Владимирской горке (сооружен в 1853 г., авторы В.И. Демут-Малиновский, А.А. Тон, П.К. Клодт). Памятник «рассчитан на внушительность и эффект, но некрасив. (...) Наверху поставлена колоссальная статуя, долженствующая изображать кн. Владимира, в левой руке статуя держит княжескую шапку в виде Мономаховой (анахронизм), а правой она поддерживает громадный крест, освещаемый по вечерам электрическими огнями, что придает памятнику характер излишней театральности» (*Щероцкий К.В.* Киев. Киев, 1917. С. 125).

Был убит и снова встал Столыпин... — Председатель Совета министров П.А. Столыпин (1862 — 1911) был смертельно ранен в Киеве Д.Г. Богровым и умер 5 сентября 1911 г. Памятник ему в Киеве (ит. скульптор Этторе Ксименес) был заложен через год после убийства. «На проекте Столыпин в статском сюртуке, в стоячей позе на пьедестале. У подножия памятника с двух сторон сидят две аллегорические фигуры, которые должны изображать одна — мощь, другая — скорбь. Жюри одобрило проект к сооружению и 4 сентября предположена закладка памятника на Крещатике, на Думской площади» (*Искусство.* Киев, 1912. № 7/8. С. 282). Памятник был открыт 6 сентября 1913 г. и снесен через три с половиной года, вскоре после Февральской революции, по решению Исполнительного комитета объединенных организаций города Киева, когда на Украине образовалась Центральная Рада.

Памятник намечалось снять перед первой праздничной манифестацией по случаю падения самодержавия, которая проводилась 16 марта 1917 г. В газетной хронике отмечалось: «Единственным обстоятельством, портившим настроение, был полуразрушенный памятник Столыпину. Съемка памятника должна была быть произведена в ночь на 16 марта, но по техническим причинам не могла быть осуществлена. Фигура Столыпина, сдвинутая с места, угрожала падением. Вследствие этого, ее пришлось окружить лесами и обмотать веревками с блоками. Все это создавало впечатление, что фигура как бы повешена. Это резало глаза, это вызывало неприятные чувства, невольно омрачавшие радостный праздник свободы» (*Киевлянин.* 1917. 18 марта). Вероятно, кто-то

из киевлян рассказал об этом эпизоде Маяковскому, отсюда в стихотворении «снова был убит».

...от пальбы двенадцати правительств. — В 1917–1920 гг. власть в Киеве неоднократно переходила из рук в руки. Число смен власти в Киеве Маяковский мог заимствовать, например, у В.Б. Шкловского или (что более вероятно) у И.Г. Эренбурга. В.Б. Шкловский к рассказу о первых переворотах 1918 г. добавлял: «После этого Киев брали еще раз 10 всякие люди» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М.; Берлин, 1923. С. 224). И.Г. Эренбург, рассказав о злоключениях своих героев на Украине (правда, в Елизаветграде), подытоживал: «За три месяца мы пережили одиннадцать различных правительств», и затем писал об утверждении новой, двенадцатой по счету власти — советской (*Эренбург И.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников... М.; П., 1923. С. 245–246). М.А. Булгаков в 1923 г. по поводу этих цифр иронизировал: «...по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил» (Киев-город // Накануне. 1923. 6 июля).

...встают с Подола дымы... — Район Киева, расположенный на плоской низменности у самого Днепра; там был сосредоточен ряд промышленных предприятий.

«Даю-беру червонцы!» — В ходе проводившейся после Гражданской войны денежной реформы в соответствии с постановлением Совнаркома от 11 октября 1922 г. были выпущены червонцы (золотые монеты; в обращении внутри страны практически не использовались — применялись в международных расчетах) и соответствующие банкноты. В течение полтора лет (до февраля — марта 1924) в обращении продолжали находиться и старые денежные знаки. В первое время соотношение разменного рубля и червонца было непостоянным и менялось в соответствии с конъюнктурой. На 1 января 1923 г. официальный курс, например, составлял: 1 червонец = 175 руб. в новых дензнаках, или 17 тыс. 500 руб. в дензнаках 1922 г. Колебаниями курса пользовались валютные спекулянты.

КОМСОМОЛЬСКАЯ

(С. 23)

Молодая гвардия. 1924. № 2/3. февр. — март; *МиП*; Соч. 2.

Беловой автограф — ГММ; Р-5424, с датой «31/111 24 г.». Та же дата в «Молодой гвардии».

Печатается по Соч. 2.

Датируется по автографу.

Печатается с исправлениями в стк. 55–56: «гордиться именем: Ленинка» вместо «гордиться именем: Ленина» по автографу и *МиП*, а также в стк. 153–154: «кроит и рвет» вместо «крошит и рвет» по «Молодой гвардии».

Стихотворение было анонсировано в январском номере «Молодой гвардии»: «В первых числах марта выйдет из печати специальный номер

“Молодой гвардии”, посвященный Владимиру Ильичу. В номере ряд воспоминаний, очерков, заметок и статей по основным вопросам ленинизма (...) Стихи: Н. Асеева, В. Маяковского, А. Безыменского, Г. Лелевича, С. Малахова, М. Голодного, С. Малашкина, С. Родова, А. Пospelова, И. Доронина и др.» Анонс был связан, вероятно, не с готовым текстом, а с принципиальным согласием автора выступить в журнале со стихами на данную тему.

В первой публикации эпиграф представлен как подзаголовок стихотворения.

Отрывок (стк. 28–88) под заглавием «Ленин. Из поэмы “Молодой гвардии” “Комсомольская”» был опубликован в «Бюллетене Пресс-бюро», сер. А/Б. 1924. 8 апр.¹ По этому тексту с 18 апреля по 1 мая отрывок перепечатывался в областных и республиканских газетах Архангельска, Екатеринбургa, Минска, Владимира, Брянска, Смоленска. Вошло в кн. «Первые песни вождю» (М., 1926). В составе подборки «Ленин в поэзии» (Маяковский, Иоганнес Бехер, Н.Н. Асеев, И.И. Доронин, Г.А. Санников) другой отрывок (стк. 57–76; с пояснением: «Из поэмы “Комсомольская”») перепечатывался в *KuP* (1929. № 2, 20 янв. 2-я стор. обложки).

Переведено на немецкий язык И. Бехером: *Arbeiter-Literatur*. Wien, 1924. N 5/6. S. 236–240).

Смерть – не сметь! – Это словосочетание в качестве рифмы годом раньше было использовано Маяковским в поэме «Про это» (стк. 1636–1638). В 1924 г. оно появилось, тоже как рифма, в стихотворении Н.Н. Асеева «Реквием», написанном на смерть В.И. Ленина (впервые – Известия. 1924. 25 янв., без подписи; с подписью – Молодая гвардия. 1924. № 2/3, стихотворением открывался этот траурный номер журнала). В том же стихотворении Н.Н. Асеева рифма *лжив – жив*, также вошедшая в стихотворение. Возможно, Маяковский был, хоть в небольшой мере, соучастником в создании «Реквиема», и этим следует объяснить как безымянность первой публикации данного стихотворения, так и отсутствие указания на источник под эпиграфом в стихотворении «Комсомольская».

НА УЧЕТ КАЖДАЯ МЕЛОЧИШКА

(С. 28)

Смена. М., 1924. № 6, 10 апр.; *МиП*.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту в журн. «Смена».

Датируется по первой публикации.

В журн. «Смена» под заглавием «На учет каждая мелочишка» и с подзаголовком «Пара издевательств» напечатаны два стихотворения: «Поэта интересуют и мелкие факты» и «Рабфаковка у меня попросила портрет». В *МиП* Маяковский исключил первое стихотворение, переделал заглавие и подзаголовок, превратив часть заглавия в стихотворный эпиграф, но

¹ Издание de visu не просмотрено; известно по описаниям.

напечатал под ними только одно стихотворение, несколько отредактировав его текст. Новая редакция подзаголовка («Несколько издательств») показывает, что Маяковский, хотя и отбросил первое стихотворение, намеревался создать цикл о «мелочах быта». Замысел не был реализован.

В ПСС: В 13 т. была принята конструкция первопечатного текста, но при этом второе стихотворение воспроизводилось по *МиП*. М.Л. Гаспаров, отметив ошибочность этого решения (оно привело, в частности, к утрате целой стихотворной строки), предложил сохранить эту конструкцию, а заголовок воспроизвести по *МиП*, в форме единого пространного текста, без членения на собственно заголовок, подзаголовок и эпитафия (*Гаспаров 1991. С. 537*). Предложение представляется спорным: то, что автор отбросил первое стихотворение, ясно говорит о его критической оценке этого текста (она могла быть связана с ощущением его неактуальности для 1927 г. и определенной надуманности его сюжета); также окажется неучтенным разделение автором заголовка первой редакции на части — собственно заглавие, подзаголовок и стихотворный эпитафия. В *МиП* подзаголовок (явная редакционная небрежность) оказался введенным внутрь стихотворного эпитафия: «Каждая мелочишка // (несколько издательств) // ребятишкам на молочишко».

В Зап. книжке № 25 (весна — лето 1924) — заметки к выступлению о быте, сделанные не раньше середины апреля 1924 г.; дата выступления не установлена. Среди записей — темы данных стихотворений: «Новый быт замечается в кругах, слоях, выдвинутых революцией. Напр., вузовцы — и то до чего похожи они сейчас на старое студенчество. Жизнь. Открытки. Качание. Из-за острова на стрежень. Даже у Безыменского. Конечно, декретом быта не установишь, но борьба с ним — вещь необходимейшая».

ДВА БЕРЛИНА

(С. 33)

Бюлетень Пресс-бюро, сер. «А». 1924. 13 мая.

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

Перепечатывалось в газ. «Волна» (Архангельск, 1924. 12 июля).

Публиковалось с примечаниями: «*Курфюрстендамм* — богатая улица. *Норг* — квартал рабочих».

...как была год назад. — Впервые в Берлине Маяковский был в октябре — ноябре 1922 г. Этой поездке он посвятил очерк «Сегодняшний Берлин». Вторично он был там с 19 апреля по начало мая 1924 г.

...по рабочему Норгу. — Имеются в виду северные заводские окраины Берлина. Ср. в предисловии к сб. «Вещи этого года» (июль 1923), в перечне замыслов: «Стихи о Нордене».

...за коммунистов погано три милиона голосов. — 4 мая 1924 г. на парламентских выборах коммунисты получили 3,7 млн голосов (13%), что позволило им почти в четыре раза увеличить свое представительство в рейхстаге.

ЮБИЛЕЙНОЕ

(С. 35)

Лэф. 1924. № 2; Заря Вост. 1924. 7 сент.; *Американцам; Только новое; ИзИз; Соч.2.*

Беловой автограф с ред. и типогр. пометами (наборная рукопись «Лефа») — РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 64. С. 4. Л. 11 — 12; на автографе помета неустановленной рукой: «12/VII — 24» (вероятно, дата изготовления или поступления гранок).

Печатается на Соч. 2.

Датируется по автографу.

Печатается с исправлениями в стк. 7: «в щенка смирённом львенке» вместо «в щенка смиренном львенке»; в стк. 103: «Муза эта» вместо «Муза это»; в стк. 129: «Александр Сергеевич» вместо «Александр Сергеевич» по беловому автографу и большинству других печатных источников.

Написано в июне 1924 г.

Подготовив рукопись стихотворения для «Лефа», Маяковский потом мало обращался к его тексту. Читая журнальные гранки, он внес лишь небольшие поправки в стк. 66, 261 — 263 (здесь в рукописи была, видимо, авторская описка — см. свод вариантов) и в заключительную строку. Номер журнала вышел в конце августа. В последних числах августа (между 28 и 31), во время пребывания в Грузии, в Тифлисе, Маяковский подготовил текст «Юбилейного» для публикации в «Заре Востока». Хотя текст для этого издания записывался автором заново и, видимо, по памяти, расхождения с первопечатным вариантом были незначительны, существенно другим стало только ритмическое членение стихотворных строк. Под публикацией в «Заре Востока» появилась дата: «Тифлис. Август», которая отражала не время создания стихотворения, а место и дату подготовки рукописи, по которой печатался текст. При последующих изданиях в составе различных сборников Маяковский опирался на текст, восходящий к публикации в «Лефе».

Иноязычный текст (стк. 98) в «Заре Востока» был дан в русской транскрипции («Ред» и «Уайт-Стары»), без перевода и пояснений под строкой.

В Соч. 2 примечания: «*Коопсах* — Кооператив сахарной промышленности. "*Red Star*" и "*White Star*" — американские пароходные общества. *Entre nous* — между нами. *Плюшкин* — из "Мертвых душ" Гоголя. *Дан-тес* — убийца Пушкина. *На Тверском бульваре* — там стоит памятник Пушкина в Москве».

Создание стихотворения связано с отмечавшейся 6 июня 1924 г. 125-й годовщиной со дня рождения А.С. Пушкина. Подготовка к этому юбилею и его празднование вызвали широкий общественный резонанс, в котором сказалась реакция на нигилистические и разрушительные идеи и действия в сфере культуры, которыми были отмечены годы революции и к которым, по общему мнению, были причастны футуристы и, в частности, Маяковский. Отрицание классического наследия считалось одной из

основных отличительных особенностей, непременным атрибутом футуристических, а к 1924 г. — лефовских теорий.

«Стало совершенно бесспорным, что Пушкин воскресает сейчас ослепительно... — писал в юбилейной статье "Пушкин" А.В. Луначарский. — Недавно в Малом театре состоялась дискуссия о судьбах литературы (26 мая 1924 г.). На этой дискуссии упоминали с благоговением имя Пушкина два поэта, в устах которых такое благоговейное признание для многих и многих было полной неожиданностью. Это был признанный вождь "Лефа" В. Маяковский и несомненно крупнейшая величина среди пролетарских писателей — Безыменский. Первый внезапно впал в элегический тон, даже не пощадил своих собственных произведений, заявив, что все выпускаемое в свет нынешними поэтами скучно и не запоминается. "Это, — сказал Маяковский, — относится и к моим произведениям, хотя и в меньшей степени, чем к другим". Зато Маяковский рассказал, с каким ненасытным наслаждением слушал он Брика, который читал им "Евгения Онегина". "Я даже выключил телефон, — сказал Маяковский, — чтобы никто не мешал мне". Он тут же стал цитировать различные отрывки, которые рекомендовал вниманию публики как образец четкости и мастерства» (Красная нива. 1924. № 24, 15 июня. С. 570).

Кроме желания преодолеть предвзятые представления, о которых писал Луначарский, одним из конкретных провоцирующих поводов к написанию стихотворения могла послужить статья Л.С. Сосновского «Пушкин», появившаяся в «Правде» в юбилейные дни. Маяковскому уже приходилось полемизировать с этим критиком. В статье творчество Пушкина настойчиво (точнее, назойливо) противопоставлялось художественным исканиям футуристов-лефовцев, в частности Маяковского. Посвятив по форме статью ответу на вопрос «За что любил Пушкина В.И. Ленин?» (таков был ее подзаголовок), критик по сути дела направил ее на декларирование антинародности и мертворожденности футуристической поэзии. Начав с утверждения об отрицательном отношении В.И. Ленина к поэзии А.А. Блока, приведя затем, со слов Н.Л. Мещерякова, крайне негативный отзыв В.И. Ленина о присланной ему с дарственной надписью Маяковского поэме «150 000 000»: «Ну, если уж это коммунизм, то разве только хулиганский коммунизм», критик затем выстроил как бы реестр отличительных свойств поэзии Пушкина, подчеркивая при этом, что поэзия футуристов данных черт и свойств лишена. Вот некоторые положения из этого свода: Ленин любил Пушкина «прежде всего за ясность и простоту. Ленин выше всего ценил в искусстве, как и в политике, ясность, простоту, общепонятность, доступность миллионам умов»; «Пушкин смелой рукой приблизил язык поэзии к разговорному языку грамотных людей того времени». «И не замечательно ли сообщение, что Владимир Ильич тщательно изучал по словарю Даля слова и образы наиболее понятные народу, чтобы говорить с ним и лучше воздействовать. Не вспоминается ли при этом Пушкин с его "живым словарем" — нянюшкой Ариной Родионовной». «Я не испытываю от них никакой *ragosti*, — говорил В.И. обо всей футуристической поэзии. — Пушкин же весь струится радостью, оптимизмом, торжеством жизни. Трудно найти более стойкого, несокрушимого, негну-

щегося оптимиста в истории, чем Ленин. И понятно, никакой *ragosti* не могли ему доставить поэты то размагниченные, то взвинченные, то ныряющие в пучину безнадежности, то запанибрата пьющие с солнышком чай с вареньем». Сказав, что Пушкин был мастером пейзажной лирики, критик добавляет: «Современная поэзия, особенно пролетарская и "лефовская", исходит из фальшивого убеждения, что современному советскому читателю природа уже не говорит ничего»; «Пушкин с потрясающей силой передал простые человеческие чувства — любовь, ненависть, тоску, честолюбие, муки творчества, порыв к свободе, борьбу "против течения" и т.п.» (Правда. 1924. 7 июня). В «Юбилейном» Маяковский как бы подхватывает эти тезисы и в неявной, скрытой полемике показывает, что свойства, которые критик выделил в поэзии Пушкина, столь же присущи и поэзии лефовцев в целом, и ему самому, Маяковскому, всему его творчеству.

В том же номере «Лефа», что и «Юбилейное», была напечатана поэма Н.Н. Асеева «Лирическое отступление». Целый ряд программных формул Маяковского («ищем речи точной и нагой» и др.) находит отчетливые параллели у Асеева — несомненно, следствие общих обсуждений в лефовской среде этих проблем. Позже Н.Н. Асеев писал: «Отсюда и лозунг Маяковского "Ищем речи точной и нагой", целиком совпадающий с "прелестью нагой простоты" Пушкина, которого тогдашние обыватели уважали только за камер-юнкерство и за то, что "по золотому за строчку получал". Пушкин — бунтарь, Пушкин — великан литературы был сведен ими по большей части только к хрестоматийной "Птичке Божией". Маяковский, который был ближе кого-либо и з родившихся после Пушкина к огромному размаху деятельности, к темпераменту, силе дарования, обаянию личному самого Пушкина, не мог не заявить об этом с почтительностью правнука и с некоторой иронией над своей почтительностью» (Восп. 1963. С. 406).

Празднование юбилея Пушкина было обставлено по тем временам достаточно необычно. «Все писатели приглашались к 6 ч. вечера к Дому Герцена на Тверском бульваре, — сообщал участник, — откуда, выстроившись рядами, со знаменем во главе, торжественно двинулись к памятнику Пушкина, где должно было происходить возложение венка. Кажется, в истории русской литературы, а может быть, и не только русской, это была первая процессия писателей, и довольно многолюдная. "Читатели" стояли по обеим сторонам и созерцали невиданное зрелище. У памятника великого поэта речей не произносилось. Сказал только коротенькое приветствие П.Н. Сакулин, а затем слово было предоставлено поэтам для произнесения стихов» (Розанов И.Н. Литературные репутации. М., 1928. С. 44). Стихи читали пять поэтов: С.А. Есенин, С.М. Городецкий, М.А. Зенкевич, В.В. Казин и П.В. Орешин (Современник. М., 1925. № 1. С. 69). Маяковскому право выступить с чтением стихов у пушкинского памятника предоставлено не было.

В юбилейные дни Маяковскому все же привелось публично читать стихи в студенческой аудитории. Это произошло в присутствии Вячеслава Иванова, который был специально приглашен на пушкинские торжества.

В.А. Мануйлов вспоминал, что в один из этих дней П.Н. Сакулин, который был связан с В.И. Ивановым, пригласил его на собрание *студенческого* Общества любителей российской словесности (тезки общеизвестного, возникшего еще в 1811 г. Общества любителей российской словесности, председателем которого в то время тоже был П.Н. Сакулин). В.И. Иванов согласился. На заседании один из студентов начал выступление, как пишет мемуарист, «высокопарным приветствием». «И вдруг с шумом открылась дверь и в аудиторию вошел Маяковский с палкой в руке. За ним Н.Н. Асеев и еще два молодых поэта. Еще в дверях, направляясь к столу президиума, Маяковский своим громовым голосом перекрыл оратора: "Как вам не стыдно, молодой человек! К нам приехал большой поэт, а вы произносите такие смердящие слова. Прекратите словоблудие! Ни Вячеславу Иванову, ни нам эта патака не нужна! Давайте лучше поговорим о деле, почитаем хорошие стихи, не поэзию вчерашнего дня, а поэзию сегодняшнюю. Вячеслав Иванов умеет ценить настоящую поэзию" (...). Вячеслав Иванович обрадовался прекращению высокопарного панегирика. Он пересел на одну из парт, чтобы лучше видеть читающего Маяковского». По словам мемуариста, Маяковский читал «Необычайное приключение», «О дряни», отрывки из «Люблю», «Прозаседавшихся», «Рабочим Курска», по требованию молодежи — «Наш марш» и «Левый марш». Читать «Облако в штанах» отказался. «Встреча с Маяковским произвела на В.И. Иванова большое впечатление, он потом не раз тепло вспоминал его шумное и напористое появление: Какой сильный, какой большой, какой устремленный человек!» (Нева. 1968. № 7. С. 189 — 190; с этим выступлением, вероятно, связана помета Маяковского в его записной книжке 1924 г.: «Поварская. Хлебный 15. Кружок Сакулина. К 8 часам» — Зап. книжка № 25. Л. 13). Восприятие Вяч. Ивановым стихов Маяковского было, скорее всего, более критичным (подробнее см.: *Парнис А.Е.* Заметки к диалогу Вяч. Иванова с футуристами // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999).

На публикацию стихотворения одним из первых отреагировал С.А. Есенин. Выпад Маяковского («из хора, балалаечник») не мог не обидеть его. В дни появления номера «Лефа» Есенин уезжал из Москвы на Кавказ, и текст «Юбилейного», вероятно, стал ему известен по публикации в «Заре Востока», т.е. 7 сентября 1924 г. Буквально в те же дни (не позже 13 сентября) он написал стихотворение «На Кавказе», в котором не менее резко ответил на выпад Маяковского («А он их главный штабс-майор / Поет о пробках в Моссельпроме»). Истории отношений Маяковского и Есенина и, в частности, этому эпизоду посвящена обширная литература. При анализе различных сторон этой их словесной пикировки следует особо отметить одну существенную ее черту — принципиальную общность обоих поэтов по важнейшему для них вопросу. Один из главных общелитературных постулатов Маяковского в стихотворении — «чересчур страна моя поэтами нища» — находит почти дословное повторение у Есенина: «Других уж нечего считать, / Они под хладным солнцем зреют. / Бумаги даже замарать / И то, как надо, не умеют». Оба поэта хотя и обмениваются друг с другом уничижительными словами, но явно выделяют оппонента

из общего поэтического сонма. И если из поэтов-современников Маяковский, кроме Есенина, отметил только поэтов-лефовцев (на деле — одного Н.Н. Асеева), то Есенин даже о когда-то близком Н.А. Клюеве обронил ироническое «ладожский дьячок». Не случайно именно летом 1924 г. (т.е. незадолго до создания «Юбилейного») обсуждался вопрос о возможности вхождения Есенина в «Леф» и участия в этом журнале (см. *Восп. 1963*. С. 422 — 423; ср. также свидетельство Б.Л. Пастернака: «Есенин в период недовольства имажинизмом просил меня помирить и свести его с Маяковским» — *Пастернак Б. Избранное*. М., 1985. Т. 2. С. 265). Об истории взаимоотношений поэтов см. также примеч. к стих. «Сергею Есенину».

Критика выделила это стихотворение из числа других произведений Маяковского. Отмечались, в частности, изменения в ритмико-интонационном строе его стихов. В.П. Дружин, например, писал: «У Маяковского "Тамара и Демон" вместе с прошлогодним "Александр Сергеевич, позвольте представиться" начинается какой-то новый этап творчества, который пока можно характеризовать как интересный по новизне, по свежести интонаций — интонаций разговорных, с особенной разительностью действующих на фоне застывших интонаций стиха мандельштам-гумилевского, с одной стороны, и блоковско-есенинского — с другой» (*Звезда*. 1925. № 2. С. 289). На эту интонационную свободу обратил внимание также В.А. Красильников. В рецензии на «Только новое» и «Париж» он выделил эти стихи, отметив, что «они очень остроумны, живо написаны и легко читаются», хотя многое в этих сборниках не вызвало у него сочувствия. Он писал, что стихи в этих сборниках агитационные, «к сожалению, нередко слишком смахивающие на газетный фельетон» (*Книгоноша*. 1925. № 36/37, 30 нояб. С. 24).

Но главным образом критика обращала внимание на отношение Маяковского к классическому наследию. Подытоживая юбилейные публикации, И.Н. Розанов писал: «В печати появился целый ряд стихотворений юбилейных. Из них особенно знаменательны недавнего врага Пушкина, футуриста Маяковского, и поэтов комсомольских. Маяковский, который в начале революции приравнял Пушкина к белогвардейцам, подлежащим уничтожению, теперь изменил свое отношение. Он считает Пушкина достойным стоять рядом с Некрасовым и с ним, Маяковским. Выражает сожаление, что нет теперь в живых Пушкина. Был бы редактором по Лефу, писал бы агитки и рекламы» (*Розанов И.Н. Указ. соч.* С. 44). Декларации Маяковского далеко не у всех критиков вызвали согласие и сочувствие. «По отношению к классикам был организован своеобразный бойкот... — пытался ехидничать М.И. Беккер. — Лишь недавно произошел заметный сдвиг в работе Лефа. Пушкин получил признание не только де-юре, но и де-факто. Маяковский позаботился даже о том, чтобы поставить Пушкина рядом с собой» (На лит. посту. 1928. № 2, янв. С. 25).

«Юбилейное» послужило для Г.А. Шенгели одной из основ в конструировании его трактата «Маяковский во весь рост». Заявив, что поэзия Маяковского «антикультурна», «до жалости бедна идеями», «в последние годы она пытается паразитировать на теле революции», критик стремился подтвердить это, сведя всю поэзию Маяковского к самолюбованию:

«О чем бы он ни упоминал в стихах, — он немедленно в пример или в противопоставление выдвигает себя»; «...вопрос "а почему не атакован Пушкин"» не является только выкриком литературной борьбы, а обусловлен реальным переживанием. И соответственно этому позднейшее утверждение: «"Я люблю вас", — обращенное к Пушкину, рисуется фальшивым» (Шенгели. С. 8–9).

Г.А. Шенгели обвинил Маяковского в абсолютном нигилизме, в тотальном отрицании: «И так все ценности: наука, искусство, литература, природа — подвергнуты "ревизии" и ревизор Маяковский ничего, кроме плевочков, клещей, канав, лобастых идиотов и дряни, величественной, как Лев Толстой, не обрел. Рисованием такого рода плакатов Маяковский занялся давно и трудится и по сие время». Далее приводились строки и строфы, многие из которых были взяты из «Юбилейного» (Там же. С. 13–14).

Критик отрицал не только содержательные достоинства в стихах Маяковского, но и его поэтическое мастерство. Он упрекал его в «композиционной слабости», в «глубокой композиционной анархии»: «Читатель сам легко может сделать опыт, прочитав хотя бы стихотворение "Пушкину" и потом отбрасывая строфу за строфой. Оказывается, что добрая половина стихотворения может быть удалена без всякого ущерба, а наличные части также легко могут быть переставлены в любом порядке» (Там же. С. 51).

Пародировал «Юбилейное» А.Г. Архангельский — «Разговор с Пушкиным» (Смехач. М., 1927. № 6, февр. С. 11).

Я теперь свободен от любви... — В сложных личных взаимоотношениях Маяковского с Л.Ю. Брик после двухмесячного разрыва в январе — феврале 1923 г., когда писалось «Про это», и последующего примирения к лету 1924 г. вновь наметился кризис. Раньше в письме-дневнике, который велся им в феврале 1923 г., он писал: «Исчерпывает ли для меня любовь все? Все, но только иначе. Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи и дела и все пр. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным, но если сердце работает, оно не может не проявляться в этом во всем. Без тебя (не без тебя "в отъезде", внутренне без тебя) я прекращаюсь. Это было всегда, это и сейчас. Но если нет "деятельности" — я мертв».

...и от плакатов. — В 1922 г. Маяковский оставил работу по выпуску рисованных агитационных плакатов, которую он вел с осени 1919 г. сначала в РОСТА, затем в Главполитпросвете; в марте 1924 г. он подготовил несколько пропагандистских плакатов по заказу Наркомфина, однако основное внимание в этой сфере к лету 1924 г. он сосредоточил на торговой рекламе. 28 июля 1924 г. он заключил договор с Госиздатом на книгу «Реклама». Книга была сдана, но в свет не вышла.

...ищем речи точной и нагой. — В 1922 г. впервые (в 1923 г. повторно) был опубликован черновой набросок А.С. Пушкина, получивший позже заглавие «О поэтическом слоге». В этом тексте печаталась фраза: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями...» (Неизданный Пушкин / Со-

вялое в современных устах наших и легкое для всех, потому что ни к чему не обязывающее слово "Гений". И что же! — Не монументом, а гипсовой статуэткой стал Пушкин.

Об этой жалкой гипсовой статуэтке, об этой безделушке, украшавшей будуары, кричали футуристы, призывая сбросить ее с "парохода современности". Да, того Пушкина, которым притупляют нас в школах (и будут притуплять!), того Пушкина, именем которого действуют художественные реакционеры и невежды, того Пушкина, которым забавляются духовно-праздные соглядатаи культуры, — этого общедоступного, всем пригодившегося и никем не читаемого Пушкина надо сбросить» (*Эйхенбаум Б.М.* Сквозь литературу. Л., 1924. С. 157 — 158).

...какой однаобразный пейзаж! — Намек на позицию А.В. Луначарского. «Весь "Леф" считает меня своим отъявленным врагом, — писал он в конце 1923 г. — Не личным, конечно, личные отношения у нас, кажется, неплохие, но таким меня считают и как народного комиссара, и в особенности как литературного критика» (Правда. 1923. 7 дек.). Иронию Маяковского вызывал примитивный социологизм Отдела народного образования (Наробраз) в отборе литературных произведений для преподавания, в стремлении подчинить школьное изучение литературы главным образом таким обществоведческим постулатам, как классовая борьба или революция. Именно под этим углом зрения отбирались произведения для многочисленных учебных хрестоматий, выходивших в то время. Позиция Наркомпроса получила официальное закрепление в 1925 г., когда были опубликованы «Программы для первого центра школ второй ступени» (т.е. для 5, 6 и 7 годов обучения). Среди современных поэтов в программе по родному языку и литературе доминировали такие авторы, как Демьян Бедный, А.И. Безыменский, А.К. Гастев, И.И. Доронин, Н.Г. Полетаев, в том числе и упомянутые Маяковским А.Я. Дорогойченко (1894 — 1947), М.П. Герасимов (1889 — 1937), В.Т. Кириллов (1890 — 1937), С.А. Родов (1893 — 1968), произведения которых должны были служить «литературным материалом» для ряда тем: «Крестьянские восстания», «Классовые противоречия в городе», «Борьба и раскрепощение рабочего класса» и т.п. Показательно, что Маяковский перечислил имена поэтов, принадлежавших к разным, даже враждовавшим между собой литературным группировкам, но невысокого уровня мастерства. Из произведений Маяковского в программе указаны только «Мы не верим!» и «Владимир Ильич Ленин».

...мужиковствующих свора. — В литературном обиходе термин «мужиковствующие» получил хождение после появления работы Л.Д. Троцкого «Литература и революция». Он ввел это понятие для характеристики взглядов определенной группы писателей (Б. Пильняк, Вс. Иванов, С. Есенин) и утверждал, что «большинство попутчиков принадлежит к мужиковствующим интеллигентам» (*Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1923. С. 66). Но чаще так называли писателей, приверженных теме русского крестьянства (Н. Клюев, А. Ширяевец, П. Орешин и др.).

Ну а что вот Безыменский?! Так... ничего... морковный кофе. — Одно из расхожих утверждений критики того времени состояло в том, что твор-

чество А.И. Безыменского (1898 – 1973) представлялось как продолжение и развитие того, что делал Маяковский: «На многих пролетарских поэтах влияние футуризма, например, сказывается бесспорно. Талантливый Казин впитывает в себя элементы футуристической техники. Безыменский был бы невозможен без Маяковского, а Безыменский – надежда» (Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 153); «Безыменский вышел из Маяковского. Его стих так же ломок, свеж, громок, свободен от бальмонтовской плавности, упруг, местами грубоват. По Маяковскому, Безыменский склонен к гиперболизму...» (Воронский А.К. О группе писателей «Октябрь» и «Молодая гвардия» // Красная новь. 1924. № 2, март. С. 299 – 300); «Лирика Безыменского – лирика народного вокализма. Ученик Маяковского, он еще больше его продолжатель» (Смирнов-Кутачевский А.М. Перелом литературного стиля // ПуР. 1926. № 2, март. С. 40); «Формально, как поэт, Безыменский все еще не выкарабкался из цепких рук Маяковского» (Красильников В.А. [Рец. на] Собр. соч. Безыменского. Т. 1 // Книгоноша. 1926. № 21, 7 июня. С. 7). Подобные оценки уязвляли самолюбие Безыменского, Маяковский не желал считать Безыменского своим продолжателем или учеником, тем более в сфере поэтической техники. Его ироническое отношение к ходульности и пафосу произведений Безыменского раздражало последнего. В начале 1924 г. появился его резкий выпад против Маяковского в «Прологе» и поэме «Гута» (см. примеч. к стих. «Четырехэтажная халтура»). В июне 1926 г. он опубликовал «Оду скромности», на что Маяковский ответил в «Послании пролетарским поэтам». Свидетельствами продолжавшегося и далее взаимного неприятия явился целый ряд выступлений (см. примеч. к стих. «Послание пролетарским поэтам» и к эпиграммам 1930 г.).

Я дал бы вам жиркость... – Государственное объединение жировой и костеобрабатывающей промышленности «Жиркость» (позже получила известность более благозвучная аббревиатура названия этого треста – «Тэжэ»), в которое входили такие крупные мыловаренные и парфюмерные предприятия, как «Новая заря» (бывш. «Брокар»), «Свобода» (бывш. «Ралле») и др. Среди реклам этого треста и предприятий, входивших в него, тексты, созданные Маяковским, не выявлены.

...и сукна... – Речь идет о рекламе для треста «Моссушно». Известен ряд текстов Маяковского для этого объединения.

...в рекламу б выдал гумских дам. – Среди реклам Маяковского для ГУМа (Государственный универсальный магазин) есть реклама товаров для женщин.

...битвы революций посерьезнее «Полтавы»... – Ср. в «Лирическом отступлении» Н.Н. Асеева:

Мир суровый, мир лиловый,
Страшный, мертвый мир былого,
Мир, где от белья и мяса
Тучи тушами дымятся,
Где стреляют, режут, рубят,
Где губами
жгут и губят,

Теми ж,
— ими же болтая,
Об эпитетах в «Полтаве»!
Я доволен буду малым,
Если грохнет он обвалом.

Бойтесь пушкинистов. — Имеются в виду те литераторы, которые стремились противопоставить Пушкина новым поэтам, в том числе Маяковскому. Одним из адресатов мог быть В.Ф. Ходасевич. Свой «пушкинизм» он декларировал, в частности, в получившей известность речи «Колелебный треножник», прочитанной на Пушкинском вечере 14 февраля 1921 г., том самом, на котором выступал с речью Б.М. Эйхенбаум (*Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу.* Л., 1924). Общеизвестным было неприятие В.Ф. Ходасевичем футуристов, а затем лефовцев, в том числе Маяковского. «...С первого дня его появления длилась моя литературная (отнюдь не личная) вражда с Маяковским», — признавался он позже (*Возрождение.* Париж, 1930. 24 апр.). В 1922—1924 гг. он вел постоянную полемику с опоязовскими и лефовскими выступлениями. В 1924 г. в Ленинграде вышла его книга «Поэтическое хозяйство Пушкина» (она была издана без его корректуры, и он отвергал свое авторство). В книге Маяковский, правда, не упоминался, но велась полемика с двумя другими лефовцами — Н.Н. Асеевым и В.Б. Шкловским.

...состязается — с Державиным... — Сопоставление творчества Маяковского и Г.Р. Державина проводилось И.Н. Розановым (см. его статью 1922 г. «Ритм эпох» в книге «Литературные репутации». М., 1928. С. 5—22), а также рядом критиков-опоязовцев (см., напр., статью Ю.Н. Тынянова «Промежуток» — «Русский современник». 1924. № 4), откуда, видимо, пришло это сопоставление и к Маяковскому.

...невольник чести... — Слова из «Смерти поэта» М.Ю. Лермонтова.

На Тверском бульваре... — Памятник Пушкину находился в конце Тверского бульвара, при его пересечении с Тверской ул.; в ночь с 13 на 14 августа 1950 г. был передвинут на другую сторону Тверской, в центр площади.

ПРОЛЕТАРИЙ, В ЗАРОДЫШЕ ЗАДУШИ ВОЙНУ!

(С. 44)

Известия. М., 1924. № 176, 3 авг.; *Песни рабочим; Только новое; Соч. 4.* Авторизованная машинописная копия — ГММ. Р-5723; авторизованная машинопись, стк. 2, 18, 183, 236 вписаны автором — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 392.

Печатается по Соч. 4.

Датируется по первой публикации.

Текст машинописного экземпляра (ГММ) и сб. *Песни рабочим* имеет заглавие «Пролетарий, в зародыше задуши грядущую войну».

Стихотворение написано не позднее 2 августа 1924 г., к 10-летию Первой мировой войны.

Фирма Морган — группа американских финансовых монополий.

Крупп — военно-металлургический концерн империалистической Германии.

Флеш-рояль — набор карт в покере.

Кольт — система револьверов и других видов стрелкового оружия.

30 миллионов — число убитых, раненых и без вести пропавших в Первую мировую войну.

СЕВАСТОПОЛЬ–ЯЛТА

(С. 52)

Только новое; Соч. 2.

Беловой автограф 1 — Зап. книжки № 27 (ГММ); беловой автограф 2, с правкой и подписью — ГММ. Р-5313; беловой автограф 3 (ГММ). Кроме того, на обороте обложки Зап. книжки № 23 — заготовка рифм к стк. 86 — 92: «года — скандал».

Печатается по *Соч. 2* с исправлением в стк. 88 — 87: «трясут суетнёю мышиною» вместо «трясут суетнёю мышиною» по трем автографам и сб. *Только новое*, с уточнениями пунктуации и ритмической разбивки стихотворных строк по тем же источникам.

Датируется концом августа — началом сентября 1924 г.

Написано под впечатлением начала поездки в Крым и на Кавказ летом 1924 г. Из Москвы в Севастополь Маяковский выехал около 20 августа. Из Севастополя машиной доехал до Ялты, оттуда морем на пароходе «Севастополь» доплыл до Новороссийска. Затем от Владикавказа по Военно-Грузинской дороге доехал до Тифлиса, куда прибыл 28 августа. По свидетельству В.А. Катаняна, во время пребывания в Тифлисе стихотворение было передано в редакцию «Зари Востока», но напечатано там не было (*Катанян В.А. «Возьми строку и время верни...» // Звезда. 1977. № 1. С. 181*).

Дорога до Ялты будто роман: все время надо крутить. — Игра слов: «крутить руль / крутить роман». Также имеется в виду замысел романа, о котором сообщалось в июле 1923 г. в предисловии к сб. «Вещи этого года». Роман так и не был написан. «Роман дописал в уме, а на бумагу не перевел, потому что: пока дописывалось, проникался ненавистью к выдуманному и стал от себя требовать, чтобы на фамилии, чтоб на факте» («Я сам»).

Шашла (шасла) — сорт винограда.

...трясут суетнёю мышиною... — Ср. у Пушкина: «Жизни мышья беготня...» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»).

ВЛАДИКАВКАЗ–ТИФЛИС

(С. 55)

Заря Вост. 1924. 3 сент.; *Только новое*; Соч. 2. Вторая редакция – «Грузия» – Париж. вестн. 1925. 26 нояб. (см. «Другие редакции»).

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в первые дни пребывания в Тифлисе, куда Маяковский приехал 28 августа. Под первопечатным текстом указано место написания – «Тифлис», из чего можно заключить, что стихотворение было создано между 28 августа и 2 сентября.

В «Заре Востока» и «Только новом» – без подстрочных переводов и пояснений. В Соч. 2 с примечаниями: «"Ройльс" – марка автомобиля. "Мхолот шен эртс, рац, ром чемтвис Моуцлия маглидган гмертс..." – из грузинской народной песни "Тебе одной все, что дано мне с высоты Богом". Арсен – Джорджиашвили, грузинский революционер. Алиханов – генерал, усмиритель Кавказа. *Могчари* – молодое вино. *Кинто* – разносчик. *Шаури* – грузинские частушки».

После публикации в «Заре Востока» Маяковский повторил этот текст с небольшими поправками, часть которых была вызвана замечаниями его тифлисских собеседников, в «Только новом» (договор на издание сборника был подписан 3 октября 1924 г., рукопись сдана 11 октября, вышел он в феврале 1925). В другие сборники, выходявшие в 1925 и последующие годы, Маяковский стихотворение не включал. Под заглавием «Тифлис», как одно из стихотворений цикла «Путешествия», оно было упомянуто Маяковским в дополнениях к автобиографии «Я сам», которые он подготовил перед зарубежной поездкой 1925 г. Возвращаясь из поездки в Америку, во время пребывания в Париже в ноябре 1925 г., Маяковский вернулся к стихотворению и существенно его переработал. Он дал ему новое заглавие, радикально изменил композицию, часть текста была удалена (стк. 50 – 60, 124 – 132, 144 – 151, 173 – 182 первой редакции), одна строфа¹ (стк. 99 – 108) вписана заново, стилистическая и смысловая правка затронула почти треть строк. Перерабатывая текст, Маяковский прежде всего повысил личностное, лирическое начало в нем, а также уточнил последовательность строф в соответствии с исторической хронологией. Уезжая из Парижа, Маяковский оставил текст в редакции газеты, выпускавшейся советским полпредством, и стихотворение оказалось опубликованным, когда Маяковский уже вернулся в Москву. При подготовке Соч. 2 публикация в «Парижском вестнике» не была учтена.

В наст. изд. текст стихотворения впервые включается в собрание сочинений в раздел «Другие редакции» (см.: Козловский А.А. Неизвестная редакция стихотворения Маяковского «Владикавказ – Тифлис» // Твор-

¹ «Строфа» применительно к традиционной «лесенке» Маяковского понятие условное и подразумевает фрагмент текста с двумя парами перекрестных рифм.

чество В.В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М., 2008. С. 449—468).

Один из грузинских поэтов, С.И. Чиковани, с которым Маяковский неоднократно встречался в этот приезд в Грузию (его тифлисский адрес записан в зап. книжке того времени (№ 23): «Тифлис, пр. Руставели, № 22, в редакц. "Мнатоби", С. Чиковани»), вспоминал: «Затем он предложил всем нам (автору, Н. Чачава и Ж. Гогоберидзе) выслушать его новое, накануне написанное стихотворение "Владикавказ — Тифлис". Оно произвело на всех слушателей большое впечатление, но вокруг него разгорелся и наш первый спор. Нам показалось, что национальный вопрос, который мы все остро переживали, не был для Маяковского столь же острой проблемой. Эта сторона нашей жизни была для него далекой. В новом своем стихотворении он утверждал, что — "История — врун даровитый, бубнит лишь, что были цари да князьки — Ираклия, Ольги, Давиды". Мы поделились с автором своими сомнениями, сообщили ему, что в грузинской истории никогда не было никакой Ольги, а упоминание в данном ироническом контексте Ираклия и Давида — и неверно и нецелесообразно; что у каждой малой нации есть свои любимые герои и их третирование вряд ли оправдано. Он сначала спросил: "Неужто многовековая история Грузии не знает ни одной Ольги?" На наш отрицательный ответ он весело отшутился: "Вы футуристы и, наверное, плохо знаете историю Грузии!.." Мы объяснили: "В нашей истории известны деятели-женщины — просветительница Нина, царица Тамар и царица-мученица Кетеван. Известны также народные героини Майя Цхнети, Вашлованели и другие". Он задумался, затем остановился на имени Нина (хотя она не была ни царицей, ни княгиней) и заменил ею в стихотворении Ольгу. Нам же он сказал: "Не вижу в этих стихах ни одной оскорбительной для Грузии строчки, напротив, я сам себя объявил в нем грузином, внес в стихи грузинскую песню "Мхолот шен эртс". Песню эту я слышал давно и вообще очень люблю грузинские песни. Она же стала такой популярной, что уже превратилась в народную песню. Очень нравится мне и грузинская народная революционная поэзия, кое-что помню до сих пор наизусть". И он начал читать: "Ме вар Арсена Джорджиашвили... висроле бомби, мовкали мхеци, маграм мтарвалебс вер гавекеци..." ("Арсен я Джорджиашвили... Я бросил бомбу, убил я зверя, но палачи меня настигли...") И так — до конца. Мы смотрели на него, ошеломленные. А он продолжал: "Очень хорошо я запомнил в 1905 году стихи вашего поэта: "Мегобребо! Цин, цин гасцит, ну шедркеба тквени гули, де шублс брдзолис сисхли ачндес да гуле оплис на-кадули" ("О друзья! Вперед, вперед, да не дрогнет ваше сердце, пусть на лбу вашем кровавый след борьбы, а грудь ваша в ручьях пота")" и т.д. Стихотворение Иродиона Евдшвили "К друзьям", так же как и "Песню об Арсене Джорджиашвили", я и потом не раз слышал в его чтении. Каждый раз, когда мы проходили, например, по улице имени Джорджиашвили, он, как правило, тихонько басил: "Висроле бомби, мовкали мхеци, маграм мтарвалебс вер гавекеци".

Особая любовь и пристрастие оказались у него к грузинским народным частушкам, так называемым шаири. "В детстве я купался в Риони, и

после купания, растянувшись на песке, состязался в шаири с мальчишками. Некоторые строчки хорошо запомнились: "Нико, шени архалуки... Рогор гаакв брахабрухи". Или: "Нико, шени саати, хан цхраа, да хан ати" ("Что ж, Нико, твой архалук... Шум и треск терзают слух". Или: "Нико, твои часы... на них то девять, то десять"). Грузинские шаири великолепны, и поэт, который на их основе создаст жизнерадостную и веселую поэзию, — станет настоящим народным поэтом. Великая грузинская народная поэзия должна родить и настоящего певца нового времени". Он говорил о Грузии, о ее народной культуре как о чем-то очень своем и кровном. Казалось, ему доставляет удовольствие сам предмет нашей беседы, и он сознательно затягивал свой лирический монолог» (Чиковани С. Мысли. Впечатления. Воспоминания. М., 1968. С. 63 — 64).

Тамара (Тамар) (ок. середины 60-х годов XII в. — 1207) — царица Грузии. Ей посвящена поэма Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». В грузинском фольклоре, как и в фольклоре многих других народов, бытовали предания о царице-обольстительнице, обрекавшей на смерть своих любовников. С подобной царицей связывалось строительство замка в Дарьяльском ущелье. В народной молве образ ее иногда соединялся с образом исторической царицы Тамары. Однако в литературных и исторических источниках царица Тамара никогда не наделялась подобными чертами. Возможно, одной из причин того, что Маяковский во второй редакции снял данную «строфу», явилось его опасение исказить историческую оценку царицы Тамары.

«*Мхолот шен эртс...*» — Слова грузинского романа, который появился и получил распространение в Кутаиси в те годы, когда Маяковский учился там в гимназии, и, видимо, с той поры запомнился ему. Писатель и режиссер Ш.Н. Дадиани (1874 — 1959) в беседе с корреспондентом газеты рассказал: «В начале века в кутаисском театре к бенефису молодой актрисы Нуцы Чхеидзе готовилась постановка пьесы "Роковой шаг". В русском тексте пьесы была песня, которую я перевел в грузинские стихи, а молодой артист Н. Сарджвеладзе подобрал к ней мотив. Мы не ожидали, что песня приобретет популярность. Однако после первого же спектакля ее стали повсюду распевать. Позднее появились ноты грузинской народной песни "Мхолот шен эртс..." {...} Песню перевели с грузинского на русский язык, не зная, что она переложена с русского текста. Акакий Церетели выступил со статьей по поводу "Мхолот шен эртс" и написал свое оригинальное стихотворение на тему этой песни, желая показать, как она должна звучать. Романс хорошо запомнился Маяковскому. Однажды, отвечая на приветственный тост грузинского актера В. Гуния, он спел по-грузински "Мхолот шен эртс..."» (Глебов Г. Грузинская песня в стихотворении Маяковского // Заря Вост. 1940. 28 марта).

...я мечу, я, мститель Арсен, бомбы 5-го года.— Бомбой, брошенной рабочим-железнодорожником Арсеном Джорджиашвили (Джойяшвили Арсен Павлович, 1881 — 1906), в Тифлисе 16 января 1906 г. был смертельно ранен другой организатор карательных экспедиций, начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Федор Федорович Грязнов (1855 — 1906). Арсен Джорджиашвили был тогда арестован и казнен.

...от плеток всех Алихановых. — Генерал-лейтенант Максуд Алиханов-Аварский (1846 — 1907) в 1905 г. был военным губернатором Кутаисской губернии, в связи с революционными выступлениями возглавлял ряд карательных экспедиций (в «Я сам» Маяковский назвал его «усмирителем Грузии»), в результате покушений был неоднократно ранен, с 22 апреля 1907 г. — командующий Второй кавказской казачьей дивизией, 3 июля 1907 г. убит террористами.

И дальше история наша хмура. Я вижу правящих кучку. — После Октябрьской революции, в феврале 1918 г., образовался так называемый Закавказский сейм, который юридически оформил отделение Закавказья от России и 10(23) февраля 1918 г. провозгласил его «независимой федеративной демократической республикой». Образование оказалось недолговечным. 26 мая 1918 г. независимой республикой была провозглашена Грузия. В Грузии было образовано правительство во главе с Н.Жордания (1869 — 1953), которое оставалось у власти до 25 февраля 1921 г., когда Тифлис был занят частями Красной Армии.

Какие-то люди, мутней, чем Кура, французов чмокают в ручку. — Маяковский во второй редакции заменил в этой фразе «французов» на «британцев»: с декабря 1918 по июль 1920 г. на территории Грузии находились британские войска, с командованием которых активно взаимодействовало правительство Н. Жордания.

Еще омрачается день иной ужасом крови и яри. — В ночь с 27 на 28 августа 1924 г. в некоторых районах Грузии началось восстание, организованное так называемым Грузинским паритетным комитетом, объединявшим меньшевиков, эсеров и представителей других антибольшевистских партий. В течение нескольких дней с помощью армейских частей восстание было подавлено. В этот период города по ночам патрулировались. В частности, Маяковский, приехавший в Тифлис 28 августа, был однажды задержан таким патрулем (*Вержбицкий Н.* Встречи с Есениным. Тбилиси, 1961. С. 8 — 9; *Катанян В.А.* «Возьми строку и время верни...» // Звезда. 1977. № 1. С. 181).

ТАМАРА И ДЕМОН

(С. 60)

Красная новь. 1925. № 2, февр.; *Только новое; Американцам; ИзИз; Соч. 2.*

Черновой и белой автографы — Зап. книжка № 27 (ГММ).

Печатается по *Соч. 2* с исправлением в стк. 136 — 138: «Отсюда дашь хороший удар» вместо «Отсюда дам хороший удар» по автографам, «Красной нови», *Только новому, ИзИз.*

Датируется сентябрем — началом октября 1924 г.

Написано не позже 11 октября 1924 г. — времени сдачи в Госиздат рукописи «Только новое» (договор заключен 3 октября, рукопись сдана 11 октября), но, вероятнее всего, во время пребывания в Тифлисе, т.е. в начале сентября 1924 г.

Развивая заявленную в «Юбилейном» тему общности лирической проблематики, родства его лирического героя с героями русской классической литературы, Маяковский в этом стихотворении обращается к М.Ю. Лермонтову, творчество которого постоянно присутствовало в его поэтическом сознании. Здесь он умышленно соединил в ироническом переосмыслении два никак не связанных между собой лермонтовских персонажа. Коварная царица-обольстительница Тамара — это героиня баллады «Тамара», она никак не связана с «изгнанником рая». Другая Тамара — это героиня поэмы «Демон», дочь Гудала, возлюбленная Демона.

В рецензии, посвященной очередным номерам «Красной нови», это стихотворение выделил В.П. Друзин (см. примеч. к «Юбилейному»). Д.А. Горбов, напротив, заметил, что оно «не из удачных вещей» (Книгоноша. 1925. № 14, 16 апр. С. 8). Г.А. Шенгели в этом стихотворении усмотрел одно из подтверждений своего мнения, что Маяковскому будто бы свойственно «злое и презрительное отношение ко всякой ценности» (Шенгели. С. 7, 13).

Шумит, как Есенин в участке. — В печати в 1923 — 1924 гг. не раз появлялись различные материалы об инцидентах с С.А. Есениным. Так, например, в «Красном перце» появилась статья «Милицейская поэма о поэте», в которой приводились выписки из милицейских протоколов, связанных с тем, что 15 сентября 1923 г. в одно из московских отделений милиции из кафе «Стоило Пегаса» «был доставлен неизвестный гражданин в сильно пьяном виде». Участковый, установивший, что это был Есенин, записал в протокол: «При приводе в отделение он вел себя возмутительно. Кричал: хам, сволочь, взяточник, жандарм и пытался наброситься на меня с кулаками, но был милиционером удержан. В этот момент в отделение явились две гражданки и поэт Мариенгоф и стали требовать настойчиво об освобождении поэта Есенина, на что я ответил в категорической форме, что гражданина Есенина не освобожу». Несколько милиционеров подтвердили эти показания и добавили, что Есенин «ломал барьер» (Красный перец. 1923. № 16, 1 дек. С. 11).

...поездом в Боржом, Луначарский... — Приезд А.В. Луначарского на отдых в Грузию в июне 1924 г. сопровождался рядом его выступлений и широко освещался в печати. 13 июня в «Заре Востока» была помещена беседа с ним под заголовком: «Отдохнуть и знакомиться с Закавказьем». На следующий день — корреспонденция о его выступлении на собрании работников просвещения Грузии.

...преду искусств — Петру Семенычу Когану. — Литературовед и критик П.С. Коган (1872 — 1932) был президентом («предом» — председателем) Государственной академии художественных наук с ее основания в 1921 г.

И пусть ~ про это пишет себе Пастернак... — Хотя Б.Л. Пастернак (1890 — 1960) к середине 1924 г. начал заметно отходить от Маяковского и его литературного окружения, Маяковский не переставал воспринимать его как одного из наиболее близких себе поэтов. В частности, в данном стихотворении можно отметить немало сходных мотивов и прямых

реминисценций из сборников Пастернака «Сестра моя жизнь» и «Темы и варьации». «Сестра моя жизнь» открывается словами «Посвящается Лермонтову», вслед за ними идет стихотворение «Памяти Демона».

...озверев от помарок... — Ср. со строками в стихотворении Пастернака «Шекспир»:

А меж тем у Шекспира
Остриль пропадает охота. Сонет,
Написанный ночью с огнем, без
помарок...

...треснетя ~ лестница... — такая же рифма есть в стихотворении Пастернака «Встреча».

О ДЕЛЕ 26-ти

(С. 65)

Заря Вост. 1924. 20 сент.; Красная нива. 1924. № 39, 28 сент.; *Только новое; Песни рабочим; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Печатается с исправлениями в стк. 1–2: «на эха помноженным» вместо «на эхо помноженным» по «Заре Востока», «Красной ниве» и *Только новое* (ср. в стихотворении «Шумики, «шумы и шумищи» — «По эхам города проносят шумы»; а также у И. Северянина «Где, несмотря на зной дней» — «Письмо на юг», сб. «Victoria Regia»), стк. 58–59: «у них аэроплан» вместо «у них аэропланы» по «Заре Востока» и *Песни рабочим*, стк. 252: «пройди по праву» вместо «пройдя по праву» по «Заре Востока», «Красной ниве» и *Песни рабочим*, стк. 291: «чем камень — памятник» вместо «чем камень памятника» по всем другим источникам. В качестве заглавия стихотворения автор изначально использовал часть заключительной строки первой строфы, выделив ее графически; в *Песни рабочим* даже в оглавлении значилось «О деле 26-ти». Постепенно выделение нивелировалось и в заглавии превратилась вся первая строфа. В наст. изд. восстановлена авторская конструкция заглавия.

В «Заре Востока» и *Песни рабочим* с рядом ред. и типогр. искажений, например: стк. 43: «И их рабы» (вместо «И их рабов»), стк. 49: «и надпись» (вместо «и подпись»), стк. 64: «фыркнет» (вместо «фыркает»), стк. 88: «ему» (вместо «вовсю»), стк. 149: «у их виска» (вместо «у ее виска»), стк. 156: «Машины капитала» (вместо «Машина капитала»), стк. 228: «старому в боль кулаку» (вместо «сжатому в боль кулаку») и т.п.

В «Красной ниве» — с «надзаголовком» «Поэма Вл. Маяковского».

В «Заре Востока», «Красной ниве» и Соч. 2 — без даты, с пометой под текстом «Тифлис». Судя по этой помете, стихотворение было написано во время пребывания в Тифлисе (28 авг. — 6 сент. 1924) и оставлено в редак-

ции газеты перед отъездом. Стихотворение было приурочено к шестой годовщине расстрела 26 бакинских комиссаров.

Эта годовщина отмечалась в Закавказье особо торжественно. Ей, в частности, был посвящен весь номер «Зари Востока» 20 сентября (в номере — «Памяти 26-ти» Ш. Элиава, «Дело 26 комиссаров» Г. Мусабекова, приветствие Президиума Исполкома Коминтерна, «Художник и монумент» Г.Б. Якулова и др.). Еще одна закавказская газета, «Бакинский рабочий», заказала стихотворения другим ведущим поэтам. Эти произведения (Н.Н. Асеев «Двадцать шесть», С.А. Есенин «Баллада о двадцати шести» и др.) были опубликованы в газете 22 сентября.

Бакинские комиссары (С.Г. Шаумян, П.А. Джапаридзе, М.А. Азизбеков, И.Т. Фиолетов и др.) были расстреляны утром 20 сентября 1918 г. на 207-й версте Закаспийской железной дороги близ станции Ахча-Куйма. В 1919 г. выяснением обстоятельств этого преступления занялся один из видных членов партии эсеров, В.А. Чайкин. Закаспийское правительство, в руках которого оказались попытавшиеся бежать в Астрахань бакинские комиссары, было в значительной мере сформировано эсерами. В.А. Чайкин обвинил в инициировании ареста и казни представителей английской миссии в Персии и Туркестане (см.: *Чайкин В.* К истории российской революции. Вып. 1: Казнь 26 бакинских комиссаров. М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922). Собранные В.А. Чайкиным материалы стали основой большинства последующих многочисленных публикаций. Близки к ним и описания, данные Маяковским (описания ареста и вывоза из Красноводска, зверства во время расстрела и захоронения и т.д.). Британские представители (генерал-майор В.М. Томпсон, командующий союзными войсками в Баку) отвергли обвинения в адрес английских офицеров, утверждая, что решения принимались властями Закаспийской области.

В 1920 г. прах расстрелянных был перенесен из Закаспия в Баку и захоронен на одной из площадей. В 1960 г. над братской могилой был открыт памятник работы С.Д. Меркурова.

В Соч. 2 с пояснениями: «*Сипаи* — темнокожие, колониальные войска англичан. *Степан* — Шаумян, *Алеша* — Джапаридзе. Бакинские комиссары. *Тиг Джонс* — английский полковник, организатор расстрела 26. *Орген Льва* — английский орден. *Гангу* — индийский революционер». В пояснениях явное непонимание текста: например, в Англии не было ордена Льва, автор использовал этот образ в сатирических целях («на шею *шакала* — орден *Льва*»). Эта и другие неточности позволяют предположить, что пояснения готовились не автором и внимательно им не просматривались.

Степан — Степан Георгиевич Шаумян (1878 — 1918); в 1918 г. — председатель Бакинского Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел.

Алеша — партийный псевдоним Прокофия Апраксионовича Джапаридзе (1880 — 1918); в 1918 г. — один из руководителей Бакинской коммуны.

Моллесон (Маллесон) Уилфред (1886 — 1946) — генерал-майор, в 1918 — 1919 гг. руководитель миссии Великобритании в Персии и Туркестане,

которая находилась в Мешед (Мешхеде). Некоторые документы переписки Маллесона и Р. Тиг-Джонса, связанные с судьбой бакинских комиссаров, опубликовал В.А. Чайкин в указанной выше книге.

Тиг Джонс (Тиг-Джонс) Реджинальд, капитан (1896–1983) (в «Заре Востока», «Красной ниве», *Только новое, Песни рабочим* его имя писалось ошибочно – Тигль Джонс, в *Соч. 2* – Тиг Джонс; ср. написание этого имени в стихотворении Н.Н. Асеева) – с конца марта 1918 г. до начала января 1919 г. был представителем Великобритании в Закаспийской области, в Асхабаде (Ашхабаде).

Рука, размахнись, раззудись, гуша! – парафраз стихотворения «Косарь» А.В. Кольцова

...*чем камень – памятник...* – В 1924 г. в печати широко обсуждался созданный Г.Б. Якуловым проект грандиозного монумента в память о 26 бакинских комиссарах, который намечалось возвести в Баку. Г.Б. Якулову посвятил свою «Балладу о двадцати шести» С.А. Есенин. Замысел Г.Б. Якулова реализован не был.

ПРОЧЬ РУКИ ОТ КИТАЯ!

(С. 73)

Известия. 1924. 21 сент.; *Только новое; Соч. 4.*

Машинопись с корректорскими пометами (наборная рукопись – «Известия») – ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 433.

Печатается по *Соч. 4.*

Датируется по первой публикации.

К началу 1920-х годов в ходе революции и гражданской войны произошел распад территории Китая на отдельные районы, во главе которых стояли отдельные, нередко противоборствующие между собой группировки. В частности, на юге страны образовался район со столицей в Кантоне (совр. Гуанчжоу), правительство которого составляли деятели левого крыла Гоминьдана во главе с Сунь Ятсеном. В августе 1924 г. в Кантоне начались столкновения между силами этого правительства и так называемыми бумажными тиграми – вооруженными формированиями, созданными буржуазными партиями. Эти формирования поддерживались и вооружались западными державами, в частности, через Гонконг. В этой связи в СССР было создано общество «Руки прочь от Китая», ставившее «своей первой задачей создать гласность вокруг китайского вопроса, не позволить (...) подготовить поход против китайского народа». 22 сентября 1924 г. в Москве в Большом театре состоялся митинг, организованный этим обществом, на котором выступали К.Радек, Сэн Катаяма (Япония), А.Мак-Манус (Англия) и др. На митинге, в частности, отмечалось, что «английские, французские, американские и японские военные корабли собрались у Кантона с угрозами по отношению к революционному демократическому правительству Юга и в настоящее время собираются у Шанхая» («Руки прочь от Китая!». М., 1924. С. 3).

Эй, Макдональд, не морочь, в лигах речами тая.— В резолюции митинга (см. о нем выше) отмечалось, что «лживыми фразами о мире они (лидеры западных держав, среди них — Д.Макдональд) стараются обмануть трудящиеся массы, за ширмой этих «мирных» фраз они проводят военную интервенцию в Китае» («Руки прочь...». С. 31). *Лига* — Лига Наций, международная организация (1919 — 1946).

В посольском квартале, цари точь-в-точь...— После подавления боксерского восстания, китайское правительство 7 сентября 1901 г. вынуждено было подписать протокол, согласно которому в Пекине выделялся особый район, который занимали иностранные миссии. В районе устанавливался их исключительный контроль, юридически китайцы даже не имели права проживать там. 31 мая 1924 г. советское и пекинское правительства подписали соглашение, провозглашавшее отказ от всех договоров, заключенных царским правительством, которые нарушали суверенитет Китая, от доли в контрибуции, наложенной на Китай в связи с боксерским восстанием.

...400 миллионов... — Население Китая в 1923 г. составляло 436 млн человек.

ХУЛИГАНЩИНА

(С. 75)

Красный перец. 1924. № 22, окт., без подписи; *Грозный смех.*

Черновой автограф — стк. 1 — 29 — Зап. книжка № 27 (ГММ).

Печатается по «Красному перцу».

Датируется по первой публикации.

В «Красном перце» — с рисунком Ю.А. Ганфа, изображающим трех хулиганов; в тексте — прямая отсылка к нему («вроде вот этой милой тройки»).

«Хулиганщина» — одно из первых произведений Маяковского, опубликованных в «Красном перце».

О теме хулиганства у Маяковского см. примеч. к стих. «Хулиган» и «Тип» в наст. томе.

СЕЛЬКОР

(С. 77)

Красный перец. 1924. № 24, окт., с подписью: В. М.; с рис. К.С. Елисеева; *Песни крестьянам;* Синяя блуза. М., 1926. № 3/4 [февр.], в сокращении — без стк. 1 — 10.

Черновой автограф — Зап. книжка № 27 (ГММ); там же, среди других тем — запись темы стихотворения: «Убийство селькора».

Печатается по сб. «Песни крестьянам» с исправлениями в стк. 31: «по-волчьи лацкая» вместо «по-волчьи лацкает» и в стк. 41: «небось не напишешь» вместо «небось не напишет» по черновому автографу.

Датируется по первой публикации.

Стихотворением открывался сб. «Песни крестьянам» (был сдан в издательство в январе, вышел в сентябре 1925 г.).

Движение рабселькоров возникло еще до революции, приобрело массовый характер в первые послереволюционные годы. В декабре 1923 г. прошло первое Всесоюзное совещание рабочих корреспондентов. Уже в это время обозначилась проблема преследований рабкоров и селькоров, мести им и даже убийств. В частности, 28 марта 1924 г. был найден убитым селькор Г.И. Малиновский (пос. Дымовка, Новоодесский район, Николаевский окр., Украина). Затем поступили сведения об убийствах селькоров П. Тихонова (Рославльский уезд), П. Свирина (Сызранский уезд), Дерюгина (Елецкий уезд), И. Фильченко (Новониколаевский уезд), Лебедева (Гомельский уезд) и др. На совещании редакторов центральных и местных газет, прошедшем 20–21 сентября в Отделе печати ЦК РКП(б), говорилось: «Самый большой вопрос о преследовании. Со всех редакций начинают поступать материалы о преследовании рабкоров. Убийство Малиновского и десятки процессов это подтверждают (...) Процесс Малиновского нужно будет сделать показательным процессом всесоюзного значения» (Красная печать. М., 1924. № 34, 26 сент. С. 11). Малиновский Григорий Иванович – член РКП(б) с 1920 г., в 1917 г. был солдатом петроградского гарнизона и принимал участие в революции, в Гражданскую войну был ранен и вернулся на родину инвалидом, принимал участие в общественной жизни, стал селькором, печатался в местных газетах, был убит группой односельчан. Суд над убийцами проходил в Николаеве 7–23 октября 1924 г. Трое убийц были осуждены и 3 февраля 1925 г. расстреляны (Селькор. М., 1925. № 1, 5 июня. С. 18).

НА ПОМОЩЬ!

(С. 79)

Красный перец. 1924. № 24, окт., с подписью: В. М.; с рис. К.С. Елисеева; *Грозный смех*, с произвольными выделениями в тексте (см. примеч. к стих. «Посмеемся!»).

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Красного перца».

Датируется по первой публикации.

...*вверх и вниз по Цветному*. – Цветной бульвар в Москве – одно из мест, где тогда собирались проститутки.

ПОСМЕЕМСЯ!

(С. 81)

Красный перец. 1924. № 25, нояб., с рис. Н.Н. Купреянова; *Грозный смех*.

Автограф неизвестен.

Стихотворение открывало сб. «Грозный смех», который был составлен Маяковским, но вышел после его смерти; корректуру он не правил.

В сборнике указано: «Обложка, монтаж и оформление книги В. Степановой». Книга построена на акцидентном наборе, в тексте — много оригинальных, контрастных, плакатного характера выделений (преимущественно полужирным рубленным шрифтом), которые явно определялись особенностями оформления. Текст данного стихотворения с подобными выделениями, а также с грубыми искажениями в стк. 4 и 63 («аж смеяться» вместо «аж смяться») и с авторским (?) вариантом стк. 64—65: «раструбливайте радостный смех!».

Печатается по «Красному перцу».

Датируется по первой публикации.

Написано к седьмой годовщине Октябрьской революции. 24 октября 1924 г. Маяковский выехал из Москвы в Париж. Текст явно был передан им в редакцию журнала до отъезда.

ПАРИЖ

Цикл был создан Маяковским под впечатлением пребывания в Париже в 1924 г. Это был его второй приезд в столицу Франции. Впервые он побывал там в 1922 г. (18 – 25 ноября). Тогда результатом поездки стали стихотворение «Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней» и цикл очерков. В 1924 г. Маяковский приехал в Париж 2 ноября, рассчитывая получить американскую визу и отправиться в кругосветное путешествие, но получить визу не удалось, и, пробыв в Париже больше полутора месяцев, около 20 декабря он уехал обратно в Москву.

В Париж Маяковский приехал сразу по завершении одного из крупнейших своих произведений – поэмы «Владимир Ильич Ленин», над которой он непосредственно работал более полугода, с апреля по октябрь. Перед отъездом он неоднократно читал поэму, организовал широкую публикацию отрывков в периодике, заключил договор на ее отдельное издание. Маяковский стремился развивать найденное в ходе этой работы новое в образной системе и интонационном строе гражданской поэзии. Недаром в «Я сам» в непосредственной связи с итогами работы над поэмой он так определил одну из своих главных задач на 1924 г.: «Много езжу за границу. Европейская техника, индустриализм, всякая попытка соединить их с еще непролазной бывшей Россией – всегдашняя идея футуриста-лефовца».

Эта проблема, несомненно, занимала его в период пребывания в Париже. Кроме того, перед поездкой он взял аванс в «Красном перце», надеясь, видимо, написать серию сатирических и юмористических стихотворений по новым зарубежным впечатлениям. Но всем этим намерениям суждено было реализоваться лишь частично. Пребывание в Париже вызвало у Маяковского неожиданно для него самого стремление к лирике. Через месяц после приезда, 6 декабря 1924 г., он писал Л.Ю. Брик: «Все время ничего не делал, теперь опять начинаю. К сожалению, опять тянет на стихи – лирик!» Этими стихами и стал цикл «Париж».

Ни черновые, ни беловые рукописи стихотворений цикла неизвестны. Сам поэт эти стихи в печати не датировал. Поэтому о времени создания каждого из них и о последовательности их написания можно судить лишь по косвенным данным.

В воспоминаниях о пребывании Маяковского в Париже в 1924 г. Эльза Триоле прямо называет два стихотворения: «Город» и «Верлен и Сезанн» как написанные в этот период (см. *Восп.* 1993. С. 60 – 63). Ю.П. Анненков, постоянно общавшийся с поэтом в течение этих полутора месяцев, вспоминает, что Маяковский читал ему стихотворение «Nôtre-Dame» (*Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 189 – 190*). Живые, не-

посредственные, «сиюминутные» впечатления от пребывания в Париже звучат едва ли не в каждом стихотворении. В них почти нет «дистанцированности», которая должна была бы возникнуть, если бы был существенный временной разрыв между пребыванием в Париже и написанием стихотворений цикла. Все это позволяет предположить, что стихи цикла были созданы, скорее всего, или во время пребывания в Париже, или сразу по возвращении в Москву.

Одним из косвенных подтверждений этого может служить то, что 3 февраля 1925 г. в Киеве Маяковский выступал с публичным чтением стихотворений цикла. По воспоминаниям Н.Ф. Рябовой, поэт прочитал практически весь цикл, в ее перечислении отсутствуют только «Версаль» и «Nôtre-Dame» (*Хроника 1985*. С. 293; афиша выступления неизвестна).

Учитывая все это, стихотворения цикла датируются 1924 г.

Однако с публикацией цикла Маяковский не спешил. В период пребывания во Франции печатать эти стихи он не мог: газета советского полпредства «Парижский вестник» еще не выходила, а ни одна эмигрантская газета печатать его не рискнула бы. Лишь через полгода после возвращения в Москву, накануне новой поездки (на этот раз в Мексику и США, по дороге туда и на обратном пути он вновь побывал в Париже), Маяковский сдал в издательство «Московский рабочий» рукопись цикла для выпуска отдельной книгой. Несколько стихотворений, также незадолго до отъезда, он передал в редакции «Прожектора», «Огонька» и «Красной нови». Эти стихи были опубликованы в июне – июле 1925 г., когда Маяковского уже не было в Москве. Также в отсутствие Маяковского в октябре 1925 г. вышла книга «Париж».

Уезжая за рубеж в мае 1925 г., Маяковский захватил с собой рукописи стихов этого цикла. В Париже, где он был с 28 мая по 20 июня, он передал некоторые из них в газету «Парижский вестник», где они и были напечатаны 3 и 24 июня. Таким образом, последовательность появления стихотворений в печати оказалась обратной последовательности их передачи в редакции.

Маяковский всегда ощущал тесную взаимосвязь стихов данного цикла между собой. Подчеркивая их внутреннее единство, продуманность их объединения в цикл и его композиционную целостность, он иногда называл этот цикл поэмой. Так, публикуя в «Парижском вестнике» четыре стихотворения («Еду», «Город», «Кафе», «Прощанье»), он дал им единое заглавие – Из поэмы «Париж». Стихотворения «Еду» и «Город» при публикации в «Прожекторе» также получили заглавие «Париж. Из поэмы Владимира Маяковского». Аналогичный подзаголовок получило в этом же журнале стихотворение «Верлен и Сезанн». Позже в «Я сам» он назвал этот цикл «Поэмой из отдельных стихов». Композиция цикла, установленная при подготовке отдельного издания в 1925 г., была точно повторена в *Соч. 2*.

Вероятно, именно композиционными соображениями, связанными с формированием цикла как произведения прежде всего *лирического*, обусловлено то, что в цикл не вошло стихотворение «Флаг». Оно явно было

создано одновременно с остальными стихами цикла, тоже было связано с впечатлениями от пребывания в Париже в эти полтора месяца (посвящено церемонии подъема советского флага на здании посольства, на которой присутствовал Маяковский), но имеет прежде всего публицистический характер.

ЕДУ

(С. 83)

Париж. вестн. 1925. 3 июня; Прожектор. 1925. № 12, 30 июня; *Париж*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

В «Парижском вестнике» вместе со стихотворениями «Город», «Кафе» и «Прощанье» под общим заглавием «Из поэмы "Париж"». В «Прожекторе» вместе со стихотворением «Город» под заглавием «Париж. Из поэмы Владимира Маяковского».

В Соч. 2 с пояснением: «*Этуаль* — в Париже есть площадь *Этуаль*. "*Этуаль*" — по-французски "звезда"; *этуаль* — первоклассная шантанная певица».

Афишный вариант заглавия «Берлин—Париж» (Идем путешествовать! 1927).

...и та *Этуаль*... — la place de l'Étoile — одна из центральных площадей Парижа, круглой формы, радиусом 120 м, от которой лучами расходятся 12 крупных магистралей.

Эх, раз, еще раз... — Парафраз припева из цыганского романса «Две гитары за стеной...»; в бытовании припев нередко соединялся с различными песенными переделками стихотворения Аполлона Григорьева «Две гитары, зазвенев...».

ГОРОД

(С. 85)

Париж. вестн. 1925. 3 июня; Прожектор. 1925. № 12, 30 июня; *Париж*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

В «Парижском вестнике», вместе со стихотворениями «Еду», «Кафе» и «Прощанье» под общим заглавием — «Из поэмы "Париж"». В «Прожекторе» вместе со стихотворением «Еду» под заглавием «Париж. Из поэмы Владимира Маяковского».

В «Прожекторе» и «Париже» с подстрочными переводами французских фраз: «*Стакан "Кото"* придает энергию» (Прожектор), «*Стакан Кото*

дает энергию» (*Париж*) и «Я верблюд». В *Соч. 2* с переводами и пояснениями: «*"Un verre de Koto donne de l'energie"* – реклама напитка: "Стакан Кото укрепляет энергию"; «*Je suis un chateau*» – «Я верблюд»; «*Елисейские поля* – улица в Париже. *Вангомская колонна* – памятник в Париже. *Place de la Concorde* – площадь Согласия».

Афишные варианты заглавия: «Париж» («Там и у нас», «Дирижер трех Америк», «Мое открытие Америки», все – 1925), «Кому я попутчик» («Нью-Йорк и Париж», 1926).

Эррио Эдуар (1872–1957) – в 1924–1925 гг. премьер-министр Франции.

«*Un verre de Koto donne de l'energie*» – Вероятно, искаженный текст. В пояснениях к тексту, имеющихся в прижизненных изданиях, указано, что «Koto» – это наименование напитка («реклама напиток» – примеч. в *Соч. 2*). Однако ни в одном из словарей французского языка такого названия напитка обнаружить не удалось. В словарях отмечены два значения этого слова: 1) дерево из тропической Африки, древесина которого используется для отделки, 2) название японского музыкального инструмента. Следует к тому же учитывать, что подобное написание (через «k») во французском языке имеют заимствованные слова (типа: knout – кнут, kolkhoz – колхоз, kimono – кимоно и т.п.) и имена собственные (фамилии, географические названия: Kafka, Kipling, Kiev, Кенуа и т.п.). Во французском языке есть другое слово, которое произносится так же – «koto», но пишется иначе: «coteau»; оно означает небольшой холм, пригорок, так называют также склон холма, занятый виноградником. Это слово встречается в названиях многих вин, обычно в сочетании с наименованием местности. Например: «Coteaux de l'Aubance», «Coteaux d'Ancenis», «Coteaux de Saint-Cristol», «Coteaux du Languedoc», «Coteaux du Loir», «Coteaux de Saumur» и т.п. (*Adam A. Dictionnaire illustré des vins France. Bruxelles, 1975*). Скорее всего Маяковский подразумевал название одного из подобных вин или соответствующую рекламу. Это предположение подкрепляется тем, что в тексте непосредственно вслед за данной рекламной фразой идут слова: «Вином любви...»

Однако необходимо отметить, что Эльза Триоле так вспоминала о жизни Маяковского в отеле «Истрия»:

«Володя без пиджака то сидел боком к столику у окна, выходявшего на улицу Кампань-Премьер, то вставал, подходил к ночному столику, на котором лежала открытая записная книжка, твердя что-нибудь вроде: "*Un verre de Koto donne de l'energie...*", фраза, которая торчала у него перед глазами, намалеванная огромными буквами на кирпичной стене не застроенного тогда еще участка по другую сторону улицы, за окном» (*Восп. 1993. С. 62*).

Правда, воспоминания Эльзы Триоле об этом периоде жизни Маяковского в Париже во многом представляют собой пересказ его стихов, и она могла в данном случае просто механически повторить фразу из его текста.

Ю.П. Анненков также в своем переводе этого стихотворения на французский язык (*Paris et poèmes divers. P., 1958*) оставил это выражение как в *Соч. 2*.

Хотя свидетельства Э.Ю. Триоле и Ю.П. Анненкова игнорировать нельзя, все же, вероятнее всего, в тексте имеется ошибка. Она могла возникнуть при перебеливании текста для публикации или при восстановлении рекламной фразы по памяти. Обращает на себя внимание, что в одной из прижизненных публикаций (в «Прожекторе») начало фразы напечатано в варианте «Un verge de Coteau...». Оригинал рекламы не найден.

...кому я, к черту, попутчик! — Термин «попутчик» получил хождение после появления работы Л.Д. Троцкого «Литература и революция» (1922; отд. изд. 1923). В главе «Литературные попутчики революции» он говорил о писателях, «литературный и вообще духовный облик» которых, как он считал, «создан революцией», но которые «не охватывают революции в целом, и им чужда ее коммунистическая цель». К ним автором были отнесены: Н. Клюев, С. Есенин, «Серрапионовы братья» (Вс. Иванов, Н. Никитин, Н. Тихонов), Б. Пильняк и некоторые другие. Вскоре термин стал употребляться значительно шире. Критики левацкой ориентации начали относить к попутчикам всех писателей, которые приняли революцию, но не придерживались узкопартийных позиций и не входили в их группировки, в том числе и Маяковского. В Париже Маяковский столкнулся с одним из лидеров подобной критики, Б.М. Волиным (наст. имя и фам. И.Е. Фрадкин, 1886 — 1957). Он был одним из вдохновителей и редакторов журнала «На посту», в котором шли систематические нападки на «Леф» в целом и на Маяковского в частности. В первом номере (июнь 1923) Б.М. Волин поместил статью «Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик», которую завершал так: «Для нас совершенно очевидно, что у него (Брика) накопилось достаточно озлобленности, чтобы ею брызгать в партию, ее работников и ее организацию» (стб. 27). В этом же номере другой критик, Г. Лелевич, писал о Маяковском: «Если он не произведет переоценки ценностей и не заменит футуристического сумбура марксистским мирозерцанием, он останется талантливым попутчиком революции, не передавшим подлинного смысла ее. В этом случае, вероятно, он немного добавит к тому, что уже дал» (стб. 147 — 148).

Если б был я Вандомская колонна, я б женился на Place de la Concorde. — Вандомская колонна, имитирующая один из памятников античного Рима — колонну императора Траяна, была воздвигнута по распоряжению Наполеона I в 1806 — 1810 гг. Воспринималась как символ императорской власти. В этой связи по декрету Парижской Коммуны была в 1871 г. снесена. После поражения Коммуны в 1875 г. была восстановлена. Площадь Согласия (place de la Concorde) — одна из самых крупных и прославленных площадей в мире, в центре ее — Луксорский обелиск, от нее начинаются Елисейские Поля. На ней были гильотинированы в 1793 г. Людовик XVI, Мария-Антуанетта, Шарлотта Корде и др., а в 1794 г. — М. Робеспьер, Л. Сен-Жюст, Ж.Кутон и другие якобинцы. С 1795 г. на площади казни не проводились, ей дали имя площадь Согласия, которое утвердилось в 1830 г. Для Маяковского эта площадь была связана с идеями и образами революции («луна — гильотинная жуть»), именно на ней происходил его воображаемый разговор с Эйфелевой башней («Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней»). Возможно, именно поэтому у него сблизилась наименования этих двух архитектурных памятников, как прямо связанных с крупнейшими революционными событиями.

ВЕРЛЕН И СЕЗАНН

(С. 88)

Париж. вестн. 1925. 24 июня; Прожектор. 1925. № 13, 15 июля; *Париж*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Печатается с уточнениями в написании французских текстов и некоторых личных имен (Сезанн вместо Сезан, Ван Гог вместо Ван-Гог; в данном случае это не особенности авторских написаний, а принятые тогда в некоторых редакциях нормы — см., напр.: *Кур.* 1922. № 4. С. 55; Пунин *Н.Н.* Первый цикл лекций. Пг., 1920. С. 73—74, и др.).

В «Прожекторе» — с заглавием «Париж. Из поэмы Владимира Маяковского».

Афишный вариант заглавия «Сезанн и Верлен» (Нью-Йорк и Париж, 1926).

В «Прожекторе» и «Париже» — с подстрочным переводом: «*Comment ça va cher camarade Verlaine?*» — «Как поживаете, дорогой товарищ Верлен». В «Прожекторе», кроме того, франкоязычные выражения в стк. б, 14 и 16 даны в русской транскрипции. В Соч. 2, кроме перевода приведенной выше фразы, даны еще пояснения: «*Поль Сезанн* — французский художник. «*Ротонга*» — кафе в Париже».

По свидетельству Э. Триоле, написано в Париже в ноябре — декабре 1924 г. (см. *Восп.* 1993. С. 62—63). Записная книжка, которую упоминает Э. Триоле, и другие рукописи стихотворения неизвестны, поэтому документальных подтверждений даты нет.

Проблематика стихотворений парижского цикла в целом и данного стихотворения в частности в основе своей была связана с тем кругом настроений и тем, которые занимали Маяковского на родине. В центре — одна из его идей о необходимости сплочения единомышленников в искусстве, о тесном союзе писателей, поэтов, художников, режиссеров, актеров, исповедующих единые взгляды («Долой границы стран и студий!.. Да здравствует единый фронт левых» — «Товарищи — формовщики жизни!». 1923). Правда, избранный автором пример взаимоотношений двух великих французских мастеров Поля Верлена (1844—1896) и Поля Сезанна (1839—1906) не слишком оправдан. Сезанн не писал портретов Верлена, да и характер поэта, образ его жизни вряд ли мог вызвать симпатии художника (см.: Сезанн: Дневники. Воспоминания современников. М., 1972. С. 285, и др.). Так что главным своим острием стихотворение, открыто декларировавшее приверженность автора традициям «проклятых» поэтов, было направлено против идеологов таких объединений, как ВАПП или АХРР, отрицавших эти традиции.

В стихотворении также можно видеть косвенные отсветы литературного скандала, разразившегося во Франции в дни пребывания Маяковского там. Незадолго до его приезда в Париж, 12 октября 1924 г., умер

Анатоль Франс. Во Франции это было встречено далеко не однозначно. С эпатирующими заявлениями выступили некоторые представители литературного авангарда. Появился памфлет «Труп», который составили участники складывавшейся тогда группы сюрреалистов — П. Дрие ла Рошель, Ф. Супо, П. Элюар, А. Бретон, Л. Арагон, Ж. Дельтей. «Пусть будет праздником день, когда мы хороним хитрость, традиционализм, патриотизм, оппортунизм, скептицизм, реализм и неискренность!» — писал, например, А. Бретон. Л. Арагон назвал А. Франса «омерзительным фигляром духа» и, заявив: «Я считаю любого почитателя Анатоля Франса дегенератом», обрушился на всех чтящих его память, в том числе и на «слабоумную Москву» (Антология французского сюрреализма. М., 1994. С. 80—83). В декабре вышел резкий, направленный против А. Франса номер «Clarté» (перед самым приездом Маяковского в этом журнале появился перевод его стихотворения «Сволочи» — Clarté. 1924. 1 oct. P. 417).

В Париже Маяковский находился по большей части в окружении художников и писателей, близких к этим кругам. «Помню, был завтрак, устроенный в честь Маяковского писателями-универсалистами, на котором присутствовали Жорж Дюамель, Жюль Ромен, Вильдрак, Дюртен, Мак-Орлан... — вспоминала Э. Триоле. — Были у художника Робера Делоне, где Маяковский познакомился с поэтом-дадаистом Тристаном Тцара... Как-то в компании ходили куда-то на Монмартр с поэтом-сюрреалистом Роже Витраком...» (Восп. 1993. С. 73). В ноябре—декабре 1924 г. Маяковский неоднократно встречался с И. Голем (он ранее перевел отрывки из нескольких произведений Маяковского на французский и немецкий языки: Les cinq continents. Antologie mondiale de poésie contemporaine / Etabl. par Yvan Goll. P., 1922; Menschen. Dresden; P., 1921. N 3), письмо от которого он получил в Москве в июле 1924 г. В этот период И. Голь был связан с начинавшимся сюрреалистическим движением, в октябре 1924 г. он выпустил сборник, который так и назывался «Сюрреализм». Судя по всему, Маяковский мог слышать о разразившемся скандале, тем более что его причиной послужили выступления, напоминавшие относительно недавние выступления самого Маяковского и его друзей первых лет футуризма. О том, что Маяковский в определенной мере был вовлечен в эти литературные споры, свидетельствует интервью, которое он дал в ноябре 1924 г. одной из парижских газет. Отвечая на вопрос интервьюируемого его В.С. Познера, что он думает о французской литературе в целом и, в частности, о современной литературе, Маяковский ответил: «Ничего», — но многозначительно оговорился, что ему «очень трудно иметь мнение на этот счет», поскольку он не говорит по-французски. Из этого замечания можно предположить, что косвенно он был в курсе дела. Интересно, что, отвечая на вопрос о том, кто является наиболее характерным французским писателем, Маяковский сказал: «Раньше я считал, что Верлен. Теперь я не знаю» (Le Journal Littéraire. P., 1924. 29 nov.). Возможно, возникновение имени П.Верлена в этой беседе было связано с работой над данным стихотворением.

...в *отеле Istria*... — «Гостиница "Истрия", где останавливался Маяковский, изнутри похожа на башню: узкая лестничная клетка с узкой лестницей, пятью лестничными площадками без коридоров; вокруг каждой площадки — пять одностворчатых дверей, за ними — по маленькой комнате. Все комнаты в резко полосатых, как матрацы, обоях, в каждой — двуспальная железная кровать, ночной столик, столик у окна, два стула, зеркальный шкаф, умывальник с горячей водой, на полу — потертый желтый бобрин с разводами», — вспоминала Э. Триоле (*Восп. 1993. С. 62*).

Добрый вечер, м-г Тургенев. Добрый вечер, м-те Виардо. — «Смутно выплывает чья-то большая квартира, люди, толчея, писатель Ясинович, автор тогда нашумевшей книги "Гоа-Юродивый", и все это — люди, писатель, картины на стенах, книги — имеет какое-то отношение к семье Виардо, к певице Полине Виардо, возлюбленной Тургенева, и к самому Тургеневу. Помню заинтересованного, даже взволнованного Маяковского...» (Э. Триоле — *Восп. 1993. С. 73*).

«Лицом к деревне» — заданье дано... — Лозунг, выдвинутый по итогам XIII съезда РКП(б) (23 — 31 мая 1924). Под таким названием в 1924 г. вышел большой сборник материалов съезда, посвященных работе в деревне. Соответствующие задачи выдвигались и перед литературой. А.В. Луначарский, например, писал: «Казалось бы, лозунг смычки с деревней есть лозунг чисто политический. Тот или другой буржуазный критик, особенно зарубежный, может хихикнуть по поводу того, что такой лозунг является в то же время как бы приказом поэтам. Ну-ка, советский поэт, "воспой смычку". Но такой хихикающий буржуазный критик сам смешон и жалок, а хихиканье его сейчас же потонет в первых же бодрых звуках свежей и мужественной мелодии Ивана Доронина» (Октябрь. 1924. № 3, сент. — окт. С. 178). Сам Маяковский в 1923 — 1924 гг. создал целый ряд лубков, плакатов и других агитационных произведений, обращенных к деревне; в 1925 г. выпустил сборник «Песни крестьянам». По этому поводу А.К. Воронский замечал в 1925 г., что Маяковский тему крестьянства «оставил за бортом своего творчества» и что «лицом к деревне» — это не плохой лозунг и для Маяковского (Воронский А. Литературные типы. М., 1925. С. 35).

А тут и ГУС отверзает уста ~ «простой кустарь, без мотора». — По налоговому законодательству писатели приравнивались к «ремесленникам и кустарям, не имеющим заведений, облагаемых промысловым налогом» (Положение о подоходно-поимущественном налоге с частных и юридических лиц от 12 ноября и 20 июня 1923 г.; подробнее см. примеч. к стих. «Разговор с фининспектором о поэзии»). ГУС — Государственный ученый совет, существовал при Наркомпросе. Издательская деятельность тогда была подведомственна Наркомпросу, поэтому это ведомство занималось толкованием вопросов о принципах налогообложения лиц, занятых литературным трудом, и их приравнивании к тем или иным социальным категориям.

...товарищ Вардин расivistывать — свои резолюции?! — Публицист и литературный критик Ил. Вардин (И.В. Мгеладзе, 1890 — 1941) в 1923 — 1924 гг. занимал пост зав. подотделом печати ЦК РКП(б). Ближайшим поводом к реплике могло послужить то, что к проходившему 9 мая 1924 г.

совещанию по вопросу о политике партии в области художественной литературы, на котором он выступил с докладом, им была подготовлена выдержанная в ультрасектантских формулировках резолюция, которая, например, предусматривала «решительное изгнание» из издательств произведений, «извращающих социальные, политические и бытовые черты нашей революции» (К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 29). Под подобные формулировки естественно могли подпасть и произведения Маяковского. Резолюция Вардина принята не была, а сам он был снят с занимаемого поста.

...как пог хвост вожжа, бывало, от вашего имени. — Ближайшим поводом для этой реплики мог послужить ряд резко критических заявлений и деклараций АХРР, направленных против новых художественных течений, в том числе и во французском искусстве, в которых прямо упоминалось имя П. Сезанна. В одной из деклараций (май 1924), например, говорилось, что АХРР «явилась логическим противовесом развитию и увлечению крайними, так называемыми левыми течениями в искусстве для обнаружения их мелкобуржуазной предреволюционной упадочной сущности, выразившейся в попытке перенесения переломных форм искусства Запада, главным образом французского искусства (Сезанн, Дерен, Пикассо), на чуждую им экономически и психологически почву» (Ассоциация художников революционной России. М., 1973. С. 300).

Большущее имя взяли АХРР ~ рисуют кто поцекистей. — Ассоциация художников революционной России (АХРР) возникла в мае 1922 г. под флагом борьбы с художественным авангардизмом. Одним из главных направлений ее деятельности изначально стал официальный парадный портрет. При этом наряду с портретами военачальников, партийных и государственных деятелей на выставках появлялись и портреты деятелей культуры, близких по своим позициям этому объединению. Так, например, на VI выставке АХРР «Революция, быт и труд» (Москва. Исторический музей. 29 янв. 1924) были представлены портреты М.П. Герасимова и В.Т. Кириллова, В.В. Казина, И.М. Касаткина, одного из лидеров «напостовства» Б.М. Волина (худ. Е.А. Кацман). На VII выставке (Москва. Музей изящных искусств. 8 февр. — 15 марта 1925) — три портрета А.В. Луначарского (худ. В.В. Журавлев, Н.П. Шлейн и Е.А. Кацман), П.С. Когана и Л.С. Сосновского (худ. Е.А. Кацман) и т.п.

В сб. «Париж» две строфы, направленные против АХРР (стк. 228 — 248), были опущены. Возможно, это был временный тактический ход автора, стремившегося одно время снизить уровень полемики с такими объединениями, как ВАПП и АХРР. Но поскольку в «Прожекторе» эти строфы в тексте стихотворения были сохранены (рукопись стихотворения в этот журнал была сдана, скорее всего, в одно время со сдачей рукописи сб. «Париж» в издательство «Московский рабочий», незадолго до отъезда поэта в Америку), логичнее предположить, что в данном случае это купюра, самовольно сделанная издательством в то время, когда поэта не было в Москве.

...за окном «Ротонды». — Кафе на Монпарнасе, на пересечении бульваров Монпарнас и Распай: «...у самых углов, которые вдаются в эту пло-

щадку, от входа сюда же еще трех улиц, весело сверкает по вечерам своими разноцветными огнями "Café de la Rotonde", в местном просторечии попросту – "Ротонда". Много есть кафе того же наименования в Париже в его разных кварталах... но ни одно не имеет той славы...» Отметив, что это кафе – излюбленное место встреч представителей богемы самых разных стран, журналист продолжал: «Это не то, что, например, вторичные собрания в соседнем "Closerie des Lilas", где заседал когда-то еще Верлен и где еще до сих пор собираются французские критики, поэты, журналисты, модернисты стиля и поэзии, новаторы и истолкователи искусства и творчества. Среди завсегдатаев "Ротонды" трудно сказать, какая нация доминирует» (Посл. нов. 1922. 17 июня).

NÔTRE-DAME

(С. 95)

Альм. «Красная новь». М., 1925. № 1; *Париж; ИзИз; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2* с уточнениями в написании французских текстов.

Датируется по первой публикации.

В альманахе «Красная новь», *Париж* и *ИзИз* франкоязычные наименования в стк. 88 и 94 даны в русской транскрипции: «Знак Зоро» и Бульмиш. В «Красной нови» с примечанием: «*Бульмиш* – бульвар Сен-Мишель (на парижском аргю)». В *Соч. 2* с переводами и пояснениями: «*Nôtre-Dame* – собор Парижской Богородицы. *Блаженный Васья* – церковь Василия Блаженного в Москве, "*Signe de Zorro*" – "Знак Зорро", кинолента. *Voul'-Mich'* – бульвар в Париже».

Афишные варианты заглавия: «Нотр-Дам» (Нью-Йорк и Париж. 1926) и «Собор Парижской Богородицы» (Идем путешествовать! 1927). Перевод на французский язык (Л. Арагон?) в журнале: *Le surréalisme au service de la révolution*. P., 1930. N 1.

Об авторском чтении этого стихотворения в Париже вспоминал Ю.П. Анненков. Хотя он был склонен относить стихотворение не к произведениям 1924 г., а к более поздним (он усматривал в нем рост «предвзятости» и «разложения»), сам факт чтения «*Nôtre-Dame*» по ряду признаков можно скорее отнести к октябрю – ноябрю 1924 г., когда Ю.П. Анненков и Маяковский неоднократно встречались в Париже, оба вместе приветствовали на вокзале прибывшего в Париж первого посла СССР во Франции Л.Б. Красина, присутствовали на церемонии подъема советского флага на здании посольства (см.: *Анненков Ю.П. Дневник моих встреч*. М., 1991. Т. 1. С. 187 – 197).

«*Signe de Zorro*» – название американского приключенческого фильма («*The mark of Zorro*», 1920; реж. Фред Нибло, в ролях Дуглас Фербенкс и Матильда де ля Мотт); в советском прокате с 1925 г.

Boulmiche — сокращенное разговорное наименование одной из центральных улиц Парижа — бульвара Сен-Мишель. Ср. популярное в 20-е годы название Тверского бульвара — *Твербуль*.

ВЕРСАЛЬ

(С. 98)

Красная новь. 1925. № 5, июнь; *Париж; ИзИз; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2.*

Датируется по первой публикации.

В *Соч. 2* с примечаниями: «*Бенуа* — русский художник. *Антуанетта* — Мария-Антуанетта, французская королева, казненная во время революции».

Выделил в журнальном обзоре это стихотворение В.П. Дружин: «Великолепен "Версаль" Маяковского. Этот, так часто халтурящий поэт опять показал, что он может сделать, если захочет. Непринужденные, разговорные интонации, лаконичность выражения, подлинное остроумие и главное — нужный подход к теме. Версаль показан как место отдохновения, оплот французской монархии» (*Звезда*. 1925. № 4 [июль — авг.]. С. 293).

Капет — династия Капетингов находилась на французском престоле с 987 по 1328 г. Людовик XVI, которого имеет в виду Маяковский, принадлежал к династии Бурбонов.

Большой Трианон и Маленький — дворцы в Версале. Малый Трианон строился по просьбе фаворитки Людовика XV маркизы де Помпадур (1721 — 1764); но был завершен после ее смерти, и в нем обитала следующая фаворитка — графиня Дюбарри (1746 — 1793). При Людовике XVI этот дворец стал излюбленным местом пребывания королевы Марии-Антуанетты.

... в акварель *Бенуа*, к каким-то стишкам *Ахматовой*. — Ни акварели, ни какие-либо другие иллюстрации А.Н. Бенуа (1870 — 1960) к стихам Анны Ахматовой (1889 — 1966) неизвестны. В данном случае мотивом послужила присущая и Бенуа и Ахматовой приверженность дворцово-парковой теме. В 1922 г. А.Н. Бенуа выпустил альбом «Версаль», включивший описания версальских ансамблей и крупные литографии версальских видов. Как бы предвидя филиппики Маяковского, он писал: «...одни посвящали Версалью выпренные восторги, тогда как в их противниках создание Версаля и весь труд, на него положенный, вызывали негодование. При этом врагов, в общем счете, было больше, нежели поклонников. Сколько громких фраз было произнесено именно в угоду тому предвзятому мнению, что Версаль есть огромнейшая из всех безумных прихотей тирании, что в него зря просажены целые потоки рабского труда и целые горы золота! Казалось, что здесь сложены в одну груду все выкачанные бесовскими насосами сокровища страны, для того, чтобы эта груда служила подножием недостойному кумиру. Однако так ли это на самом деле?»

Что это святыня, не может быть сомнений, это очевидность (...)

И в целом Версаль — не ода королевской власти, а поэма жизни, поэма влюбленного в природу человечества, властвующего над этой самой природой. Это монументальный гимн мужественной силе, вдохновляющей женской прелести, объединенным человеческим усилиям для общих целей» (Бенуа А. Версаль. СПб., 1922. С. 14—15). В 1926 г. в «Заметках художника» он писал: «...по отношению к Версальскому парку у меня особая нежность, род культа» (Красная нива. 1926. № 30, 25 июля. С. 14).

Пolemический выпад Маяковского следует рассматривать не как свидетельство его личного неприятия этих мастеров, а как отрицание им старого (в его представлении) идеала красоты. Сохранились многочисленные свидетельства, что Маяковскому нравились стихи А.А. Ахматовой и что он любил их читать (воспоминания Л.Ю. Брик, А.Н. Вертинского и др.).

...стальной и стекольный рабочий дворец миллионной вместимости... — В 1923 г. Моссоветом был проведен конкурс на лучший проект Дворца труда, который предполагалось возвести в центре Москвы, там, где позже была построена гостиница «Москва». В конкурсе приняли участие Н.А. Троцкий, А.В. Кузнецов и С.А. Горюнов, братья Веснины, И.А. Голосов, Г.М. Людвиг и др. В марте 1923 г. состоялась выставка проектов (Правда. 1923. 3 марта). В печати сообщалось: «Идеей конкурса, по сведениям московских архитектурных кругов, заинтересовались зодчие западных государств, где в печати уже появились заметки о Дворце труда» (Правда. 1923. 19 мая). Значительная часть проектов была выполнена в подчеркнуто конструктивистском стиле, с ориентацией на выявление функциональной структуры здания, характера материалов и их технологических особенностей (отсюда — «в новый машинный розмах»). Один из участников конкурса писал: «Безмерно трудным явилось дело создания нового организма, более величественного, нежели все существующие дворцы... Масштаб его грандиозных аудиторий, самая большая из которых должна была вместить 8000 человек и служить вместилищем представителей трудящихся всего мира, целый ряд других, чисто современных зданий, как площадка для спуска аэропланов, радиостанция, световая реклама...» (Гинзбург М.Я. Итоги и перспективы современной архитектуры // Советская культура: Итоги и перспективы. М., 1924. С. 346).

ЖОРЕС

(С. 102)

Красная новь. М., 1925. № 2; *Париж*; Соч. 2.

Отрывок выполненной Л.Ю. Брик копии автографа (стк. 36—110) — РГАЛИ.

Печатается по Соч. 2 с уточнением в написании франкоязычных текстов и конъектурой в стк. 42—44.

Датируется по первой публикации.

Во всех источниках стк. 33 – 44 печатались: «Готовы / потоки / слезливых фраз. // Эскорт, / колесницы – / эффект! // Ни с места! / Скажите, / кем из вас // в окне / пристрелен / Жорес?» М.Л. Гаспаров, обратив внимание на невероятную для Маяковского рифму «эффект – Жорес», предположил здесь порчу текста, возникшую в ходе механического переписывания, и предложил конъектуру: «Жорес пристрелен в кафе» (Гаспаров. С. 534). Поддерживая эту конъектуру, полагаем, что не следует при этом прибегать к перестановке слов. Конъектура в стк. 43 введена в форме «Пристрелен Жорес в кафе». Перестановка двух первых слов в этой строке приводит к нарушению ритма: во всех предшествующих строках ударение стоит на пятом слоге.

В альманахе «Красная новь» стк. 71 – 73 даны в русской транскрипции: «Вив ла совет! А ба ла гер! Капитализм а ба!» В Соч. 2 – с переводом и пояснениями: «*Vivent les Soviets! A bas la guerre! Capitalisme á bas!*» – «Да здравствуют Советы! Долой войну! Долой капитализм!»; «Крезо, Рено – фабриканты».

Жорес Жан (1859 – 1914) – руководитель французской социалистической партии и основатель газеты «Юманите», был убит в Париже в кафе «Круассан» выстрелом с улицы через окно французским шовинистом 31 июля 1914 г. Перенесение его праха в Пантеон произошло 23 ноября 1924 г. Эльза Триоле вспоминала: «В день переноса тела Жореса в Пантеон мы пошли с ним (Маяковским) на улицу Суффло и перед самым Пантеоном долго ждали, зажатые толпой. Когда подошло шествие (...), когда издали, сначала гулом, а потом отчетливо раздались крики: “*Vivent les Soviets!... A bas la guerre!... Capitalisme á bas!*...” – Володя подхватил меня и посадил к себе на плечо... Я соскальзывала, он опять терпеливо меня подсаживал...» (Восп. 1993. С. 64).

Стихотворение отрицательно оценил Г.В. Адамович: «Маяковский описывает перенесение гроба Жореса в Пантеон и демонстрацию коммунистов на этом перенесении. Стихотворение качества невысокого, без всякого одушевления, почти плоское. Даже обращение к “товарищу Жоресу” не помогает. Маяковский с каждым годом становится бессильнее в стихотворениях “героических”. Он оживает, чуть только можно усмехнуться, съязвить или просто выругаться. Уже в “150 000 000” разноценность сатирических и восторженных страниц поражала.

Стоит отметить ритмическую бедность Маяковского: пятнадцать лет он пишет все одним и тем же четырехударным (иногда вперемежку с трехударным) паузным стихом. Он прибегает к типографским уловкам. Разбивает каждый стих на несколько частей, печатает по одному слову в строчку. Но этим никого не обманешь. Если “склеить” разбитые строчки Маяковского, неизменно получается одно и то же» (Звено. Париж, 1926. 14 марта).

...по улице Суффло. – Улица Суффло (rue de Sufflo) – небольшая улица в Латинском квартале, которая ведет к зданию Пантеона.

И снова 71-й год встает... – Год Парижской коммуны – 1871.

Крезо (Ле-Крезо) – один из центров металлургии и машиностроения.

Рено – машиностроительная компания.

ПРОЩАНИЕ. (Кафе)

(С. 105)

Париж. вестн. 1925. 3 июня; Огонек. 1925. № 28, 5 июля; *Париж; ИзИз; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2.*

Датируется по первой публикации.

В «Парижском вестнике» вместе с «Еду», «Город» и «Прощанье» под общим заглавием «Из поэмы "Париж"», с заглавием «Прощание» и подзаголовком «Кафе». В «Огоньке» — под заглавием «Прощание», без подзаголовка и с указанием «Из поэмы Вл. Маяковского». В *Париже и ИзИз* — под заглавием «Кафе», без подзаголовка. В *Соч. 2* — под заглавием «Прощание» и с подзаголовком «Кафе». Перемены заглавия, вероятнее всего, можно объяснить тем, что, готовя рукопись сб. «Париж», Маяковский заметил практически полное совпадение заглавий этого и следующего за ним стихотворения «Прощанье». Убирая повтор, поэт снял заголовок первого стихотворения и заменил его имевшимся подзаголовком «Кафе». Готовя в 1926 г. *ИзИз*, Маяковский повторил такой вариант оформления стихотворения. Так же — «Кафе» — стихотворение названо в афише выступления «Нью-Йорк и Париж» (1926). Однако во втором томе *Соч.*, который готовился явно без учета сборников *Париж и ИзИз* (это подтверждается сопоставлением многих текстов), данное исправление автора оказалось неучтенным.

В «Огоньке» в русской транскрипции даны названия кафе в стк. 11 — 12: «Ротонда» и «Дом», а также фраза в стк. 19 — 21: «Гарсон, ен грог американкен!»

В «Огоньке» с подстрочными пояснениями: «*Ротонда, Дом* — кафе на Монпарнасе. *Буа-г(е)-Булонь* — Булонский лес». В *Соч. 2* с переводами и пояснениями: «*Монпарнас* — квартал художников в Париже. "*Дом*", "*Ротонда*" — кафе. "*Garçon, un grog américain!*" — "Человек, американского грога!" *Буа-г(е)-Булонь* — парк в Париже».

Афишный вариант названия: «Разговорчики» (Там и у нас. 1925).

Комментируя это стихотворение, Э. Триоле писала: «Бывали мы ежедневно, как Ромул и Рем, в кафе на Монпарнасе. Там сразу Маяковского окружали русские, и свои, и эмигранты, и полуэмигранты, а также и французы, которым он меня немедленно просил объяснить, что он говорит только на "триоле". Русских появление Маяковского чрезвычайно возбуждало, и они о нем плели невероятную и часто гнуснейшую ерунду» (*Восп. 1993. С. 65*).

Иную трактовку стихотворению дал другой очевидец пребывания Маяковского в Париже в 1924 г.: «Если поэмы "Nôtre-Dame", "Версаль" и "Жорес" не нуждаются в дополнительных комментариях, то поэма "Кафе", напротив, требует некоторых пояснений. Маяковский *вынужден* (курсив автора. — *Сост.*) был высмеять, оклеветать русскую эмиграцию. Это входило в получаемый им "социальный заказ" и в оплату путешествия.

Но подобный сорт клеветы был, по существу, весьма невинен. В самом деле, где, в каких монпарнасских кафе такая масса русских эмигрантов могла болтать подобную чепуху о Маяковском? В те годы в "Ротонде", в "Доме", в "Куполь", в "Closeri des Lilas" можно было встретить Эренбурга (уже ставшего советским гражданином), Цадкина, Сутина, Кикоина, Кремня, Пуни, Терешковича, Ларионова, Липшица, Манэ-Каца, Орлова, Шагала, поляков Кислинского и Зборовского... Но никогда — ни одного русского эмигранта, который не знал бы, кем был Маяковский. Русские эмигранты этой категории собирались в те годы в маленьких русских ресторанчиках, вроде "Чайки" возле моста Мирабо, и когда, время от времени, я заходил в эти симпатичные заведения, чтобы отпробовать русейшего борща или сырной пасхи, я никогда не слышал, чтобы тамошние посетители в своих беседах упоминали имя Маяковского: они судачили на совершенно иные темы» (Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 195).

Монпарнасец — обитатель Монпарнаса, одного из районов Парижа.

Рем и Ромул — неразлучные братья-близнецы, легендарные основатели Рима.

Николай Николаевич Романов (1856 — 1929) — великий князь, внук Николая I, верховный главнокомандующий в 1914 — 1915 гг., один из лидеров русской эмиграции, выдвигался как претендент на царский престол.

Буа де Булонь (Bois de Boulogne) — парк «Булонский лес» в Париже.

Агафья — персонаж комедии Н.В. Гоголя «Женитьба».

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874 — 1965) — в 1920-е годы один из лидеров консерваторов в Англии.

...на кулиджевской тете... — Образовано от имени президента США Калвина Кулиджа (1872 — 1935).

ПРОЩАНИЕ

(С. 109)

Париж. вестн. 1925. 3 июня; *Париж*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Я хотел бы жить и умереть в Париже... — В фельетоне Дон-Аминадо «Новейший самоучитель» (Посл. нов. 1920. 20 авг.) приводится ряд цитат из «Новейшего самоучителя французского языка» издания 1920 г., среди которых: «Хотели бы вы жить и умереть в Париже? — О да!» По предположению комментатора сборника произведений Дон-Аминадо В.И. Коровина, Маяковский в Париже «держал в руках» это пособие, откуда и возникла текстуальная близость (см.: *Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 737). Однако, говоря о заключительной строке этого стихотворения с Р.О. Якобсоном в апреле 1927 г. в Праге, Маяковский не

упомянул в качестве источника ни этот учебник, ни фельетон Дон-Ами-надо. Якобсон вспоминал, что, прочитав это стихотворение, Маяковский заметил о заключительной строке: «Вот эту строку переделать нельзя. Нельзя было, например, писать: "Я хотел бы жить и умереть в Берлине, если б не было такой земли — Варшава". Это не два мира, а Париж и Москва — два". Тут же я спросил Маяковского, знал ли он, когда писал эти стихи, очень схожие строки Карамзина в "Письмах русского путешественника": "Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве, но после России нет для меня земли приятнее Франции". Маяковский заинтересовался — нет, не знал: "Но это показывает — строки не случайные"» (*Янгфельдт 1992. С. 65*).

ФЛАГ

(С. 110)

Московский альманах. М., 1926. Кн. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

Хотя стихотворение основано на впечатлениях от пребывания в Париже в ноябре — декабре 1924 г., тематически связано с другими парижскими стихами и явно написано одновременно с ними, Маяковский не включил его в цикл «Париж».

Франция последней из великих европейских держав признала СССР. После выборов, прошедших 11 мая 1924 г., правительство Р. Пуанкаре, занимавшего последовательно антисоветскую позицию, вынуждено было уйти в отставку. Во главе правительства встал Э. Эррио. 28 октября 1924 г. его правительство в ноте на имя А.И. Рыкова и Г.В. Чичерина сообщило о признании Францией СССР де-юре. В этой связи здание бывшего царского посольства было передано советским представителям. 4 декабря 1924 г. в Париж прибыл первый советский посол во Франции Л.Б. Красин. 14 декабря состоялась церемония подъема советского флага на здании посольства.

Маяковский присутствовал и на встрече посла на вокзале и на церемонии подъема флага. 6 декабря 1924 г. он писал Л.Ю. Брик: «Здесь мне очень надоело — не могу без дела. Теперь с приездом наших хожу и отвожу советскую душу». Ю.П. Анненков вспоминал: «Я помню даже, как мы оба были приглашены в качестве представителей "советской общественности" присутствовать при торжественной встрече на Северном вокзале Леонида Красина, первого полномочного представителя СССР во Франции, в день его прибытия в Париж. Перрон был переполнен журналистами, фотографами, представителями французского правительства, только что признавшего СССР de jure, случайными любопытными и — больше всего — полицейскими. Некто Волин, являвшийся неофициальным делегатом СССР для подготовки приезда Красина, представил нас ему, после чего, пробившись сквозь толпу, Маяковский и я взяли такси и отправились вслед за официальными машинами на улицу Гренель...» (Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 188). Позже Маяковский вспоминал этот эпизод в поэме «Хорошо!».

Известен снимок, запечатлевший большую группу сотрудников посольства в момент подъема флага (Красная нива. 1925. № 3, 18 янв. С. 70). В сопроводительной информации говорилось: «Поднятие красного знамени и исполнение Интернационала в советском полпредстве вызвали бурю негодования в буржуазной французской печати, усмотревшей в этом чуть ли не сигнал к началу коммунистической революции во фран-

цузском царстве рантье и ростовщиков. Одиночные свистки "camelots du roi" ("королевские молодцы" — фашистская организация монархистов), раздавшиеся из толпы любопытных, превратились на страницах печати в резкие протесты мирных жителей rue de Grenelle, возмущенных "большевистскими безобразиями"».

«Флажок за долги? Не цена!» — Требование выплаты долгов царского и Временного правительств, которые в одностороннем порядке были аннулированы декретом советского правительства от 8 февраля 1918 г., в то время выдвигалось многими государствами, в частности Францией. Царское правительство, некоторые российские коммерческие банки и компании в течение ряда лет распространяли за рубежом под относительно высокие проценты заемные облигации. Их держателями стали тысячи граждан, образовалась целая прослойка рантье, живших на проценты от этих бумаг. Отмена выплат по этим облигациям ударила по многим людям. Общая задолженность России в отношении Франции, по одной из авторитетных оценок того времени, составила к 1923 г. 1 165,7 млн долларов (*Fisk H. The interally debts. N.Y.; P., 1924*). Проблема царских долгов обсуждалась многократно начиная с Генуэзской конференции 1922 г.

Интернационал (слова Э. Потье, музыка П. Дегейтера) — гимн СССР с 1918 по 1943 г.

Гренель (rue de Grenelle) — улица в Париже, где расположено посольство.

«Аксион франсез» (*Action française*) — французская монархическая организация, проводившая в 20-е годы активные антисоветские акции.

«Боже, буржуев храни» — перефразировка первой строки царского гимна «Боже, царя храни».

ТРЕТИЙ ФРОНТ

(С. 114)

Рабочая Москва. 1925. 14 янв.

Черновой автограф — ГММ. Р-174.

Печатается и датируется по первой публикации.

Печатается с исправлениями в стк. 77 — 80: «У нас долгов — пред учителем много» вместо «У нас долгов перед учителем много» и стк. 84 — 85: «идуший со всей коммуною» вместо «идуший со своей коммуною» по черновому автографу.

Написано к I Всесоюзному учительскому съезду, который открылся 12 января 1925 г. в Москве, в Большом театре, как подчеркивалось в газетах, «в исключительно торжественной обстановке». Повышенное внимание объяснялось тем, что на съезде должна была быть продемонстрирована поддержка учительством советской власти, поскольку раньше

значительная его часть занимала антиреволюционную или выжидательную позицию. Съезд приветствовали от имени ЦИК СССР и Совнаркома М.И. Калинин и от имени РКП(б) Л.Б. Каменев. С докладом выступил председатель Совнаркома А.И. Рыков.

А.В. Луначарский так характеризовал положение в области народного просвещения, которое сложилось к 1924 г.: «...плохо обстоит дело с нашим низовым просвещением. Даже по официальным цифрам мы обслуживаем в школах только 45% всего детского населения, т.е. больше половины его являются лицами более или менее обреченными на неграмотность в тот самый момент, когда мы напрягаем все свои усилия для ликвидации этой самой неграмотности (...) В 1921 г. мы пережили колоссальное сужение количества школ, — сейчас это бедствие приостановлено» (Луначарский А.В. Третий фронт // Советская культура: Итоги и перспективы. М., 1924. С. 162). По официальным данным, в РСФСР неграмотность населения в возрасте 15 — 49 лет достигла 46,8%, в том числе в возрасте 15 — 19 лет — 37%, 40 — 49 лет — 62,9% (Третий фронт. М., 1925. № 8, 9 янв).

Третий фронт — в словоупотреблении того времени: фронт культуры и просвещения, после первого фронта — военного и второго — экономики.

ОНО — отдел народного образования.

ВИК — волостной исполнительный комитет.

...плату за май получишь в августе... — О положении с зарплатой учителей в официальном издании говорилось: «...задержка обычно колеблется от 2-х недель, например, во Владимирской губ., и до нескольких месяцев, например, в Костромской губ. (...) Если принять во внимание, что червонный рубль отстает от товарного, то станет ясным, насколько зарплата, выдаваемая в червонном исчислении, понижается в своем реальном значении при запоздалой выдаче» (Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 5, 6 марта. С. 1).

РАБКОР («Ключи счастья» напишет...»)

(С. 117)

Гудок. 1925. 25 янв.; Молот: Лит. прилож. к газ. «Тамбовская правда». 1925. 12 апр.; Синяя блуза. 1926. № 3/4 (27/28), февр., стк. 16 — 46 отсутствуют.

Автограф неизвестен.

Печатается по газ. «Гудок».

Датируется по первой публикации.

Первоначально стихотворение было написано к I Всесоюзному съезду рабочих корреспондентов газеты «Гудок», который проходил в Москве с 26 января по 3 февраля 1925 г., и опубликовано в канун его открытия. Конкретность повода потребовала от автора учета особенностей работы

адресатов, поэтому значительная часть текста стихотворения (стк. 16–46 первой редакции) оказалась построенной на железнодорожных темах и специальной терминологии. Практически сразу же Маяковский создал новое стихотворение, в котором он использовал ряд строк (ср., напр., стк. 9–11, 47–52, 58–61, 62–66, 87–90 первого и соответственно стк. 4–6, 13–19, 46–49, 50–52, 53–56 второго стихотворения), и исключил всю железнодорожную конкретику.

Единая художественная задача, которая была положена автором в основу обоих текстов, их генетическая взаимосвязь, и текстуальные совпадения сближают эти тексты, но не дают оснований для выделения редакций.

«Ключи счастья» – роман А.А. Вербицкой (1861 – 1928), популярный в 1910-х годах; в критике расценивался как банальный и бульварный, усиленно пародировался. В 1920-х годах роман представлялся как символ пошлости и вульгарности, а имя А.А. Вербицкой стало одиозным. В 1926 г., протестуя против этого, она обратилась с открытым письмом к М.С. Ольминскому (На лит. посту. 1926. № 7/8). В ответе ей М.С. Ольминского и в статье А.В. Луначарского «О Вербицкой» признавалась чрезмерность нападок, но отмечалось, что ее произведения принадлежат прошлому (Там же).

Пе-Де, Пе-Че, Те-Че, Ше-Че, эН – условные обозначения в служебных телеграфных сообщениях должностей железнодорожных служащих: ПД – дорожный мастер, ПЧ – начальник участка пути, ТЧ – начальник участка связи, эН – начальник дороги.

РАБКОР («Лбом пробив безграмотья горы...»)

(С. 120)

Пролет. правда. 1925. 4 февр.; Красный перец. 1925. № 5, февр.; *Песни рабочим*.

Авторизованная машинопись (наборная рукопись *Песни рабочим*) – ГММ. Р-5722.

Печатается по сб. «Песни рабочим».

Датируется по первой публикации.

Это стихотворение Маяковский опубликовал во время пребывания в Киеве в «Пролетарской правде» с подзаголовком «Киевским рабкорм». Стихотворение издано в «Красном перце» без подзаголовка (это усилило обобщающий характер текста). Оно было включено в сб. «Песни рабочим» и открывало его (вышел в сентябре 1925).

НЕМНОЖКО УТОПИИ ПРО ТО, КАК ПОЙДЕТ МЕТРОШКА

(С. 122)

Красный перец. 1925. № 6, февр.

Автограф неизвестен.

Печатается по журн. «Красный перец».

Датируется по первой публикации.

В 1926 г. Маяковский переработал стихотворение для коллектива «Синей блузы» (см. «Частушки о метрополитене»).

МКХ – название организации – «Московское коммунальное хозяйство».

ДВА МАЯ

(С. 124)

Веч. Москва. 1925. 30 апр.

Автограф неизвестен.

Печатается по газ. «Веч. Москва».

Датируется по первой публикации.

Внесены конъектуры в стк. 42: «Но скоро» вместо «Не скоро», 87: «Ношу» вместо «Нету», 107–109: «Давно пространств меж мирами Советы» вместо «Давно пространств меж мирами», 118: «как сбита» вместо «как сбыта», 141–142: «раскатило в пение» вместо «расокатило в пени».

...и *Крест- и Проф- и Коминтерна*. – Крестинтерн (Международный крестьянский совет, Крестьянский интернационал) – был создан осенью 1923 г. на I Международной крестьянской конференции, прошедшей в Москве; в него вошли левые крестьянские партии и организации многих стран. Существовал до 1933 г. (См. также примеч. к стих. «Мексика».) Профинтерн (Красный интернационал профсоюзов) был создан на I Международном конгрессе революционных и производственных союзов, прошедшем в Москве 3–19 июля 1921 г.; включал в себя левые профсоюзные организации более 40 стран. Существовал до 1937 г. Коминтерн (Коммунистический интернационал, III Интернационал) – международная организация, объединявшая компартии ряда стран; был создан в марте 1919 г. на прошедшем в Москве первом учредительном конгрессе. Был распущен 15 мая 1943 г.

«И это будет последний...» – Парафраз «Интернационала».

И мы, и Марс... – 23 августа 1924 г. происходило великое противостояние Марса (максимальное приближение Марса к Земле). В этой связи появилось много популярных статей о возможности жизни на Марсе, межпланетных полетах и т.п.

МАЙ

(С. 129)

Рабочая Москва. 1925. 1 мая.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации с конъектурой в стк. 56: «что кровь его» вместо «что его кровь» и в стк. 65: «И выйдет» вместо «И выйдут».

Датируется по первой публикации.

За Сокольниками ~ таились самой глухой лужайкой.— В начале века, в частности в годы непосредственного участия Маяковского в революционной деятельности в 1906—1910 гг., различные нелегальные сходки в Москве нередко проводились на территории Сокольнического лесопарка. Именно в Сокольниках на общегородской конференции партии в 1908 г., в которой Маяковский принимал участие, он был введен в состав Московского комитета РСДРП(б) (см.: Земсков В. Ф. Участие Маяковского в революционном движении // ЛН. М., 1958. Т. 65. С. 451).

КРАСНАЯ ЗАВИСТЬ

(С. 131)

Смена. М., 1925. № 9/10, 25 мая, с ил. Н. Ф. Денисовского; Соч. 4.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 4 с исправлениями в стк. 65: «чтобы флот» вместо «чтоб флот» по первопечатному тексту.

Датируется по первой публикации.

...границы Версаля... — Границы европейских государств, установленные Версальским мирным договором (1919), завершившим Первую мировую войну.

О. Д. В. Ф. — Общество друзей Воздушного флота, первая в СССР массовая общественная организация. Создана в 1923 г., в ее совет входили Ф. Э. Дзержинский, А. В. Луначарский, Л. Б. Красин и др. Выпускало журнал «Самолет». В мае 1925 г. ОДВФ слилось с Доброхимом и Авиахимом. В это время в нем состояло 2 млн человек. О цикле стихов Маяковского, посвященных авиации и этому обществу, см. коммент. к стих. «Даешь мотор!» и др.

ВЫВОЛАКИВАЙТЕ БУДУЩЕЕ!

(С. 135)

Смена. М., 1925. № 11, 15 июня.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту журн. «Смена».

Датируется до 25 мая 1925 г., когда текст был передан Маяковским в редакцию.

Впервые, вероятно, было напечатано в «Бюллетене пресс-бюро ЦК РКСМ» (комплект этого издания не разыскан, текст de visu не сверен), по тексту этого издания перепечатывалось между 31 мая и 25 июня 1925 г. в молодежных газетах Орла (Правда молодежи. 1925. 31 мая), а также Смоленска, Саратова, Минска.

ЯЛТА–НОВОРОССИЙСК

(С. 137)

Прожектор. 1925. № 10, 31 мая, с рис. К. Ромова; Париж. вестн. 1925. 14 июня.

Автограф неизвестен.

Печатается по «Парижскому вестнику».

Датируется по первой публикации.

Тема стихотворения зафиксирована в Зап. книжке № 23: «Беленькая Левкович розовенькая Беркович». Запись (на 4-й сторонке обложки записной книжки) сделана, скорее всего, в августе 1924 г., когда Маяковский во время поездки в Крым и на Кавказ плыл на пароходе «Севастополь» из Ялты в Новороссийск. Однако написано стихотворение, видимо, было не сразу: сведений о намерении автора напечатать его осенью 1924 г. или зимой 1924/1925 г. нет. Точное время создания неизвестно.

Рукопись явно была сдана Маяковским в редакцию журнала до 25 мая 1925 г. — дня отъезда в Америку, но опубликовали стихотворение, когда автора в Москве уже не было. Оно вышло под заглавием «Ялта — Севастополь». Отсутствие в заглавии внутренних кавычек (Севастополь здесь не город, а название парохода) создавало смысловую неточность. Под этим же заголовком оно было упомянуто в автобиографии «Я сам», когда Маяковский дополнял ее перед зарубежной поездкой. В «Парижском вестнике», куда автор передал текст в дни своего пребывания в Париже перед поездкой в Америку, оно было напечатано под шапкой «Из цикла "Путешествия"» с заголовком «Ялта — Новороссийск». Этот же заголовок в списке стихотворения, выполненном Л.Ю. Брик (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1092). Новый заголовок устранял противоречие предшествующего.

Афишный вариант заглавия «Ялта и море» (Поп или мастер. 1926).

Ямки и щечки, щечки и ямочки. — Парафраз разговора дамы приятной во всех отношениях и дамы просто приятной: «... всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...» (Н.В. Гоголь. «Мертвые души», гл. 9).

Флотикшко белые сперли... — Эвакуация белогвардейских частей и гражданского населения из Одессы, Новороссийска и Крыма перед приходом красных проводилась не только на иностранных судах, но и на военных судах российского Черноморского флота и на пароходах частных российских компаний. В результате эти суда оказались в различных зарубежных портах. После окончания Гражданской войны велись длительные

переговоры об их имущественной принадлежности, на которую претендовало советское правительство. Г.В. Чичерин говорил, например, в интервью: «Французские власти пытаются продать русские черноморские военные суда, уведенные изменниками, и фактически продают или берут в свое собственное распоряжение уведенные теми же изменниками суда русских пароходных компаний» (Известия. 1924. 1 янв.).

Райкомвод — территориальный комитет профсоюза работников водного транспорта, в данном случае Черноморский районный комитет.

Бламанже (бланманже — blanc manger, фр.) — желе на основе сливок или миндального молока.

О.Д.В.Ф.

(С. 142)

Соч. 4.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 4.

Датируется не позже 25 мая 1925 г., времени отъезда Маяковского за границу. Предназначалось для сборника агитстихов «Сам пройдишь по небесам».

ДАЕШЬ МОТОР!

(С. 147)

Самолет. М., 1925. № 8, авг.; Соч. 4.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 4.

Датируется не позже 25 мая 1925 г.

В оглавлении журнала указано: «Отрывок из поэмы». Текст сопровождается примечанием: «Из сборника, печатаемого Авиахимом, "Сам пройдишь по небесам"».

Как и два последующих, это стихотворение должно было войти в книгу стихов о советском воздушном флоте. Сборник был подготовлен Маяковским до его отъезда в зарубежное путешествие 25 мая 1925 г. В автобиографическом очерке «Я сам», в главке «25-й год», Маяковский отметил: «Написал агитпоэму "Летающий пролетарий" и сборник агитстихов "Сам пройдишь по небесам"». Сборник издан не был, вероятно, в связи с организацией на основе О.Д.В.Ф. Авиахима (Общество друзей авиационной и химической обороны и промышленности) в мае 1925 г.

...на своих ходынских гробах... — Имеются в виду старые самолеты на аэродроме Ходынского поля.

«Рено» — марка самолетов французских автомобильных и авиационных заводов. Завод авиадвигателей в Рыбинске был создан как «Русский Рено».

«Рольс-Ройсы» — самолеты, выпускавшиеся объединением английских автомобильных и авиадвигательных заводов.

Братья Райт — американские авиаинженеры и летчики Уилбур и Орвил Райты.

НОТ — научная организация труда.

«Икар» — завод авиационных моторов в Москве (бывший «Гном и Рон»), выпускал моторы «Икар», лучшие по результатам конкурса 1922 г., и «Икар-II» мощностью 600 л.с.

«Большевик» — завод авиационных моторов в Ленинграде (бывш. Обуховский завод).

ВОТ ДЛЯ ЧЕГО МУЖИКУ САМОЛЕТ

(С. 153)

Соч. 4.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 4.

Датируется не позже 25 мая 1925 г.

Общество Д.В.Ф. — см. примеч. к стих. «Красная зависть».

РАДИО-АГИТАТОР

(С. 160)

Призыв. Владимир, 1925. 7 июня; Новости радио. М., 1925. № 30, 30 авг.

Беловой автограф — ГММ. Р-5316.

Печатается и датируется по первой публикации.

Печатается с исправлениями в стк. 26: «ни времен, ни пространств» вместо «ни времени, ни пространства» и стк. 33: «А может быть» вместо «И может быть» по автографу.

Перепечатывалось в журн. «Мартен» (Екатеринослав, 1925. № 7, июнь).

Написано по заказу редакции для сотой передачи «Радиогазета» (Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991. М., 2002. С. 95; ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 3. Л. 85—86). Со 2 мая 1925 г. Маяковский неоднократно выступал на радио с чтением стихов (в частности, в передаче «Радиогазета») и давал свои стихи для передач.

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ

За время поездки в Европу и Америку, которая продолжалась шесть месяцев — с 25 мая по 22 ноября 1925 г., Маяковский написал 18 стихотворений, связанных с впечатлениями от океанского плавания, пребывания на Кубе, в Мексике и США, и, видимо, значительную часть очерков «Мое открытие Америки». В день возвращения в Москву он сообщил в интервью: «Для печати я привез книгу стихов о Мексике, об Испании и об Атлантическом океане. Есть у меня и новая книга о Соединенных Штатах» (Новая вечерняя газета. 1925. 23 нояб.). Работа над книгой стихов шла быстро. 5 декабря 1925 г. был заключен договор с Госиздатом на сборник стихов «Мексика — Америка». Рукопись была сдана 3 января. Сборник сначала шел под названием «Мое открытие Америки». В корректуре Маяковский изменил название: сначала «Испания. Гавана. Америка», затем «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка». В конце книги добавлено более 40 примечаний к отдельным словам и переводов иноязычных выражений, несколько поправок внесено в тексты (см. примеч. к стих. «Христофор Колумб» и «Домой!»).

Сборник издан в августе 1926 г. В него вошло 17 стихотворений: «Испания», «6 монахинь», «Атлантический океан», «Блек энд уайт», «Мелкая философия на глубоких местах», «Христофор Колумб», «Мексика», «Богомольное», «Бродвей», «Барышня и Вульворт», «Небоскреб в разрезе», «Американские русские», «Бруклинский мост», «100 %», «Порядочный гражданин», «Кемп "Нит гедайге"», «Домой!». Из стихотворений, законченных ко времени сдачи рукописи, не было включено одно — «Вызов».

В марте — июле 1926 г. Маяковский написал еще четыре стихотворения по впечатлениям от поездки: «Свидетельствую...», «Сифилис», «Мексика — Нью-Йорк», «Тропики».

Этот круг стихотворений он вновь объединил в пятом томе Соч., на этот раз под заглавием «Стихи об Америке». К стихам, вошедшим в указанный выше сборник, он добавил четыре написанных в 1926 г., но вновь, как и раньше, не включил «Вызов».

Отсутствие этого стихотворения нельзя объяснить ни случайностью, ни забывчивостью: автограф его — в записной книжке, к которой поэт, несомненно, обращался, готовя стихи для указанного сборника и для Соч. С февраля по июль 1926 г. Маяковский четырежды напечатал это стихотворение в периодике, оно входило в круг произведений, наиболее часто читавшихся тогда им с эстрады (хотя многие стихи в кратких афишных перечнях вообще не указывались, из 10 соответствующих программ «Вызов» назван в четырех). Наличие этого стихотворения в афишах выступлений, посвященных именно американской теме, свидетельствует не только о том, что поэт ценил его

и считал необходимым представить читателям и слушателям, но и о том, что поэт рассматривал его как составную часть образа Соединенных Штатов, каким он стремился нарисовать его в своих стихах. Стихотворение, несомненно, представлялось ему органической частью «американских» стихов, и тем не менее оно не было включено ни в первую, ни во вторую подборку. Отсутствие стихотворения недвусмысленно свидетельствует о сознательном нежелании автора включать его. В значительной мере это может быть объяснено композиционными мотивами.

Маяковский создавал своего рода путевой дневник, в котором шел рассказ о тех или иных чертах жизни увиденных им стран. Этот замысел просматривается в сборнике, но еще более очевиден он в пятом томе. С таким характером замысла, видимо, связано даже то, что на заключительном этапе формирования подборки, в июле 1926 г., появились два чисто «путевых» стихотворения — «Мексика — Нью-Йорк» и «Тропики» — и были включены в «Стихи об Америке».

Автор явно ощущал особую композиционную весомость «Вызова». Это видно, например, из того, что в афише «Дирижер трех Америк» это стихотворение *завершало*, а в афише «Нью-Йорк и Париж» *открывало* подборки читавшихся стихов.

«Стихи об Америке» располагаются в данном томе в соответствии с авторской композицией и дополнены стихотворением «Вызов».

ИСПАНИЯ

(С. 162)

Новый мир. Нью-Йорк, 1925. 14 авг.; *Испания; ИзИз; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), с датой «22/VI Santander». В записной книжке перед текстом зарисовка порта.

Печатается по *Соч. 5.*

Датируется по автографу.

Это первое стихотворение, созданное в ходе полугодовой поездки в Европу и Америку. Вслед за ним было написано еще 16 стихотворений и книга очерков «Мое открытие Америки», четыре стихотворения были созданы по возвращении в Москву в 1926 г.

В день, которым датировано стихотворение, Маяковский писал Л.Ю. Брик с борта парохода «Эспань»: «Так как показалась Испания, пользуюсь случаем известить Вас, что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, — смотри на карте Santander. Мой "Эспань" — пароходик ничего. Русских не обнаружено пока. Едут мужчины в подтяжках и с поясом сразу (оне испанцы) и какие-то женщины в огромных серьгах (оне испанки)».

Текст стихотворения был отправлен Маяковским из Мексики Л.Ю. Брик в середине июля 1925 г. для передачи в редакцию «Огонька». Однако оно там напечатано не было.

Стихотворение часто читалось Маяковским с эстрады. Оно указано почти во всех программах его выступлений, связанных с зарубежными

поездками, иногда под основным названием (афиши «Там и у нас». 1925; «Мое открытие Америки». 1925), иногда под измененным: «Как собаке здрасьте» (Нью-Йорк и Париж. 1926) и «Как собаке здрасите» (Испания, Атлантический океан, Гавана, Нью-Йорк. 1926; Мое открытие Америки. 1926; Идем путешествовать! 1927).

Организатор выступлений Маяковского П.И. Лавут вспоминал, что перед чтением стихотворения поэт иногда говорил: «Я должен сказать вам несколько слов по поводу этой самой Испании. Ко мне часто обращаются, особенно девушки: "Ах, какой вы счастливый, вы были в Испании, какая очаровательная страна! Там тореадоры, быки, испанки и вообще много страсти". Я тоже был готов к тому, чтобы увидеть что-нибудь в этом роде. Но ничего подобного. Пароход подплыл к испанскому берегу, и первое, что мне бросилось в глаза, это довольно прозаическая вывеска грязного склада "Леопольдо Пардо". Правда, веера у испанок есть — жарко, вполне понятно. А так ровно ничего примечательного, если не считать, что по-русски — телефон, а по-испански — телефонос. Вообще останавливаться особенно на Испании не стоит» (Лавут. С. 17). «Прозаическая вывеска» привлекла внимание Маяковского, скорее всего, скрытым каламбуром: Леопольдо *Пардо* (*леопард*).

«Испанская» тема иронически использовалась Маяковским и раньше («Эй!». 1916), он следовал в этом почти вековой традиции русской поэзии: сатирически изображать оперно-романсную испанскую экзотику. Однако эта борьба со штампом сама со временем стала штампом. В «Испании» у Маяковского возникла как бы двойная ирония: и над самой экзотикой, и над тем, как ее изображают «подпившие барды».

Критики отрицательно отнеслись к стихотворению: «Маяковский из тех, кто ничему не удивляется, на протяжении всего своего "поэтического дневника" он восторгается только два раза: над океаном и на Бруклинском мосту. В остальном он работает на "снижение" заграничной экзотики. Вот как, например, снижается экзотическая Испания...» Далее приведено несколько строф стихотворения (*Юргин Н.* Рецензия на «Испанию» // Красная новь. 1926. № 11, нояб. С. 240). Другой рецензент, В. Шибанов, оценил стихотворение еще резче: «После глубоко волнующей баллады о Колумбе, еще досаднее читать описание Испании, которое дышит нарочитой обывательской пошлостью» (*ПиР.* 1927. № 2, март. С. 200). Г.А. Шенгели, впадая в непредумышленный комизм, выражал сожаление, что Маяковского не вдохновила «властительная природа Юга, столько раз чаровавшая поэтов, романтическая Испания», и утверждал, что смысл стихотворения сводится к тому, что «все скверно, все ни к чему, ибо все — не я, не мое» (*Шенгели.* С. 12). И. Дукор, развивая мысль, что все творчество Маяковского после 1914 г. «есть фельетон», писал, что в данном стихотворении фельетонная «сгущенность» достигается «разрывом всей конструкции одной-двумя фразами, тематически и лексически чуждыми предшествующим строфам». Пример подобного «разрыва» рецензент усмотрел в заключительной строфе стихотворения (На лит. посту. 1927. № 22/23, нояб. — дек. С. 61 — 73).

6 МОНАХИНЬ

(С. 164)

Прожектор. 1925. № 16, 31 авг., рис. В.И. Козлинского; Спартак. Нью-Йорк, 1925. № 1 [окт.]; *Испания*; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), с датой «26/VI Атлантический океан». В «Прожекторе» — без даты, но с обозначением места написания: «Атлантический океан. Пароход "Эспань"».

Датируется по черновому автографу.

Печатается по Соч. 5 с конъектурой в стк. 50 — 51: «со Львом и с Пиём» вместо «со львом и с Пиём», а также с исправлениями в стк. 67: «и в утра» вместо «и в утро» и в стк. 93 — 95: «А если вы вороны, почему...» вместо «А если вы вороны, то почему...» по черновому автографу. Кроме того, в Соч. 5 ряд искажений в графике строк и синтаксисе. Например, стк. 57 — 60, представляющие собой в автографе две строки («оркестром без дирижера шесть дорожных // вынимают евангелишек») с четкими рифмами (*можно—дорожных, лишек—евангелишек*) при организации «лесенки» оказались разбиты неправильно: «оркестром без дирижера // шесть дорожных / вынимают / евангелишек» — появилась ни с чем не рифмующаяся строка «оркестром без дирижера», а рифма «можно — дорожных» оказалась внутри следующей строки. В стк. 65 — 70 также искажены четко зафиксированные в рукописи, характерные для американских стихов перебивы четырехударных строк двухударными (ср. «Атлантический океан», стк. 35 — 47; «Богомольное», стк. 63 — 70): вместо «И днем, и ночью, // и в утра, и в полдни» в Соч. появилось «И днем, и ночью, и в утро, и в полдни» и т.д. Подобные случаи также исправлены по автографу и «Прожектору».

Стихотворение было отправлено Маяковским в середине июля из Мексики в Москву Л.Ю. Брик для передачи в «Известия» или «Прожектор», в котором и было опубликовано.

Публикация в журн. «Спартак» предварялась информацией: «Сегодня выходит из печати первый номер ежемесячного журнала "Спартак" {...} Среди разнообразного материала имеется неизданное еще стихотворение Маяковского» (Новый мир. Нью-Йорк. 1925. 3 окт.).

«Спартак» — журнал еврейского кружка «Молодая кузница», издавался на русском, английском и еврейском языках (Спартакус Монтли, Юнион-сквер, 30). В числе сотрудников: Вл. Маяковский, Д. Бурлюк, М. Голд и др. (Русский голос. Нью-Йорк. 1925. 11 окт.). В фонде Маяковского (РГАЛИ) имеется вырезка из этого номера журнала, но без текста стихотворения.

В *Испании* и Соч. 5 с авторским пояснением: «Квота — норма впуска эмигрантов в Америку».

Стихотворение указано почти во всех афишах выступлений Маяковского, связанных с зарубежными поездками, иногда под основным названием, иногда под измененным («Шесть монашек» или «6 монашек»).

В *Испании* — с опечаткой: пропуск стк. 82. С грубыми искажениями, без «лесенки» перепечатывалось в сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор» (М., 1929. С. 142 — 143). Вероятно, именно с этой публикацией

связана запись в дневнике Л.Ю. Брик 22 декабря 1929 г.: «Володя ругался по телефону с "Безбожником" из-за перевернутых стихов». В воспоминаниях она поясняет: «Журнал "Безбожник" напечатал стихи Маяковского с какой-то переделкой, не прислав предварительно корректуры. Получив номер, Володя озверел. Помню, как он рычал в телефонную трубку. "Безбожник" объяснял, что теперь уже ничего не поделаешь, номер отпечатан. Тогда Володя потребовал, чтобы перед ним официально извинились. Не помню, в какой форме это было сделано — письменной или торжественно-устной. Он мотивировал свое требование тем, что в следующий раз они будут помнить, что нельзя безнаказанно перевернуть его» (*Восп. 1993*. С. 167). Сборник был выпущен акционерным издательским обществом «Безбожник». В одноименном журнале Маяковский не печатался. Путаницу вызвало совпадение названий.

...оркестром без дирижера... — В 1922 г. в Москве был организован Персимфанс (Первый симфонический ансамбль Моссовета) — первый в истории симфонический оркестр, выступавший без дирижера. Его концерты были отмечены высоким профессионализмом и сыгранностью. Существовал до 1932 г.

...а вторично явишься — сюда не суйся... — В 1924 г. в Москве вышел перевод романа Эптона Синклера «Пришествие Христа в лето 1921-е». Герою — богатому американскому юноше — привиделось новое явление Христа, которого за цитирование в проповедях Библии объявляют большевистским агитатором, изгоняют из храма, подвергают всяческим издевательствам и собираются повесить. Христос (его именуют «мистер Плотник») заявляет, что Америка — это «Рим, никогда не умирающий», и исчезает.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

(С. 167)

Известия. 1925. 15 авг.; *Испания; Соч. 5*.

Черновой автограф — Зап. книжка. № 33 (ГММ), без даты. Беловой автограф — ГММ. Р-5352, без даты. Авторизованная машинопись — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 677, с датой «2 VII Океан» (в «Известиях» — без даты, но с указанием места написания — «Океан»). Фонографическая запись авторского чтения, осуществлена С.И. Бернштейном 9 января 1926 г.

Печатается по *Соч. 5*.

Датируется по авторизованной машинописи.

Печатается с исправлениями в стк. 78: «в клочки изорвав» вместо «в клочки изодрав» по беловому автографу, авторизованной машинописи и «Известиям»; в стк. 146: «Навек» вместо «Вовек» по тем же источникам, а также черновому автографу и фонографической записи. При перебивании текста в июле 1925 г. автор уточнил рифму (стк. 78): «с океанского рва — изорвав» (вместо «изодрав», которое было в черновике). Новая рифма была зафиксирована в машинописи, отправленной тогда же в

Москву, и воспроизведена в «Известиях»; подтверждена поэтом в белом автографе (выполнен в августе – октябре 1925 г. в Нью-Йорке). При подготовке сб. «Испания» поправка была утрачена, поскольку в ходе этой работы в руках Маяковского находился только черновик, а публикация в «Известиях», видимо, не учитывалась. Утрата была механически повторена в Соч. 5. На необходимость данного исправления указал М.Гаспаров (см. *Гаспаров*. С. 534). В.А. Арутчева обратила внимание на различия в ритмическом членении текста между авторизованной машинописью и публикациями в «Испании» и Соч. 5 («исчезли двенадцать ступенек и три интервала между строфами» – *Арутчева 1991*. С. 546). Однако подобные изменения (нередкие в практике Маяковского) могли быть связаны не с чьей-либо небрежностью (в том числе и автора), а с подготовкой им нового оригинала текста для *Испании*, что практически всегда давало новую «лесенку». Восстановлено только членение в стк. 56 – 57 («Вон – пошло» вместо «Вон пошло»), поскольку его утрата создавала смысловой сдвиг.

Перепечатывалось с искажениями в сб. «Школьный Маяковский» (стк. 14: «выбрал» вместо «вобрал», стк. 52: «милый» вместо «милой» и т.п.).

Стихотворение было отправлено Маяковским в середине июля 1925 г. из Мексики в Москву Л.Ю. Брик для публикации в «Прожекторе» или «Известиях», где и было напечатано.

Стихотворение указано среди тем или в перечне произведений почти во всех афишах 1925 – 1927 гг., связанных с зарубежными поездками, иногда под основным названием, иногда – под сокращенным («Атокеан»).

Н.И. Харджиев высказал предположение, что «непосредственным источником патетического финала» стихотворения явилась строка из песни одного из персонажей рассказа А.Грина «Пролив бурь»: «Я родня океану – он старший мой брат». Рассказ А.Грина (Новый журнал для всех. СПб., 1910. № 20, июнь; повторно: Собр. соч. СПб., 1913. Т. 2; сб. «Присшествие на улице Пса». Пг., 1915; Пролив бурь. М., 1925) не имеет ничего общего со стихотворением Маяковского, как и стиль и ритм песни из него. Кроме совпадения метафоры, других обоснований не приведено (см.: *Харджиев 1975*. С. 92). Нет никаких доказательств, что Маяковский знал этот рассказ и что он был ему памятен. Литературную параллель к тексту Маяковского естественнее видеть, например, в прославленном стихотворении Ш.Бодлера «Человек и море»:

Свободный человек ! Недаром ты влюблен
В могучий океан: души твоей безбрежной.
Он – зеркало...
О, братья-близнецы...

(Пер. П. Якубовича)

Ср. также строки из стихотворения В. Брюсова «К Тихому океану»:

Брат Океан! Ты – как мы: дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.

В рецензии на *Испанию* Я.М. Шафир писал: «Во всех американских стихах чувствуется большой подъем духа, неподдельное презрение и ненависть к буржуазному миру и настоящая подлинная поэзия в лучшем смысле слова. Тут Маяковский оказывается совершенно бессильным одолеть самого себя. Все приемы пущены в ход для того, чтобы доказать, что "экзотика — дрянь", что океан — это просто вода, что все аксессуары старой поэзии — жалкая ветошь. Это непрерывное дискредитирование старых поэтических ценностей не помогает: океан для поэта оказывается таким же волшебным царством, полным "гордой красоты", как и для подлинных поэтов старого времени» (Книгоноша. 1926. № 40, 30 окт. С. 16).

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

(С. 171)

Веч. Москва. 1925. 14 дек.; Киев. пролет. 1926. 2 февр.; Лава. Ростов-на-Дону, 1926. № 2, февр.; Красная газ. 1926. 20 мая, веч. вып. (др. редакция); *Испания*; *Соч.* 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), с датой «3 июля. Атлант. океан». Беловой автограф — ГММ. Р-118, с той же датой «3/VII Атлант. океан», которая повторялась и во всех публикациях (только в журнале «Лава» было пропущено указание числа).

Датируется в соответствии с этими пометами.

Печатается по *Соч.* 5.

Маяковский, видимо, рассматривал стихотворение как цепь строф-мыслей, не связанных жестко между собой. Так, в черновом автографе седьмая строфа («Годы — чайки...») шла второй, а пятая («Навстречу медленней...») — вслед за строфой о Стеклове. В беловом автографе (ГММ) повторена дата создания стихотворения — 3 июля, но он был сделан, скорее всего, по возвращении из поездки, возможно, в связи с диспутом 14 дек. 1925 г. В нем намечена перестройка композиции: одна строфа («Навстречу медленней...») вычеркнута, вместо нее вписана новая («Волны друг друга лупят плашмя...»), на полях отчеркнуты еще две строфы («Есть у воды...» и «Дохлая рыбка...») — вероятно, наметки дальнейших перестановок или изъятий.

Возможно, отчасти с подобным характером замысла и свободной композицией стихотворения связано возникновение его второй редакции. В автографе этой редакции (ГММ, дата под текстом повторяет дату создания «3/VII Атлантический океан», время подготовки второй редакции или выполнения автографа не указано; предположительно май 1926) исключена одна строфа первой редакции и вписаны две новые. В мае 1926 г. Маяковский опубликовал эту новую редакцию (Красная газ.), где против автографа еще раз поменял место одной из новых строф, а также сопроводил текст примечанием, в котором, обращаясь к «товарищам поэтам», предложил рассматривать стихотворение как «скелет», который должен обростать «мясом злободневных строк» (см. «Другие редакции»).

На следующий день, 21 мая, в той же «Красной газете» появился издевательски-пародийный ответ А.М. Флита «Глубокая философия на мелких местах», выдержанный в таких тонах: «Ем, пишу, потому — не бабда... Вот и жизнь пройдет, как прошел трамвай...» Памфлетно-пародийный отклик — Г. Корейши «Мясо на скелет Маяковского» — тоже был выдержан в сходном ключе («Ну, никто и не удивляется, // почему стихи ерунда...») (Смехач. 1926. № 23, июнь. С. 10; опубликовано под псевдонимом Буби). Еще одна пародия на это стихотворение, а также на стихотворение «Крым» — в журн. «Ревизор» (Л., 1929. № 14/15, июнь. С. 11).

Маяковский отказался от своего эксперимента и в дальнейшем включал стихотворение в свои издания в первой редакции.

Стихотворение указано (под своим заглавием) почти во всех афишах и программах выступлений Маяковского, связанных с зарубежными поездками.

Маяковский, выступая на диспуте «Больные вопросы советской печати», сказал, что в «Вечерней Москве» фамилия Ю.М. Стеклова (наст. фам. Нахамкис, 1873 — 1941), который до 23 июня 1925 г. занимал пост редактора «Известий», была заменена отточием по решению редактора газеты, и попытался оправдать его действия: «Если бы я тогда, когда писал, знал, что Стеклов не является уже редактором "Известий", я бы вычеркнул эти слова сам, они были для меня ценны в работе. Я не протестовал, черкайте, потому что каждый включит свою фамилию на место вычеркнутого Стеклова, если захочет. Каждый может поставить себя: "а у Луначарского вода не сходила с пера", "а у Радека вода не сходила с пера" и т.п. Это одно и то же». Однако в последующих публикациях Маяковский восстановил имя Ю.М. Стеклова в тексте.

В сущности говоря, где птички? — Л.Ю. Брик рассказывала, что во время двухмесячной «добровольной тюрьмы», когда Маяковский писал «Про это», он часто присылал ей письма, записки, рисунки, цветы и птиц в клетках — «таких же узников, как он». «Когда мы помирились, я раздала всех этих птиц. Отец Осипа Максимовича пришел к нам в гости, очень удивился, что их нет, и спросил глубокомысленно: "В сущности говоря, где птички?". Владимир Владимирович процитировал его в "Мелкой философии"» (Восп. 1993. С. 122).

БЛЕК ЭНД УАЙТ

(С. 173)

Красная новь. 1926. № 1, янв.; *Испания; ИзИз; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка. № 33 (ГММ), с датой «5/VI — Гавана», эта же дата во всех печатных источниках, кроме *ИзИз*, где она отсутствует. В дате — описка в указании месяца: в Гаване (Куба) Маяковский был 5—6 июля 1925 г.

Печатается по *Соч. 5.*

Датируется по автографу, с уточнением месяца написания.

При работе над текстом Маяковский колебался в определении местоположения первой строфы. В черновике ею завершалось стихотворение. Очевидно, при перебеливании текста для публикации она была представлена автором в начало. В таком виде стихотворение увидело свет. Эта композиция была сохранена в «Испании». При подготовке *ИЗИЗ* (договор подписан 15 мая 1926 г., вышел сборник в октябре 1926) первая строфа была вообще снята (как и стк. 79 – 87), стихотворение получило заглавие «Черное и белое», были внесены некоторые поправки в текст. Однако при подготовке *Соч. 5* (рукопись сдана 12 ноября 1926) эти поправки автор учитывать не стал и вернулся к тексту, опубликованному в «Испании». По этому же тексту стихотворение перепечатывалось в сб. «Школьный Маяковский».

Печатается с уточнениями по автографу и первой публикации. Восстановлены по автографу авторские написания некоторых иноязычных слов (например, «лимитед» вместо появившегося в печати «лимитейд»). В автографе в стк. 32 слово «спектр» написано в форме «спектор» – один из примеров фонетической записи рифмы («спектор – инспектор»). В данном случае это перешло в печать: в «Красной нови» и *ИЗИЗ* тоже «спектор»; в «Испании» и *Соч. 5* – «спектр». Возвращаться здесь к искаженному написанию слова, даже при формальной мотивации рифмой, нецелесообразно. Ср. повторение этой рифмы в стих. «Лицо классового врага» (стк. 114 – 118).

Печаталось с пояснениями, изменявшимися в различных изданиях. В «Красной нови»: «*Блек энд уайт*» – Белые и черные (подзаголовок). *Vegago* – богатый квартал Гаваны. «*Энри Клей энд Бок, лимитег*» – табачник Гаваны. *Праго* – главная улица Гаваны. «*Ай бэг ёр паргон*» – «Простите!» – по-американски». В «Испании» и *Соч. 5*: «*Блек энд уайт* – черное и белое (только в *Соч. 5*). *Колларио* – гаванские цветы. *Vegago* – загородный квартал богачей. *Праго* – главная улица Гаваны. «*Ай бэг ёр паргон*» – «Прошу прощения»».

Афишные варианты заглавия: «Гавана» (Там и у нас. 1925), «Черные и белые» (Мое открытие Америки. 1925 и 1926), «Негр Вилли» (Испания. Атлантический океан. Гавана. Нью-Йорк. 1926; Мое открытие Америки. 1926; Идем путешествовать! 1927). В заявлении в Мосфинотдел от 26 августа 1926 г. стихотворение названо «Гавана». В тезисах выступлений, которые публиковались в программах, тема стихотворения обозначалась: «Гавана, виски, сахар и сигары» (Мое открытие Америки).

Особо выделено стихотворение в газетном отчете о выступлении Маяковского 4 января 1926 г. в Ленинграде с докладом «Мое открытие Америки». Оно охарактеризовано как «блестящее, сильное и острое, как кинжал». «Настоящим шедевром» названо также стихотворение «Христофор Колумб». Предваряя чтение стихов на этом вечере, Маяковский, в частности, говорил: «Я не читаю книг, я пишу их. Я предпочитаю собирать свои впечатления не из книг, а из путешествий. Мои последние пять лет прошли почти сплошь в странствиях» (Новая вечерняя газета. 1926. 5 янв.).

Стихотворение поначалу встретило одобрительный прием у критиков. Так, например, Г.Н. Мунблит в журнальном обзоре отметил: «Прекрасно

стихотворение Маяковского "Блек энд уайт" (...) Стихотворение написано с обычным для Маяковского мастерством. Чрезвычайно лаконичное, оно вместе с тем удивительно остро и выразительно» (Комсомолия. М., 1926. № 3, март. С. 51 – 52). Но вскоре оценки изменились. В другом журнальном обзоре (в рецензируемых номерах были напечатаны «Блек энд уайт» и «Кемп "Нит гедайге"») рапповец М.Г. Майзель осуждающе заметил, что Маяковский значительно острее в путевых заметках, чем в «ординарных стихах об Америке» (Звезда. 1926. № 2, март – апр. С. 272). В таком же обзоре критик совсем другой ориентации, А. Лежнев, выделив посмертные публикации Есенина и отметив, что в «Черном человеке» и «Стране Негодяев» «ясно ощущается влияние Маяковского», писал: «Стихи самого Маяковского (об Америке) лишний раз показывают его большую технику и то, что он топчется на одном месте. Его американские очерки занимательны, но поверхностны. Маяковский увидел в Америке именно то, что можно увидеть из окна вагона. Это – обычные заметки любопытного и праздного туриста» (ПуР. 1926. № 4, июнь. С. 96).

В числе других произведений это стихотворение использовал для выступления против Маяковского А.И. Безыменский. Пытаясь уличить Маяковского в заимствованиях у «пролетлитературы», он утверждал, в частности, что многое в «Блек энд уайт» взято у И.Уткина. Приведя строки:

Мотэле мечтает о курице,
А инспектор курицу ест,

он продолжал: «...ведь в словах "Белый ест ананас спелый, черный – гни-лю моченый. Белую работу делает белый, черную работу – черный" и во всем стихотворении ясно чувствуется веяние ритмики, темы и манеры Уткина в "Повести о рыжем Мотэле"» (Нов. мир. 1927. № 2, февр. С. 198).

Блек энд уайт – заглавие, возможно, было подсказано Маяковскому наименованием одного из сортов виски – «Black and White», которое он упоминает в очерках «Мое открытие Америки». Эта марка виски производится и поныне. Под тем же названием «Блек энд уайт» в 1910 г. на сцене петербургского «Дома интермедий» шел спектакль по пьесе К.Э. Гибшмана и П.П. Потемкина. Со 2 ноября по 13 декабря 1918 г. эта «негритянская трагедия» шла на сцене кабаре «Привал комедиантов» (музыка В.А. Шаэ, участники В.М. Казаринов, В.П. Лачинов, С.И. Антимонов, М.К. Яроцкая, К.В. Скоробогатов и др.).

Колларио – эти цветы упоминаются также в очерках «Мое открытие Америки» («...перед их особняками, увитыми розовым каларио...» – так в Соч. 5). Вероятнее всего, имеются в виду бугенвиллеи – декоративные вьющиеся или кустарниковые растения, цветущие белыми, розовыми или красными цветами. Название, скорее всего, сочинено Маяковским (от исп. colorido – красочность, яркость).

...камень памятника Масео... – Антонио Масео (1845–1896) – один из руководителей национально-освободительной борьбы на Кубе. Памятник ему (1916, скульптор Д.Бони) – один из значительных монументов Гаваны, находится неподалеку от района богатых особняков.

СИФИЛИС

(С. 177)

Молодая гвардия. 1926. № 4, апр.; *Маяковский В. Сифилис*. Тифлис, 1926; *Соч.* 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 34 (ГММ), без даты. Авторизованная машинопись — РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1092, без даты; была передана автором В.А. Катаняну 14 мая 1926 г. при заключении договора на отдельное издание произведения издательством «Заккнига» (книга вышла в июне 1926). Беловой автограф — стк. 220 — 228 в составе рукописи статьи «А что вы пишете?» (ГММ).

Печатается по *Соч.* 5.

Датируется не позднее апреля 1926 г.

Написано после возвращения из зарубежной поездки.

Печатается с исправлениями в стк. 189: «узор непонятный впеппен» вместо «узор непонятный влеппен» и в стк. 191: «у матери» вместо «у матерей» по автографу, авторизованной машинописи и обоим печатным источникам.

По тексту *Соч.* 5 перепечатывалось (с ошибками) в сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор» (М., 1929).

Говоря в мае 1926 г. о своей работе, Маяковский в статье «А что вы пишете?» отмечал: «Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас, такова поэма "Сифилис" (выйдет в журнале "Молодая гвардия"). Это стих о занятиях прогневших хозяев в завоеванных долларом колониях».

ХРИСТОФОР КОЛОМБ

(С. 183)

Маяковский В. Открытие Америки. Нью-Йорк: New world press, 1925 (отдельное издание стихотворения, с двумя рис. Д.Д. Бурлюка); Красная газ. 1925. 6 нояб., веч. вып.; Париж. вестн. 1925. 13 нояб.; *Испания; Соч.* 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты. Авторизованная машинопись — ГММ. Р-265, с датой «7. VII. Атлант. океан» (служила оригиналом для публикации в «Красной газете», на ней редакционная помета неустановленной рукой — «На октябрьский №», т.е. в номер газеты к Октябрьской годовщине).

Печатается по *Соч.* 5.

Датируется по авторизованной машинописи.

В машинописи стихотворение датировано 7 июля. Начато за несколько дней до этого. 3 июля с борта парохода Маяковский сообщал Л.Ю. Брик: «Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень трудно, так как за неимением одесситов трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках

дело героическое». В записной книжке стихотворение записано перед стих. «Блек энд уайт», датированным 5 июля, но, судя по характеру рукописи, в данном случае Маяковский записывал законченные стихи и порядок записи мог не совпадать во всем с порядком работы.

Хотя стихотворение практически полностью сложилось к моменту его фиксации в записной книжке, Маяковский вносил поправки почти при каждом переиздании, правда, по большей части незначительные. Они касались стилистических деталей. Существенными были лишь изменения заголовка и имени героя.

В черновике стихотворение называлось «Христофор Колумб». В июле 1925 г., во время пребывания в Мексике, Маяковский перебелил текст для отправки в Москву. При этом он изменил заголовок: стихотворение стало называться «Открытие Америки» (см. письмо Л.Ю. Брик середины июля 1925). Маяковский отправил его для публикации в «Лефе», но выпуск журнала к этому времени был прекращен, и оно в тот момент осталось ненапечатанным. В октябре 1925 г. Маяковский выпустил стихотворение отдельным изданием в Нью-Йорке. В этом издании он оставил новый, появившийся в Мексике заголовок «Открытие Америки», но ввел иронический эпиграф, где впервые возникло написание «Коломб», а также соответственно изменил в тексте «Колумб» на «Коломб». Н.И. Харджиев выдвинул предположение, что эти изменения были сделаны Д.Д. Бурлюком: «Занятый многочисленными публичными выступлениями в различных городах США, Маяковский поручил напечатание двух маленьких книжек Д. Бурлюку. Одну из них Д. Бурлюк, иллюстрировавший оба издания, самовольно озаглавил "Солнце в гостях у Маяковского". По сообщению самого Бурлюка, Маяковский этим был чрезвычайно недоволен, "но поправить уже было нельзя". В беседе со мною Д. Бурлюк сказал, что его конфликт с Маяковским был вызван и ошибками книжки "Открытие Америки". Не подлежит сомнению, что именно Бурлюк снабдил американское издание эпиграфом, отсутствующим в авторской машинописи и в тексте "Красной газеты": "Христофор Колумб был Христофор Коломб – испанский еврей. Из журналов". Под воздействием этого эпиграфа в тексте американского издания и возникло начертание "Коломб"» (Харджиев 1975. С. 102). Предположение Н.И. Харджиева носит умозрительный характер и не подтверждается историей текста.

Спустя месяц после выхода американского издания Маяковский еще раз напечатал стихотворение на этот раз в Париже, в газете советского полпредства «Парижский вестник». Публикация состоялась в дни, когда поэт был в Париже, и вполне вероятно, что он даже просматривал корректуру. Но самое существенное в том, что эта публикация, несомненно основывавшаяся на тексте американского издания, была бесспорно авторской: в тексте появился новый подзаголовок «Поэма», тогда же в эту газету Маяковский передал рукописи еще двух стихотворений – «Чарли Чаплин» и «Грузия», которые представляли собой глубокую авторскую переработку старых стихотворений «Киноповетрие» и «Владикавказ – Тифлис». Если правка в американском издании была проведена,

как предполагает Н.И. Харджиев, Д.Д. Бурлюком и Маяковский был так недоволен ею, то он имел возможность выправить текст перед сдачей в газету. Однако он сам выбрал данную версию текста и тем самым еще раз авторизовал ее. Что касается недовольства Маяковского, о котором рассказал Н.И. Харджиеву Д.Д. Бурлюк, то оно могло быть связано как с иллюстрациями, так и с грубыми опечатками американского издания.

За неделю до парижской публикации, 6 ноября, стихотворение появилось в ленинградской «Красной газете». Этому предшествовал анонс: «Завтра ... будет напечатан фельетон Вл. Маяковского, присланный из Америки вечерней Красной». Исходя из этого анонса, Н.И. Харджиев выдвинул еще одно предположение — что Маяковский «послал "Открытие Америки" в Ленинград по всей вероятности во второй половине октября» и что авторизованная машинопись, по которой стихотворение печаталось в «Красной газете», представляет собой не ту машинопись, которая была прислана Маяковским еще в июле из Мексики, а некий новый машинописный список (Харджиев 1975. С. 101). Однако нет никаких данных, что Маяковский действительно что-либо присылал из Америки в «Красную газету». Неправдоподобным выглядит само предположение, что Маяковский, ничего не прислав ни в одно из основных центральных изданий, где он преимущественно печатался («Известия», «Красная новь», «Прожектор», «Огонек», «Красная нива», «Красный перец» и др.), вдруг отправил крупное произведение, которое явно нравилось ему самому — недаром он намеревался напечатать его в «Лефе», — в ленинградскую газету, в которой он к тому же печатался раньше всего один раз в декабре 1922 г. Маловероятность подобного действия Маяковского подтверждается также и тем, что 25 сентября 1925 г. он телеграфировал Л.Ю. Брик, что по ряду обстоятельств ему, возможно, «придется прямо ехать в Москву печатать написанное», и ни словом не оговорился, что собирается что-либо куда-то высылать. Кто и когда передал текст стихотворения в «Красную газету», не установлено. Наиболее вероятно, что это могла сделать Л.Ю. Брик, располагавшая его текстом и нуждавшаяся в то время в деньгах (см. Янгфельдт 1991. С. 142 — 143). Кроме того, авторизованная машинопись, о которой идет речь и по которой стихотворение печаталось в «Красной газете», по ряду деталей текста ближе к рукописной, черновой редакции, чем к американско-парижской версии текста. Поэтому нет оснований пересматривать установившуюся точку зрения, что эта машинопись была выполнена не позже 15 июля 1925 г. в Мексике и тогда же прислана поэтом в Москву. Нельзя согласиться также с выводом Н.И. Харджиева, что она «дает окончательную редакцию стихотворения» (Харджиев 1975. С. 102).

По возвращении на родину, готовя в декабре 1925 г. сб. «Испания», Маяковский вернул стихотворению его первоначальный заголовок, но уже в новой огласовке — «Христофор Колумб», и повторил зафиксированное в американском и парижском изданиях изменение имени героя. В данном случае причиной могло послужить совпадение заглавий. Сборник стихов (в договоре он был назван «Мексика — Америка») в рукописи получил название «Мое открытие Америки». Таким образом, у трех

произведений оказались сходные заголовки: книга прозаических очерков «Мое открытие Америки», книга стихов с тем же названием и одно из стихотворений тоже «Открытие Америки». Возможно, именно поэтому было изменено заглавие стихотворения. Название книги стихов вместо первоначального «Мое открытие Америки» в корректуре (июнь 1926) также было переделано на «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка».

Неслучайность изменения заглавия стихотворения подтверждается и тем, что в корректуре «Испании» (РГАЛИ), в оглавлении, где оставалось традиционное написание имени героя, «Колумб» было исправлено на «Коломб». С несущественными уточнениями текст «Испании» был повторен в Соч. 5. Таким образом, есть все основания считать, что последовательные изменения, которые вносились в текст стихотворения, отражали сознательное желание автора.

Изменив написание имени героя, но сохранив рифмующиеся с первоначальным вариантом имени слова, Маяковский как бы «разрушил» несколько точных рифм в тексте (стк. 31–35: «Колумбом – ум бы», стк. 112–117: «на полу – Колумб», стк. 159–163: «на колу – Колумб»), внешне превратив их в диссонансные. Но в реальности, видимо, поэт не намеревался менять принципы рифмовки. В чтении он сохранял прежние рифмы, что подтверждается свидетельством Н.И. Харджиева: «23 июня 1926 г. я слушал Маяковского в Летнем саду в Одессе. Читая "Открытие Америки", поэт не нарушил рифмовки на протяжении всего стихотворения» (Харджиев 1975. С. 102). Обратив внимание на это своеобразное противоречие, М.Л. Гаспаров дал ему остроумное объяснение: «Получился текст, в котором читатель как бы приглашается одновременно видеть написание "Коломб" и слышать произношение "Колумб" – художественная напряженность, подчеркивающая демифологизаторский пафос эпиграфа и стихотворения. Произношение "Колумб" дает понять, что автор относится к написанию "Коломб" с иронией и что эпиграф здесь игровой, несерьезный» (Гаспаров. С. 533).

Изменяя написание имени героя, Маяковский, возможно, отталкивался от его французского написания и произношения – *Colomb* (лат. *Columbus*, ит. *Colombo*, исп. *Colon*), но скорее всего стремился придать сходство с известной еврейской фамилией Голомб (среди его знакомых был, например, Эммануил Григорьевич Голомб, управляющий конторой издательства «Огонек»).

Первоначальные варианты заглавия («Открытие Америки» и «Христофор Колумб») Маяковский использовал в афишах и программах выступлений.

В эпиграфе, объясняя сюжетную завязку стихотворения, Маяковский сослался на некие «журналы». Эта отсылка, вероятнее всего, носила не конкретный, а иронически-условный, игровой характер. В русской печати заметки о якобы еврейском происхождении Христофора Колумба (1451–1506) появлялись (см., напр.: Синий журнал. СПб., 1913. № 27, 5 июля. С. 11, без подписи «Колумб – еврей»), но заметного впечатления не оставляли. В зарубежной печати начиная с конца XIX в. эта проблема время от времени поднималась, выдвигались разные версии, в том числе

что Христофор Колумб был «испанским евреем». Проблема обсуждается и поныне (см., напр.: *Leibovici S. Christophe Colomb juif. P., 1986*). Какие именно статьи пересказали Маяковскому его московские или парижские (Э. Триоле?) — ср.: *Aragon L. Le fou d'Elza. P., 1963. P. 343*) собеседники, неизвестно, но скорее всего главным литературным источником для него явились не эти пересказы, а стихотворение Г. Гейне «Вицлипуцли».

Основная направленность этого стихотворения немецкого поэта в демифологизации истории. В нем говорится об открытии Нового Света и последовавшем за этим вместо раскрепощения человека его новым, еще большим закабалении, обнищании и унижении. Все это находит отчетливые параллели как в этом стихотворении Маяковского, так и в следующем — «Мексика». Отзвуки стихотворения Г. Гейне ясно различимы в том, как в совсем иных деталях рисует Маяковский первую встречу Колумба с новой землей.

Немецкий поэт лишает историю романтических черт. Вопреки традиции, изображавшей завоевание Мексики испанскими конкистадорами как подвиг, а их предводителя Эрнана Кортеса как бесстрашного воина, покорявшего кровожадных дикарей и несшего им истинную веру и блага цивилизации, Г. Гейне говорит о нем:

Не герой он был, не рыцарь,
А глава разбойной шайки.

(Пер. Е. Дмитриевского)

Маяковского, несомненно, увлек критический, антиромантический, разоблачительный пафос стихотворения Гейне. Правда, Гейне в своем произведении противопоставлял Кортесу именно Колумба, рисуя его героем «с открытым сердцем, / Чистым, как сиянье солнца». Маяковский подхватил основную мысль немецкого поэта о демифологизации и деромантизации истории. Он продолжил и развил ее, но обратил в данном случае как бы против Колумба, придав его образу иронически-юмористическую окраску. Возможно, что даже сама мысль представить Колумба евреем окрепла под воздействием этого произведения Гейне. Кортесу, кроме Колумба, Гейне противопоставлял еще одного героя — библейского пророка Моисея. При этом немецкий поэт подчеркивал его принадлежность еврейскому роду, что могло соблазнить Маяковского представить евреем и Колумба.

Литературный кризис усмотрел в этом и в других, примыкающих к нему «мексиканских» стихотворениях С.М. Городецкий, отметив, что за послереволюционные годы футуристы «достигли смелой и отчетливой формы, способной и быть доступной массам, и вмещать многое из содержания, данного революцией. Многие, но не все. Лирика во всем ее многообразии осталась за пределами этого нового лефовского футуризма. Только некоторые признаки лирики — ирония, сарказм — вошли в обиход в политсатирах футуризма. Но вся богатейшая палитра огромных переживаний революции, ее страдания, ее подчас трагические моменты, остались вне власти футуристов, отсюда тот кризис в футуризме, который мы замечаем сейчас...». Этот кризис, по мнению С.М. Городецкого,

сказался в том, что «в момент, когда захотелось продумать бои, победы и поражения, почувствовать их, обласкать их песенным словом, — а такой именно момент мы теперь переживаем, — школа футуристов не могла ответить этим требованиям. Налицо вслед за несомненной победой оказался кризис футуризма. Он имеет разнообразные проявления. Маяковский в последних своих мексиканских и других американских стихах, не изменяя своей виртуозности и находчивости, изменяет масштабу своей поэзии. То, что недавно было основной темой его поэм, — революционный пафос, — теперь становится только неизбежной концовкой его стихов. А внутрь их входит и пейзаж, и натюрморт, и география, и история» (*Горгоецкий С.* Текущий момент в поэзии // Советское искусство. 1926. № 2, февр. С. 18—19). Противоположное мнение высказал другой рецензент, подчеркнувший именно лирическое начало в американских стихах: «Острой и убедительной сатирой звучит заключение лирического в целом стихотворения "Христофор Колумб" (собственно говоря, эта насыщенная лирикой баллада, пожалуй, лучшая вещь в книге по выдержанности стиля и направления)...» (*Шибанов В.* [Рец. на:] Испания// *ЛиР.* 1927. № 2, март. С. 200).

...отсюда, с Жижона... — Французский вариант наименования испанского порта Хихон, где приставал пароход «Эспань», на котором плыл Маяковский. Экспедиция Колумба отправилась в плавание из небольшого порта Палос, расположенного на юге, а не на севере страны.

...с волной сарагоссовой ~ лучки травы волокли. — Сарагоссово (правильно — Саргассово) море изобилует плавучими водорослями.

...ведущие на Сан-Сальвадор.— Сан-Сальвадор (другое наименование — Гванагани) — один из Багамских островов, первая «американская земля», которой достиг Колумб 12 октября 1492 г.

«Мажестик» — один из крупнейших океанских лайнеров.

ТРОПИКИ

(С. 190)

Красный Крым. 1926. 11 июля, с подзаголовком «Из новых, неизданных стихов»; Красная нива. 1926. № 35, 29 авг.; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 36 (ГММ).

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

В статье «Как делать стихи?» приведена одна из рифм, появившаяся вскоре в этом стихотворении: «(Окрашенные) *нагусто* — (и дни и ночи) *августа*». Обо всех приведенных им заготовках Маяковский замечал: «Способ грядущего их применения мне неведом...» Исходя из этого, можно предположить, что к моменту написания статьи (май — июнь 1926) стихотворение еще не было создано.

В «Красной ниве» было напечатано с тремя рисунками Маяковского, представляющими собой авторское повторение зарисовок, сделанных

во время поездки (Зап. книжка № 33, ГММ), с датами «Havana. 11/VI», «Mexico. 28/VII», «Mexico. 27/VII».

...а *видом* — шантеклеры. — Шантеклер (фр. Chantecler) — петух, персонаж французского ироикомического животного эпоса «Роман о лисе» («Роман о Ренаре»). В России его имя получило известность во многом благодаря пьесе Э. Ростана «Шантеклер» (1910).

МЕКСИКА

(С. 192)

Огонек. 1926. № 1, 3 янв.; *Испания; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты; записано после стихотворения «Блек энд уайт». В *Испании* и *Соч. 5* с датой «20/VI 1925 г.», где в указании месяца описка: в Мексике Маяковский был с 8 по 27 июля 1925 г.

Печатается по *Соч. 5.*

Датируется по автографу.

Печатается по *Соч. 5* с исправлениями по автографу в стк. 119: «Вера-крус» вместо «Вера-Круц»; стк. 138 и 171: «Монтесума» вместо «Моктецума»; стк. 190: «Мехико» вместо «Мексико».

В «Испании» и *Соч. 5* с примечаниями: «Гачупины — испанцы, гринго — американцы. Презрительные мексиканские прозвища. Пульке — полуводка. Чапульталек — сад в Мехико. Гальвано, Морено, Карио — коммунисты Мексики. Наг мексиканским арбузом — цвета мексиканского знамени — цвета арбуза: зеленый, белый, красный».

В очерках «Мое открытие Америки» с небольшими разночтениями цитируются стк. 245 — 261 и 280 — 288.

В «Огоньке» — с предисловием, которое представляет собой краткий авторский пересказ отдельных мест главы «Мексика» из очерков «Мое открытие Америки» и шестью фотографиями, привезенными поэтом из Мексики, со следующими подписями, очевидно составленными им: «1. Красный флаг, вывешиваемый в Мексике на доме неплательщика за квартиру. 2. Бой быков в Мехико-сити. 3. Мексиканский коммунист тов. Морено с Вл. Маяковским. 4. Тов. Карио, мексиканский коммунист. 5. Мексиканский пейзаж. 6. Памятник Сервантесу в Чапульталепеке (Мехико-сити)».

Афишные варианты заглавия: «Бой быков» (Там и у нас. 1925), «Индийская история» (Мое открытие Америки. 1925), «Моктецума — Ястребиный Коготь» (Дирижер трех Америк. 1925; Мое открытие Америки. 1926; Моктецума вместо *Монтигомо* в афише — возможно, описка).

Многие исторические факты, имена и реалии, встречающиеся в стихотворении, получили более полное описание и авторское объяснение в очерках «Мое открытие Америки».

Монтигомо Ястребиный Коготь и *Бледнолицый Брат* — прозвища героев рассказа А.П. Чехова «Мальчики».

...птицы кетцаль... — Кетцаль (кецаль, квезаль) — птица, обитающая в Центральной Америке. Один из верховных богов индейских племен — Кецалькоатль — изображался с головным украшением из перьев этой птицы.

... из избы озера вставал пуэбло... — Пуэбло — испанское наименование (pueblo) поселений некоторых индейских племен, которые представляли собой многоквартирные дома в пять-шесть этажей, вмещавшие 1—3 тыс. человек. Подобные жилые постройки, имевшие и оборонительное значение, были характерны для группы племен (так наз. индейцы пуэбло), обитавших севернее — на совр. территории юго-запада США. Ацтеки, о столице которых Теночтитлане идет речь в стихотворении, подобных построек не возводили. Теночтитлан (на его месте современный Мехико) представлял собой крупный город с дворцами, многочисленными домами и храмовыми постройками. Он был захвачен и разрушен испанскими конкистадорами в 1521 г.

...Изабелла, жена короля Фердинанда. — Изабелла I (1451—1504), королева Кастилии, супруга Фердинанда II (1452—1516), короля Арагона. Она поддержала первое путешествие Колумба, в ходе которого был открыт Американский континент.

Кортес Эрнан (1485—1547) — испанский конкистадор, в 1519—1521 гг. возглавлял поход в Мексику, основал город Веракрус.

...двумордые идолы. — В очерках «Мое открытие Америки» Маяковский писал о посещении музея в Мехико: «Мы смотрели древние, круглые, на камне, ацтекские календари из мексиканских пирамид, двумордых идолов ветра, у которых одно лицо догоняет другое».

Монтесума (Монтецума, Моктесума, Монтекусума) (1466—1520) — правитель ацтеков, захваченный в плен Э. Кортесом, призвал соплеменников покориться испанцам, за что был убит восставшими индейцами.

Гватемок (Куаутемок, Cuauhtemoc; 1494?—1525) — последний верховный правитель ацтеков, возглавлял защиту Теночтитлана, был захвачен в плен испанцами и казнен.

...чтоб в бронзе веками стоять... — В Мехико памятник Куаутемоку (1878—1887, скульптор М. Норенья).

...чехарда всех этих Хуэрт и Дизцов?.. — В предисловии к стихотворению в «Огоньке» Маяковский, шаржируя перипетии политической борьбы в Мексике, смены президентов и диктаторов (особенно частой в 1830—1850-х и 1910-х годах), писал: «Потом чехарда правительств. За 30 лет — 37 президентов: Гваделупы, Хуэрты, Хуарецы, Диецы». В стихотворении могли, в частности, подразумеваться генералы Диас (Diaz) Порфирио (1830—1915) — президент Мексики в 1877—1880 и 1884—1911 гг. и Уэрта (Huerta) Викторiano (1845—1916) — президент Мексики в 1913—1914 гг. или Уэрта (Huerta) Адольфо де ла (1881—1955), правивший с мая по ноябрь 1920 г.

Сарапе — род пончо; в очерках «Мое открытие Америки» Маяковский писал, что мексиканцы ходят в «сарапе» — «пестрых коврах, прорезанных посередине, чтоб просунуть голову и спустить концы на живот и спину».

Два таких коврика, привезенных из Мексики, висели в квартире Маяковского в Гендриковом переулке (см. *Восп. 1993*. С. 162).

Гваделупа — одно из наиболее почитаемых в католической Мексике изображений Богородицы.

Что Рига, что Мехико — рождественный жанр. — Упоминание о Риге и сравнение с Латвией возникли в связи с тем, что первым секретарем советского полпредства в Мексике был знакомый Маяковского, Леон Яковлевич Гайкис (1898 — 1937). «Это мой самый большой мексиканский друг», — писал поэт к Л.Ю. Брик в 1928 г. Подробнее: *Штейн О.* Маяковский и Гайкис: мексиканские связи // Маяковский в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М., 2008. С. 371 — 373, фото.

...взамен одного Запаты... — Сапата (Zapata) Эмилиано (1879 — 1919) — руководитель крестьянского движения во время мексиканской революции 1910 — 1917 гг.

Гальван (Galvan) Урсуло — один из руководителей крестьянского движения в Мексике, первый президент основанной в 1926 г. Национальной крестьянской лиги Мексики. Участвовал в первом Международном крестьянском конгрессе, проходившем в Москве 10 — 16 октября 1923 г., был избран членом президиума Международного крестьянского совета (Крестинтерн). В декабре 1923 г. доставил в Мексику письмо Исполкома Коминтерна с рекомендациями о тактике дальнейшей революционной борьбы (см.: Коминтерн и Латинская Америка. М., 1998. С. 56). Являлся членом компартии Мексики, из которой в июле 1929 г. был исключен вместе с Д. Риверой.

Морено Франциско Хавьер (1895 — 1925) — коммунист, член палаты депутатов штата Веракрус. В дни пребывания Маяковского в США в коммунистической газете появилась корреспонденция из Мексики от 17 сентября, в которой сообщалось, что Морено «был застрелен в правительственном дворце в Халапе». «Морено был известен тем, что недавно раскрыл взятку в миллион песо, данную нефтяной компанией генералу Хара, губернатору штата... Морено был членом коммунистической партии около года... Получая немалые деньги как депутат, он большую часть передавал коммунистической партии, крестьянской лиге Веракрус и другим рабочим и крестьянским организациям: одно из условий его вступления в партию состояло в том, что он передает свое жалованье одному из профсоюзов. Он был с железнодорожниками и одним из активных лидеров профсоюза железнодорожников... Важно отметить, что Кальес (президент Мексики в те годы) должен был посетить Халапу завтра. Вспоминается, что одно из "приготовлений" к визитам старых русских царей в их провинциальные города заключалось в уничтожении их политических врагов» (*Daily Worker*. 1925. 18 sept.). 21 сентября в той же газете была опубликована фотография, на которой были сняты Маяковский и Морено.

Каррио (прав. Каррильо Аспеитиа; Carrillo Azpeitia) Рафаэль (1903 — ?) — член федерации коммунистической молодежи Мексики с 1919 г., член компартии Мексики с 1922 г., с апреля 1924 г. секретарь ЦК компартии Мексики. В 1923 г. побывал в СССР. Делегат VI конгресса Коминтерна, входил в программную комиссию. Член ИККИ (от Мексики).

Наряду с перечисленными революционерами в черновике стихотворения упомянут также Луис Монзон (Monzon) (1872–1942) — сенатор в 1922–1926 гг. В 1924 г. вступил в компартию, в 1925 г. возглавил мексиканскую секцию МОПРа.

БОГОМОЛЬНОЕ

(С. 199)

Бак. рабочий. 1926. 23 февр.; Новый мир. 1926. № 6, июнь; *Испания*; Соч. 5.

Автограф — в Зап. книжке № 33 (ГММ), без даты; судя по месту в записной книжке (автограф — между записями стихотворений «Мексика» и «Бродвей»), написано между 20 июля и 6 августа, вероятнее всего, еще во время пребывания в Мексике, т.е. до 28 июля.

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 21: «брат Nôtre Dame'a по площади» вместо «брат Nôtre Dame'a на площади» по автографу.

Датируется по месту в записной книжке.

Афишный вариант заглавия — «Донна Эсмеранда Хуан де Лопец» (Там и у нас. 1925).

Стихотворение перепечатывалось в газ. «Русский голос» (Нью-Йорк, 1926. 27 июня) и сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор» (М.; Л., 1929), с искажениями и без «лесенки» (см. примеч. к стих. «6 монахинь»).

Кафедраль — грандиозный собор (1568–1667, архитекторы К. де Арсиньегга, А.Перес де Кастаньеда и др.), расположен в историческом центре Мехико близ центральной площади Пласа де ла Конститусьон, иначе именуемой Сокало (от исп. zocalo — цоколь).

Эсперанца, Лопец и т.д. — здесь и в других стихотворениях Маяковский приводит многие испанские имена в немецкой огласовке (Диас вместо Диас, Лопец вместо Лопес, Эсперанца вместо Эсперанса и т.п.).

МЕКСИКА–НЬЮ-ЙОРК

(С. 202)

Шквал. Одесса, 1926. № 25, 26 июня; Соч. 5.

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 35: «шпалы сыпятся» вместо «шпалы сыплются» по первопечатному тексту и с конъектурой в стк. 28: «тюрьма-решето» вместо «тюрьма решета».

Датируется по первой публикации.

В середине июня 1926 г. стихотворение было сдано в редакцию «Огонька», где напечатано не было (*Хроника 1985*. С. 344). В редакцию «Шквала» было передано, вероятно, в первые дни пребывания в Одессе, куда Маяковский выехал из Москвы 19 июня.

На обложке того же номера журнала, в котором было опубликовано стихотворение, был напечатан, как его определил сам автор, «более чем дружеский автошарж» — «Иду красивый двадцатидвухлетний». Поясне-

ние редакции: «Шарж на В. Маяковского, нарисованный для "Шквала" самим В. Маяковским».

В Соч. 5 с пояснениями: «*Два Лоредо* — Лоредо — пограничный город между Мексикой и Соединенными Штатами. Граница проходит через город, деля его на две части. *Сан-Луис, Мичиган, Иллинойс* — штаты Северной Америки. "*Твенти-Сенчерс, экспресс*" — экспресс "Двадцатый век", название поезда. *Rapid* — скорый поезд».

...*тюрьма-решето*... — В очерках «Мое открытие Америки» Маяковский пишет, что в пограничном городе Лоредо, прежде чем дать разрешение на въезд в США, его поместили на несколько часов в доме с «комнатами с решетками». В публикациях, вероятно, дефект текста («тюрьма решета»), который исправляется по смыслу.

Сан-Луис — имеется в виду один из крупных американских промышленных центров Сент-Луис (Saint Louis, штат Миссури), а не мексиканский город Сан-Луис.

БРОДВЕЙ

(С. 204)

Красная нива. 1926. № 4, 24 янв.; *Испания; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты. В «Красной ниве», *Испания, Соч. 5* — с датой «6 августа, Нью-Йорк».

Печатается по Соч. 5.

Датируется согласно вышеуказанной помете.

Печатается по Соч. 5 с исправлениями стк. 43: «и занят» вместо «занят», стк. 60 и 63: «То вынесут» и «то спрячут» вместо «и вынесут», «и спрячут», стк. 66: «Тебя ослепило» вместо «Тело ослепило», стк. 95: «не сдеру» вместо «не сдерну» по автографу и первым публикациям.

В «Красной ниве» напечатано с двумя фотографиями: 1. «Индустриальная Америка. Фабричный город Франклин в Пенсильвании, где сосредоточены нефте- и маслоперегонные заводы Рокфеллера», 2. «Индустриальная Америка. Фабричный поселок Гарвик в Пенсильвании».

В «Красной ниве» — с пояснениями и переводами: «*Чуинггам* — жвачка, которую жует вся Америка. "*Мек моней?*" — "Делаешь деньги?" вместо привета. *Бизнес* — дело. *Собвей* — подземная городская железная дорога. *Элевтер* — воздушная городская железная дорога. "*Кофе Максвел гуд ту ди ласт дроп*" реклама Нью-Йорка: "Кофе Максвел хорош до последней капли". "*Гау гу ю гу*" — привет при встрече». В *Испании* и *Соч. 5*: «"*Мек моней?*" — "Делаешь деньги?" *Бизнес* — дело. *Собвей* — подземка. *Элевтер* — воздушная железная дорога. "*Кофе Максвел гуд ту ди ласт дроп*" — "Кофе Максвел хорош до последней капли". "*Гау гу ю гу*" — американское приветствие».

Афишные варианты заглавия: «Нью-Йорк» (Поэзия, живопись и театр в СССР. 1925), «Гав-ду-ю-ду» (Дирижер трех Америк. 1925), «Гау-ду-ю-ду» (Мое открытие Америки. 1926), «Мать моя, мамочка» (Идем путешествовать! 1927).

Стихотворение — первое, написанное в Нью-Йорке, куда Маяковский приехал 30 июля 1925 г. Перед ним в записной книжке — четверостишие, которое стало заключительной строфой стихотворения «Небоскреб в разрезе». В этом четверостишии определился лейтмотив, ставший главенствующим для ряда стихотворений, созданных за месяцы нью-йоркской жизни («Барышня и Вульворт», «Порядочный гражданин», «Небоскреб в разрезе», «Вызов», «100%» и др.). Черновой автограф стихотворения — это первоначальный набросок текста: отсутствуют третья и четвертая строфы, пятая еще не нашла своего места, существенно различаются с окончательным текстом шестая и седьмая строфы, однако костяк стихотворения, его образный строй и план определились уже на этой, самой ранней стадии. Беловой автограф, когда автор, перенося текст из записной книжки, окончательно уточнял редакцию и композицию, неизвестен.

В рецензии на *Испанию* Я.М. Шафир отмечал: «Очень хороши сатиры Маяковского "Бродвей", "Барышня и Вульворт", "100%" и другие. В них беспощадно высмеивается буржуа, его цинизм и ханжество...» (Книгоноша. 1926. № 40, 30 окт. С. 16).

Чуинггам (англ. chewinggum) — жевательная резинка.

Собвей (англ. subway) — подземка, метро.

Элеветер (англ. elevated railway) — вид городского транспорта, рельсовая железная дорога, поднятая на уровень третьего этажа на металлической эстакаде. Первый участок в Нью-Йорке был построен еще в 1867 г. В 20-е годы ее линии проходили по многим, в том числе центральным улицам города. Они создавали огромные неудобства: постоянный грохот и полумрак, в которых тонули улицы. В ходе реконструкции были объединены с метро и в настоящее время сохранились только на окраинах.

«*Кофе Максвел гуд ту гу ласт грон*». — Слоган, который и поныне используется в рекламе этого известного сорта кофе, производимого фирмой «Филипп Моррис» («Maxwell House Coffee good to the last drop»). Маяковский столкнулся с ним, в частности, в рассказе М.Каули «Лейдендекеровский портрет» (см. примеч. к стих. «100%»). Во время поездки Маяковский мог не только слышать его, но и постоянно видел как на рекламных стендах, так и на газетных полосах. Например, в еврейской газете «Фрайгайт», где в то время печатались стихи Маяковского в переводе на идиш, едва ли не ежедневно появлялась эта реклама. В черновом автографе Маяковский записал четверостишие, в которое он ввел эту фразу, практически набело, но саму фразу не вписал, хотя она явно подразумевалась, так как рифмы были уже установлены точно. Фраза, очевидно, была вписана в беловой автограф кем-то из его нью-йоркских знакомых, но в какой форме (по-английски или в русской транскрипции) — неизвестно.

Гау гу ю гу? (англ. How do you do?) — Как вы поживаете?

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

(С. 207)

Красная нива. 1926. № 17, 25 апр.; Соч. 5.

Беловой автограф — Зап. книжка № 34 (ГММ), без даты. В автографе заголовок внешне выделен, но синтаксически объединен с первой строкой в единую фразу: «Свидетельствую, — вид индейцев таков...»

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Печатается с исправлениями в стк. 43 — 44: «Иными рейсами» вместо «Иными рельсами» по автографу.

Написано после возвращения из американской поездки, в январе — марте 1926 г. (возможно, в конце марта: в стк. 58 — 60 можно видеть намек на прошедший 17 марта в Москве диспут), но раньше, чем «Сифилис»: в записной книжке беловой автограф стихотворения предшествует черновику «Сифилиса».

В «Красной ниве» — с двумя фотографиями: 1. «Индейцы в Нью-Йорке» (индейцы в традиционной одежде на смотровой площадке небоскреба); 2. «Улица в Детройте. Новые небоскребы». Авторы снимков не указаны.

Перепечатывалось в газ. «Русский голос» (Нью-Йорк, 1926. 23 мая).

Пенсильвэниа Стейшен (Pennsylvania Station) — Пенсильванский вокзал в Нью-Йорке, по определению Маяковского — «один из самых гордых видов мира» (Мое открытие Америки). Был построен в 1906 — 1910 гг., интерьер главного зала представлял собой увеличенный макет терм Каракаллы в Риме. Реконструирован в 1966 — 1968 гг., при этом железнодорожные платформы были перенесены на подземный уровень.

Кулидж — см. примеч. к стих. «Небоскреб в разрезе».

...возить переводы произведений Жарова. — Намек на экспансионистские тенденции рапповцев, стремившихся охватить своим влиянием не только СССР, но и литературные круги и читательскую аудиторию Запада. В июле 1924 г. во время пятого конгресса Коминтерна было создано Международное бюро пролетарской литературы (председатель А.В. Луначарский; в 1925 г. переименовано в Международное бюро революционной литературы — МБРЛ). Как сообщал один из руководителей бюро, оно видело свою задачу, в частности, в «идейном руководстве пролетарской периодической печатью Европы» и поэтому «рекомендовало для европейских рабочих издательств и журналов произведения Д. Бедного, А. Безыменского, И. Доронины, А. Жарова, А. Серафимовича, Ю. Либединского и др.» (Веч. Москва. 1926. 12 янв.).

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ

(С. 211)

Экран. М., 1925. № 37, 25 дек.; *Испания; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты. Написано между 6 августа (дата стихотворения «Бродвей», вслед за которым в записной книжке идет «Барышня и Вульворт») и 10 сентября (в этот день стихотворение читалось автором на вечере в Централ Опера Хаус — газ. «Русский голос». Нью-Йорк, 1925. 10 сент., в программе обозначено как «Вульворт и барышня»), вероятнее всего — в середине августа.

Печатается по *Соч. 5* с исправлениями по автографу в стк. 2: «гулево» вместо «гуллево», стк. 86: «и бритвы раздай» вместо «а бритвы раздай», стк. 88: «А девушке мнится» вместо «Девушке мнится», а также в стк. 14: «тайпистки» вместо «тописты» по первопечатному тексту.

В черновом автографе стк. 72 — 73 записаны частично по-английски («опен, опен the доог») — редкий случай в рукописях Маяковского; как правило, он записывал английские слова в русской транскрипции.

В журн. «Экран» напечатано с двумя фотографиями: 1. «Вульворт, самый высокий небоскреб в Нью-Йорке (57 этажей), сплошь занятый конторами»; 2. «...И чудится девушке...» (Маяковский у витрины нью-йоркского магазина).

В журн. «Экран» — с пояснениями и переводами: «*Тайпистки* — машинистки. "*Дрогс сога...*" — большая, знаменитая национальная компания шипучих напитков. *Опен, опен ги дог* — Открой, открой дверь. *Ай лов ю.* — Я люблю тебя. *Май, май горл.* — Моя, моя девочка. *Вол-стрит* — улица банков в Нью-Йорке». В *Испании* и *Соч. 5* — с измененными и сокращенными переводами и примечаниями: «"*Дрогс сога...*" — "Великая и знаменитая национальная компания" — название парфюмерного магазина, при котором всегда имеется стойка для питья вод и еды мороженого. *Опен, опен ги дог.* — Откройте, откройте дверь. *Ай лов ю.* — Я люблю вас. *Май, май горл.* — Моя девушка, моя дорогая».

По тексту журн. «Экран» с дополнительными ошибками перепечатывалось в газ. «Красная Татария» (1926. 7 февр.).

Один из литературных источников стихотворения — рассказ М.Каули «Лейдендекеровский портрет» (см. примеч. к стих. «100%»).

В лирическом подтексте стихотворения нашло отражение знакомство Маяковского с Элли Джонс (урожд. Елизавета Петровна Зиберт, 1904 — 1985). Она была уроженкой России, вышла здесь замуж за англичанина Дж.Джонса и вместе с ним уехала в Англию, затем в США. В августе 1925 г. в Нью-Йорке на одной из литературных вечеринок она познакомилась с Маяковским. Вскоре возникла их взаимная симпатия. Элли Джонс находилась тогда в фактическом разводе с мужем, и ей приходилось зарабатывать себе на жизнь самостоятельно, она трудилась, в частности, моделью в одном из нью-йоркских магазинов. Позже она окончила университет и стала преподавателем. 15 июня 1926 г. у Элли Джонс родилась дочь Хелен (Патриция), которую Маяковский увидел только один раз, в конце октября 1928 г. в Ницце — «быстрота и случайность приезда», как

он писал, позволили ему пробыть там лишь «пару дней» (см. журн. «Эхо планеты». 1990. № 18. С. 39–44; подробно об отношениях Маяковского с Элли Джонс см.: Томпсон П. Дж. Маяковский на Манхэттене: История любви с отрывками из мемуаров Элли Джонс. М., 2003; см. также примеч. к стих. «Вызов» и «Кемп "Нит гедайге"»).

Вульворт (англ. Woolworth Building) – Вулворт-билдинг – самый эффектный среди небоскребов начала века. Построенное в 1913 г., это 60-этажное здание высотой 241 м до 30-х годов было самым высоким в мире. Задумывалось как монумент успехам американского бизнеса. Выполненное в неоготическом стиле, оно получило прозвище Храм торговли (Cathedral of Commerce).

Вол-стрит (англ. Wall Street) – совр. транскрипция: Уолл-стрит.

НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ

(С. 214)

Красная нива. 1926. № 1, 3 янв.; *Испания*; Соч. 5.

Черновой набросок заключительной строфы стихотворения – Зап. книжка № 33 (ГММ), перед черновиком стихотворения «Бродвей». Запись строфы не датирована, сделана, вероятно, в первые дни по приезде в Нью-Йорк, до 6 августа 1925 г. Черновой автограф – Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты, после стих. «Барышня и Вульворт». На полях черновика – не связанная с текстом помета «16/X 21». Возможно, это дата выступления Маяковского в Политехническом музее в Москве (с ошибкой в один день), когда поэта впервые увидела Элли Джонс.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по месту в записной книжке.

Замысел стихотворения возник, видимо, сразу по приезде в Нью-Йорк, т.е. после 30 июля. Написано между 6 августа и 10 сентября, когда поэт читал его в Сентрал Опера Хаус (газ. «Русский голос». Нью-Йорк, 1925. 10 сент.; в рекламном объявлении обозначено как «Внутри небоскреба»).

Печатается с исправлением в стк. 4б: «над очагом» вместо «под очагом» по автографу.

Кроме «Внутри небоскреба», известен еще один афишный вариант заголовка: «Сто этажей» (Дирижер трех Америк. 1925; Мое открытие Америки. 1926).

Вскоре по приезде в Нью-Йорк в беседе с Майклом Голдом Маяковский говорил:

«Америка прошла грандиозный путь промышленно-технического развития, которое изменило облик ее мира. Но люди Америки еще не достигли уровня этого нового мира. Они все еще живут в прошлом. В интеллектуальном отношении ньюйоркцы – все еще провинциалы» (The World. N.Y., 1925. 9 Aug.).

И. Дукор выделил стихотворение как один из характерных примеров «эстрадно-фельетонных» принципов построения образа у Маяковского (Дукор И. Маяковский – газетчик // На лит. посту. 1927. № 22/23, нояб. – дек. С. 68–69).

В скважину замочную, сосредоточив прыть... — Для получения развода необходимо было представить доказательства измены. Американские газеты пестрели сообщениями о бракоразводных делах, основанных на показаниях сыщиков (см., напр.: Русский голос. Нью-Йорк, 1925. 3 июля — «Миллионер проиграл дело о разводе»: чтобы доказать измену жены, муж нанял сыскных агентов, подкупил слуг в отеле и т.д.).

Кулидж (Coolidge) Калвин (1872 — 1933) — тридцатый президент США (1923 — 1929).

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН

(С. 217)

Бак. рабочий. 1926. 26 февр.; Нов. мир. 1926. № 3, март; *Испания; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты. Записано вслед за стих. «Небоскреб в разрезе» перед стих. «Вызов». Судя по этому, написано после 6 августа, но не позднее 20 сентября (дата «Кемп "Нит гедайге"»), вероятнее всего — в августе (см. примеч. к стих. «Вызов»).

Печатается по *Соч. 5.*

Датируется по месту в записной книжке.

В печатных источниках текста стихотворения, судя по всему, возникла случайная перестановка двух строф (строфы 9 и 10, стк. 71 — 80 и 81 — 90; в «Бакинском рабочем», «Новом мире», *Испании* и *Соч. 5* они печатались в обратном порядке). Ошибка возникла, вероятно, при перебеливании текста. Топография черновой рукописи позволяет установить как подлинный порядок строф, так и возможный ход появления искажения.

Черновик стихотворения записан на двух разворотах записной книжки. Основной текст записывался на правой стороне разворота, на левой — вставки к нему. На первом развороте: справа — начальные восемь строф, слева — вставка, дополнительная строфа («Двести дам, если сотни мало...»). Она записана точно против того места, куда предназначалась, четко указано место вставки. На втором развороте: справа — две заключительные строфы, слева — дополнительная строфа («Успокойтесь, вне опасения...»). Место вставки этой строфы не указано. Ошибка — именно в определении местоположения этой строфы.

В печатном тексте она оказалась между строфами «А хозяин в отеле Плаза...» и «Бог на вас не разукоризнится...». То, что в черновике данные строфы шли одна вслед за другой, неслучайно — они связаны сюжетно и текстурально («с Богом сблизься...» — «Бог на вас не разукоризнится...» и т.п.). Если бы автор предназначал дополнительную строфу как вставку между ними, он должен был ее записать на левой стороне *первого* разворота, а не второго. Между тем он этого не сделал, хотя там было достаточно места. Представляется, что дополнительная строфа предназначалась как вставка перед строфой «Клоб полиций...»: именно поэтому она была занесена на второй разворот, а не на первый, именно поэтому не было обозначено и место вставки: последовательное чтение строф по чер-

новику — «Успокойтесь, вне опасения...», «Клоб полицей...», «И, елозя по небьим сводам...».

Возможный ход возникновения искажения: при перебеливании автор случайно преждевременно перелистнул страницу записной книжки, переписав следующую строфу, заметил пропуск, вписал пропущенные строки, но забыл отметить их правильное местоположение. Механическая ошибка перешла в машинопись и закрепилась в печатных источниках.

Нарифмув стк. 64 — 68 («Плаза — глазки») обратил внимание Н.И. Харджиев. Он писал, что это рифма «уместная только в дилетантских стихах» и видел здесь «нелитературную акцентовку "глазы", усиливающую отрицательную эмоциональную окраску слова» (*Харджиев 1981. С. 295*). В черновике это слово написано не очень отчетливо, но скорее должно читаться «глазки», чем «глазы». В рукописи 22 раза встречается «ы», из них в 20 случаях чтение этой буквы как «ы» не вызывает сомнений. В начертании данного слова «ы» не читается, точнее, просматривается «к». Но главное в том, что трудно предположить, чтобы Маяковский в этом стихотворении использовал такую диалектно-архаичную форму (ср. у С. Есенина в «Песне о Евпатии Коловрате» — «Подыми-ка глазы-уголья...» или у И. Северянина в «Колье рондо» — «В мимозах льна олуенные глаза...» — *Victoria Regia. М., 1915. С. 84*). Предположение Н.И. Харджиева не может служить основанием для конъектуры, но должно учитываться при решении декламационных вопросов. См. об этом также — *Гаспаров. С. 535*).

Печаталось с пояснениями, которые менялись в различных изданиях. В «Бакинском рабочем»: «Бусы — автобусы. Куни-Айланг — остров увеселений. Сенк'ю — "Благодарю вас". Клоб — полицейская палка. Элеветер — воздушная железн. дор. Сенк'ю — "Благодарствую". Бизнес — дело. Клоб — палка полицейского». В *Испании и Соч. 5*: «Бусы — автобусы. Куни-Айланг — Лерха-парк (луна-парк?). Сенк'ю — "Благодарю". Менегжер — представитель, организатор».

Афишный вариант заглавия — «Статуя Свободы» (*Дирижер трех Америк. 1925; Мое открытие Америки. 1926*).

Элеветер — см. примеч. к стих. «Бродвей».

Кто понравится — дочерю! — Эту историю Маяковский подробнее рассказал в очерках «Мое открытие Америки». Источником могла послужить газетная хроника: «Миллионер удочерил чешку 16 лет» (*Русский голос. Нью-Йорк, 1925. 6 авг.*).

Куни-Айланг в автографе и печатных источниках Куни-Айланг, исправлено по тексту «Мое открытие Америки»; *англ. Coney Island*) — место в Нью-Йорке на океанском побережье с пляжами, аттракционами, барами и увесилительными заведениями.

...в отеле Плаза... — Отель Плаза — один из наиболее фешенебельных в Нью-Йорке. В нем 800 номеров, в том числе 14- и 17-комнатные апартаменты для «богатых и знаменитых». Славится богатой отделкой холлов и ресторанов.

... барабаны «армий спасения». — Армия спасения (Salvation Army) — религиозная филантропическая организация, основанная в 1865 г. в Лондоне; проводит богослужения с пением псалмов и музыкой; ее активисты, собирая пожертвования, иногда привлекали внимание барабанным боем.

...*божий менеджер, поп Платон.* — Митрополит Платон (Рождественский Порфирий Федорович, 1866 — 1934) прибыл в США в апреле 1921 г., с 5 сентября 1922 г. стал временно управляющим, а с 16 сентября 1923 г. управляющим Алеутской и Североамериканской епархией. Вскоре он попытался отделить епархию не только от Московской патриархии, но и от Русской зарубежной церкви, стремясь установить «самочинную автокефалию» (Русская православная церковь за границей: 1918 — 1968. Нью-Йорк, 1968. Стб. 55). В этой связи 10 января 1924 г. ему было направлено послание патриарха Тихона о вызове в Москву «для канонического суда над ним». Он не подчинился, и 16 января 1924 г. последовало постановление патриарха Тихона и Синода об устранении его от управления епархией, чему он также не подчинился и до смерти оставался «вне общения с Московской патриархией» (Акты святейшего патриарха Тихона. М., 1994. С. 299, 308 — 310, 887). Аналогичные решения принимались и Синодом Русской зарубежной церкви. Все эти годы, в частности и в 1925 г., отстаивая свои притязания, митрополит Платон вел шумную пропагандистскую кампанию (см., например, публикации в газ. «Русский голос» 3 июля 1925 г.: «Платон обжаловал действия архиепископа Адама Филадельфийского»; 8 июля: сатирические стихи «Раз в Нью-Йорке, в центре самом, // Где стоит собор, // Меж Платоном и Адамом // Был великий спор»; 30 июля: «Платоновцы безуспешно штурмовали собор на 97 улице» и т.п.).

...*демократ Кулидж.* — Президент К. Кулидж, известный своим покровительством предпринимательству, выдвинул лозунг: «Дело Америки — бизнес!» Период его президентства получил позже наименование «просперити». В рукописи был назван «молчальником», по одной из расхожих журналистских характеристик: «Американцы — самая разговорчивая и шумная нация в мире. Калвин Кулидж — самый неразговорчивый и молчаливый человек в Америке. Это молчаливость, за которой — признают сами американцы — ничего не кроется» (Левин И. Кулидж // Вечерняя Москва. 1926. 5 марта). Калвин Кулидж был президентом от республиканской, а не от демократической партии.

...*пляет руку ваша Свобода...* — Статуя Свободы (Statue of Liberty, «Свобода, несущая свет миру», 1886, франц. скульптор Ф.О. Бартольди, арх. Р.М. Хант) установлена на небольшом острове в устье Гудзона. Поблизости на острове Эллис-Айленд (Ellis Island) с 1892 по 1953 г. находился главный центр по приему эмигрантов в США, до 1954 г. — карантинный лагерь. Там проводился также паспортный контроль прибывших в нью-йоркский порт иностранцев, которые почему-либо не могли сразу, на пароходе, оформить разрешение на въезд в США. Использовался также как пересыльный пункт и лагерь для депортируемых, за что получил прозвище Остров слез. В 1990 г. на острове открылся Музей эмиграции.

ВЫЗОВ

(С. 220)

Коммунист. Харьков, 1926. 14 февр.; Бак. рабочий. 1926. 22 февр.; Красная газ. 1926. 4 июня, веч. вып.; Шквал. Одесса, 1926. № 26, 3 июля.

Первоначальная заготовка стк. 25 – 30 – Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты, сразу вслед за черновиком стих. «Барышня и Вульворт». Черновой автограф – Зап. книжка № 33, без даты, между автографами стихотворений «Порядочный гражданин» и «100%». Судя по местоположению заготовки, замысел стихотворения возник среди первых созданных в Нью-Йорке произведений.

Печатается по журн. «Шквал».

Датируется по месту в записной книжке.

Написано между 6 августа и 10 сентября (даты стихотворений «Бродвей» и «Кемп "Нит гедайге"»), вероятнее всего – в конце августа («Сплюнул я, не доев и месяца...» – 27 июля Маяковский пересек границу США, 30 июля приехал в Нью-Йорк). При публикации в газ. «Коммунист» под текстом было указано место написания – Нью-Йорк.

Все четыре прижизненные публикации – авторские: в Харькове поэт был 25 – 27 января, в Баку – между 17 и 24 февраля, в Ленинграде – между 17 и 23 мая, в Одессе – 20 – 28 июня 1926 г. Вероятно, в эти дни рукописи передавались в соответствующие редакции. Первые две публикации были осуществлены по идентичным текстам: в них одинаковые грубые ошибки, которые возникли, видимо, при перепечатке и не были замечены автором. Для третьей и четвертой публикации Маяковский заново переписал текст с черновика. При этом он отказался от ряда поправок, которые были им сделаны при подготовке двух первых публикаций, но внес новые изменения, связанные преимущественно со снижением личного начала в тексте («Нам смешны» вместо «Мне смешны», «День наш» вместо «День мой», «Пьем» вместо «Пью» и т.п.) и ритмической разбивкой строк.

Печатается с исправлением в стк. 21: «атакою тройной» вместо «атакою тройною» по автографу и с уточнениями в пунктуации по другим источникам. Необходимость указанного исправления отмечена: *Гаспаров*. С. 533.

Автор часто читал это стихотворение с эстрады. Из десяти известных афиш и программ выступлений по американским впечатлениям стихотворение указано в четырех (Мое открытие Америки. 1925 и 1926; Дирижер трех Америк. 1926; Нью-Йорк и Париж. 1926; афишные варианты заглавия – «Злоба» и «Первое предостережение»). Тем не менее автор не включил его ни в *Испанию*, ни в *Соч. 5*. Причиной могли послужить композиционные соображения. Другую причину – стремление Маяковского скрыть от Л.Ю. Брик свои отношения с Элли Джонс, отразившиеся в стихотворении, выдвигает В.Н. Дядичев (см.: Памир. Душанбе, 1993. № 3/4. С. 156 – 192; правда, с этим не согласуется то, что Маяковский включал в *Испанию* и *Соч. 5* другие стихи, где не менее отчетливо прочитывались эти личные ноты, а также то, что «Вызов» он не только читал на двух своих первых по возвращении больших московских публичных

вечерах в Политехническом музее 6 и 19 декабря 1925 г., но и выносил его на афиши). Маяковский, видимо, рассматривал подборку американских стихов в *Испании* и *Соч. 5* как серию стихотворных очерков-впечатлений от зарубежной поездки. В отличие от других входящих в эту группу стихотворений, в «Вызове» нет рассказа о той или иной стороне американской жизни, это публицистическая инвектива, а не повествование об Америке. Поэтому он мог и не включить стихотворение в подборку.

Печаталось с пояснениями, которые менялись в различных изданиях. В «Коммунисте»: «*Риверсайг* — аристократическая часть Нью-Йорка. *Прогибишен* — закон о запрещении торговли вином. "*Белая лошадь*" — марка водки-виски». В «Бакинском рабочем»: «*Риверсайг* — часть Нью-Йорка. *Прогибишен* — запрещение спиртных напитков. "*Белая лошадь*" — сорт виски». В «Красной газете» и «Шквале»: «*Риверсайг* — богатая часть города. "*Белая лошадь*" — марка водки "виски". *Депортация* — высылка. *Бродвей* — ярчайшая улица Нью-Йорка».

В журн. «Шквал» стк. 11 — 17 напечатаны дважды: в тексте стихотворения и как своего рода эпитафия к рисунку: «Вокзал в Нью-Йорке. Вот как представляется нью-йоркский вокзал европейскому художнику. Рисунок сделан английским художником Паркером».

Риверсайг (англ. Riverside) — Риверсайд-Парк — узкая длинная полоска зелени вдоль Гудзона от 79-й до 129-й улицы. В общем смысле — богатый район Нью-Йорка на берегу Гудзона, в путеводителях нередко отмечается, что Риверсайд-драйв, как и Уолл-стрит, — «национальный символ богатства».

...фордами штурмуют мрака форт. — Упоминание форта могло возникнуть не просто как метафора, а как следствие зрительных ассоциаций. Неподалеку от той воображаемой точки, откуда смотрит автор, на южной оконечности Манхэттена, среди небольшого парка находится кирпичный форт Кэстл Клинтон, построенный в начале XIX в. для защиты нью-йоркской гавани. На эту историческую достопримечательность Маяковский вполне мог обратить внимание.

...вперед американиский флот. — Неподалеку на Гудзоне расположена стоянка военно-морского флота.

Картер Ник — герой американской детективной книжной серии, популярной в России 1910 — 1920-х годов.

Мы целуем — беззаконно! — *над Гудзоном ваших глинноногих жен.* — Речь идет о взаимоотношениях Маяковского с Элли Джонс (см. примеч. к стих. «Барышня и Вульворт»). Дочь Маяковского Патриция Томпсон так передавала рассказ своей матери: «В 1925 году, вскоре после приезда Маяковского в Америку, на одном из его поэтических вечеров мои родители познакомились. Почти все время, что Владимир Владимирович находился в стране, они провели вместе». П. Томпсон сообщила также, что Маяковский знал, что Э. Джонс ждала ребенка, он «просил маму писать ему обо всем, но на адрес своей сестры Ольги. Он боялся, что письма ее попадут в руки Брик. Эту женщину, как рассказывала мне мама, Маяковский не-

множко побаивался и называл "злым гением" его жизни» (Эхо планеты. 1990. № 18. С. 40 – 41).

Прогибшшен (англ. prohibition – запрет) – с 16 января 1920 г. в США вступила в силу 18-я поправка к конституции, согласно которой в стране запрещались «производство, продажа и перевозка опьяняющих напитков с целью их потребления». «Сухой закон» спровоцировал контрабанду и массовую подпольную торговлю спиртным. Данная поправка к конституции была отменена в 1933 г.

100 %

(С. 223)

Нов. мир. 1926. № 1, янв.; *Испания; Соч. 5.*

Черновой автограф – Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты, между автографами стихотворений «Вызов» и «Американские русские». Судя по местоположению в записной книжке, написано между 6 августа и 10 сентября (см. примеч. к стих. «Порядочный гражданин»).

Печатается по *Соч. 5.*

Датируется по месту в записной книжке.

Печатается с уточнением графики стк. 5–9. (В *Испании* и *Соч. 5:* «В винницкой глуши тьмутараканясь, / так я рисовал, / вот так мне представлялся / стопроцентный // американец».)

В *Испании* с пояснением: «*Ол райт!* – Все правильно».

Афишный вариант заглавия: «Ол райт» (Мое открытие Америки. 1925).

В своем стихотворении Маяковский повторил заглавие романа Эптона Синклера «Сто процентов. (История одного патриота)», перевод которого на русский язык вышел несколькими изданиями в 1922–1925 гг. В одном из изданий на титуле воспроизводилось заглавие романа на языке оригинала: «100%. Story of a patriot» (*Синклер Э. Сто процентов. М.; Л., 1924*). Сюжеты стихотворения и романа не совпадают.

Один из литературных источников стихотворения – рассказ Малькольма Каули «Лейдендекеровский портрет» (M. Cowley, 1898 – 1989; тогда начинающий литератор, поэт, позже – один из ведущих американских критиков и историков литературы). Рассказ напечатан в журн. «Леф» (1923. № 2, апр. – май. С. 47–54). В рассказе дан сатирический портрет американского дельца, живущего среди стандартных патентованных предметов потребления (еды, одежды, мебели, развлечений) и постепенно превращающегося в составную часть этого мира. Такова же и его жена, которая «работает восемь часов в день в окне магазина» – рекламирует средство по уходу за зубами. Рассказ заканчивается «позмой», представляющей собой своего рода монтаж рекламных слоганов. Некоторые из этих рекламных фраз вошли в стихи Маяковского или даже использовались им в рекламах: «Хорош До Последней Капли», «Самый Легкий и Самый Лучший Способ», «Солнечный Свет Ночью» и т.д.

В предисловии к переводу рассказа М. Левидов писал: «...какая же благоуханная — не американская, а общечеловеческая — пошлость окружает, как воздух, этих американских business man'ов с квадратными челюстями... Где же американизм? В чем он?.. Все внешние условия жизни — на самом деле сконцентрировались, скомбинировались, сплелись и сошлись для того, чтобы создать человека из мускулов, воли и разума. Жизнь на самом деле механизирована и стандартизирована для того, чтобы экономизировать расход человеческой энергии... Но где же человек из мускулов, воли, разума?... Мускулы? Нет, — тряпки. Воля? Нет, — рахитизм стремления. Разум? Нет, — слепо трусливый инстинкт» (Левидов М. Американский трагифарс // Леф. 1923. № 2, апр. — май. С. 46).

Шеры (англ. share) — акции.

Массачузетт — современное написание Массачусетс (англ. Massachusetts).

АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ

(С. 226)

Новая вечерняя газета. Л., 1926. 9 янв.; Известия. Одесса, 1926. 20 янв., веч. вып.; *Испания*; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты, вслед за стих. «100%». Судя по месту в записной книжке, написано между 6 августа и 10 сентября (см. примеч. к стих. «Порядочный гражданин»).

Печатается по Соч. 5.

Датируется по месту в записной книжке.

В первой публикации печаталось без примечаний. В последующих — со значительным числом пояснений (при этом в одесских «Известиях» — с явным вмешательством редакции, коснувшимся даже текста). В одесских «Известиях»: *Апойнтман* — служба (явная редакционная ошибка). *Апартман* — квартира. *Стриткара* — трамвай. *Трен* — поезд. *Тикет* — билет. *Корнер* — угол. *Севен оклок* — семь часов. *Борджер* (в газете в тексте переделано на *брогер*) — брат (явное редакционное искажение). *Джаб* — дело. *Офис* — контора. *Гуг бай*. — До свиданья. *Вест* — Запад. *Ист* — Восток». В *Испании* и Соч. 5: «*Апойнтман* — свидание. *Апартман* — квартира. *Блок* — квартал. *Стриткара* — трамвай. *Трен* — поезд. *Тикет* — билет. *Корнер* — угол. *Бутлегер* — торговец спиртом. *Борджер* — квартирант. *Джаб* — работа. *Офис* — место службы».

В Америке Маяковский вращался по большей части в специфической языковой среде, значительную часть которой составляли выходцы из России. В результате у него сложилось одностороннее представление об обиходном языке страны. В очерках «Мое открытие Америки» он писал: «Язык Америки — это воображаемый язык Вавилонского столпотворения, с той только разницей, что там мешали языки, чтоб никто не понимал, а здесь мешают, чтоб понимали все. В результате из английского, скажем, языка получается язык, который понимают все нации, кроме англичан (...)

Мне, не знающему английский язык, все-таки легче понимать скупосло-

вого американца, чем сыплющего словами русского. Русский называет: трамвай — стриткарой, угол — корнером, квартал — блоком, квартиранта — бордером, билет — тикетом, а выражается так: "Вы поедете без меняния пересядок". Это значит, что у вас беспересадочный билет».

Впервые Маяковский прочел это стихотворение 16 октября 1925 г. в нью-йоркском Парк Паласе, где проходил «концерт-бал кружка пролетарских писателей». «В.В. Маяковский прочел несколько своих стихотворений, уже напечатанных и публике известных, но между ними было одно свеженькое: "Русский язык в Нью-Йорке". Оно очень насмешило публику» (газ. «Русский голос». Нью-Йорк, 1925. 21 окт.).

Афишные варианты заглавия: «Их язык» (Мое открытие Америки. 1925), «Петров и Каплан» (Дирижер трех Америк. 1925; Мое открытие Америки. 1926), «Нью-Йорк и Одесса» (Испания, Атлантический океан, Гавана, Нью-Йорк. 1926; Мое открытие Америки. 1926). Публикация в «Новой вечерней газете» предварялась анонсом: «Завтра "Литературное приложение" (...) Вл. Маяковский. Одесса в Америке (отрывок)».

Дрогс ликет (англ. Drugs and Liquid) — «Лекарства и напитки» — вывеска на так называемых драгсторах (drugstor) — типично американских заведениях, сочетающих аптеку и магазин товаров первой необходимости, длительное время в них были стойки с автоматами газированной воды и других прохладительных напитков и небольшие закусовые.

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

(С. 228)

Прожектор. 1925. № 24, 31 дек.; *Испания*; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты, вслед за стих. «Американские русские». Судя по местоположению в записной книжке, написано между 6 августа и 20 сентября (см. примеч. к стих. «Порядочный гражданин»).

Печатается по Соч. 5 с исправлениями в стк. 52: «прозрачным свечением окон» вместо «в прозрачном свечении окон» по автографу, в стк. 140: «взлетали по аэро» вместо «взлетели по аэро» по автографу и *Испанию*, в стк. 165: «как на поезд» вместо «как в поезд» по автографу, а также с уточнениями графики строк по первой публикации.

В «Прожекторе» напечатано вместе с фотографией Бруклинского моста (без подписи и указания имени фотографа).

Датируется по месту в записной книжке.

С чтением стихотворения автор выступал в одной из рабочих аудиторий Нью-Йорка: «Когда Маяковский прочел перед многочисленной рабочей аудиторией Нью-Йорка свое новое стихотворение "Бруклинский мост", в котором поэт выразил восхищение гигантской техникой человеческого гения, кто-то с балкона бросил: "Не забудьте, товарищ Маяковский, что с этого же моста часто безработные бросаются в воду, разочарованные и измученные жизнью"» (*Гисенькин З.* Два Нью-Йорка // *Русский голос.* Нью-

Йорк, 1925. 13 дек., воскр. прилож.). Возможно, что соответствующая строфа стихотворения («Здесь жизнь была...»), которая в черновом автографе записана отдельно, на полях, другими чернилами и вставлена в уже завершённый текст, была написана под впечатлением от этой реплики.

В рецензии на *Испанию* В. Шибанов, выделяя это стихотворение, отнес его к числу «наиболее сильных», подчеркнув в нем «напряженный пафос технического творчества» (*ПуР*. 1927. № 2, март. С. 199). К числу наиболее удачных отнес это стихотворение и Г.Н. Мунблит, отметив, в частности, что «Маяковскому прекрасно удается в его последних стихах сочетание юмора и лирики. Это делает их не только занимательными, но глубокими и искренними» (Комсомолия. М., 1926. № 3, март. С. 52).

Бруклинский мост (1869—1883, инж. Дж. и У. Реблинги) — один из крупнейших мостов Нью-Йорка, через Ист-Ривер (один из рукавов реки Гудзон), соединяет центральную часть Нью-Йорка, расположенную на острове Манхеттен, и другой район города — Бруклин. Расценивался как одно из воплощений новых принципов конструирования.

Представление Бруклинского моста как нового идеала красоты связано с выдвигавшимися Лефом идеями конструктивизма (рационализация художественного языка, лаконизм, уподобление творческого процесса конструированию и производству, «делание вещей» и т.д.). С этим связана и формула Маяковского: «Борьба за конструкции вместо стилей» (в рукописи и первой публикации: «Мечта о скупом конструктивном стиле, // религия гаек, тяги и стали»). На основе этих идей в то время сложилось союзничество между Лефом и группой конструктивистов (И.Л. Сельвинский, К.Л. Зелинский и др.), которое позже сменилось разрывом и острой полемикой, в частности, вокруг отношения к технике. Правда, Маяковский уже в то время предостерегал от чрезмерного увлечения ею: «...не воспевание техники, а обуздание ее во имя интересов человечества» (Мое открытие Америки). В стихах тоже не было абсолютной апологии техницизма. Бруклинский мост фигурировал у Маяковского и раньше — в поэме «Про это», что, несомненно, сближало данное стихотворение с одной из главных метафор поэта, объединивших такие его произведения, как «Человек» и «Про это», — мост как крестный путь, предельная точка душевного кризиса, Голгофа героя. В данном стихотворении лирическая напряженность этого образа вместо высокого трагического пафоса поэмы предстает в прозаически сниженном, «технизированном» облике. Ср.: в стих. «Кемп "Нит гедайге"» снижение идет еще дальше: в духе Саши Черного поэт называет мост (на этот раз «мост в коммунизм») всего лишь «приспособленьем для простуд». В этом, в частности, разница в уровне лирической заостренности поэмы «Про это» и данных стихов.

Кулидж — см. примеч. к стих. «Небоскреб в разрезе».

...разьюнайтег стетс оф Америка (англ. United States of America) — Соединенные Штаты Америки.

Элеветер — см. примеч. к стих. «Бродвей».

КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»

(С. 232)

Молот. Ростов-на-Дону, 1926. 14 февр.; Красная новь. 1926. № 2, февр.; Испания; МиП; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты, вслед за стих. «Бруклинский мост». Черновой автограф существенно отличается от окончательного текста, в частности иным порядком строф. Изменения вносились, вероятно, при перебеливании текста. Когда оно проводилось — неизвестно, скорее всего 20 сентября. Эта дата («20/IX — Нью-Йорк») указана в «Красной нови», *Испании*, *Соч.* 5.

Печатается по *Соч.* 5.

Датируется по месту в записной книжке.

В газ. «Молот» и «Красная новь» с примечаниями: «Кемп — лагерь (англ.). *Nit gedayge* — Не унывай (еврейск.). Название летнего рабочего поселка, организованного под Нью-Йорком еврейской комгазетой «Фрайгайт». В *Испании* и *Соч.* 5: «Кемп — лагерь. *Nit gedayge* — Не унывай».

Лагерь «Нит гедайге» под Нью-Йорком как место летнего отдыха был организован нью-йоркским профсоюзом швейников и еврейской газетой «Фрайгайт». В лагере проводились различные вечера, иногда выступал большой хор, существовавший при газете (именно выступление этого хора подразумевается в стихотворении). В лагерь Маяковский приезжал несколько раз: в последних числах августа, а также 4, 5 и 6 сентября, когда три вечера подряд выступал там (Русский голос. Нью-Йорк, 1925. 2 сент.; Фрайгайт. Нью-Йорк, 1925. 4 сент.). Один из присутствовавших, Ш. Эпштейн, вспоминал: «Как рыба в воде, почувствовал себя Маяковский в пролетарском летнем лагере "Нит гедайге", являющемся одним из лучших достижений американского революционного движения. Он неутомимо читал свои стихи перед внимательными рабочими слушателями. Его львиный голос часто раздавался над горами, над рекой Гудзон. Прочитав на большой поляне свою прекрасную поэму о Ленине, он произвел колоссальное впечатление. Даже те, кто не понимал русского языка, всеми чувствами ощущали мощь этой поэмы. Лагерь "Нит гедайге" Маяковский увековечил в своих стихах» (Червоний шлях. Харьков, 1930. № 5/6, июнь. С. 148; пер. с укр.).

В лагере Маяковский был вместе с Элли Джонс. Там он 6 сентября нарисовал ее портрет. С этим кругом переживаний поэта, вероятнее всего, связана заготовка рифм «ласковы — глазки вы», которая находится в той же записной книжке, что и автограф стихотворения, на развороте с ним.

Кулидж — см. примеч. к стих. «Небоскреб в разрезе».

Форд Генри (1863—1947) — пионер американского автомобилестроения, основатель компании «Форд мотор» (1903). На его книгу «Моя работа и жизнь», перевод которой был выпущен в Петрограде в 1923 г., Маяковский ссылается в очерках «Мое открытие Америки».

МКХ — Московское коммунальное хозяйство.

«Мы смело в бой пойдем...» — Слова из припева песни времен Гражданской войны «Слушай, рабочий, война началась...» (переделка строевой песни времен Первой мировой войны «Слушайте, деды, война началась...», мелодия которой восходила к русскому романсу «Белой акации гроздья душистые...»); рефрен этой песни звучал: «Смело мы в бой пойдем за Русь святую // И, как один, прольем кровь молодую...» Рефрен переделки времен Гражданской войны известен в различных записях, в частности строка, приведенная Маяковским: «Смело мы в бой пойдем...» — «Мы все на бой пойдем...» и др.) Этот рефрен Маяковский привел также в поэме «Владимир Ильич Ленин» (стк. 2128 — 2131).

ДОМОЙ!

(С. 236)

Молодая гвардия. 1926. № 1, янв.; Бак. рабочий. 1926. 19 февр.; *Испания; Соч. 5.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 33 (ГММ), без даты (реконструкцию см. в разд. «Другие редакции»). Отрывок из стихотворения был вписан Маяковским 1 марта 1926 г. в Тифлисе в альбом Б.И. Корнеева (местонахождение автографа в настоящее время неизвестно; воспроизведение рисунка поэта, которым сопровождался автограф, см.: О Маяковском: Дни и встречи. Тбилиси, 1963. С. 95).

Печатается и датируется по первой публикации.

Американская записная книжка завершилась черновиком стихотворения «Домой». Хотя в ней оставалось немало чистых листов, другие стихи Маяковский в нее не вносил. Особенности расположения текста, изменения почерка и другие детали черновика стихотворения дают возможность определить последовательность написания тех или иных частей текста и на этой основе судить о развитии художественного замысла.

Стихотворение было начато на борту парохода «Rochambeau», на котором Маяковский после трехмесячного пребывания в США 28 октября 1925 г. отплыл из Нью-Йорка в Гавр. Плавание продолжалось восемь дней, и, вероятнее всего, в эти дни стихотворение было закончено.

Судя по рукописи, сразу, практически набело были записаны первые пять строф и начата шестая. Начатое как лирическое, стихотворение к этому моменту стало меняться. В шестой строфе возникла тема общественного долга, тема недостижимости личного счастья без его слияния со служением общественным идеалам, невозможности личного счастья вне счастья общего. Видимо, в связи именно с этим кругом размышлений на данном этапе у поэта сложилась заготовка из двух строф:

Я хочу быть понят моей страной,
а не буду понят, что ж...
По родной стране пройду стороной,
как проходит косой дождь.

Проценты на время! Как не идти —
в хороший отданы рост.
Мне 30 уже и у 30-ти
пошел пробиваться хвост.

Он занес эту заготовку отдельно, на левую сторону разворота записной книжки, справа было записано начало стихотворения. Заготовку он, вероятно, рассматривал как материал для конца. В этих двух строфах звучали мотивы опасения отчужденности, желание быть понятым, возникли образы «косоного дождя» и «хвоста годов» (этот образ в стихотворении не реализовался, но потом не раз возникал у поэта и прозвучал в «Во весь голос»: «с хвостом годов я становлюсь подобием...»).

Маяковский вернулся к тексту, когда у него сложились строки о своем поэтическом служении гражданскому долгу. В этой связи он изменил последние строки шестой строфы. Вместо:

Я же с туч поэзии бросаюсь в коммунизм
от огромной, от несбыточной любви

появилось:

Я с небес поэзии бросаюсь в коммунизм,
потому что нет мне без него любви.

Вслед за этим опять-таки сразу, практически набело были записаны строфы 7–11. Этот отрезок текста завершался строкой «Чтобы делал доклады Сталин» и пересказом этого гипотетического доклада.

Затем Маяковский пишет три концевые строфы. Первая резко вводит тему одиночества на чужбине («Почему под иностранными дождями // Намокать мне, гнить мне и ржаветь»). Вторая еще больше усиливает ее: даже собственное имя Владимир рождает трагические ассоциации — «похожее на вымер, на стон». Кульминацией стала третья строфа. Как часто бывало у Маяковского, именно в этой, концевой строфе концентрировалась основная мысль стихотворения, она становилась главной, ударной. Здесь Маяковский практически повторил первую строфу заготовки, возникшей еще в работе над началом, но со знаменательным изменением: в третьей строке заготовки было — «по родной стране», стало — «по чужой стране».

Так сложился первый слой стихотворения. Он был создан, очевидно, еще на борту парохода, во всяком случае еще до возвращения на родину. Этим объясняется характер концовки (все три строфы написаны от лица человека, находящегося на чужбине) и такие ее детали, как французские реалии в тексте (франки, «мусье Гастон» — Маяковский плыл на пароходе французской компании).

Последующие изменения были связаны преимущественно с переработкой конца стихотворения. Первая из трех концевых строф была перенесена в середину стихотворения, что изменило ее смысл и тональность. Полностью была исключена вторая строфа. Рукопись дает возможность отделить этот второй слой правки от начального, но не дает достаточно данных, чтобы судить о том, был ли этот второй слой правки единовременным, разовым или же поправки вносились несколько раз. Трудно

определить также, когда именно происходила эта перестройка конца стихотворения. С уверенностью можно сказать только, что поправка в стк. 101 – 102 (первоначально: «чтобы делал доклады Сталин», исправлено: «пред съездом докладывал Сталин»), которая зафиксирована в черновике, была сделана по возвращении в Москву и связана с тем, что 18 декабря 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) И.В. Сталин выступал с отчетным докладом. Однако первоначальный вариант данной строки, как и всей этой части стихотворения, был написан вне связи с этим событием.

Окончательно перебеливал стихотворение поэт, очевидно, уже после возвращения в Москву. Беловая рукопись неизвестна, но изменения, внесенные им на этой стадии, ясны из сопоставления верхнего, последнего слоя черновика и первопечатной редакции. На этом этапе стихотворение получило заглавие, была произведена ритмическая разбивка строк, внесены поправки в стк. 15 – 16, 35, 47, 64, 88, 103, 108 – 109, в заключительном четверостишии вместо «по чужой стране» вновь стало «по родной стране». Возможно, именно с этим этапом работы связана поправка в стк. 101 – 102, отмеченная выше.

Первопечатная редакция стихотворения, подготовленная сразу по приезду, включавшая завершающую строфу, появилась в январе 1926 г. Она была без изменений повторена автором в феврале 1926 г. Параллельно с этим в конце декабря 1925 г. была подготовлена и в начале января сдана в производство рукопись «Испании» (рукопись не сохранилась, но о ней можно судить по сверстанной корректуре сб. «Испания» – РГАЛИ). Здесь заключительная строфа была снята, стк. 101 – 102 даны в первоначальной редакции, изменена ритмическая разбивка строк и пунктуация. В июне 1926 г., перед отъездом в Крым, Маяковский смотрел корректуру этого сборника: в корректуре правка была внесена только в это стихотворение (в стк. 108 – 111 вместо «Коминтерн и Союз в пониманье стихов достигли довоенной нормы» стало «В Союзе Республик пониманье стихов выше довоенной нормы»), были также написаны Маяковским и приложены к корректуре примечания к отдельным словам и выражениям в стихах, вошедших в сборник. По свидетельствам Р.О. Якобсона и Л.Ю. Брик (см. ниже), некоторые из этих изменений были сделаны по рекомендации О.М. Брика.

С публичным чтением стихотворения Маяковский выступил 19 декабря 1925 г. в Москве в Политехническом музее на вечере «Дирижер трех Америк» (афишный вариант заглавия – «Маркита»).

О чтении Маяковским первой редакции стихотворения (хотя это было уже после сдачи в производство сб. «Испания») вспоминали многие современники. Так, Г.Д. Катанян писала о его выступлении 1 марта 1926 г. в Тифлисе в Театре Руставели:

«Первое стихотворение, которое я слышу в исполнении Маяковского, – "Домой".

У него глубокий бархатный бас, поражающий богатством оттенков и сдержанной мощью. Его артикуляция, его дикция безукоризненны, не пропадает ни одна буква, ни один звук.

Одно стихотворение — но сколько в нем смен настроений, ритмов, тембров, темпов и жестов! А строки:

Маркита,
                                Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
                                Маркита,
не любишь меня...

— он даже напевал на мотив модного вальс-бостона.
Конец же:

Я хочу быть понят моей страной,
а не буду понят —
  что ж?!
По родной стране
  пройду стороной,
как проходит
  косой дождь —

он читал спокойно, грустно, все понижая голос, замедляя темп, сводя звук на полное пиано.

Впечатление, произведенное контрастом между всем стихотворением и этими заключительными строками, было так сильно, что я заплакала» (*Восп. 1993. С. 247*).

О чтении Маяковским этого стихотворения в этот же день на вечеринке у К. Зданевича вспоминал В.А. Катанян:

«Маяковскому не сиделось. Со стаканом вина в руке он переходил с места на место. С тахты на качалку. Топтался, бормотал, напевал:

Маркита,
                                Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
                                Маркита,
не любишь меня...

И потом последняя строфа этого стихотворения, которая не была еще тогда отброшена (...).

Не один и не два, а много-много раз повторялись те же строчки и вновь он возвращался к ним:

Я хочу быть любим
  моей страной,
а не буду любим —
  что ж...

И в этом гипнотически-настойчивом повторении и варьировании все больше и больше слышалось тревоги и драматических интонаций.

Ушел он не прощаясь. Просто вышел в прихожую, взял шапку, пальто и стукнул дверью» (Звезда. 1977. № 1. С. 183).

Мотивы отчуждения, опасения остаться непонятым, резко обозначенные в этой строфе, возникли у Маяковского, разумеется, не в связи с реакцией аудитории (по большей части заинтересованной и положительной) и не в связи с нападками критиков. В данном случае Маяковский реагировал на достаточно явно обозначившееся безразличие к его творчеству властных структур (именно отсюда императив — «чтобы делал доклады Сталин») и их преимущественную ориентацию на рапповские круги, что проявился в работе по подготовке резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. Возникновению этих настроений способствовало и начавшееся в то время размежевание в лефовской среде. Полностью отошел Б.Л. Пастернак. Даже такой ближайший сподвижник, как В.Э. Мейерхольд, так отозвался об американских стихах Маяковского на репетиции «Ревизора» 29 января 1926 г.: «...с нами то же, что с Маяковским. Ведь весь его цикл стихов об Америке — слабо. Я думал, что это мое такое впечатление, спрашивал Асеева, Третьякова — читали? Ну что? Как вы думаете? Плохо, совсем плохо» (Мейерхольд репетирует. М., 1993. Т. 1. С. 61). Конечно, это лишь предвещать будущих конфликтов, впереди еще теснейшая совместная работа с тем же В.Э. Мейерхольдом, но это — предзнаменование разрывов в лефовской среде 1929 — 1930 гг.

В 1928 г. Маяковский счел необходимым объяснить, почему он снял заключительную строфу. В статье «Письмо Равича и Равичу» он писал: «Ноющее делать легко, — оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом посторонними параллельными ноющими воспоминаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик». Приведя эту заключительную строфу, он подытожил: «Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал». В действительности обстоятельства исключения этой строфы и другой правки стихотворения были более сложными, определенную роль в этом сыграл О.М. Брик.

Первым об этом (уже после смерти Маяковского) рассказал Р.О. Якобсон. Он писал в статье «О поколении, растратившем своих поэтов»: «Это исторический факт: окружающие не верили лирическим монологам Маяковского, "слушали, улыбаясь, именованного скомороха". За его подлинный облик принимались житейские маскарады: сперва поза фата ("Хорошо, когда в желтую кофту душа от осмотров укутана!"), потом повадка рьяного профессионала-газетчика (...) Сам Маяковский (самооборона поэта!) порою охотно способствовал заблуждению. Разговор 1927 г. — Я: "Сумма возможных переживаний отмерена. Ранний износ нашего поколения можно было предсказывать. Но как быстро множатся симптомы. Возьми асеевское: Что же мы, что же мы, неужто размоложены! Самоотпевание Шкловского!" — Маяковский: "Совершеннейший вздор! Для меня еще все впереди. Если бы я думал, что мое лучшее в прошлом, это был бы конец". — Напоминаю Маяковскому о его недавних стихах:

выделив его из числа стихов, напечатанных в журн. «Молодая гвардия», и отметив, что оно «глубже обычного» (Книгоноша. 1926. № 12, 31 марта. С. 8). Я.М. Шафир подчеркнул, что в американских стихах Маяковский «резко формулирует разницу между старой и новой поэзией» и затем, приведя концовку окончательной редакции, заметил: «Программа, конечно, новая, но в значительной своей части безнадежно утопическая» (Книгоноша. 1926. № 40, 30 окт. С. 16). В других рецензиях на сб. «Испания» стихотворение почти не выделялось. В последующие годы оно стало объектом резких нападок. Г.А. Шенгели, в стремлении доказать «антикультурность» и «творческое бессилие» Маяковского, выводил это из якобы присущей ему «ущербности сознания». Это, по мысли критика, в свою очередь, провоцировало «маскировку» поэта и сублимировалось в стремление доказать, что «работа поэта — тоже производство». Один из примеров подобной «маскировки» критик находил в данном стихотворении в том, что поэт сравнивал себя с фабрикой (Шенгели. С. 14–17). В 1928 г. последовал выпад Д.Л. Тальникова. Обрушившись на строфу поэта о его вере в коммунизм, он писал: «...в эту фразеологию, громяющую как пустая сорокаведерная бочка по булыжникам, лишённую подлинных поэтических эмоций, подлинного душевного жара, читатель не верит, как не верит и тогда, когда озорник и футурист, считающий "ясность" мысли "просто глупостью", называет себя "советским заводом, вырабатывающим счастье", и когда он просит надлежащие административные инстанции

Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...

Какой же это "штык", с позволения сказать, и какие же это "небеса поэзии" и поэтическое "перо"? Просто швабра какая-то...» (Красная новь. 1928. № 8, авг. С. 272). На этот выпад Маяковский ответил в стихотворении «Галопщик по писателям».

...будешь всучивать ей швейную машинку...— Реминисценция из романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Идея организации своего рода социалистического фаланстера — швейной мастерской, с помощью которой трудящиеся женщины могут обеспечивать свою независимость, — одна из центральных в романе.

КРАСНОДАР

(С. 239)

Красная нива. 1926. № 24, 13 июня, под загл. «Собачья глушь», с рис. Н.Н. Купреянова; *ИзИз*; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с пребыванием в Краснодаре (12–15 февраля 1926). 20 февраля Маяковский писал Л.Ю. Брик: «...в Краснодаре было много собачек, про которых я и пишу теперь стих». Выступая в этом городе 14 февраля, Маяковский сказал, что «пишет стихи о Краснодаре», но на просьбу прочитать их ответил, что «стихотворение только вылупляется» (*Пашков В. Маяковский в Краснодаре // 30 дней. М., 1937. № 4. С. 90*). Возможно, что в данном случае речь могла идти о стихотворении «Строго воспрещается».

Стихотворение — из числа наиболее часто читавшихся Маяковским с эстрады. Под заглавием «Собачки» или «Северяне нам наврали» оно фигурирует почти во всех афишах выступлений 1926–1927 гг. Вероятно, именно оно должно было составить основу детской книжки «Собачка», договор на издание которой Маяковский заключил 20 марта 1926 г. с ленинградским издательством «Прибой»; книга не выходила.

Стихотворение вызвало возражения со стороны одного из краснодарских поэтов. В следующий приезд Маяковского в этот город, 29 ноября 1926 г., во время его выступления на сцену вышел этот поэт и прочел стихи, в которых, имея в виду стихотворение «Краснодар», обвинил поэта в отходе «от боевых общественных тем». Леонид Ленч вспоминал: «Маяковский выслушал пасквиль молча. Лицо его искривилось от боли. Когда юноша кончил читать, в зале раздались аплодисменты. Маяковский шагнул вперед на авансцену, поднял руку и...Маяковский говорил о трудовом подвиге поэта, о работе над словом, о политическом его долге и о его праве на шутку. Говорил он и о тех, кто "сукинсынит из-за угла". Юноша стоял, опустив голову. На него было жалко смотреть» (*Ленч Л. В Краснодар приехал Маяковский // Красный Курган. 1956. 22 янв.*).

«СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ»

(С. 241)

Известия. Одесса, 1926. 24 июня, веч. вып.; Красная нива. 1926. № 30, 25 июля, с рис. Б.С. Берендгофа; Соч. 5.

Беловой автограф — Зап. книжка № 34 (ГММ), без даты. Беловой автограф стк. 34–46 — в составе рукописи статьи «А что вы пишете?» (ГММ. № 5296).

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 45: «еще обидются» вместо «еще обидятся» по беловому автографу в составе рукописи статьи «А что вы пишете?» и по одесским «Известиям».

Датируется 12 – 15 февраля 1926 г.

В одесских «Известиях» — с факсимильно воспроизведенными подписью и автографической датой: «Одесса. 23/VI 26», которые явно было взяты со списка стихотворения, сделанного автором во время пребывания в Одессе (20 – 28 июня 1926) и переданного им в редакцию (не сохранился). Написано раньше, в связи с пребыванием в Краснодаре (12 – 15 февр.).

Стихотворение было закончено и передано в редакцию газеты «Заря Востока» в конце февраля 1926 г., где публикация не состоялась (*Хроника* 1985. С. 334). Задержался его выход и в «Красной ниве», куда стихотворение было сдано не позже середины мая 1926 г., но, скорее всего, еще раньше, в марте – апреле: в статье «А что вы пишете?» (написана между 18 и 23 мая 1926) оно упомянуто как принятое этой редакцией, следовательно, было сдано до отъезда из Москвы (т.е. до 16 мая).

Подчеркивая актуальность стихотворения, Маяковский писал в этой статье: «Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь. Я стараюсь сейчас писать как можно меньше, выбирая сложные, висящие в воздухе вопросы, — чиновничество, бюрократизм, скука, официальщина. Этот ряд стихов я начал с маленького "Строго воспрещается"», выходящего в "Красной ниве". Это стих о вывеске краснодарского вокзала: "Задавать вопросы контролеру строго воспрещается"». Редакции явно не воспринимали это и другие, сходные с ним, стихотворения Маяковского как актуальные и не торопились с их публикацией.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

(С. 243)

Заря Востока. 1926. 16 апр.; *Маяковский В.* Сергею Есенину. Тифлис, 1926 (отдельное издание стихотворения); Ленинградская правда. 1926. 23 мая; Смена. Л., 1926. 23 мая; Новый мир. 1926. № 5, май; Соч. 5.

Черновой автограф неизвестен, в 1926 г. его видел В.А. Катанян: «Это стихотворение он прочел мне по карандашному черновику, испещренному помарками, написанными вдоль и поперек на листе писчей бумаги» (*Звезда*. 1977. № 1. С. 182). Беловой автограф 1 — стк. 1 – 157, с подписью, без даты (ГММ. Р-5310). Беловой автограф 2 — стк. 195 – 206 в составе рукописи статьи «А что вы пишете?» (ГММ. № 5296). Стк. 1 – 9, 28 – 29, 109 – 110, 122 – 124, 157 – 162, 195 – 197, 198 – 201, 202 – 206 (некоторые с многочисленными вариантами) — в статье «Как делать стихи?».

Печатается по Соч. 5.

Датируется мартом 1926 г.

Беловой автограф 1 в лексическом отношении близок к печатным версиям текста, но существенно отличается в части ритмической разбивки стихотворных строк. Это доказывает, что в основе авторских публикаций

лежал другой автограф, с которого снимались машинописные списки, в свою очередь поступавшие в редакции.

В ПСС: В 13 т. формально декларировалось, что текст печатается по Соч. 5. В действительности текст воспроизводился в основном по беловому автографу 1: по нему было дано ритмическое членение строк, частично лексические версии. Предпочтение, фактически отданное данному источнику, представляется недостаточно обоснованным. Частично это было скорректировано в своде поправок к данному изданию (см.: Т. 13. С. 613).

В Соч. 5 с примечаниями: «Доронин — пролетарский поэт. "Англетер" — гостиница, в которой повесился Есенин. Собинов Леонид Витальевич — оперный певец; исполнитель роли Лоэнгрина. Коган Петр Семенович — литератор, критик».

Перепечатывалось в газ. «Вечернее радио» (Харьков, 1926. 27 апр.), «Русский голос» (Нью-Йорк, 1926. 6 июня).

История текста стихотворения описана самим автором в статье «Как делать стихи?», где приведены многочисленные варианты. Опирался ли в данном случае автор на недошедшую до нас черновую рукопись или реконструировал творческий процесс по памяти, судить трудно.

Замысел стихотворения возник сразу после самоубийства Есенина: «Работа совпала как раз с моими разъездами по провинции и чтением лекций. Около трех месяцев я изо дня в день возвращался к теме и не мог придумать ничего путного (...) Уже подъезжая к Москве, я понял, что трудность и долготу писания — в чересчур большом соответствии описываемого с личной обстановкой» («Как делать стихи?»).

Характерный эпизод, связанный с самым началом работы над стихотворением (он относится к 26 января 1926), передает в своих воспоминаниях Н.Ф. Рябова. Во время одной из встреч с Маяковским она заметила, что он ходит по комнате и что-то бормочет. «Скоро бормотание перешло в стихи. Это были посмертные стихи Сергея Есенина, только Владимир Владимирович читал вместо "предназначенное" расставанье "предначертанное". Стихи были прочитаны несколько раз с начала и с середины, с повторением по нескольку раз некоторых строчек, но все со словами "предначертанное" я вдруг неожиданно для себя поправила:

— Предназначенное.

Маяковский продолжал читать "предначертанное".

Я сказала уже громко:

— Предназначенное.

— Натинька, вы прямо первая ученица! Если бы стихи были доработаны, было бы "предначертанное", — настойчиво сказал Владимир Владимирович.

— А мне больше нравится "предназначенное".

— А Есенин вообще вам нравится?

— Нет! — храбро солгала я.

Маяковский удивился и вдруг засмеялся:

— Врете вы! Такая романтико-лирическая трагическо-героическая девушка — и чтоб Есенин не нравился!

— Мне Маяковский нравится, и вообще я хочу домой, — мрачно отрезала я.

— Домой пойдете, когда Есенин понравится. Я вам стихи его читать буду, — ласково уговаривал Владимир Владимирович.

Читал "Собаке Качалова", куски из "Черного человека", по-моему, еще не вышедшего тогда, "Песнь о собаке". На "щенятах" у меня показались слезы на глазах.

— Вот видите, а говорите — не нравится Есенин, — наставительно говорил Владимир Владимирович» (*Восп.* 1993. С. 218).

Из упомянутой выше поездки по югу России и Закавказью Маяковский вернулся 2 марта 1926 г., стихотворение было написано в марте 1926 г. в Москве: «...стих об Есенине я двинул больше на маленьком перегоне от Лубянского проезда до Чаеуправления на Мясницкой (шел погашать аванс), чем за всю мою поездку» (Как делать стихи?). 25 марта Маяковский заключил договор с издательством «Закнига» на отдельное издание стихотворения и одновременно передал В.А. Катаняну его рукопись (*Хроника* 1985. С. 336).

О первопричине замысла как своего рода ответе на стихотворение Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Маяковский говорит в статье «Как делать стихи?». Но появление стихотворения обусловлено не только этим. Сложные литературные взаимоотношения, установившиеся между Маяковским и Есениным вскоре после их знакомства в 1915 г., частые пикировки на литературных диспутах и при этом пристальный взаимный интерес и признание исключительности поэтических талантов друг друга (см. подробнее примеч. к стих. «Юбилейное») — все это обусловило повышенное внимание к реакции Маяковского на самоубийство Есенина. Без вопросов об этой трагедии не проходило ни одного выступления Маяковского. Различного рода сопоставления двух поэтов постоянно звучали и в печати. Когда, например, в феврале 1926 г. Маяковский выступал в Баку, то в последний день его пребывания в этом городе, 24 февраля, в «Бакинском рабочем» появилось стихотворение местного поэта Б.Я. Серебрякова «Поэтическая перестрелка». Вспоминая об одном из вечеров, проведенных с Есениным весной 1925 г. в Баку, он писал:

Помню, —

в одной удивительно маленькой комнате

Плакал Есенин

с пророческой тоской:

— Други,

я с вами. Мгновение это запомните,

Может быть, завтра я буду уже далеко.

Маленький столик.

Кушетка.

Бутылочка «Шустова»,

В темном углу — черный рояль.

— Что с вами будет? —

я шепот почувствовал.

Только и есть

Маяковский да я...

Завершал автор свое стихотворение обращением к Маяковскому:

Товарищ Маяковский,
ваше человеческое величество,
Сможете ль вы
Есенина нам заменить?

Это и другие сходные обращения Маяковский, несомненно, читал и слышал. Их отзвук легко различим в его тексте.

Напряженный общественный интерес к вопросу об отношении Маяковского к Есенину сохранился надолго. Вот, например, что говорится в газетном отчете о выступлении Маяковского в Самаре 27 января 1927 г.: «Во второй половине вечера Маяковский читает свои стихи, перемежая их с ответами на записки. На столе гряда записок. Маяковский кладет на них свою огромную руку и говорит, что наверняка большой процент вопросов — об его отношении к Есенину, что и подтверждает аудитория. Есенин, по мнению Маяковского, не был идеологом хулиганства, как теперь пытаются его изобразить некоторые критики. Он перепевал старую лирику. Цыганщина, "семиструнная гитара", звучавшая в русской поэзии еще со времен Аполлона Григорьева, перепевалась Есениным на тысячи ладов. Пьяный угар, кликушество, распутиновщина под маской кудрявого Леля — вот что вредно в поэзии Есенина. Он шел по линии наименьшего сопротивления» (Коммуна. Самара, 1927. 28 янв.).

Неизменно большое и убедительное впечатление производило на аудиторию авторское чтение стихотворения. «Из стихов следует отметить великолепное "Есенину", резко осуждающее самоубийство...» (Ленингр. правда. 1926. 19 мая). «Большое впечатление силы и бодрости оставило последнее — "Есенину"» (Известия. Одесса, 1926. 28 июня). «Можно не принимать душой его стихи об Есенине, как диссонанс, как неприятную фривольность у свежей могилы, но кто же усомнится в искренности этого поэта, так насыщенного жизнью...» (Красная газ. 1926. 18 мая, веч. вып.). См. также: Смена. Л., 1926. 19 мая; Красная газ. 1926. 5 и 6 окт., веч. вып.; Пролет. правда. 1926. 16 и 17 окт.; Киев. пролет. 1926. 16 и 17 окт.; Веч. Киев. 1928. 27 марта.

В критике стихотворение было воспринято как одно из программных произведений Маяковского. Обращалось внимание на его принципиальное отличие от многочисленных поэтических откликов на смерть Есенина. Перепечатывая из тифлисской «Зари Востока» «Сергею Есенину», харьковская газета, например, писала: «Среди многих откликов на смерть Есенина, наполненных порою разочарованием и апатией к жизни, особое место занимает стихотворение Вл. Маяковского, полное бодрости и призыва жить. Любопытны последние строки стихотворения, являющиеся прямым ответом на строки есенинского предсмертного письма: "В этой жизни умереть не ново, но жить, конечно, не новей"» (Вечернее радио. Харьков, 1926. 27 апр.). Рецензируя сб. «Против упадочничества, против есенинщины», поэт И.Н. Молчанов как недостаток отметил отсутствие в нем стихотворения Маяковского (Комсомолия. М., 1926. № 9, сент. С. 75). Одну из строф стихотворения («Вам и памятник еще не слит...») поставил

эпиграфом к своей статье об одном из сборников, посвященных памяти Есенина, Я.З.Черняк (*ЛиР*. 1926. № 6, сент. С. 87; псевд. Як. Бенни). Ревниво-негативное отношение продемонстрировали критики рапповской ориентации. Так, М.Г. Майзель, рецензируя несколько номеров журналов, в одном из которых было напечатано «Сергею Есенину», заявил, что «следует отметить» стихи П. Орешина, Н. Тихонова, Н. Дементьева, А. Жарова, М. Голодного, в том числе «поэтессы Вольтман», но даже не упомянул имени Маяковского (*Звезда*. 1926. № 5 [сент. – окт.]. С. 204). Причину подобного отношения обнажил А.И. Безыменский, обвинивший Маяковского в заимствовании идей и литературном плагиате. Один из пассажей своей статьи «Начистоту» он завершил утверждением, что выражение, использованное Маяковским в стихотворении «Не юбилейте!», «списано у другого». Вслед за этими словами А.И. Безыменский привел заключительные строки стихотворения «Сергею Есенину» и тут же процитировал две строки из своего стихотворения «О знамени и поросенке» (*Правда*. 1924. 9 окт.), посвященного самоубийству молодого рабочего поэта Н.А. Кузнецова (1904 – 1924):

Умереть? — да это, брат, пустое!
Жить смоги! — а это тяжелей.

«Пусть Маяковский будет спокоен, — заключал А.И. Безыменский, — авторского гонорара я у него за эти строки не попрошу» (*Нов. мир*. 1927. № 2, февр. С. 197).

Издательскую критику стихотворения дал Г.А. Шенгели. Отталкиваясь от строки «Прекратите! Вы в своем уме ли?..», он писал: «Как вы думаете, — почему бы "прекратить"? Почему бы "смертельному мелу" не заливать щек? Потому ли, что жизнь прекрасна, или потому, что убивать себя — стыдно, или почему другому? Нет, потому что

Вы ж такое загибать умели,
Как другой на свете не умел!

Думается, что если сказать нечего, то хоть постыдиться нужно. Пустое».

Даже ритм стихотворения не устроил критика. Заметив, что оно «целиком написано разностопным хореем (...) причем 83% строк — пяти- и шестистопный хорей», он заявлял: «Этим же пяти- и шестистопным хореем написано посмертное стихотворение Есенина "До свиданья, друг мой, до свиданья", которое Маяковский пародирует в финале своего стихотворения (...) Вот, значит, где лежит ритменная основа стихотворения Маяковского» (*Шенгели*. С. 17, 46 – 47).

Внимание критики к этому стихотворению естественно обострилось после самоубийства Маяковского. Р.О. Якобсон, например, отметив, что теме самоубийства Маяковский посвятил целый ряд своих произведений и что они образуют своеобразный цикл, писал: «Вершина цикла — стихи Сергею Есенину. Обдуманно парализовать действие предсмертных есенинских стихов — такова, по словам Маяковского, целевая установка этого стихотворения. Но когда читаешь его сейчас, оно звучит еще могильнее,

чем последние строки Есенина. Эти строки ставят знак равенства между жизнью и смертью, а у Маяковского на сей день один довод за жизнь — она труднее смерти. Это такая же проблематичная пропаганда жизни, как прежние стихи Маяковского о том, что только неверие в загробь останавливает перед пулей, или как его прощальное «счастливо оставаться» (Смерть Владимира Маяковского. Берлин: Петрополис, 1931. С. 32–33). Сходные или другие толкования в изобилии были представлены в критической литературе 1930–1931 гг. Позже они выросли в самостоятельную многоаспектную исследовательскую проблему.

...к вам приставить бы кого из напостов — стали б содержанием премного огарённой. — Необходимость «воздействия» на писателей-попутчиков, их «перевоспитания» (в том числе и Есенина) — один из лейтмотивов многих статей различных критиков, примыкавших к редакции журнала «На посту». Ил. Вардин, например, утверждал, что попутчикам (Есенин при этом как адресат был назван прямо) следует сказать: «Друзья, в мире происходят чудесные штуки, человечество выходит, говоря словами Есенина, "на колею иную", человечество перерождается в огне и буре. В этой чудовищно грандиозной борьбе и работе действуют объективные причины, имеются субъективные моменты... Объективная истина, настоящая правда, истинная правда существует. Но чтобы ее понять, чтобы вы не тыкались носом в этом вихре событий, как слепые щенята, вы должны стать более или менее политически грамотными; вы должны усвоить основы пролетарской идеологии, хотя бы в размере уездной совпартшколы...» (На посту. 1924. № 1(5), май. Стб. 12). Другой критик сходной ориентации, Г. Лелевич, писал в конце 1924 г.: «Куда пойдет теперь Есенин? Бесплезно гадать — жизнь покажет. Если он вернется на путь певца старой деревни или кабацкого разгула, он будет конченный поэт. Если же он пойдет далее по своему новому пути, — революция получит нового, чрезвычайно талантливую поэта. Пожелаем ему успехов на этой новой дороге» (Октябрь. 1924. № 3, сент. — окт. С. 182). В редакционной статье тот же журнал замечал: «Более того, "Октябрь" на примере Есенина показал, как может идеологически к лучшему измениться попутчик, если оказать на него должное товарищеское воздействие» (Октябрь. 1924. № 4, нояб. — дек. С. 185). О первом из этих критиков, Ил. Вардине, Есенин, хотя и был дружен с ним, писал в частном письме: «Он чудный, простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одно беда, что коммунизм он любит больше литературы» (письмо С.А. Есенина Е.А. Есениной от 17 сентября 1924 г. Тифлис — Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: 1995–2002. Т. 6: Письма. 1999. С. 178).

...утомительно и длинно, как Доронин. — Участник группы пролетарских писателей «Рабочая весна» поэт Иван Иванович Доронин (1900–1978) писал преимущественно о преобразовании деревни. Поддерживался ортодоксальной критикой. Г. Лелевич, например, писал: «В стихотворном отделе выделяется превосходная и идеологически и формально "Луговая песня" молодого пролетарского певца деревни Ивана Доронина» (Молодая гвардия. 1924. № 7/8, июль — авг. С. 267).

В 1926 г. выпустил пространную поэму «Тракторный пахарь». Даже доброжелательная к нему критика отмечала, что в его стихах «есть длинноты, растянутость. Доронин не бережет слово. Ему не хватает упругости, сжатости, расчетливой скупости» (Воронский А.К. Литературные типы. М., 1925. С. 167).

Наг собою чуть не взвод расправу учинил. — Общественный шок, который возник после известия о самоубийстве Есенина, привел к тому, что настроения социального разочарования, пессимизма, угнетенности и случаи самоубийств на этой почве в печати и публичных диспутах все чаще стали связывать с воздействием поэзии Есенина. См., например: *Семашко Н.* Угрожает ли нам эпидемия самоубийств? (По поводу самоубийства поэта Есенина) // Известия. 1926. 22 янв.

...ваше слово слюнявит Собинов... — На вечере памяти Есенина, проходившем во МХАТе 18 января 1926 г. (судя по воспоминаниям, Маяковский присутствовал на нем — см. *Лавут.* С. 30), Л.В. Собинов (1872–1934) исполнял, в частности, романс П.И. Чайковского на слова А.Н. Плещеева «Ни слова, о друг мой, ни вздоха...». Он иронически поименован *Леонидом Лознгринычем*, потому что партия Лознгрин в одноименной опере Р.Вagnera была одной из наиболее прославленных в оперном репертуаре певца. Сразу же после смерти Есенина появилась целая серия романсов на его слова. В частности, цикл из восьми романсов, в том числе «Прощальное письмо» («До свиданья, друг мой, до свиданья...»), написал С.А. Бугославский (1888–1945) (Радиоконцерт памяти Есенина // Веч. Москва. 1926. 26 янв.). Однако в концертном репертуаре Л.В. Собинова романсы на слова С.А. Есенина не зафиксированы (см.: Леонид Витальевич Собинов. М., 1970. Т. 2).

...чтобы враспыльную разбежался Коган... — Критик и литературовед Петр Семенович Коган (1872–1932) немало писал о Есенине, оценивая его творчество в упрощенно-социологическом духе и предлагая умозрительные прописи о «выходе из кризиса на путях овладения марксизмом»: «Поскольку революция разворачивается в путях пролетарского сознания, она во многом минует поле зрения Есенина (...) И бунт Есенина — это крестьянский бунт, без выдержки, бунт непрочный, срывающийся...» (Красная новь. 1922. № 3, май. С. 259). В том же ключе Коган писал и о Маяковском.

После смерти Есенина П.С. Коган многократно выступал с пространными статьями и докладами, в которых в духе поверхностного социологизма пытался раскрыть причины трагедии поэта и в результате представил его самоубийство как закономерность. «Великое счастье — прийти вовремя. Но нет для поэта участи более ужасной, чем запоздать или явиться слишком рано. Не было места ему в социальном конфликте наших дней (...) Он был честнейшим из поэтов, потому что ждал смерти и понимал ее неизбежность. Сам раскрыл свою социальную миссию и, сколько бы ни плакали над его могилой, наши слезы не стоят его мужества, мужества побежденного солдата (...) Тяжело умереть, чувствуя себя непригодным к жизни, но у других поэтов была утеха в том, что можешь поставить себя над жизнью, признать жестокость человеческого жре-

и фабрика», 1926), третий том которого представлял собой первое книжное издание романа «Цемент» (см. «Варианты»), — были сняты автором при переработке текста, на той стадии, когда у стихотворения возник заголовок.

В январском номере «Журналиста» за 1926 г. были помещены ответы ряда литераторов на анкету о критике и библиографии (А.К. Воронский, П.С. Коган, Г. Лелевич, В.П. Полонский, Лариса Рейснер и др.). В № 4 (апр.) журнал сообщил, что эти материалы вызвали «живейшие отклики», что в Доме печати и Политехническом музее состоялись диспуты, а «Новый мир» открыл свою кампанию по этому вопросу. Редакция увидела в этом необходимость продолжения дискуссии и сообщила: «Идя навстречу этой потребности, мы печатаем мнения писателей о нашей критике и библиографии». В № 4 под рубрикой «Писатели о критике» были помещены заметки Ф.В. Гладкова, Вс.В. Иванова, В.Г. Лидина и др.; в № 5 — стихотворение и статья А.И. Тарасова-Родионова.

В статье «А что вы пишете?» Маяковский отмечал, что это стихотворение, как и «Разговор с фининспектором», посвящено «ощущению квалификации», т.е. необходимости повышения профессионального уровня литературной критики. Направленное против вульгаризаторской критики (в равной мере и левого, рапповского, и правого, сменовеховского, толка), стихотворение, вне зависимости от намерений автора, прочитывалось в контексте документа, находившегося перед этим, всю вторую половину 1925 г., в центре литературных дискуссий — резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы». Хотя в период появления резолюции и последовавшего за этим потока одобрений со стороны определенной группы литераторов, немедленно объявивших ее «исторической» (например, Г. Лелевич), Маяковский находился за рубежом и публично на все это не реагировал, но был в курсе дела. Он был хорошо осведомлен и о реальных причинах появления резолюции и о ее подлинном авторе. 13 февраля 1925 г. он присутствовал как представитель Лефа на заседании комиссии Политбюро ЦК РКП(б) «О пролетарских писателях», на котором было принято решение о подготовке этой резолюции и поручено Н.И. Бухарину составить ее (Счастье литературы: Государство и писатели. 1925—1938. Документы. М., 1997. С. 13). С полной отчетливостью было видно, что главная причина подготовки и появления резолюции — не литературные проблемы, а внутрипартийная борьба, борьба с Л.Д. Троцким, который избрал литературу, в частности проблему «пролетарской культуры», как одно из направлений своих атак, посвятив прежде всего именно этому вопросу свою книгу «Литература и революция». Что касается литературных ориентиров готовившейся резолюции, то они обнажились еще больше, когда стал известен не только основной автор — Н.И. Бухарин с его открытой приверженностью идеям «пролетарской культуры», но и то, что к подготовке оказались привлеченными такие литераторы, как Ф.Ф. Раскольников (история с попыткой заменить им А.К. Воронского в «Красной нови» была у всех на памяти) и один из лидеров «напостовства» Г. Лелевич. Нежелание Маяковского в какой бы то ни было форме участвовать во внутриспартий-

ной борьбе и смешивать с нею литературную полемику обусловили его демонстративное дистанцирование от этого партийного документа.

Начатая еще в первой половине 1925 г., в ходе дискуссий, предварявших появление этой резолюции, полемика Маяковского усилилась после его возвращения из зарубежной поездки. То, что одной из составляющих этой полемики была реакция на резолюцию ЦК РКП(б), подтверждается характером откликов на это постановление в левовской среде. Сам Маяковский не давал в то время развернутых и прямых оценок резолюции, но его соратники по «Лефу» Н.Н. Асеев и О.М. Брик в своих откликах подчеркивали, что «вопросы формы и стиля нельзя решать резолюциями», и говорили о необходимости развития в писательской среде «большого чувства ответственности, самокритики и взаимокритики». В отличие от них такие писатели, как А.И. Безыменский и Ф.В. Гладков, акцентировали внимание на том, что резолюция утверждает «принцип гегемонии пролетарской литературы» и что задача марксистской критики «руководяще-воспитательная» (Журналист. 1925. № 8/9, 10). Давая позже оценку этой революции, Маяковский, в отличие от рапповцев, сконцентрировал внимание на том, что она «дала возможность взаимного сотрудничества» различным литературным группировкам (см. его выступление 23 марта 1927 г. на диспуте «Леф или блеф?»).

Маяковский явно не хотел, чтобы стихотворение расценивалось и воспринималось как его личный выпад против какой-либо литературной группы или против того или иного критика. В статье «А что вы пишете?» он замечал: «Интересно, что мои язвительные слова относительно Лермонтова — о том, что у него целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации, изрекаемые в стихе глупым критиком, — писавший отчет в "Красной газете" о вечерах Маяковского приписывает мне, как мое собственное недоброжелательное мнение. Привожу это как образец вреда персонификации поэтических произведений». В данном случае имелась в виду статья Арк. Селиванова «Вечер поэзии Маяковского», в которой автор, просто не понявший стихотворения, заявил, что поэту будто бы «не мил» Лермонтов (Красная газета. 1926. 18 мая, веч. вып.). Стремление Маяковского повысить обобщающий уровень стихотворения проявилось и в удалении из текста эпиграфов, хотя у него был повод для раздраженной реакции на книгу Л.Н. Войтоловского, в которой поэт не мог не заметить нападок на «Юбилейное»: «У нас расплодилось сейчас очень много пушкинистов и пушкинцев (...) Пушкинцы — по преимуществу из кающихся футуристов — упоены цветущим великолепием пушкинского стиха, и в блаженном смирении заклинаят признать ничтожество всего футуризма и вернуться на лоно "Евгения Онегина"». Далее в таком же стиле шла речь о «заявительном азарте новообращенного пушкинца Маяковского» (Войтоловский Л.Н. Указ. соч. С. 17).

Конструируя образ критика-вульгаризатора, Маяковский, кроме работ Войтоловского и Вешнева, мог отталкиваться и от статей Г.Лелевича. Этот «напостовец» считал необходимым требовать от всех критиков в каждом случае прежде всего «расшифровать классовую природу произведения», неукоснительно выявлять «классовую подоплеку данного под-

бора творческого материала и освещения его» и расценивать призыве-
ние «с точки зрения пользы или вреда для дела пролетариата и делать это
с обычным революционным темпераментом» (Лелевич Г. О принципах
марксистской литературной критики. Л., 1925, С. 24, 28, 30 – 31).

Марксизм – оружие ~ применяй умеючи метод этот. – Ср. слова
В.Б. Шкловского в его выступлении на одной из дискуссий, в которой
принимал участие и Маяковский: «Марксов метод в искусстве надо при-
менять сугубо осторожно, ибо искусство – очень деликатная и сложная
надстройка. Напостовцы упрощают, вульгаризируют марксистский ме-
тод. Пока не будет настоящего художественного (а не примитивно поли-
тического) подхода к литературной форме, не будет и пролетарской лите-
ратуры» (Известия. 1925. 8 апр.).

...неразрезанный том Плеханова. – В 1925 – 1926 гг. появилась серия
статей, посвященных литературно-критическим и эстетическим взгля-
дам Г.В. Плеханова (1856 – 1918), принадлежавших критикам различ-
ной, иногда полярной ориентации. На «теорию марксистской эстетики
Плеханова» ссылается, в частности, Л.Н. Войтоловский в книге, из ко-
торой Маяковский думал взять эпиграф. Ссылка на «том Плеханова»
могла быть связана с тем, что в 1923 г. был начат выпуск его сочинений
в 24 томах.

*Целые хоры небесных светил ~ ходят без ветрил, а некоторые и без
руля.* – Имеются в виду строки из «Демона» М.Ю. Лермонтова: «На воз-
душном океане, / Без руля и без ветрил, / Тихо плавают в тумане / Хоры
стройные светил».

...как первый обличитель либерализма. – Ср. в указанной книге
Л.Н. Войтоловского: «...фатальная экономическая закабаленность рус-
ского помещика, поставленного в необходимость предоставить свою дво-
рянскую шпагу в распоряжение полуправного русского купца, и привела
к созданию особой дворянской разновидности, выведенной Лермонто-
вым в его очерках "Герой нашего времени" под именем Печорина». Пе-
чорин – «тип, наделенный прежде всего чертами капиталистического
духа, т.е. умением служить хозяйственным интересам буржуазии». «Все
поведение Печорина, как книгой судеб, преуказано приходо-расходны-
ми книгами русской буржуазии» (Там же. С. 61, 62).

...милюковски юля... – Один из организаторов партии кадетов, Павел
Николаевич Милюков (1859 – 1943) в годы эмиграции стал идеологом «но-
вой тактики» в борьбе с советской властью, которая, как он деклариро-
вал, должна исходить из внутренних перемен в СССР. Это вызвало упре-
ки в либерализме как со стороны монархистов, так и со стороны комму-
нистов.

...у него в стихах Коминтерна топот... – Ср. у А.А. Жарова в стихо-
творении «По всей земле»:

Неотвратимые как поступь Коминтерна,
Растут и ширятся шаги труда!

(Ленингр. правда. 1925. 12 дек.)

...рабочий и крестьянин сразу... — Ср. у А.И. Безыменского в поэме «Комсомолия»:

Завод — отец, Ячейка — дом.
Семьища — книги, труд, ребята.
Мы в Комсомолии живем,
Стране великой и богатой.
Мне радость — брат, а солнце — тезка.
Вот поле жизни. Я жнецом.
И вот вам, вот мое лицо,
Лицо рабочего подростка.

У него же в стихотворении «В путь»:

Из нас бы каждый сердце вынул
Иль с радостью хоть где корпел,
Чтоб только быть достойным сыном
Огромной мамы — РКП!...

Лежнев зарагуется — «он про Вешнева»... — Маяковский умышленно называет критиков, принадлежавших к противоборствующим литературным группировкам. А. Лежнев (Абрам Зеликович (Захарович) Горелик; 1893—1937) — участник литературной группы «Перевал», писал преимущественно в журн. *ПиР*, «Красная новь» и т.п. изданиях. В. Вешнев (Владимир Георгиевич Пржецлавский; 1881—1932) — редактор пролеткультовского журнала «Горн», печатался по большей части в «Октябре» и «На лит. посту». Нередко полемизируя друг с другом, они в то же время оба выступали против лефовских теорий. Пояснение, что в данном случае имелся в виду именно А. Лежнев, а не критик сменовеховской ориентации И. Лежнев (Исай Григорьевич Альтшулер; 1891—1955), который высмеивал занятия Маяковского торговой рекламой и в этой связи окрестил его «Баяном Моссельпрома» (Новая Россия. 1926. № 1, янв.), появилось в 1927 г. в *Соч. 5*, когда еще определеннее проявилась антилефовская позиция А. Лежнева (Дело о трупе // Красная новь. 1927. № 7).

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

(С. 252)

Известия. 1926. 1 мая; Красная газ. 1926. 1 мая, утр. вып., под загл. «Первомайское поздравление» (см. «Другие редакции»); *Соч. 5*.

Беловой автограф — ГММ. Р-144; машинопись (запись в прозаической форме) с коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись «Известий») — ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 841. На обороте автографа запись автора: «В целях эстетики экономии и экономии бумаги пробую стихи печатать без разделов на строчки». В машинописи (ГАРФ) — сноска под текстом: «В целях экономии бумаги и красоты экономии пробую стихи печатать без разделов на строчки. В. М.»

Печатается по *Соч. 5*.

Датируется по первой публикации.

Перевод записи стихотворения в прозаическую форму носил не творческий, а полемический характер. Бытовало представление, в частности в редакции «Известий», что «лесенка» Маяковского объясняется меркантильными соображениями — гонорар начислялся построчно. Один из «известинцев» свидетельствовал: «...такой большой эрудит, как Стеклов, человек всесторонне образованный, превосходный знаток русской и европейской литературы, не мог понять новаторской формы Маяковского и вместе со всеми обывателями оценивал ломаную строку поэта как стремление "гнать" строку» (Литовский О. Так и было. М., 1958. С. 37). Мемуарист связал отмену «лесенки» с Ю.М. Стекловым, который был редактором «Известий» до 23 июня 1925 г., и даже сообщил, что Стеклов якобы убрал ломаную строку в «Балладе о доблестном Эмиле». Однако это стихотворение было написано в мае 1922 г., когда Маяковский еще не использовал «лесенку». Вероятно, эти споры в редакции отнесли к более позднему времени и одним из их последствий явилась переделка «Первомайского поздравления».

При переводе в прозаическую запись Маяковский незначительно изменил текст стихотворения, но существенно другими стали его синтаксис и внешний облик.

Текст в записи «лесенкой» печатается в разделе «Другие редакции» с исправлениями в стк. 11: «знаменами изоранных» вместо «знаменами избранных» и в стк. 38: «В стены дома» вместо «В стены домов» по беловому автографу, а также с конъектурой в стк. 22: «словами бессребренными» вместо «словами бессеребряными».

По тексту Соч. 5 стихотворение перепечатывалось в журн. «Синяя блуза» (1928. № 3, март).

...а кругом пока — толпа беспризорных. — Хотя число беспризорников, особенно возросшее в связи с голодом 1921 г., к 1926 г. стало снижаться, положение оставалось тяжелым. В циркулярном письме Наркомпроса РСФСР от 6 января 1926 г. сообщалось, что в республике «300 тысяч нуждающихся в помощи ребят», в том числе «150 тысяч абсолютно беспризорных» (при этом отмечалось, что полный учет отсутствует и что это «явно преуменьшенные» данные). Положение усугублялось тем, что в 1926 г. местные власти под предлогом экономии стали сокращать число детских домов. Наркомпрос констатировал: «Мы имеем вместо борьбы с детской беспризорностью фактическое увеличение ее за счет детей, выдворяемых из детдомов» (Еженедельник НКП. 1926. № 2. 15 янв.). В этой связи 8 марта 1926 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР (Известия. 1926. 6 апр.). См. также примеч. к стих. «Беспризорщина».

Наводнение видели? — Паводок 1926 г. был чрезвычайно высоким. В Москве с 22 апреля в течение трех дней было затоплено 66 заводов, фабрик, складов и около 400 домов. В верховьях Волги (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань) уровень воды перекрыл отметки самых мощных половодий и принял характер стихийной катастрофы.

...режим экономии...— Поскольку для реализации генеральной задачи по подъему индустрии в стране явно не хватало средств, одним из главных направлений в хозяйстве считалось повсеместное внедрение принципов экономии материальных и финансовых ресурсов. В начале 1926 г. появилась целая серия приказов и циркуляров ВСНХ СССР и других ведомств о необходимости сокращения разного рода накладных расходов (в том числе на рекламу), штатных излишеств, внедрения сберегающих технологий и т.п. 25 апреля 1926 г. было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б) «О борьбе за режим экономии», декретировавшее основные пути развития этой кампании.

...свободные три дня подряд. — В 1926 г. выходными днями были 1 мая (суббота), 2 и 3 мая.

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

(С. 253)

Комс. правда. 1926. 5 мая; Соч. 5.

Черновой автограф — стк. 35—74, 81—120, 129—138 — в Зап. книжке № 34 (ГММ), начальная и концевая части черновика отсутствуют. Беловой автограф — стк. 129—138 — в составе автографа статьи «А что вы пишете?» (ГММ. № 5296).

Печатается по Соч. 5 с конъектурой в стк. 73: «под заглавием» вместо «под заглавьем».

Датируется по первой публикации.

В Соч. 5 с примечаниями: «Лугин В. — беллетрист. Санников, Казин В. — пролетарские поэты».

Напечатано в «Комсомольской правде» в составе подборки материалов, посвященных Дню печати (редакционная ст. «Смотр печати», Н. Слепнев «За повышение качества комсомольской печати», Г. Бергман «Печать и масса» и др.). День печати (первоначально — День партийно-советской печати) отмечался официально с 1922 г.

С публикации этого стихотворения началось сотрудничество Маяковского в «Комсомольской правде».

В статье «А что вы пишете?» Маяковский говорил об этом стихотворении как о направленном на повышение писательской и издательской ответственности и мастерства: «Ответственность за халтуру и декавалификацию лежит на всех. У каждого своя роль, выведенная в моем стихе "Четырехэтажная халтура"». Стихотворение было включено автором в программный цикл «О поэзии», открывавший пятый том Соч., которым был начат выпуск этого итогового для поэта издания.

Выдвинутая Маяковским в стихотворении формула четырехсторонней ответственности за халтуру («Гиза, критика, читачи и писателя») получила явную параллель в дискуссии «Писатель — критик — читатель», прошедшей в журнале «Жизнь искусства» (Л.; М., 1926. № 14—41), в которой приняли участие Г. Адонц, Г. Горбачев, В. Друзин, Б. Лавренев, А. Толстой, З. Штейнман и др.

Одно из первых публичных чтений стихотворения состоялось 17 мая 1926 г. в Ленинграде. Газетным репортером оно было воспринято как высмеивающее ленинградское отделение Госиздата («Не менее, чем фининспектору, досталось издательствам, особенно Лениздату» — Красная газ. 1926. 18 мая, веч. вып.).

...стоит Гиз...— Государственное издательство. Было образовано в 1919 г. на основе слияния ряда государственных и кооперативных издательств. Наряду с центральным, включало в себя большое число местных отделений (в том числе Ленинградское). «Госиздат — единственный трест нашей советской земли, равного которому ни по размаху, ни по характеру нет на земном шаре. Госиздат — самое крупное книгоиздательское предприятие во всем мире» (*Гороховский В.* Государственное издательство СССР // *Огонек.* 1926. № 13. 28 марта). Госиздат практически являлся монополистом в издательской деятельности страны, на его долю приходилось свыше половины выпускавшейся литературы; существовал до 1930 г. В 1925 — 1926 гг. Маяковский вел тяжелые переговоры с Госиздатом о выпуске своего собрания сочинений и ряда сборников (см. заявление в Литературно-художественный отдел Госиздата от 30 мая 1926 г. и примеч. к нему).

В Африки вослед за Бенуями...— Произведения французского романиста, члена Французской академии (1931) Пьера Бенуа (1886 — 1962) были очень популярны в то время и широко переводились, в частности, с начала 20-х годов на русский язык. Известность писателя некоторые критики считали результатом беззастенчивой рекламной кампании: «За несколько дней до выхода в свет "Атлантиды" Пьера Бенуа в витринах парижских книжных магазинов появился плакат, на котором был нарисован вопросительный знак огромных размеров. Вопросительный знак — и только. Еще через день — другой: под вопросительным знаком поместили портрет никому не известного молодого человека. Накануне выхода книги в свет под портретом появилась узкая лента: "Завтра этот человек будет самым знаменитым в Европе". На следующий день вышла книга. Одновременно двинули "Атлантиду" через кинематограф. Реклама так разожгла любопытство парижан, что книга в течение нескольких дней разошлась в десятках тысяч экземпляров, а переполненные кинематографы осаждались и штурмовались наседающей толпой. Нынче книга эта получила такое распространение во всем мире и даже в России, что она идет наряду с "Тарзаном" — это ли не марка? Что касается кинематографа, то картину "Атлантида" видели, конечно же, все москвичи. Сам я был в "Континентале" и встретил всех, начиная от наркома Луначарского и кончая благородным продавцом гуталина» (*Лежнев И.* Где же новая литература? // *Россия.* М.; Л., 1924. № 1, февр. С. 179). Французский приключенческий фильм «Атлантида» (1921, реж. Жак Фейдер) в советском прокате шел с 1923 г. В цитированной статье критик в таком же пристрастии к саморекламе упрекал Маяковского.

Званье «пролетарские» нося как эполеты... — См. примеч. к стих. «Послание пролетарским поэтам».

...без ошибок с Пушкина списав про вёсны... — Иронический намек на «Пролог к поэме "Гута"» А.И. Безыменского (Октябрь. 1924. № 1. С. 7–13). В «Прологе» он пытался имитировать «онегинскую» строфу и стиль Пушкина:

Ругать весну — я не посмею.
Напротив! Ею пламенею!
Но если могут и теперь
На тот же саменькин манер
Все той же розовой водою
Весну и губки воспевать —
Нельзя все это не назвать
Лирическою икотой!
Болезнью этой икоты
Больны поэты — и коты.

В «Прологе» содержался выпад против Маяковского, который был назван «Гигант — романтик двух богем», а о его творчестве говорилось:

Но эпос — парень не таковский,
Не дался он ему совсем.

Этот эпос, по мысли А.И. Безыменского, могут дать «Лишь пролетарские поэмы, / Наш пролетарский молодняк!».

Вы с богемой слились 9 лет назад. — Многие пролетарские писатели принадлежали к рабочей среде не только по происхождению, но и сами до 1917 г. трудились на заводах и фабриках, были рабочими, конторщиками, служили в солдатах и т.п. После революции абсолютное большинство из них стали профессиональными литераторами, хотя настойчиво продолжали аттестовать себя «представителями рабочего класса» (см.: Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях. Иваново-Вознесенск, 1925).

...крестьянские писатели. — Всероссийский союз крестьянских писателей создан в мае 1921 г. (с 1926 — Всероссийское общество крестьянских писателей, ВОКП); председатель — Г.Д. Деев-Хомяковский (с 1922 по 1927), входили: А.Я. Дорогойченко, А.И. Завалишин, П.И. Замойский, А.И. Ревякин и др. Показательно, что в этот союз не входили многие писатели, связанные с крестьянской темой, например Есенин.

...один Радимов с греко-рязанским своим гекзаметром! — Поэт и художник П.А. Радимов (1887–1967), описывая в идиллических тонах деревню и крестьянский труд, часто прибегал к имитации гекзаметра (поэма «Попаида», 1914; сб. «Деревня», 1922 и 1924). Например:

Враз кукарекнул петух на плетне, и задорному кличу
Вторит с дороги другой, зоб понатуживши вмиг.

...был бы виден Лудин?! — В.Г. Лидин (1894–1979) входил в число широко печатавшихся в то время беллетристов: в 1923 г. вышло шесть его книг, в 1925 и 1926 гг. — по четыре книги.

— *На Руси одно веселье — пити...* — В Повести временных лет говорится, что когда мусульманские проповедники рассказали великому князю Владимиру (? — 1015), что их вера не позволяет пить вина, тот отказался принять ее и сказал: «На Руси есть веселье пити, не можем без того быти».

...*всякую уху сожрет читатель Фока.* — Фока — персонаж басни «Демьянова уха» И.А. Крылова.

Гений — Казин, Санников — гений... — Первый сборник стихов В.В. Казина (1898 — 1981) «Рабочий май» вышел в 1922 г. и сразу получил шумную положительную оценку, отчасти даже панегирическую: «...поэт, обещающий много. В стихах Казина, обладающего подлинным чутьем ритмов, намечаются самостоятельные художественные подходы; у него, например, своеобразно объединены рабочие процессы и картины природы...» (*Брюсов В.* Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // *ПуР.* 1922. № 7. С. 68). «Самым талантливым поэтом из "Кузницы"» назвал его А.К. Воронский (*Красная новь.* 1923. № 3. С. 310 — 312). «Вот он — поэт нового, по-новому, по-радостному зацветающего мира, вот он — поэт вольного, по-вольному, по-солнечному загорающегося труда» (*Гусман Б.* 100 поэтов. Тверь, 1923. С. 116). Весьма высокие, правда, не столь патетические оценки получали в эти годы и сборники Г.А. Санникова (1899 — 1969).

АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ

(С. 257)

Известия. 1926. 8 мая; *Соч.* 5.

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 845. Правка коснулась в основном стк. 29 — 32; было убрано имя премьер-министра С. Болдуина: вместо «К Болдуину» стало «К своему хозяину». В.А. Арутчева высказала предположение, что правка вызвана цензурными соображениями (см.: *Арутчева 1991.* С. 542). Предположение носит спорный характер: в *Соч. 5* (1927) эти строки воспроизведены в первоначальной редакции, с упоминанием С. Болдуина, хотя он продолжал быть премьер-министром; советская печать того времени изобиловала резкими выпадами против него. Представляется, что правку следует рассматривать как стилистическую, а не как вынужденно-цензурную. В частности, повторение в стк. 29 — 30 того же зачина, что и в стк. 19 — 20, можно считать намеренным рефреном (см. также стк. 11 — 12 и 37).

Печатается по тексту «Известий».

Датируется по первой публикации.

В рукопись *Соч. 5*, очевидно, был вложен отпуск (второй или третий экземпляр) той же машинописи, что передавалась в «Известия», но без авторской правки. В нем не были даже исправлены грамматические ошибки, которые в результате оказались воспроизведенными в *Соч.* Печатается с коньектурой в стк. 21: «грузовозов храп» вместо «грузоводов храп» (ср. в «Мы» — «грузовозов храпы»).

В машинописи (ГАРФ) и в «Известиях» — с подстрочным примечанием: «Вношу гонорар за это стихотворение в забастовочный фонд и вызываю товарищей поэтов. Вл.М.».

В Соч. 5 с пояснением: «*Церетелить* — от Церетели, меньшевика-согласителя».

В марте 1926 г. в Англии вспыхнула забастовка горнорабочих. Ее активно поддержали другие профсоюзы. К маю 1926 г. социальное напряжение достигло пика. С 4 по 12 мая прошла крупнейшая в истории страны всеобщая забастовка (5 млн участников). В советских политических кругах эти события вызвали живое внимание. Некоторые, прежде всего Л.Д. Троцкий, с самого начала видели в них предвестие своего рода революции 1905 г. и настаивали на энергичной поддержке. Генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский, например, писал: «Борьба в Англии разворачивается по всему фронту. Два класса стоят друг против друга... В Англии происходит сейчас генеральная репетиция, мы твердо уверены, что английский Октябрь пройдет еще более блестяще, более мастерски, чем генеральная репетиция» (однодневная газета «Деритесь, как черти!» М., 1926. 10 мая; подробнее см.: Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 589 — 598; *Троцкий Л.* Куда идет Англия? М.; Л., 1926). Другие оценивали положение более сдержанно. Тем не менее был санкционирован ряд мер в поддержку бастующих: эмбарго на поставку угля и нефти в Англию, солидарная реакция Профинтерна, сбор средств и т.п.

Маяковский испытывал острый интерес к этим событиям. В.А. Катамян рассказывает об одном из вечеров у него на квартире: «Несколько раз на протяжении вечера, когда в поле зрения появлялся журналист-международник Левидов, Маяковский останавливал его:

— Позвоните, — как там?

— Пока ничего.

— Звоните еще... Каждые четверть часа.

С минуту на минуту ждут вестей из Лондона. Идет заседание Исполкома тред-юнионов. Левидов объясняет обстановку — много зависит от позиции лидера железнодорожников Джона Томаса (...)

— Товарищи! Началось...

— В первый раз в истории! Распронаивсеобщая! Это не шутки...» (*Катамян В.А.* «Возьми строку и время верни...» // *Звезда.* 1977. № 1. С. 189).

В СССР и других странах развернулось движение солидарности с забастовщиками. В частности, 9 мая в Москве в Театре революции Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей устроила литературный вечер «Советские писатели — английским рабочим». В нем участвовали Н. Асеев, Демьян Бедный, А. Безыменский, М. Голодный, Б. Горбатов, В. Инбер, В. Маяковский, И. Сельвинский, И. Уткин и др. Как сообщалось в информации: «Весь сбор поступит в пользу бастующих рабочих Англии». В одном из газетных отчетов говорилось: «Публика, заполнившая до отказа театр Революции, ждала, разумеется, от писателей и поэтов откликов на английские события. Она не ошиблась: выступления многих авторов были посвящены славной борьбе английских стачечников. В эти часы всем

хочется быть ближе к Англии, к британским пролетариям. Вот почему выступления особенно тепло встретились публикой» (Веч. Москва. 1926. 10 мая).

В ответ на всеобщую забастовку правительство Англии (в то время его возглавляли консерваторы) ввело чрезвычайное положение и мобилизовало войска. С помощью ряда экономических и полицейских мер оно сумело подавить всеобщую забастовку. Забастовка горняков не прекратилась и продлилась до конца 1926 г. (см. стихотворение «Рождественские пожелания и подарки» и примеч. к нему).

К своему хозяину — Имеется в виду *Стэнли Болдуин* (1867 — 1947) — в тот период премьер-министр Великобритании.

Макдональд Джеймс Рамсей (1866 — 1937) — в тот период лидер оппозиции в парламенте.

Церетели — образовано от имени И.Г. Церетели (1881 — 1959), меньшевика, министра Временного правительства (1917) и меньшевистского правительства Грузии (1918 — 1921).

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

(С. 260)

Отрывок (стк. 95 — 112) в составе статьи «А что вы пишете?» — Красная газ. 1926. 28 мая, веч. вып.; *Маяковский В.* Разговор с фининспектором о поэзии. Тифлис, 1926 (отдельное издание стихотворения; вышло в июне); отрывок (стк. 228 — 288) — журн. «За 7 дней». М., 1926. № 6. [22] авг.; Нов. мир. 1926. № 10, окт.; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 34 (ГММ); авторизованная машинопись — ГММ. Р-5311; автограф отрывка (стк. 95 — 112) — в составе рукописи статьи «А что вы пишете?» (ГММ. № 5296), запись начальных слов отдельных строк («Гражданин фини(н)спектор»), «В вашей анкете», «Класс гласит», «Подведите мой посмертный баланс», «Я в долгу перед бродвейской») для чтения стихотворения с эстрады — Зап. книжка № 37 (ГММ).

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 305 — 306: «то вот вам, товарищ» вместо «то вот вам, товарищи» по авторизованной машинописи и отдельному изданию.

Датируется по машинописи не позднее 14 мая 1926 г.

В Соч. 5 с примечанием: «*Багдадские небеса*. Багдады — село в Кутаисской губернии, где родился Маяковский».

Афишный вариант заглавия: «Разговор поэта с фининспектором» (Как писать стихи. 1926). В листовках и афишах «Мое открытие Америки» (Воронеж, 1926), «Поп или мастер?» (1926), «Лицо левой литературы» (1927) стихотворение указано под своим основным заглавием.

Написано в первой половине мая 1926 г., 14 мая был заключен договор с тифлисским издательством «Заккнига» и одновременно туда передана рукопись стихотворения.

В статье «А что вы пишете?» (май 1926) Маяковский назвал «Разговор с фининспектором» «главным стихотворением последних недель» и под-

черкнул: «Главной работой, главной борьбой, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество. Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось».

Это стихотворение Маяковский начал читать с эстрады сразу после написания и читал постоянно. Первое чтение состоялось 16 и 17 мая в Ленинграде: «Из стихов следует отметить великолепные "Есенину", резко осуждающее самоубийство, сатиру на псевдомарксистскую критику "Марксистская критика — дело человечье" и "Разговор с фининспектором о литературе". Все эти стихи отличаются необыкновенно острым фельетонным подходом к теме и четкой сиюминутностью» (Блейман М. Два вечера Вл. Маяковского // Ленингр. правда. 1926. 19 мая).

Маяковский стремился как можно быстрее опубликовать стихотворение. В той же статье «А что вы пишете?» он, приведя один из ключевых отрывков стихотворения, объявил, что оно «выйдет в ближайшем номере "Нового мира"». Однако номера пришлось ждать почти полгода: в июне стихотворение вышло отдельным изданием в Тифлисе, в центре оно появилось полностью только в октябре.

Особую значимость стихотворения Маяковский подчеркнул его композиционным выделением. Летом 1926 г. он подготовил и в ноябре 1926 г. сдал в Госиздат пятый том *Соч.*, которым начинался выпуск этого важного для поэта издания. Том открывался разделом «О поэзии», состоявшим из семи стихотворений: «Разговор с фининспектором о поэзии», «Сергею Есенину», «Письмо Горькому», «Передовая передового», «Послание пролетарским поэтам», «Марксизм — оружие...» и «Четырехэтажная халтура». Таким образом, стихотворение открывало не только принципиальный для Маяковского раздел, но практически и весь том, объединявший произведения, как он сам писал, «наиболее характерные для меня и новизной и современностью наиболее интересные читателю» (заявление в Госиздат 30 мая 1926). Если же учитывать ход выпуска издания, то стихотворение в определенном смысле открывало и все *Соч.*

Программный характер стихотворения — в утверждении исключительности социальной роли писателя в «рабочем строю», в необходимости ее дальнейшего роста. По мысли поэта, одним из препятствий является «писательская бессовестная, разухабистая халтурщина: постоянное предпочтение фактических заказов всем социальным» (А что вы пишете?). Другое препятствие — общественная недооценка писательского труда, которая выражалась главным образом в неопределенности социального, общественного статуса писателей, а также в их низком материальном обеспечении.

30 января 1925 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об основах авторского права», которым впервые после революции вводилась целостная система правового регулирования в этой сфере. Но это мало сказалось на материальном положении большинства писателей. А.В. Луначарский отмечал: «Давно уже Наркомпросу известно то совершенно ненормальное положение, в котором находятся художники всех родов искусства... Беспреданно натыкаешься на совершенно легкомысленное

суждение о крупном заработке литераторов. Это, конечно, совершенный вздор. Крупный заработок имеет ничтожное меньшинство» (Журналист. М., 1925. № 6/7, июнь — июль. С. 13). Одной из причин бедственного положения литераторов, их низких заработков являлась система налогообложения, которая базировалась на ошибочном, с точки зрения Маяковского и других писателей, понимании их социального статуса.

Согласно действовавшему с 1 октября 1924 г. «Положению о государственном подоходном налоге» (и по действовавшему до этого «Положению о государственном подоходно-поимущественном налоге») все налогоплательщики делились на три категории:

«А. Лица, получающие доход от личного труда по найму, и государственные пенсионеры.

Б. Лица, получающие доход от личного труда не по найму.

В. Лица, получающие доход от владений промышленными и торговыми предприятиями, строениями, капиталами; от аренды имущества и от других нетрудовых источников дохода...» (Собрание законов и распоряжений правительства СССР. 1924. № 20. 26 нояб. Ст. 196).

С первой и третьей категориями все ясно: к первой относились все рабочие и служащие (крестьяне облагались по другому закону), к третьей — лица, имевшие нетрудовые доходы. Писатели входили в категорию «Б» и тем самым *исключались из числа рабочих и служащих*. Более того, в «Положении» довольно подробно разъяснялось, какие именно социальные группы должны относиться к категории «Б». Например: «1) ремесленники и кустари, не имеющие заведений, облагаемых промысловым налогом, разносчики-торговцы, работающие от государственных и кооперативных предприятий; 2) граждане, занимающиеся единолично разными мелкими промыслами, в том числе и извозом...» и т.д. В этом перечне под пунктом 5 значились «лица, занимающиеся свободными профессиями: вольнопрактикующие врачи, зубные врачи, ветеринары, инженеры, архитекторы и т.п., а также служители религиозных культов». Подразумевалось, что писатели должны относиться именно к этой группе. Характерно, что, несмотря на высокую детализацию указаний групп населения, которые должны относиться к категории «Б» (кроме упомянутых, в «Положении» значились: зубные техники, чертежники, составители смет, торговые агенты, маклеры, коммивояжеры и т.п.), лица, занятые литературным трудом, не были не то что специально выделены, но даже упомянуты. Отсюда, в частности, среди тезисов выступлений Маяковского в афишах того времени: «Поэты, зубные врачи и служители культа».

Отнесение писателей к лицам свободных профессий и тем самым исключение их из круга основного трудового населения страны вызывало протест Маяковского («Труд мой любому труду родственен»). Это критиковалось и другими литераторами. В 1925—1926 гг. вопрос широко обсуждался в печати. Отметив, что «писательский заработок в настоящее время исключительно низок», что о заработках поэтов «просто смешно говорить серьезно», В.В. Вересаев, специально выступая в этой связи в Государственном ученом совете, высказал пожелание, «чтобы государство признало труд художника не менее ценным и заслуживающим не меньшего

уважения, чем труд рабочего или советского служащего» (Вересаев В. К положению работников искусств // Правда. 1925. 28 апр.). Хотя властями предпринимались определенные действия, чтобы исправить положение (например, было принято постановление, согласно которому доходы от литературных гонораров с 1 октября 1925 г. должны были учитываться при налогообложении в половинном размере — Вестник финансов. 1925. № 86. 10 сент. С. 5), критика не прекращалась. Одна из газет сообщала: «Всероссийский союз писателей, в лице московского и ленинградского правлений, возбудил в центре целый ряд ходатайств об общем пересмотре принципа обложения писателей и отнесения их к лицам свободной профессии» (Красная газ. 1925. 16 нояб., веч. вып.).

О конкретных обстоятельствах в основе стихотворения, о взаимоотношениях с налоговыми органами см. заявления Маяковского в Мосфинотдел от 26 августа и 3 сентября 1926 г. и в губернскую налоговую комиссию от 30 октября 1926 г. и примеч. к ним. В первом из них «Разговор с фининспектором о поэзии» назван поэмой.

...пяток небывалых рифм только и остался что в Венецуэле. — Virtuозность рифмовки Маяковского не раз отмечалась поэтами и критиками уже в те годы, но это же порождало и негативную реакцию иных литераторов, пытавшихся уличить его в заимствованиях (см., например, ст. А.И. Безыменского «Начистоту» — Нов. мир. 1927. № 2).

Поэзия — та же добыча руды. — Подобный образ возникал в кн. В.Я. Парнаха «Словодвиг» (1920) и в стихотворении В.З. Масса «Вступление»:

Я соберу в свои тетради
Неутомимые труды,
Освобождающие радий
Из рук урановой руды.

(Стык: Первый сборник стихов
московского Цеха поэтов.
М., 1925. С. 94)

...в энкапеез... — НКПС (Народный комиссариат путей сообщения).

МОСКОВСКИЙ КИТАЙ

(С. 268)

Прожектор. 1926. № 9, 15 мая, с рис. А.А. Брея; Семь дней. Ташкент, 1927. № 8. 11 февр.; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Чжан Цзолин — см. о нем примеч. к стих. «В мировом масштабе» — и *У Пейфу* (1878 — 1939) — руководители отдельных военно-территориальных группировок, сложившихся в Китае в ходе национально-освободительной революции и гражданской войны.

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

(С. 271)

Красная газ. 1926. 26 мая, веч. вып.; На лит. посту. 1926. № 4, май; Соч. 5.

Автограф — стк. 95—114 — в составе рукописи статьи «А что вы пишете?» (ГММ. № 5296).

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Последняя строфа неоднократно правилась автором.

Стихотворение, вероятнее всего, было намеренно передано Маяковским в рапповский журнал. Оно было обращено прежде всего именно к аудитории этого издания. Одному из своих знакомых Маяковский говорил: «Ненавижу первоначально накопляющих "пролетарских поэтов". Кудерьки до плеч, морда пяточком, славочка на данную девочку. Возьтятся, бегают, на ухо шепчут, представляются — ручку жмут, завидуют, думают просто так: вот этот успел при стихах устроиться. "Устроиться при стихах" — подумайте! Рабочий поэт — это работать днем и ночью. Я напрягаюсь над строчкой до слез, просыпаюсь ночью и ищу нужное слово, плачу от удовольствия, когда строка наконец сомкнута» (Эльберт Л. Краткие данные // Огонек. 1930. № 12, 30 апр. С. 5).

...Ахровская кисть — от АХРР (Ассоциация художников революционной России).

...ариями Альфреда и Травиаты? — Подавляющее большинство осуществившихся в то время постановок оперы Д. Верди (1813—1901) «Травиата» (1853), арии из нее, повсеместно звучавшие в записи на граммпластинках, низводили эту классическую оперу до заурядной мелодрамы. Ссылки на «Травиату» не раз использовались Маяковским как пример рутины и «акстарья». См. «Открытое письмо рабочим», «Мистерию-буфф», «Бей белых и зеленых».

ВЗЯТОЧНИКИ

(С. 274)

Известия. 1926. 30 мая; Тамбовская правда. 1926. 2 июня; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 21: «к кому ему устроить куму» вместо «кому ему устроить куму» по «Известиям», а также с конъектурой в стк. 100: «от праведной гневности красен» вместо «от правильной гневности красен».

Датируется по первой публикации.

В заявлении в Госиздат от 30 мая 1926 г. названо «Взяточник».

Тантьема — дополнительное вознаграждение из чистой прибыли предприятия, которое получают члены правления и другие высшие служащие.

Абрау — сорт вин; от Абрау-Дюрсо — центра по производству шампанских и столовых вин (близ Новороссийска).

В ПОВЕСТКУ ДНЯ

(С. 279)

Комс. правда. 1926. 30 мая; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

В заявлении в Госиздат от 30 мая 1926 г. названо «В порядок дня».

...и празднуем радость трехгорным. — Имеется в виду «Трехгорное пиво». См. рекламу Маяковского.

ПРОТЕКЦИЯ

(С. 282)

Известия. 1926. 6 июня; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой и коррект. пометами (наборная рукопись «Известий») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 864. На машинописи резолюция редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «В утренний набор. И. С. 4/VI».

Печатается по Соч. 5.

Датируется в соответствии с пометой на машинописи.

Протекционизм — одна из расхожих тем в сатире того периода. Сюжет стихотворения близок миниатюре В.Я. Типота (1893—1960) «Хождение по мукам» из обозрения «Насчет любви», шедшего на сцене московского Театра сатиры, премьера — апрель 1926 г. (Уварова Е. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917—1945). М., 1983. С. 152).

...глазки да ласки, ласки да глазки... — См. примеч. к стих. «Ялта — Новороссийск».

«И пойдут они, солнцем палимы, / И застонут...» — Контаминация двух строк из «Размышлений у парадного подъезда» Н.А. Некрасова.

ЛЮБОВЬ

(С. 285)

Известия. 1926. 13 июня; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой и редакторскими пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 869. На машинописи помета редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «В утренний набор! И. С. 11/VI». К машинописи приложена также машинописная страница с измененным текстом стк. 96 — 113, на которой помета сотрудника редакции «Известий» В.М. Василенко: «Взамен выкинутого куска в стихотворении Маяковского "Любовь"» (см.: Арутчева 1991. С. 544).

Авторская правка была полностью учтена при публикации в «Известиях», она не была связана с какими-либо конъюнктурными редакционными требованиями. При подготовке *Соч. 5* в рукопись тома явно был вложен направленный экземпляр машинописи, поэтому авторские исправления оказались в данном издании неучтенными. Печатается по «Известиям».

Датируется по помете на машинописи.

По тексту «Известий» стихотворение перепечатывалось в газ. «Русский голос» (Нью-Йорк, 1926. 13 июня).

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

(С. 290)

Комс. правда. 1926. 13 июня; *Соч. 5*.

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 5*.

Датируется по первой публикации.

В *Соч. 5* с примечанием: «*Безыменский, Светлов, Уткин* — пролетарские поэты».

Афишный вариант заглавия — «Послание поэта» (Как писать стихи. 1926).

В «Комсомольской правде» — на «Литературной странице», вместе с отрывком из поэмы Б.Л. Пастернака «Девятьсот пятый год», продолжением статьи А.В. Луначарского «Лермонтов-революционер», стихами С.Ю. Олендера и И.И. Садофьева.

Стихотворение было включено автором в цикл «О поэзии», которым открывался пятый том *Соч.* (о цикле см. примеч. к стих. «Разговор с фининспектором о поэзии»), т.е. рассматривалось им как одно из программных. Однако замысел его сложился не в связи с общими планами цикла, а возник под влиянием конкретных обстоятельств. Непосредственным поводом к написанию послужила «Ода скромности» А.И. Безыменского (Комс. правда. 1926. 6 июня). Как свидетельствовал И.П. Уткин, Маяковский без какого бы то ни было предупреждения принес стихотворение в редакцию «Комсомольской правды» 12 июня 1926 г. (*Уткин И.* Из воспоминаний о Маяковском // Маяковский и советская литература. М., 1964. С. 277 — 278). Следовательно, стихотворение было написано между 6 и 12 июня 1926 г.

Но пафос стихотворения — не в этом внешнем поводе или в ответе А.И. Безыменскому, а в дальнейшем развитии принципиальных для Маяковского антирапповских идей, которые фокусировались ранее в таких стихах, как «Юбилейное», «Верлен и Сезанн» и др. Можно отметить даже своего рода автоповтор, связанный с этим кругом проблем. Строка «А я, по-вашему, что — валютчик?» отчетливо напоминает строку из стихотворения «Город»: «Но кому я, к черту, попутчик!» Ясно, что «валютчик» в «Послании пролетарским поэтам» не более чем эвфемизм слова «попутчик».

Неприятие Маяковского вызывало агрессивное сектантство литераторов, именовавших себя «пролетарскими». Он говорил, например,

выступая на диспуте о разногласиях в литературной политике, что «Леф» «протестует против засахаривания кучки людей, против делания "пролетарских мумий", полных комчванства. Только в процессе перековки быта создадутся пролетарские писатели. Не ярлыком решается вопрос о "пролетарственности" писателя, а литературным соревнованием. Надо сорвать ярлыки, перетряхнуть патенты, тогда слово "пролетпоэт" получит смысл. Рядом цитат из сборника "Пролетарские писатели" Маяковский иллюстрирует жестокое расхождение программных заявлений напостовцев с их поэтической практикой. Тов. Маяковский выдвигает лозунг формальной учебы для пролетпоэтов» (Известия. 1925. 8 апр.).

Уровень нападок на Маяковского со стороны писателей этого круга, начавшихся еще в 1918–1919 гг., не снизился и в 1926 г. Продолжались назойливые утверждения об отсутствии у Маяковского «пролетарской идеологии», упреки в нежелании признавать верховенство «пролетписателей» в литературе. Один из очередных выпадов – «Ода скромности» А.И. Безыменского, в которой поэт, продолжая свои прежние нападки (см. примеч. к стих. «Юбилейное»), пытался упрекать Маяковского в том, что он слишком много пишет о самом себе.

Появление «Послания пролетарским поэтам» вызвало новые выпады со стороны А.И. Безыменского. В феврале 1927 г. он опубликовал статью «Начистоту» (Новый мир. 1927. № 2. С. 196–201), в которой вновь обвинил Маяковского в «невыносимом гениальничании» и даже попытался уличить его в плагиате, якобы допущенном в таких стихах, как «Не юбилейте!», «Сергею Есенину», «Товарищу Нетте – пароходу и человеку», «Письмо Маяковского Горькому», «Блек энд уайт», поэме «Владимир Ильич Ленин» и др. (см. примеч. к этим произведениям). Полемику с А.И. Безыменским Маяковский продолжил и позже, в эпиграммах 1930 г. «Томов грбовых камень веский...» и «Уберите этого бородатого комсомольца!...», а также в ряде выступлений.

Обращение к молодым поэтам Иосифу Павловичу Уткину (1903–1944) и Михаилу Аркадьевичу Светлову (1903–1964) было вызвано прежде всего атмосферой взаимозахваливания и самовосхищения, установившейся в их среде, в частности в литературном отделе «Комсомольской правды». И.П. Уткин вспоминал: «У нас всегда бывало оживленно, всегда много народа. Молодой человек написал стихи, бежит туда, читает стихи пришедшему кому-то, тот говорит: "Ты гений!" Никакого другого измерения нет в нашей среде. "Давай, я тебе прочту". Тот тоже читает, таким образом, в течение двух минут уже есть два гения. Таким образом, за час оказывалось до 10 гениев в комнате. Дышать от гениев просто невозможно было. Это была вечная атмосфера "Страниц". Я думаю, что она мне даже импонировала...» (Уткин И. Указ. соч. С. 276–277). Недовольство атмосферой, установившейся в их литературной среде, высказывали сами же эти молодые поэты: «В литературных разговорах друг с другом наши писатели обычно ограничиваются легкими, поверхностными замечаниями или перемыванием косточек отсутствующих соратников. А работы настоящей почти нет. Тут-то вот нам необходимо перенимать привычки и традиции прежних писательских организаций. В этом у них следует учиться. Нам

надо создать серьезную, деловую атмосферу в своих рядах. Надо создать строжайшее отношение к высокому званию писателя. Надо терпеливо и упорно работать над поднятием писательской квалификации. Это главное» (Жаров А., Уткин И. О личности писателя: По поводу чудачеств и вообще // На лит. посту. 1926. № 7/8 [авг.]. С. 47; то же — Комсомолия. М., 1926. № 8, авг.). Эта статья вызвала, правда, иронически-насмешливые комментарии Маяковского в его выступлении 20 сентября 1926 г.

Сам И.П. Уткин начал печататься только в 1922 г., успех к нему пришел в 1925 г. с публикацией «Повести о рыжем Мотэле»: «Стих Уткина чрезвычайно выразителен... "Повесть о Мотэле" — крупная вещь» (Лелевич Г. // Новая иллюстрация. М., 1925. № 7/8. С. 35 — 36); «...чрезвычайно глубокое, свежее и оригинальное произведение...» (Жаров А.А. // Смена. Л., 1926. 3 янв.); «Пролетарская литература может себя поздравить с большой радостью... Такая книжка большого нашего художника слова — радость безусловная» (Безыменский А.И. // Комсомолия. М., 1926. № 4. С. 91); «...значительное явление комсомольской литературы...» (Беккер М.И. // Комсомолия. М., 1926. № 6. С. 62); «...перед нами — большое и оригинальное поэтическое дарование... Стихи И. Уткина всегда глубоки, выдержанны, мудро кратки, оригинальны... философская углубленность... Нельзя пройти мимо и высокого формального мастерства» (Фатов Н.Н. // На лит. посту. 1926. № 5/6. С. 31 — 35); «...безусловно является выдающимся, незаурядным произведением современной литературы...» (Аглер М. // Красная новь. 1926. № 10. С. 239) и т.п. Эта «Повесть» нравилась и Маяковскому (см. выступление на диспуте «Леф или блеф?» 23 марта 1927), что, однако, не мешало ему нередко указывать на промахи, допускаясь Уткиным в других стихах.

И.П. Уткин был организатором и редактором «Литературной страницы» в «Комсомольской правде», где 6 июня 1926 г. появилась «Ода скромности» А.И. Безыменского, а через неделю — «Послание пролетарским поэтам». Он так вспоминал об обстоятельствах публикации этого стихотворения: «Когда я стал читать, я увидел, кому "Послание" адресовано, и там, по-моему, была пропущена фамилия. Я говорю: "По-моему, у вас пропущена какая-то фамилия". Он спрашивает: "Как фамилия гейнеобразного еврея? Голодный, что ли?" — Я говорю: "Нет, Миша Светлов". Он говорит: "Тогда поставьте на место". (...) Маяковский тогда устно говорил нам многое из того, что у него было в стихотворении. И вообще меня удивляло в Маяковском, что часто многое устно слышанное от него потом появлялось в стихах» (Уткин И. Указ. соч. С. 278). Рукопись стихотворения неизвестна, поэтому документально подтвердить или опровергнуть сведения о первоначальном отсутствии в тексте имени М.А. Светлова невозможно, но в принципе это представляется вероятным.

Адресатом первоначально скорее мог выступить нередкий оппонент Маяковского — А.А. Жаров. Вскоре после появления «Послания» именно он предпринял резкую атаку на поэта. Говоря о необходимости борьбы с «литературным хулиганством», он сделал упор на Маяковского: «Надо дать общественный отпор и самому Маяковскому, когда он время от времени пытается до известной степени повторить свои прежние приемы, когда он на своих "лекциях" угощает аудиторию, наполненную

рабфаковской и вузовской молодежью, вместо серьезных литературных разговоров — довоенными разговорчиками комично-легкомысленного свойства и прямыми ругательствами по адресу отдельных литературных работников, редакций и т.п. (...) Говорят, что литературному "мэтру" все позволено, тем паче, что у него с детства — "такой стиль", но ведь этот стиль воспитывает в многочисленных аудиториях литературных вечеров нездоровый, скандальный подход к литературе и литераторам» (Жаров А. Против литературных бесчинств: Размышления по поводу // Веч. Москва. 1926. 29 окт.).

О стихах М.А. Светлова Маяковский говорил, как правило, весьма уважительно, особенно выделяя стихотворение «Гренада». На диспуте «Леф или блеф?» отметил, что стихи М.А. Светлова — «огромное достояние пролетарской советской поэзии». Со своей стороны М.А. Светлов неизменно подчеркивал свое преклонение перед Маяковским. В «Ночных встречах», в разговоре с тенью Г. Гейне, он передал как бы его слова:

Сейчас к тебе с Тверской иду,
Прошел переулком, как вор.
Там Маяковский, будто в бреду,
С Пушкиным вел разговор.

Я поздоровался. Он теперь
Самый лучший поэт.
В поэтической толпе
Выше его нет.

Всюду проникли и растут
Корни его дум,
Но поедает его листву
Гусеница Гум-Гум.

(Перевал. М., 1925. № 3. С. 156)

Подробнее о творческих взаимосвязях Маяковского и Светлова см.: Паперный З.С. «Небеса поэзии» и будни // Маяковский и советская литература. М., 1964. С. 100 — 162.

Развитием проблематики «Послания...», вероятно, должны были стать статьи «Литературный быт» и «Обзор стихов», которые Маяковский в сентябре 1926 г. думал написать для первого номера «Нов. Лефа» (написаны не были).

...напостовскою тряскою... — Литературно-критический журнал «На посту» выходил в Москве под редакцией Б. Волина, Г. Лелевича и С. Родова в 1923 — 1925 гг., было выпущено всего пять книг (1923 — № 1, 2/3, 4; 1924 — № 1(5); 1925 — № 1(6)). Являлся одним из организационных центров «пролетарского» литературного движения, критические выступления на его страницах отличались крайней резкостью, «комчванством», отрицанием «непролетарского» творчества, что вызывало с самых разных сторон упреки в «заезжательстве». В журнале неоднократно критиковался Маяковский. С апреля 1926 г. вместо «На посту» стал выходить журнал «На литературном посту».

Одного называют красным Байроном... — Ср.: «И, может быть, я Байроном проснусь // В какой-нибудь четверг иль понедельник» (Ковынев Б. Последний из могикан. 2-я книжка стихов. М., 1926. С. 32). В статье А.А. Жарова и И.П. Уткина «О личности писателя. По поводу чудачеств и вообще» как один из примеров невежественного и вульгарного понимания слова «писатель»: «Я теперь, небось, не политрук какой-нибудь, а поэт. "Может быть, я Байроном проснусь". Пойду вот по редакциям, облаю всех редакторов. Вот Маяковский, говорят, слова ни с кем не скажет. А разговаривает, так кроет всех подряд. Я, — говорит, — один — гений. Молодец. Так и надо. Потому: поэт должен быть надменным и нахальным» (На лит. посту. 1926. № 7/8. С. 46). Шутка Маяковского была отчасти связана и с тем, что И.П. Уткина в литературной среде находили внешне немало похожим на Байрона и в этой связи подсмеивались.

...плоскость раешников и ерунду частушек. — В определенной мере пример самоиронии Маяковского: раешник и частушка — жанры, в которых он сам нередко работал.

ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ

(С. 296)

Известия. 1926. 20 июня; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 875. На машинописи помета редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «В утренний набор. И. С. 18/VI 26».

Печатается по Соч. 5.

Датируется по помете на машинописи.

...для проведения режима. — Речь идет о режиме экономии (см. примеч. к стих. «Первомайское поздравление»).

Прег — председатель.

Глядел, лицом белее мела... — Ритмико-интонационный парафраз стих. «Бородино» М.Ю. Лермонтова.

ТОВАРИЦУ НЕТТЕ — ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

(С. 300)

Известия. 1926. 22 авг.; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 37 (ГММ). Машинопись с указанием даты и места написания «15. VII. Ялта» (повторено в «Известиях» и Соч.), с редакционной правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 904; на машинописи резолюция редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «В набор. И. С. 21/VIII 26».

Печатается по Соч. 5.

Датируется в соответствии с пометой в машинописи.

Текст стихотворения сложился, видимо, сразу; практически весь он зафиксирован в черновике. Последующие изменения коснулись преимущественно только седьмой строфы («В коммунизм из книжки...»). В черновике она занимала ударное, предзаключительное место. В середину была передвинута, видимо, при его перебеливании (беловая рукопись не сохранилась). В машинописи (ГАРФ) в текст этой строфы рукой И.И. Скворцова-Степанова внесены поправки: «веришь средне» переделано на «верят средне», следующая фраза — «Мало ли что можно в книжке намолоть» и несколько ниже слово «бредни» взяты в кавычки, — этим лирический текст был представлен как бы расхожим обывательским суждением, над которым иронизирует автор (об атрибуции поправок — *Арутчева 1991. С. 540*). В таком измененном виде текст стихотворения появился в «Известиях» и был повторен в *Соч.* В устных выступлениях Маяковский правку И.И. Скворцова-Степанова не учитывал. По свидетельству П.И. Лавута, выступая, Маяковский «менял слово "верят" на "веришь"» (*Лавута. С. 32*). Печатается с устранением указанных редакционных вмешательств.

В наборной машинописи, а также в «Известиях» и *Соч. 5* — ряд необычных ритмических членений.

В наборной машинописи — заглавие в четыре строки, расположенные столбиком: «Товарищу Нетте / пароходу / и / человеку».

В наборной машинописи, «Известиях» и *Соч. 5* — стк. 6 — 9:

разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».

Появление этих и других сходных с ними ритмических членений обусловлено смысловыми акцентами. Однако подобные членения нарушают стиховые ритмы, «прячут» рифму (в данном случае: «вздор — Теодор») внутрь строки, формально создают видимость присутствия в стихотворении нерифмованных строк. Поэтому механически повторять подобные членения, которые разрушают стихотворную ткань произведения и к тому же не находят подтверждений в творческих рукописях, явно нецелесообразно.

Точность датировки в машинописи, повторенной в печатных источниках, вызывает сомнения. Судя по письму Маяковского к Л.Ю. Брик от 15 июля 1926 г., в этот день он находился в Евпатории, едва поднялся после болезни и собирался ехать в Ялту лишь на следующий день. В этом же письме он замечал: «По моим наблюдениям, я стал ужасно пролетарский поэт: и денег нет и стихов не пишу». Очевидно, это и следующее стихотворение «Разговор на одесском рейде...» были написаны несколькими днями позже, после отъезда Маяковского из Евпатории в Ялту.

В *Соч. 5* с примечаниями: «*Теодор Нетте* — наш дипкурьер, убитый бандитами при защите диппочты; его именем назван один из пароходов черноморского флота. *Якобсон Р.* — лингвист, ученый».

Афишные варианты заглавия: «Теодор Нетте. Пароход и человек» (Как делать стихи. 1926), «Теодор Нетте» (Лицо левой литературы. 1927), «Нетте» (Леф и Реф. Новое и старое. 1929).

Нетте Теодор Иванович (1896 – 1926) – латыш, уроженец Риги, подпольщик, в годы Гражданской войны командир батальона и политработник, с февраля 1920 г. дипкурьер НКВД. Был убит 5 февраля 1926 г. при защите дипломатической почты в поезде, следовавшем через территорию Латвии в Берлин. В поезде один из нападавших, ворвавшись в купе, «выстрелил в сидевшего на нижней полке курьера Махмастала. Тогда лежавший наверху курьер Нетте выстрелил и тяжело ранил в голову одного из нападавших. Раненый бандит успел выстрелить падая и тяжело ранил в руку курьера Махмастала. Второй бандит убил наповал Нетте, свалившегося с верхней полки. Махмасталь выстрелил левой рукой и тяжело ранил второго нападавшего» (Огонек. 1926. № 8, 21 февр.). Эти двое нападавших – литовские граждане, поляки, братья А. и Б. Габриловичи – в результате были убиты, остальные скрылись. Диппочта не пострадала и была доставлена по назначению. В ходе следствия латвийские власти стремились представить инцидент как бандитское нападение (т.е. как уголовное дело).

Т.И. Нетте (посмертно) и И.А. Махмасталь (1891 – 1942) были награждены орденами Красного Знамени. Торжественные похороны Нетте состоялись в Москве 9 февраля 1926 г. на Ваганьковском кладбище. В числе мер по увековечению его памяти пароход «Тверь» из состава торгового флота был переименован в «Теодор Нетте». Выдвигалось также предложение о переименовании пограничного с Латвией города Себеж в город Нетте. Хотя ходатайство было поддержано коллегией НКВД, президиум ЦИК СССР 12 мая 1926 г. отклонил его.

Пароход «Теодор Нетте» Маяковский увидел, как он сам рассказывал, в Одесском порту, когда отплывал в Ялту на пароходе «Ястреб». Это было 28 июня 1926 г.

...напролет болтал о Ромке Якобсоне... – Один из близких друзей Маяковского, Роман Осипович Якобсон (1896 – 1982) писал в статье, посвященной данному стихотворению: «С Теодором Нетте я встретился впервые в конце июня 1920 г. в Таллине, где мы ждали из Москвы д-ра Гиллерсона, чтобы ехать с ним в составе миссии Красного Креста в Прагу. Задачей миссии была репатриация бывших русских военнопленных, остававшихся в Чехии с австро-венгерских времен, а также установление первых шагов к дипломатическим сношениям с Чехословакией. Гиллерсон был главой миссии, я как славист был приглашен в роли переводчика, а Нетте был временно прикомандирован к миссии как дипкурьер. Мы выехали из Таллина в первых числах июля морским путем на Штеттин, а оттуда поездом на Прагу с остановкой и пересадкой в Берлине. Нетте и я ехали в одной каюте и как-то сразу очень подружились». Рассказав, как он прочитал Т. Нетте, который до этого не знал стихов Маяковского, «150 000 000», Р.О. Якобсон продолжал: «Он был в необычайном восторге. Говорил, что это первые стихи революционных лет, которые не могут не задеть за живое, возмущался, что могут осуждать поэта, готовился по мере сил бороться против этих козней, и я должен был свято обещать Теодору, что, когда он поедет обратно в Москву, я дам ему письмо, которое он лично вручит Маяковскому (...) Обещание Теодору я исполнил, послал через него и со

строками о нем письмо Маяковскому. В мае или в июне 1921 г. мы с Нетте в одно и то же время оказались в Берлине, он рассказал, как полюбился ему Маяковский, как радушно тот его встретил и как они оба "болтали о Ромке Якобсоне" (...) Когда в октябре 1922 г. я еще раз попал в Берлин и едва ли не прямо на вечер стихов только что прибывшего в Берлин Маяковского, мы затем сидели впятером — Владимир Владимирович, Лиля Юрьевна, О.М. Брик и только что приехавший со мной из Праги Виктор Шкловский и я — за бутылкой вина, Маяковский с ласковой усмешкой напомнил мне: "А твой Нетте с письмом — он чудак и очень мил". (Тот же сердечный отзыв был повторен Маяковским, когда я свиделся с ним и с обоими Бриками летом 1923 г. во Флинцбурге и слушал захватывающее исполнение Маяковским поэмы "Про это".) С тех пор только два раза я виделся с Нетте, когда он привозил диппочту в Прагу. Мы по-прежнему были связаны крепкой дружбой, конечно, вспоминали Маяковского, стихи которого он знал уже от доски до доски» (Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 339 — 341; там же сопоставление данного стихотворения и стихотворения «Сергею Есенину» как произведений, связанных единой темой — темой смерти).

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»

(С. 303)

Нов. мир. 1926. № 12, дек.

Черновой автограф — Зап. книжка № 37 (ГММ).

Печатается по тексту «Нового мира».

Датируется по месту в записной книжке.

Судя по расположению автографа в записной книжке, стихотворение написано или непосредственно перед (это более вероятно), или сразу вслед за стихотворением «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», т.е. около 15 июля 1926 г.

Афишный вариант заглавия: «Разговор броневых судов "Красная Абхазия" и "Советский Дагестан"» (Как писать стихи. 1926).

По мнению Н.Н. Асеева, «основой широко развернутой темы» этого стихотворения и стихотворения «Товарищу Нетте...» стало раннее стихотворение «Порт» (см. *Восп. 1963*. С. 401 — 402).

...серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер. — Этот крейсер, именовавшийся «Память Меркурия», как исчерпавший технические ресурсы с 1916 г. стоял на приколе в одной из бухт Севастополя. В 1923 г. он был восстановлен, получил наименование «Коминтерн» и стал одним из крупнейших кораблей Черноморского флота. На нем С.М.Эйзенштейном были сняты многие кадры (в частности, орудийные башни) фильма «Броненосец Потемкин» (см.: *Рябикин А. История трехпалубного крейсера // Вокруг света*. М., 1971. № 3, март. С. 24 — 28).

УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

(С. 305)

Известия. 1926. 27 авг.; Соч. 5.

Черновой автограф трех строф — Зап. книжка № 37 (ГММ). Машинопись с авторской правкой и коррект. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 908. На машинописи резолюция редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «Можно! И. С. 24/VIII 26».

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 53: «с нами» вместо «с ними» по автографу.

Датируется по редакционной помете на машинописи.

В машинопись рукой поэта внесены исправления: в стк. 51 — «за всех великих» вместо «от всех великих» и в заключительной строке — «не обращайтесь с ними фамильярно» вместо «не обращайтесь с нами фамильярно». В такой редакции стихотворение было напечатано в «Известиях».

По свидетельству Л.Ю. Брик, правка была вызвана замечанием О.М. Брика, который, познакомившись со стихотворением, сказал Маяковскому: «"Я к великим не суюсь в почетнейшие лики, я солдат в шеренге миллиардной". Как же тогда "с нами"? — С великими? — Маяковский тут же переделал "с нами" на "с ними"» (Знамя. 1941. № 4. С. 228).

Хотя эти поправки вошли в текст, опубликованный в «Известиях», в Соч. 5 оказалась выправленной только концевая строка («с нами» вместо «с нами»), а стк. 51 осталась в первоначальной редакции («от всех великих»). Возможно, Маяковского смутила искусственная, жаргонная форма («за всех великих»), и он решил от нее отказаться. В редакции «от всех великих» и «с нами» эти строки были записаны не только в черновом наброске, но и в беловом автографе (не сохранился): в снятой с него машинописи они даны именно так. Учитывая, что правка в этих строках носила не вполне авторский, а в определенном смысле вынужденный характер и в Соч. 5 начала пересматриваться автором, текст печатается с отменой правки в заключительной строке. По свидетельствам В.А. Арутчевой и П.И. Лавута, выступая, Маяковский читал «от всех великих» и «с нами» (см.: Арутчева 1991. С. 540—541).

Стихотворение вызвало резкие нападки В.Ф. Ходасевича: «Бывало, нет большей радости, чем "сбросить Лермонтова с парохода современности", оплевать дорогое, унижить высокое. Теперь Маяковский оберегает советские авторитеты не только от оскорбления, но даже от излишней фамильярности: "Я зываю к вам от всех великих: — милые, не обращайтесь с нами фамильярно!" Ибо почтительное сердце Маяковского сжимается, когда он видит

Гигиенические подтяжки
Имени Семашки

или что-нибудь "кошунственное" в этом роде» (Ходасевич В. Декольтированная лошадь // Возрождение. Париж, 1927. 1 сент.).

Где я? В Ялте или в Туле? Я в Москве или в Казани?.. — Стилистический парафраз популярных пародий А.А. Измайлова «Сплю или проснулся? Ночи час, утра ли?..» и Ф.Ф. Благова «Я мужик иль баба? Еду иль иду я?..» на стихотворение И.С. Рукавишникова «Нет».

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

(С. 307)

Известия. 1926. 29 авг.; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой и коррект. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 910. На машинописи резолюция редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «Пустить. И. С. 27/VIII 26».

В машинописи автором от руки вписано шутливо-ироническое обозначение места и даты написания: «Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка и т.д. 1, 2, 3, 4/ I, II, III, IV, V и т.д.». В «Известиях» текст был воспроизведен с этим обозначением. Однако в Соч. смысл пометы был, видимо, не понят, в результате остался перечень курортных мест, а дата оказалась опущенной.

Печатается по Соч. 5 с восстановлением авторского подстрочного текста.

Датируется по первой публикации.

Написано, видимо, по возвращении в Москву, т.е. после 20 августа.

Я два месяца шатался по природе... — Лето 1926 г. Маяковский провел в Крыму. 19 июня он выехал из Москвы в Одессу, 28 — из Одессы в Ялту. В июле и августе, выступая, бывал в Севастополе, Симферополе, Ялте, Евпатории, Гурзуфе, Кореизе и др. местах. Вернулся в Москву 20 августа.

...на лузе лошади Петра Великого... — Имеется в виду памятник Петру I работы Э. Фальконе в Петербурге (Медный всадник).

«...Комсомолец Петр Парулайтис». — В машинописи в этой строке первоначально была фамилия Пранайтис. Автор явно неумышленно повторил одиозную в свое время фамилию. Ксендз И. Пранайтис (1861 — 1917) был одним из видных участников проходившего в 1911 — 1913 гг. процесса М.Т. Бейлиса, выступал со стороны обвинения как «эксперт по ритуальным убийствам». Очевидно, внося поправки, поэт стремился избежать ненужных ассоциаций. Ср. с находившимся в производстве одновременно со стихотворением Маяковского в том же издательстве «Известия» в редакции «Красной нивы» рассказом С. Гехта «Шмаков и Пранайтис». О героях рассказа, двух рыночных торговцах, говорилось: «Настоящих фамилий этих двух толкучников никто не знал. Садовнические евреи — есть и такие — прозвали Федора Шмаковым, а Станислава Пранайтисом. Первого за то, что не любил евреев и поляков, второго за ненависть к тем же евреям и русским» (Красная нива. 1926. № 38, 19 сент. С. 4). А.С. Шмаков (? — 1916) также выступал обвинителем на процессе Бейлиса.

Поставь меня часок на место Рыкова... — Алексей Иванович Рыков (1881 — 1938) со 2 февраля 1924 г. являлся председателем Совнаркома СССР и РСФСР.

БЕСПРИЗОРЩИНА

(С. 310)

Известия. 1926. 4 сент.; Соч. 5.

Черновой набросок — стк. 1—8 и 56—63 — Зап. книжка № 37 (ГММ); здесь же, на соседнем листе, среди различных стихотворных заготовок («Мартын Задека живет 33 века...» и др.) — запись двух рифм, использованных в стихотворении. Машинопись с авторскими и коррект. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 915.

Печатается по Соч. 5 с конъектурой в стк. 68: «невзгодами взморщенный» вместо «невзгодами взморщенной».

Датируется по первой публикации.

Стихотворение могло возникнуть раньше, в апреле 1926 г., в частности, в связи с выступлением Маяковского на вечере «Писатели — беспризорным», проходившем 26 апреля 1926 г. (Веч. Москва. 1926. 26 и 28 апр.); вечер был повторен 17 мая, но Маяковский не смог принять в нем участия, так как уезжал в Ленинград (Веч. Москва. 1926. 15 и 18 мая). Записная книжка, в которой находятся заготовки к стихотворению, заполнялась Маяковским одновременно, с апреля по декабрь 1926 г., и поэтому основанием для датировки служить не может.

О проблеме беспризорничества см. также примеч. к стих. «Первомайское поздравление».

...как от полиции скачет Дуглас.— В советском прокате шел ряд приключенческих фильмов с участием американского киноактера Дугласа Фербенкса (Douglas Elton Ulman; 1883—1939). Среди них с 1923 г. «Американец» (The americano. 1917), «Его величество Дуглас» (His majesty — the americano. 1919) и др.

МУУР — Московское управление уголовного розыска, Московский уголовный розыск (МУР).

М Ю Д

(С. 312)

Известия. 1926. 5 сент.; Соч. 5.

Черновой автограф — стк. 34—50 — Зап. книжка № 37 (ГММ). Машинопись с авторской правкой, редакц., коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 916. На машинописи резолюция редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова: «Пустить. И. С. 3/IX 26». Одна из авторских поправок в машинописи в стк. 51—52: «Старый мир из жизни вырос» вместо «Старый мир смертельно вырос» — связана с пометой И.И. Скворцова-Степанова, зачеркнувшего слово «смертельно». В.А. Арутчева, как представляется, недостаточно обоснованно расценила это как цензурную правку (см.: Арутчева 1991. С. 543).

Печатается по Соч. 5.

Датируется по помете на машинописи.

Написано к XII Международному юношескому дню, отмечавшемуся 5 сентября 1926 г.

МЮД – Международный юношеский день, был установлен в соответствии с решением Бернской конференции социалистической молодежи (5 – 6 апреля 1915) как день солидарности молодежи в ее борьбе с милитаризмом. Проводился по преимуществу в первое воскресенье сентября, в ряде стран с 1915, в России – с 1917 по 1945 г. В 1926 г. в Москве был отмечен многолюдными манифестациями, в которых участвовали также представители молодежи из-за рубежа. «На Мавзолее на крыле у дубового барьера, где стоит микрофон для оратора, – подросток в холщовой зеленой куртке, с подвороченным под воротник галстуком пионера. Голосом детским и срывающимся он приветствует проходящих. Подросток – Рихард Бартель. Он в Москве гость. Он привез в Москву двойной привет – от пионеров Германии комсомолу и привет от отца, германского революционера Бартеля, брошенного в каторжную тюрьму за восстание 1923 г.» (Известия. 1926. 7 сент.). Согласно газетному отчету, в манифестации на Красной площади участвовало до 200 000 человек.

ДВЕ МОСКВЫ

(С. 314)

Известия. 1926. 12 сент.; Соч. 5.

Машинопись с правкой и коррект. пометами (наборная рукопись – «Известия») – ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 922; часть поправок (стк. 59 – 66) внесена автором, часть (стк. 39 и 51 – 52) – неустановленной рукой.

Печатается по «Известиям» с отменой цензурно-редакционных исправлений в стк. 38, 39 – 40, 51 – 52 и с исправлением в стк. 87: «Садовых кольцо» вместо «Садовое кольцо» по авторизованной машинописи и Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

В «Известиях» все поправки учтены, в Соч. 5 воспроизведена машинопись до ее исправления. Ряд исправлений, внесенных в редакции «Известий», носил цензурный (в том числе автоцензурный) характер. Так можно оценить поправки в стк. 39 – 40: «Хулиганье по кабакам» (было «Есенины по кабакам»), 51 – 52: «суровый старый Кремль» (было «ничемный черный Кремль»); поправка вошла в явное противоречие с предшествующей строкой «глухой старухой древнею» и нарушила образ, на котором строилось стихотворение: *две* Москвы и *два* Кремля). Поправка в стк. 38: «пивные двери лязгают» (вместо «пивные двери ляскают») нарушила принципы рифмовки Маяковского: это слово употреблялось поэтом

в обеих формах — *лязгать* и *ляскасть* — нередко в зависимости от рифмы («Двери вдруг заляскали» — «Облако в штанах»; «непролазно — лязгнуть» — «Про это»; «проляскав — ласку» — «Хорошо!» и т.д.). Переделка «ляскают» на «лязгают» в данном стихотворении — это искажающая рифму («пляскою — ляскают») подмена авторского словоупотребления и написания нормативным. Однако другая авторская правка в редакционной машинописи (напр., в стк. 59 — 66) носила не подцензурный, а художественный, стилистический характер и не может игнорироваться.

Использованная в стихотворении рифма «крем — Кремль» приведена первой в перечне «хороших рифм» в статье «Как делать стихи?»:

(и в небе цвета) *крем*
(вставал суровый) *Кремль*.

Когда, автобус, пыль развеяв... — Автобусное сообщение было новинкой для Москвы. Первый автобус появился только в апреле 1922 г., регулярное автобусное движение открылось 24 августа 1924 г. Все упомянутые далее здания и сооружения расположены по ходу двух автобусных маршрутов: № 1 (Каланчевская площадь — Белорусско-Балтийский вокзал) и № 6 (Сокольническая застава — Петровский парк). Оба проходили по Мясницкой, через Лубянку, Охотный ряд и далее по Тверской. Этими маршрутами Маяковскому приходилось добираться от Лубянки, где была его рабочая комната, до Страстной площади, где в одном здании находилась редакция «Известий» и «Правды», журналов «Новый мир», «Красная нива», «Прожектор» и др. Ср. стихотворение «Автобусом по Москве».

...прет меж часовен... — От Лубянской площади автобусные маршруты проходили мимо часовни св. Пантелеймона, примыкавшей к Китайгородской стене близ Никольских ворот (см. стих. «Неразбериха»). Другая заметная часовня по этому маршруту — часовня Александра Невского, которая находилась на Моисеевской площади, наискосок от гостиницы «Националь», как раз у поворота с Охотного ряда на Тверскую.

Китайской стены покосившийся гриб. — Стена, охватывавшая примыкавшую к Кремлю территорию Китай-города, была сооружена в 1535 — 1538 гг. К концу XIX в. была обстроена многочисленными лавками, мелкими магазинами, развалами, около нее шла мелочная торговля. Снесена в 1934 г.; сохранились отдельные фрагменты.

Главбум — ироническое образование по типу бытовавших тогда. Реально существовали: Главлесбум (подразделение ВСНХ, находилось на пл. Ногина) и Центробумтрест (Никольская, 12).

А там, где слово «Моссельпром»... — За одно- и двухэтажными лавками и лабазами Охотного ряда поднималось здание Большой Московской гостиницы (позже — «Гранд-отель»; в 1977 г. на его месте построена вторая очередь гостиницы «Москва»; одно время, в первые послереволюционные годы, в здании размещались службы Наркомпрода). На здании была реклама Моссельпрома — Московского губернского объединения предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности. Маяковский много работал над рекламой для этого треста.

Вотяки — устаревшее название удмуртов.

...там почтамп... — Здание Центрального телеграфа на Тверской (арх. И.И. Рерберг) построено в 1925 — 1927 гг. в конструктивистском стиле (как и другие упомянутые далее здания). «Едва ли не впервые за все последние годы, — писал тогда Д.Е. Аркин, — достижения нашего строительства могут быть представлены не только в архитектурных проектах, чертежах, перспективных планах, — но длинной серией "живых" зданий... Немногие крупные здания, которыми Москва обогатилась в течение последнего сезона, почти все отмечены печатью новых архитектурных веяний. Наша молодая архитектура делает громадный по своему размаху прыжок: отрываясь от старой почвы стилизации и "модерна", она вырабатывает новое понимание архитектурной "красоты", "стиля", архитектурных законов» (Красная нива. М., 1927. № 44, 31 окт. С. 12 — 14).

...здесь Ленинский институт. — Здание Института В.И. Ленина на Тверской площади (арх. С.Е. Чернышев) было возведено в 1925 — 1926 гг.

Дыры метровые потом полить... — В 1925 г. были начаты работы (проводились изыскания, строились шахты, в частности на Лубянской площади) по сооружению первого Мясницкого радиуса метрополитена: Гавриков пер. — Каланчевская пл. — Красные ворота — Мясницкие ворота — Лубянка — Охотный ряд (Известия. 1926. 13 янв.; Веч. Москва. 1926. 18 янв.). Из-за недостатка средств работы были прерваны. Ныне действующее метро начали строить в 1931 г. См. также стих. «Немножко утопии про то, как пойдет метрошка».

...с небоскреба «Известий»... — Здание редакции и типографии газеты «Известия» в Б.Путинковском переулке (так назывался проезд между Тверской и М.Дмитровкой, проходивший мимо Страстного монастыря, после сноса монастыря в 1937 г. стал частью периметра Пушкинской площади) было заложено и начало строиться как 12-этажное (отсюда у Маяковского — *небоскреб*): 6 этажей — типография, 6 этажей — возвышающаяся на ней «башня» для редакции (арх. Г.Б. Бархин). После решения Моссовета об ограничении этажности строящихся зданий были выстроены только нижние 6 этажей. Вступило в строй в мае 1927 г.

...Саговых кольцо и Коровьих валов. — Коровий вал — один из отрезков Садового кольца, улицы, которая опоясывает центр Москвы.

«Серп и молот» — металлургический завод, одно из крупнейших в Москве промышленных предприятий.

...завод «Зари»... — Название «Заря коммунизма» носила одна из московских типографий.

...«Розы»... — Шелковый комбинат «Красная роза», носивший имя Розы Люксембург.

...фордзониться. — «Фордзон» — марка американского трактора, который производился тогда и в СССР.

...гимн боевой. — Куранты на Спасской башне Кремля исполняли в то время гимн СССР «Интернационал».

ПИСЬМО <...> МАЯКОВСКОГО <...> ГОРЬКОМУ

(С. 317)

Нов. Леф. 1927. № 1, янв.; Соч. 5.

Черновой автограф — Зап. книжка № 36 (ГММ). Черновой автограф стк. 92—98 и 164—171 — Зап. книжка № 37 (ГММ).

Печатается по Соч. 5.

Датируется серединой сентября 1926 г.

Печатается с исправлениями в стк. 59: «Каллиникова» вместо «Калиникова» по автографу (соответствует правильному написанию фамилии этого писателя) и в стк. 157—158: «пред Вами на парте б» вместо «пред вами на парте» по «Новому Лефу». В первопечатном тексте обращение к адресату («взяли Вас» и далее) — со строчной буквы; там же в заголовке были графически выделены только фамилии Маяковского и Горького, в Соч. — три слова, которые, собственно, и служили заглавием стихотворения. В наст. изд. восстановлена авторская графика заглавия.

Работа над стихотворением началась во время пребывания Маяковского в Крыму в июле 1926 г.: начало автографа в Зап. книжке № 36 идет сразу вслед за концом черновика стихотворения «Тропики» (не позже 10 июля 1926) и записью севастопольского адреса: «Севастополь. К. Маркса 16/18. Георгий Ильич Лавут» (родственник администратора его выступлений П.И. Лавута). Все три записи на одном листе. В Севастополе Маяковский был 6—7 и 17 июля 1926 г.

Судя по автографу, сразу были записаны начальные строфы. Последующий текст записывался одновременно, стихотворение наращивалось постепенно, отдельными строфами. Поэтому между записями строф оставались свободные места, появлялись деловые заметки. Параллельно выработывалась композиция текста. Две строфы записаны в другой записной книжке (обе записные книжки были в работе у Маяковского одновременно). Окончательно композиция определилась при перебеливании текста. Беловой автограф не сохранился.

Закончено стихотворение было не позже середины сентября. На прошедшем в середине сентября 1926 г. организационном собрании сотрудников «Нового Лефа» Маяковский заявил, что предполагает включить «Письмо к Горькому» в первый номер журнала, возрождавшегося вместо прекращенного в 1925 г. «Лефа» (*Хроника 1985*. С. 350). Первоначально планировалось, что в октябре выйдет экстренный номер, а первый номер — в ноябре—декабре. Однако выпуск журнала задержался, первый номер появился только в январе 1927 г. Окончательный текст стихотворения был установлен в ходе подготовки Соч. 5, когда Маяковский внес ряд стилистических поправок, в том числе в заключительную строфу, в которой «мы славим» он заменил на «я славлю».

Впервые с эстрады Маяковский читал стихотворение в Киеве 18 октября 1926 г. В ноябре 1926 г. Н.Н. Асеев назвал стихотворение опубликованным и отнес его к числу наиболее значительных поэтических произведений 1926 г. (Лен. правда. 1926. 28 нояб.).

Афишные варианты заглавия: «Письмо Максиму Горькому», «Письмо Горькому» (Поп или мастер? 1926; Даешь изящную жизнь. 1927; Лицо левой литературы. 1927; Леф и Реф. Новое и старое. 1929).

В Соч. 5 с примечаниями: «Глагков, Фегор — писатель, автор "Цемент". Калинин — писатель, автор повести "Мощи". Шенгели — автор руководства "Как писать стихи"».

В «Новом Лефе» стихотворение шло сразу вслед за написанной Маяковским передовицей «Читатель!», многие положения которой переключаются с ним. По сути дела, этим стихотворением открывался возрожденный журнал, оно явно рассматривалось Маяковским как программное.

Программный характер стихотворению придавало также то, что оно было посвящено одному из самых острых литературно-политических вопросов того времени — вопросу о возвращении на родину А.М. Горького, уехавшего из СССР в октябре 1921 г. В этом видели одно из важных условий укрепления престижа советской власти в мировом общественном мнении. Острую заинтересованность проявляли также многие писатели, которые видели в возвращении Горького возможность более успешно противостоять рапповской экспансии и диктату. В 1926 г. в литературной среде распространились слухи о скором возвращении Горького и организации им нового журнала «Собеседник». Не без связи с этим группа литераторов преимущественно рапповской ориентации, пытавшихся утвердить свою главенствующую роль в литературной политике, начала предпринимать усилия по дискредитации как гражданской, так и литературной позиции Горького.

Намерение Маяковского включиться в эту дискуссию было связано с тем, что личные взаимоотношения Маяковского с Горьким вскоре после революции получили явно негативную окраску (см.: *Спиридонова Л. Притяжение и отталкивание: (Горький и Маяковский) // Урал. Екатеринбург, 1994. № 6. С. 277 — 284).*

Появление стихотворения вызвало острую общественную и литературно-критическую реакцию, в которой преобладали отрицательные суждения.

Сам Горький в печати или публичных выступлениях Маяковскому не ответил.

Положительно оценил стихотворение А.В. Луначарский. С.С. Прокофьев записал в дневнике, который он вел во время приезда в Москву, свой разговор с ним, состоявшийся 22 января 1927 г.: «Луначарский вытаскивает первый номер Лефа — новый журнал, издаваемый Маяковским. Леф — означает левый фронт. Луначарский объясняет, что Маяковский считает меня типичным представителем Лефа.

— Тем полезнее вам послушать, — прибавляет он, — обращение Маяковского, помещенное в этом номере.

Затем Луначарский не без увлечения и очень неплохо читает письмо в стихах Маяковского Горькому. Письмо в самом деле остро, а некоторые формулы в стихах просто хороши. Идея: почему, мол, Алексей Максимович, когда столько работы в России, вы проживаете где-то в Италии? Весьма назидательно по отношению ко мне, и Луначарский, окончив чтение,

смеясь, рекомендует мне оценить это стихотворение. Я его спрашиваю, какое положение в литературном мире занимает Маяковский. Он отвечает, что очень хорошее, хотя некоторые и не прочь просунуть трость в калитку и подразнить Лефа» (Лит. газета. 1991. 24 апр.).

О принципиально иной реакции, приведшей к удалению Маяковского из центральной правительственной газеты, рассказывает И.М. Гронский:

«В 1927 году отношения между редакцией "Известий" и Маяковским стали портиться. (...) Редактор "Известий" Иван Иванович Скворцов-Степанов, у которого я был тогда заместителем, пришел в негодование, познакомившись с этим "Письмом...". Выразили свое возмущение В.В. Куйбышев, М.И. Калинин, редакторы ряда журналов, группа старых большевиков-литераторов.

Тогда мы прилагали все усилия, чтобы Горький вернулся в Советский Союз. Действовали по линии нашего посольства, через Марию Федоровну Андрееву, по другим каналам, писали Горькому письма.

Многого об этом Маяковский не знал.

Мы хотели, чтобы Горький вернулся на родину, а недруги Советского Союза боролись за то, чтобы Алексей Максимович остался за границей. И вот появляется стихотворение Маяковского. Конечно, оно поразило всех... Горький, человек очень самолюбивый, воспринимал все это болезненно. (...)

И.И. Скворцов-Степанов, возмущившись "Письмом..." Маяковского Горькому, попросил меня направить к нему Владимира Владимировича, как только тот появится в редакции "Известий".

Маяковский как раз пришел ко мне. Прочитал свое новое стихотворение. Я сделал несколько замечаний. Маяковский их принял без возражений. Я предложил ему зайти к Скворцову. Маяковский резонно заметил:

— Зачем? Ведь мы уже договорились?

На это я уклончиво ответил, что Скворцов хотел с ним о чем-то поговорить.

В кабинете Скворцова Маяковский вновь прочитал стихотворение. Читал он как-то вяло, без обычного подъема.

Скворцов сразу стал критиковать стихотворение. Не отдельные места, а все его содержание. Маяковского это, естественно, поразило. Обычно сдержанный, даже несколько застенчивый в разговорах с работниками редакции, тут он выступил довольно резко, усмотрев в замечаниях Скворцова ничем не оправданную придирку. Маяковский взял стихотворение обратно, холодно простился со Скворцовым, зашел ко мне и сказал:

— Что же, я должен уйти из "Известий"?

— Не скрою, Скворцов настроен против Вас очень резко, — ответил я. И Маяковский ушел из "Известий".

Скворцов-Степанов не хотел говорить с Маяковским о его "Письме..." Горькому. Он придрался к очередному его стихотворению и на этой почве произошел разрыв» (Гронский И.М. Из прошлого... М., 1991. С. 268—270). Формальным поводом к разрыву послужило стихотворение «Нашему юношеству» (см. примеч. к нему).

Маяковский часто выступал с чтением этого стихотворения с эстрады. Оно горячо принималось аудиторией. «Аплодировали до мозолей», — замечал, например, репортер о реакции на чтение автором этого стихотворения 8 ноября 1926 г. в Доме Герцена (Веч. Москва. 1926. 11 нояб.). В отчете о другом выступлении: «"Письмо" — прекрасное, волнующее стихотворение, написанное с большой теплотой» (Коммуна. Самара, 1927. 28 янв.). В отличие от слушателей, критики встретили стихотворение с осуждением. При этом отрицательные оценки, сходные по своему характеру, высказывали представители полярных по своей направленности литературных группировок. «Образец сквернейшей развязности и рекламно-самодовольного тона», — увидел в нем А. Лежнев. «Маяковский то и дело похлопывает — бесцеремонно и покровительственно — Горького по плечу. (...) Эти "потертые штаны" пролетария Маяковского, противопоставленные международным вагонам, увозящим обуржуазившегося Горького, — великолепы. Надо совершенно потерять чувство юмора, чтобы строить подобную антитезу всерьез. Все письмо продолжается в таком же симпатичном роде. Маяковский снисходительно журит Горького, как провинившегося школьника, которому следует прочесть нотацию». Особое негодование критика вызвало «хвастливое заявление об истории литературы, которую тащат вперед одни лефы» (Лежнев А. Дело о трупе // Красная новь. 1927. № 5, май. С. 229 — 230). С другой стороны, «смешной» назвал эту же декларацию об истории литературы критик-«напостовец» (Малинов Л. Рабочие читатели о наших писателях // На лит. посту. 1927. № 8, 20 апр. С. 65).

«Постоянную грубость» мысли Маяковского увидел в стихотворении его давний антагонист В.Ф. Ходасевич. «Свою работу на пользу нэпствующего начальства Маяковский считает выполненением "социального заказа", а труд революционного поэта неприкровоенно связывает с получением гонораров. (...) Недаром также, зазывая Горького в СССР (безнадежная, кстати сказать, задача), — Маяковский в виде самого убедительного аргумента божится:

Я знаю — Вас ценит и власть и партия,
Вам дали бы все — от любви до квартир»

(Ходасевич В. Декольтированная лошадь // Возрождение. Париж, 1927. 1 сент.)

Похвалы удостоил Маяковского разве что А.И. Безыменский, назвавший «Письмо к Горькому» «великолепным». Правда, он тут же не преминул привести отрывок из своей «Оды скромности» и заметить, что «интонация заимствована Маяковским» (Безыменский А. Начистоту // Новый мир. 1927. № 2, февр. С. 197 и 199).

...между нами что-то вышло вроде граки или ссоры. — О причинах разрыва см. Янгфельдт 1992. С. 39; Аброскина И.И. В.В. Маяковский в переписке современников // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 392 — 395.

...с Капри, с горки Вам видней? — В 1926 г. Горький жил в Сорренто. На Капри он жил в 1906 — 1913 гг.

...тычет целый день свои похвальные листы. — В 1925 — 1926 гг. некоторые писатели и критики (в частности, Ф. Гладков и др.) стали использовать в печати частные письма Горького с оценками их произведений. Горький был вынужден обратиться со специальным письмом в газету: «Я просил бы собратьев по перу (<...>) не ставить меня при жизни в смешную и неудобную позу человека, как бы раздающего "патенты", "удостоверения" и т.д. Я думаю, что и для товарищей по перу торопливость, с которой они публикуют мои письма, тоже, пожалуй, не очень удобна» (Известия. 1927. 19 янв). На это письмо Горького Маяковский ссылаясь в своем выступлении на диспуте «Леф или блеф?», отвечая И.М. Нусинову, упрекавшему его в «непочтительности», допущенной в стихотворении.

Продают «Цемент» со всех лотков. — Роман «Цемент» после журнальной публикации (Красная новь. 1925. № 1 — 6) переиздавался по несколько раз в год.

Горький первоначально высказал немало комплиментов роману, но затем относился к нему более критично.

...мощи этого... Калининкова. — Речь идет об обширном романе жившего в Праге писателя И.Ф.Калиникова (1890 — 1934) «Мощи», который вышел в 1925 — 1926 гг. в издательстве «Крут» по рекомендации Горького. Появление романа было встречено контрастными оценками: «...роман... интересен не только своей заостренной интригой, он ценен и как художественный документ недавнего российского прошлого. Он заслуживает внимания широких читательских кругов» (Известия. 1926. 17 янв.); «Около 400 страниц сплошной грязи, изредка прерываемой большим бредом...» (Жизнь искусства. Л., № 35, 31 авг. С. 8 — 9); «В советскую литературу лезет мещанин... Газетная мелочь растрезвонила и вызвала спрос на Калининкова. Создается ненужная и вредная шумиха» (Звезда. 1927. № 4. С. 160; подробнее: М. Горький и И.Ф. Калининков: Переписка / Публ. Л.А. Спиридоновой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 665 — 736).

В черновике стихотворения этот ряд дополнен еще одним примером «здорового реализма» — романом П.С. Романова (1884 — 1938) «Русь», начальные части которого стали выходить с 1922 г. и неоднократно переиздавались. Горький считал, что этот роман написан «возмутительно безграмотно» (Архив А.М. Горького. Т. X, кн. 2. С. 24).

...учит профессор Шенгели. — См. примеч. к стих. «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» и к статье «Как делать стихи?».

...виден Вам еще парящий сокол? Или с Вами начали грузить по сагу ползущие ужи? — Подобное обыгрывание хрестоматийных горьковских персонажей встречалось в то время довольно часто. Получил известность, например, направленный против Горького фельетон Л.С. Сосновского «Бывший Главсокол, ныне Центроуж» (На посту. 1923. № 1, июнь. Стб. 85 — 90). См. также шарж П.М. Шухмина «Сцена из пьесы "На дне", разыгранной силами российской эмиграции, при участии автора», где Горький изображен в облике Луки, а в обликах других персонажей —

В. Чернов (Сатин), А. Керенский (Актер), Е. Кускова (Настя), П. Врангель (Барон), Б. Савинков, П. Рябушинский, П. Милюков, В. Бурцев, Е. Брешко-Брешковская и др. (Красный перец. 1924. № 8, апр. С. 11).

...*будто Вы не едете из-за чахотки.* — См., напр.: Скобарь «У Максима Горького. Впечатления краснофлотца»: «Когда же к нам будете? — А вот перестану харкать кровью — приеду. А сейчас не пускают доктора, харкаю» (Огонек. 1926. № 12, 21 марта. С. 10).

...*как Феликс Эдмундович, сердце отгать временам на разрыв.* — Ф.Э. Дзержинский умер 20 июля 1926 г., как сообщалось в правительственном некрологе, от разрыва сердца после речи на пленуме ЦК (Правда. 1926. 21 июля).

ХУЛИГАН («Республика наша в опасности...»)

(С. 323)

Известия. 1926. 19 сент.; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой, редакт. и коррект. пометами (наборная рукопись «Известий») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 928. Авторская правка в стк. 1: «Республика в дикой опасности» изменено на «Республика наша в опасности» — связана с редакционными замечаниями (см.: Арутчева 1991. С. 542).

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Борьба с хулиганством являлась в то время одной из острых социальных проблем. Еще в октябре 1924 г. сессия ВЦИК приняла новую редакцию соответствующих статей Уголовного кодекса, в которых хулиганство определялось как «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, в частности буйство и бесчинство» и устанавливались определенные карательные меры. Однако хулиганство продолжало нарастать. В 1926 г. констатировалось, что «особо широко распространенный характер получило за последнее время так называемое хулиганство», публиковались цифры, показывающие, что по сравнению с 1924 г. число хулиганских проявлений возросло почти в три раза, а случаи «квалифицированного хулиганства» — в полтора раза. Приводились такие примеры: «В Орловской губернии имели место случаи, когда хулиганы, среди которых были и комсомольцы, во время крестного хода обливали попов керосином, разбивали иконы, бросали во время богослужения кирпичами в алтарь и т.п. Не останавливаясь на случаях массового изнасилования женщин в Ленинграде, Москве, Ростове-на-Дону и других городах, следует отметить такие факты, как образование на одной из фабрик общества под названием "Долой невинность". Это уже своего рода идеологическое обоснование хулиганства» (Административный вестник. М., 1926. № 10. С. 2–4).

Активизации борьбы с хулиганством было посвящено специальное совещание в НКВД 15 сентября 1926 г. Эта же проблема рассматривалась на заседании Совнаркома РСФСР 24 сентября 1926 г. Вслед за этим во

всех основных органах печати появилась большая серия статей на темы, связанные с этими проблемами.

Большинство агитационно-пропагандистских тем, директивно выдвигавшихся в 1925 – 1926 гг., которым тогда отдали немалую дань многие поэты и прозаики (программа индустриализации, выдвинутая XIV съездом ВКП(б), внутривластьная борьба и критика «оппозиции», двадцатилетие Первой русской революции и т.д.), не привлекло внимания Маяковского. Но это не коснулось проблемы борьбы с хулиганством, которая заняла в его творчестве одно из доминирующих мест.

Эта тема присутствовала у Маяковского и раньше («Хулиганщина» и др.). Повышенное внимание, которое он стал ей уделять, объяснялось не только ее социальной остротой, но и тем, что в ней фокусировались особо важные для поэта вопросы уважения к человеческой личности, изживания всего, «что в нас ушедшим рабьим вбито», и вместе с тем присущие Маяковскому иллюзорные представления о воспитании «нового человека». Эти темы получили развитие в большом цикле сатирических стихов 1927 – 1928 гг. и затем в пьесе «Клоп».

Маяковский читал это стихотворение на диспуте «О хулиганстве» 30 сентября 1926 г. в Политехническом музее. Выступая, он заявил: «Нужно видеть, где хулиганство переходит в другие виды преступления. Хулиганство именно бесцельное озорство. Не нужно выступать резкими моралистами, нужно изживать хулиганство культурными и административными мерами, развертыванием работы клубов. А как лучше привлечь массу в клуб, – этот вопрос надо задать Наркомпросу во всей его боевой срочности» (Известия. 1926. 2 окт.).

Хотя, казалось бы, тема борьбы с хулиганством ни у кого не могла вызвать сомнения, общее неприятие творчества Маяковского привело В.Ф. Ходасевича к попытке трактовать эту группу его стихов как свидетельство приспособленчества: «...забавно и поучительно наблюдать, как погромщик беззащитных превращается в защитника сильных; "революционер" – в благонамеренного охранителя нэповских устоев; недавний динамитчик – в сторожа при лабазе. Ход, впрочем, вполне естественный для такого "революционера", каков Маяковский: от "грабь награбленное другими" – к "береги награбленное тобой".

Теперь, став советским буржуем, Маяковский прячет коммунистические лозунги в карман. Точнее – вырабатывает их только для экспорта: к революции призываются мексиканские индейцы, нью-йоркские рабочие, китайцы, английские шахтеры. В СССР "социальных противоречий" Маяковский не видит. Жизнь в СССР он изображает прекрасной, а если на что обрушивается, то лишь на "маленькие недостатки механизма", на "легкие неуклюжества быта". Как измельчали его темы! Он, топтавший копытами религию, любовь к родине, любовь к женщине, – ныне борется с советским бюрократизмом, с растратчиками, со взяточниками, с системой протекции... Предводитель хулиганов, он благонамеренно и почтенно осуждает хулиганство. А к чему призывает? "Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!" "Спрячь облигации, чтобы крепили оне. Облигации

этой удержу нет: лежит и дорожает пять лет". Какой путь: из громил — в базарные зазывалы!

"На любовном фронте", бывало, Маяковский вверх дном переворачивал "буржуазную мораль". А теперь — "надо голос подымать за чистоплотность отношений наших и любовных дел". Вот он — голос благоразумия, умеренности и аккуратности. (...)

Мелкомещанская жизнь в СССР одну за другой подсовывает Маяковскому свои мелкотравчатые темочки, и он ими не только не брезгует — он по уши увяз в них. Некогда певец хама протестующего, он стал певцом хама благополучного: певцом его радостей и печалей, охранителем его благ и целителем недугов» (*Хогасевич В. Декольтированная лошадь // Возрождение. Париж, 1927. 1 сент.*).

ХУЛИГАН («Ливень докладов...»)

(С. 327)

За 7 дней. 1926. № 10, сент.

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

В один день со стихотворением «Хулиган» («Республика наша в опасности...») Маяковский опубликовал еще одно одноименное стихотворение («Ливень докладов. Преее? Прей!..»), которое позже было им переработано в стихотворение «Тип». Через неделю в «Известиях» появилось стихотворение «В мировом масштабе», где тема давалась в сопряжении с международными вопросами. В октябре у Маяковского возник замысел целого цикла, связанного с этой проблемой (см. примеч. к стих. «Тип»), который, однако, остался нереализованным.

«Лёвенбрей», *трехгорное* — сорта пива.

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

(С. 329)

Известия. 1926. 26 сент., под загл. «Хулиганы в мировом масштабе»; Соч. 5.

Запись темы — Зап. книжка № 37 (ГММ), между черновиками стих. «Эта книжечка моя про моря и про маяк» и «Ужасающая фамильярность» помета: «Зеверинг». Машинопись с редакт. правкой и коррект. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 928, с написанием «Чанзолин» вместо «Чжан Цзолин». На машинописи рукой зам. редактора «Известий» И.М. Гронского в стк. 11 подчеркнуто слово «зверик» и на полях сделана помета: «т. Василенко. Просьба созвониться, спросить Маяковского: "Зверек"?», а также в стк. 86—87 («Не время ль штыком причесать?») зачеркнуто «штыком» и вписано «их»; последняя правка хотя и не вызвала, видимо, возражений Маяковского (она вошла в текст газетной публикации), но носила ясно выраженный цензурный характер (см.: *Арутчева 1991. С. 542*).

Печатается по Соч. 5 с отменой редакционной правки в стк. 87, конъектурой в стк. 79: «Десяток банд коренится» вместо «Десятки банд коренится» и уточнением в ритмическом членении текста по машинописи.

Датируется по первой публикации.

Выступая 30 сентября 1926 г. на диспуте «О хулиганстве», Маяковский, видимо, читал или пересказывал это стихотворение: в отчете говорилось, что поэт «сообщает яркие факты хулиганства за границей» (Известия. 1926. 2 окт.).

Возможно, Маяковский предполагал включить это стихотворение в цикл о хулиганстве (см. примеч. к стих. «Тип»).

...учинил Зеверинг ~ в Бреславле? — 21 сентября 1926 г. в Бреславле (ныне Вроцлав, Польша; в то время главный город прусской провинции Нижняя Силезия) была расстреляна полицией демонстрация безработных. В.К. Зеверинг (1875—1952) был в то время министром внутренних дел германской земли Пруссия. Газетные сообщения в Москве вышли под шапкой «Кровавая баня в Бреславле» (Известия. 1926. 23 сент.; Комс. правда. 1926. 23 сент.).

...хулиган-погромщик, нападающий на комсомол в Новосибирске! — 4 сентября 1926 г. в Новосибирске группа хулиганов напала на комсомольцев, готовившихся к демонстрации в связи с XII Международным юношеским днем. Суд начался в 19 сентября в Новосибирске. На суде раскрылась «картина невероятного террора целого района: хулиганскими устраивались засады у домов, где проживали комсомольцы и примыкающая к ним беспартийная молодежь. Хулиганы очень часто срывали политички, лекции и собрания» (Комс. правда. 1926. 21 сент.).

...при их высоком сане... — Остин Чемберлен (1863—1937) был в то время министром иностранных дел Великобритании.

...наг погромом, разграбленным в Вансяне? — В ходе революции и гражданской войны, шедшей тогда в Китае, английские военные суда под предлогом защиты интересов метрополии 5 сентября 1926 г. обстреляли крупнейший порт в верхнем течении Янцзы — Вансян (Ваньсянь), что привело к многочисленным разрушениям и жертвам среди населения. В газетах писалось: «Вансян сожжен англичанами», «Общественные организации Китая призывают к восстанию» (Известия. 1926. 18 сент.).

...40 ленинградских хулиганов... — 21 августа 1926 г. в Ленинграде, в Чубаровом пер., большая группа хулиганов напала на девушку. Сведения о жестоком преступлении вызвали острую реакцию, тем более что прямо перед этим прошло несколько процессов об аналогичных случаях (Челябинск, Харьков и др.). Отмечалась особая циничность участников, массовость преступления (цифра 40 часто фигурировала в печати, но была условной). Материалы печатались под заголовками: «Чудовищное преступление», «Расстрелять мерзавцев!» и т.п. Суд состоялся 16—28 декабря 1926 г. в Ленинграде, было осуждено 26 человек, в том числе 5 человек были приговорены к расстрелу (Чубаровщина. М.; Л., 1927).

...игущей сквозь Китай горы... — Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена Россией в 1897 — 1903 гг. и управлялась ею. После революции находилась под властью белых. Китайско-советским договором 1924 г. был определен ее статус коммерческого предприятия, она перешла в совместное управление СССР и Китая. Однако некоторые китайские милитаристские группировки продолжали попытки нарушить интересы СССР или вообще захватить КВЖД. В частности, в августе 1926 г. местное правительство Чжан Цзолина попыталось захватить часть имущества КВЖД, закрыло действовавшие при ней школы и т.д. В ноте Г.В. Чичерина от 31 августа 1926 г. отмечалось, что «маршалом Чжан Цзолином предъявлены требования, которые в корне нарушают соответствующие постановления соглашения между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г., дополненные впоследствии соглашением между СССР и автономным правительством трех восточных провинций Китая от 20 сентября 1924 г.». Близкий к Маяковскому пример интерпретации этих событий: карикатура Б.Е. Ефимова «Очередной визит Чжан Цзолина в правление КВЖД» с подписью «(Еще к росту хулиганства)» — Известия. 1926. 5 сент. В 1927 г. инцидент был улажен. КВЖД продолжала функционировать; в 1952 г. была безвозмездно передана КНР.

Чжан Цзолин (1876 — 1928) — руководитель одной из китайских милитаристских группировок, базировавшейся в основном на северо-востоке, в Маньчжурии; занимал антисоветские позиции. Его группировка осенью 1926 г. совершала неоднократные нападения на здания, которые использовались советскими гражданами, служившими на КВЖД.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАНЯ ДЫЛДИН

(С. 332)

За 7 дней. 1926. № 11, сент., в сопровождении двух рисунков Маяковского; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Убежденьями — Толстой я. — Пародируется вульгарно понятое учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насиллием.

МЕЧТА ПОЭТА

(С. 336)

Известия. 1926. 3 окт.; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Облигации государственного выигрышного займа — были выпущены с целью сбора средств на индустриализацию.

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

(С. 340)

Известия. 1926. 6 окт.; Соч. 5.

Напечатано в газете под рубрикой «Праздник урожая — показ культурных побед деревни».

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Раньше праздновался разный Кирилл да Мефодий... — День св. Кирилла и Мефодия приходится на 26 мая, начало полевых работ.

Одно из наших больших начал... — Имеется в виду установленная с 1925 г. замена традиционного празднования окончания полевых работ в день Покрова Богородицы (14 октября) новым советским Праздником урожая, позже — День работников сельского хозяйства.

... мечтать о новом форгзоне. — См. примеч. к стих. «Две Москвы».

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ

(С. 343)

Красная газ. 1926. 9 окт., веч. вып., под загл. «Механические люди»; Известия. 1926. 10 окт.; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Афишный вариант заглавия: «Если не везде, то во всех местах» (Поп или мастер? 1926). Под основным заглавием в афише «Все́м — всё» (1927).

Какой нагружённый Гужон? — Одно из крупнейших московских предприятий — Московский металлический завод Ю. Гужона, с 1922 г. — Большой московский металлический завод «Серп и молот».

ТИП

(С. 345)

Крокодил. 1926. № 38, [15] окт., под загл. «Три хулигана»; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5 с исправлениями в стк. 41: «делает выноски» вместо «делает выписки», стк. 95: «бутылкой Карнеева» вместо «бутылкой Корнеева» и в стк. 105: «деревья» вместо «деревня», а также уточнениями пунктуации по «Крокодилу». На необходимость поправки в стк. 41 обратил внимание М.Л. Гаспаров (Гаспаров. С. 536 — 537).

Датируется по первой публикации.

В сентябре 1926 г. Маяковский напечатал в один день (19 числа) два разных стихотворения под одинаковым заглавием «Хулиган» («Республика наша в опасности...» и «Ливень докладов...»). Первое из этих стихотворений Маяковский сохранил как самостоятельное и включил его в Соч. 5, на основе второго в результате ряда переработок, он создал новое стихотворение – «Тип».

Ход переработки: в сентябре 1926 г. в журн. «За 7 дней» был напечатано стихотворение «Хулиган» («Ливень докладов...»), через месяц, в октябре 1926 г., в «Крокодиле» – стихотворение «Три хулигана». Вторая часть этого стихотворения (стк. 54 – 121) представляла собой авторскую переработку стихотворения, появившегося в журн. «За 7 дней». На этом этапе автором, видимо, был задуман цикл о хулиганстве: об этом говорит заглавие, то, что после вступительных строк, перед началом собственно текста, стояла цифра «I», а во вступительной части после первого четверостишия шли строки:

Из мордоротной плеяды их
я выбираю троих.

Какие еще два типа хулиганов намеревался представить Маяковский, неизвестно. Возможно, один из этих типов – хулиган «международный» (см. «В мировом масштабе»). Замысел остался нереализованным. Готовя в конце 1926 г. Соч. 5 (рукопись была сдана в издательство 12 ноября 1926), Маяковский еще раз изменил заглавие, убрал приведенное выше двустишие, которое шло после стк. 7, а также ввел в текст ударную концевую строфу. Ею раньше завершалось стихотворение «Хулиган». Маяковский, видимо, думал ее использовать как концовку планировавшегося цикла, но, отказавшись от замысла цикла, ввел ее в текст стихотворения.

Афишный вариант заглавия: «Кулак в 4 кило» (Поп или мастер? 1926).

...политграмоту Бердникова. – Бердников А., Светлов Ф. Курс политграмоты: Пособие для совпартшкол, рабфаков и вузов / Под общ. ред. Н.И. Бухарина. М.; Л.: Госиздат, 1925. Пространное (592 с.) изложение основ марксизма.

...пишет с него Либединский, стихи с него сочиняет Жаров. – Ю.Н. Либединский (1898 – 1959) – один из руководителей РАППа и А.А. Жаров (1904 – 1984) – один из лидеров группировки комсомольских поэтов; их произведения того времени отмечены риторичностью и выпендренностью, они много писали о «высоких моральных качествах советских людей, строящих новое общество». Маяковский отмечал, что в таких произведениях можно «безнадёжно сфальшивить, взявшись за обобщения без всякой дистанции» (Как делать стихи?).

Лёвенбрей – марка пива.

...нос бы расшиб Карпантье и Демпси. – Жорж Карпантье (1894 – 1975) и Демпси (Уильям Гаррисон, 1895 – 1983) – французский и американский боксеры, чемпионы мира.

...по башке бутылкой Карнеева ~ у Горшанова. – Еще до революции получила известность пивоваренная компания «Карнеев, Горшанов и Ко». В годы НЭПа возобновился выпуск пива под этой маркой.

**КАЖДЫЙ, ДУМАЮЩИЙ О СЧАСТЬЕ СВОЕМ,
ПОКУПАЙ НЕМЕДЛЕННО ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ!**

(С. 349)

Известия. 1926. 19 окт.; Красная газ. Л., 1926. 19 окт., веч. вып. под загл. «О выигрышном займе» и в сокращении; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

МОИ ПРОГУЛКИ СКВОЗЬ УЛИЦЫ И ПЕРЕУЛКИ

(С. 353)

За 7 дней. 1926. № 12, окт.

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

Написано по материалам рабкоров «Рабочей Москвы». Журнал «За 7 дней» был приложением к газете.

На Четвертых Лихоборах... — Тогда станция Московской окружной железной дороги.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОГУЛОК СКВОЗЬ УЛИЦЫ
В ПЕРЕУЛОК**

(С. 357)

За 7 дней. 1926. № 13, окт.

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

Написано также по материалам «Рабочей Москвы». Напечатано со следующим примечанием: «Видели: Свой и Без подписи. Воспел Вл. Маяковский». По инициативе и при участии Маяковского по письмам рабкоров были написаны «Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод» (1926).

А на Генеральной, у Проводниковского дома... — Имеется в виду здание завода «Проводник» на бывш. Генеральной (ныне Электrozаводская) улице.

...Гамбург — фабрика луны. — Маяковский пересказывает слова Поприщина («Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя): «Луна делается в Гамбурге...»

ДОЛГ УКРАИНЕ

(С. 360)

Известия. 1926. 31 окт.; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

В Соч. 5 с примечаниями: «*Чаплин, Дуглас Фербенкс* – американские киноактеры».

Перепечатывалось по тексту «Известий» в газете «Звезда» (Днепропетровск, 1926. 4 нояб.); отрывок (стк. 27–98) перепечатывался в газ. «Диктатура труда» (Сталино, 1929. 7 апр.), под загл. «Что мы знаем о лице Украины?».

В стихотворении отразились впечатления от поездки на Украину (Харьков, Киев) с 10 по 23 октября 1926 г. Оно возникло в контексте споров, развернувшихся в связи с критикой, которой был подвергнут в редакции «Известий» первый вариант стихотворения «Нашему юношеству» (см. примеч. к этому стихотворению). Судя по статье Маяковского «Корректурa читателей и слушателей», основные упреки сводились к «своеобразной москвофилии» и якобы проявленному поэтом недостаточному уважению к украинскому языку и культуре. Ответы именно на эти упреки прочитываются в стихотворении «Долг Украине».

Знаете ли вы украинскую ночь? – Слова из повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (гл. 2).

...Днепр заставят на турбины течь. – Официальное решение о строительстве Днепрогэса было принято в декабре 1926 г., торжественная закладка была произведена 8 ноября 1927 г.

...как Дугласа галстух краплен... – См. примеч. к стих. «Беспризорщина». В июле 1926 г. Д. Фербенкс и его жена, киноактриса Мэри Пикфорд, приезжали в СССР.

«Чуешь, сурмы заграли, час расплаты настав...» – Русская транскрипция перевода на украинский язык (1919) первых строк припева к «Интернационалу» (переводчик – Микола Кондратьевич Вороний; 1871 – 1942):

Чуэш! Сурми заграли,
Час розплати настав –
В Інтернаціоналі
Здобудем людських прав.

ОКТАБРЬ. 1917–1926

(С. 363)

Красная панорама. Л., 1926. № 45, 5 нояб., с двумя рисунками, подписанными монограммой: ДЛС; Молодая гвардия. 1926. № 11, нояб.; *МиП*; Соч. 5.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 5 с исправлением в стк. 94: «и не молк» вместо «и не смолк» по журн. «Молодая гвардия» и *МиП*.

Датируется по первой публикации.

Написано к девятой годовщине Октябрьской революции.

В «Красной панораме» — под загл. «Октябрь. 25/X — 7/XI», в «Молодой гвардии» и *МиП* — под загл. «25/X — 7/XI» (в обоих источниках ошибки в указаниях месяцев: «25/IX — 7/X»). Окончательное заглавие установлено в Соч. 5.

Оценивая характер раскрытия революционной темы в произведениях писателей-лефовцев, С. Городецкий писал тогда: «Говорить о художественной литературе Октября в исчерпывающем смысле этого слова еще нельзя (...) До некоторой степени организующее начало Октября отражено в произведениях Лефа. Маяковский, Асеев и Третьяков, пользуясь работами Хлебникова, ставят задачей организовать слово в новые, созвучные Октябрю, ритмы. Созданные ими "марши", конечно, приносят свою пользу. Но лозунговость этой поэзии, ее психологическая скупость, ее постепенность в уловлении темы дня, ее влюбленность в формальное новаторство не дают ей возможности стать подлинной поэзией пролетариата» (Известия. 1926. 7 нояб.).

Там Ильич и речь... — Описание В.И. Ленина в Смольном в дни революции было дано Маяковским в поэме «Владимир Ильич Ленин» и вызвало резкие нападки Л.С. Сосновского. Отвечая ему, Маяковский говорил: «Взятый мною факт, это один из тех, которые я описывал с натуры. Эта картина была в дни революции буквально списана с товарища Ленина...» (Выступление на первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей 9 января 1925). Возможно, включение, хотя и краткое, этого эпизода в стихотворение произошло не без учета данной полемики.

«*Вставай, проклятьем...*» — «Вставай, проклятьем заклеянный...» — первая строка «Интернационала».

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

(С. 366)

Известия. 1926. 7 нояб.; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 943. В машинописи, в частности, исправления повторяющихся опечаток в рефрене («Остановка для нас, для нас — юбилей» исправлено на «Остановка для вас, для вас юбилей»), которые неправильно рассматривать как варианты.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

— *Глаз не мелочь!* — приказ Ильича. — «Внимание к мелочам» — название статьи Л.Д. Троцкого (Правда. 1921. 1 окт.), которая в после-

дующие годы неоднократно перепечатывалась в различных авторских сборниках и пропагандистских брошюрах. Отталкиваясь от ряда ленинских работ, в частности «О кооперации», Троцкий писал о том, что возрождение промышленности, вообще успешное хозяйствование требуют повышения культуры, внимания к любой детали: «Хозяйственный процесс складывается из частей и частиц, из деталей, частных, мелочей. Восстановить хозяйство можно только при величайшем внимании к этим мелочам. Этого внимания у нас нет...». Позже он подчеркивал, что ход времени не снижает актуальность лозунга «Внимание к мелочам».

Строка стихотворения вызвала политический выпад А.И. Безыменского. Твердо знавший, кто является автором этого лозунга, он начал с иронического намека: «Быть может, это действительно приказ Ильича», — но продолжил без всякой иронии, отсылая к своему стихотворению «О шапке», написанному именно об этом лозунге и демонстративно посвященному Л.Д.Троцкому, — «но в литературе вопрос об умении "за каждой мелочью революцию найти" разработан отнюдь не Маяковским. Это место — списано у другого» (*Безыменский А.И. Начистоту // Нов. мир. 1927. № 2, февр. С. 197*). Политический донос, таким образом, был дополнен обвинением в плагиате. Сам Безыменский оба посвящения к этому стихотворению («Троцкому. Молодежи») в следующем 1928 г. снял (см. его сб. «Песни жизни». Л., 1928).

...Англия бастующих шахт. — См. примеч. к стих. «Английскому рабочему» и «Рождественские пожелания и подарки».

...Кантон тот же бой вегет... — Кантон (совр. Гуанчжоу) в период революции 1925—1927 гг. был центром национально-революционных сил. Во время так называемого северного похода (июль 1926 — март — апрель 1927) Кантонская армия нанесла поражение войскам противников, в результате чего значительная часть Китая оказалась под властью революционного правительства.

Рабкооп — рабочий кооператив.

РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция, наркомат; существовал в 1920—1934 гг., осуществлял контрольные функции во всех областях хозяйственного и государственного управления.

... в огнях Волховстрой... — Волховская гидроэлектростанция (на реке Волхов, Ленинградская обл.), строилась с 1921 г., торжественное официальное открытие состоялось 19 декабря 1926 г.

СТОЯЩИМ НА ПОСТУ

(С. 370)

Известия. 1926. 12 нояб.; Соч. 5.

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 947.

Печатается по Соч. 5.

Датируется по первой публикации.

Стихотворение вошло в Соч. 5, рукопись которого была сдана в издательство 12 ноября 1926 г.

Написано к девятой годовщине (28 октября/10 ноября 1917) организации советской милиции.

Волховстрой — см. примеч. к стих. «Не юбилейте!».

ЕВРЕЙ

(С. 373)

Известия. 1926. 16 нояб.

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 950.

Печатается и датируется по первой публикации.

Перепечатывалось с ошибками по тексту «Известий» в газ. «Вечерние известия» (Одесса, 1926. 17 нояб.).

Это и следующие четыре стихотворения конца 1926 г. не вошли в Соч. 5. Причина, скорее всего, заключалась в том, что рукопись Соч. 5 была сдана в Госиздат 12 ноября 1926 г., а данные стихи к этому моменту еще не были готовы.

Написано к I Всесоюзному съезду по земельному устройству евреев, который открылся 15 ноября 1926 г. в Москве в Колонном зале. 17 ноября Маяковский выступал с чтением стихотворения на вечере «Писатели народов СССР — Озету».

Озет — Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР, было создано 17 января 1925 г., ставило задачей привлечение евреев к сельскохозяйственному труду, занималось организацией еврейских сельских поселений. Такие поселки создавались, в частности, в степных районах Крыма. Стихийная организация там еврейских сельскохозяйственных колоний началась еще в 1923—1924 гг. С 1925 г. в соответствии с постановлением ВЦИК СССР она приобрела планомерный характер. В течение года по большей части в Джанкойском районе было создано 25 таких поселений. В 1926 г. в Крыму был открыт первый еврейский сельсовет (Красный Крым. 1926. 2 марта). Подробнее см.: *Бережанская Б.Б. Еврейские колхозы в Крыму // Евреи Крыма. Симферополь; Иерусалим: Мосты, 1997. С. 71—85.*

В Озете одно время работала Л.Ю. Брик. В июле—августе 1926 г. она участвовала в съемках фильма «Евреи на земле» (режиссер А.М. Роом, сценарист В.Б. Шкловский), для которого Маяковский написал тексты титров. В июле 1926 г. она просила находившегося тогда в Крыму Маяковского: «Если можешь, съезди, посмотри крымские колонии» (*Янгфельдт 1991. С. 153*).

Белосток — до революции уездный город Гродненской губ. (ныне в Польше); в 1906 г. там произошел один из крупнейших еврейских погромов.

...в ихних Мюр-Мерилизах... — «Мюр и Мерилиз» — большой универсальный магазин в дореволюционной Москве.

О ТОМ, КАК НЕКОТОРЫЕ ВТИРАЮТ ОЧКИ ТОВАРИЩАМ, ИМЕЮЩИМ ЦИКОВСКИЕ ЗНАЧКИ

(С. 377)

Известия. 1926. 19 дек.

Машинопись с авторской правкой и коррект. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 968.

Печатается и датируется по первой публикации.

ЦИК — Центральный исполнительный комитет, в 1922—1938 гг. высший орган государственной власти в СССР.

Сухарева башня — находилась на пересечении ул. Сретенка с Садовым кольцом, была возведена в 1692—1695 гг., снесена в 1934 г.

НАШ ПАРОВОЗ, СТРЕЛОЙ ЛЕТИ

(С. 380)

Известия. 1926. 22 дек.

Машинопись с авторской и редакторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись — «Известия») — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 970. Правка в стк. 11 осуществлялась последовательно И.И. Скворцовым-Степановым: зачеркнуто слово «одни»; автором: вместо «одни» вписано «все»; И.М. Гронским: добавлен союз «и» — «и все» (см.: *Арутючева 1991. С. 543*). На машинописи помета И.И. Скворцова-Степанова: «Пустить. И. С. 20/XII 26».

Печатается по первой публикации.

Датируется по помете на машинописи.

«Наш паровоз, стрелой лети!..» — Парафраз первой строки припева песни «Паровоз» (1922 г.; возникла в киевских Главных железнодорожных мастерских, авторство точно не установлено).

...приличный том, весом почти в двухэтажный дом. — Ср. в статье зампреда Госплана СССР Э.И. Квирина «Режим экономии перед лицом печати»: «Совсем недавно мне сказали, что сводный отчет Сахаротреста по всему хозяйству в целом весит ни больше ни меньше, как 125 пудов... Я сам не проверял этот факт о 125 пудах, хотя мне сообщили о нем в ВСНХ, но 5-ти, 7-ми, 12-ти пудовые отчеты — это у нас обычная норма» (*Журналист. М., 1926. № 5. С. 4*).

«Эй, отчетность, грощбухнем!» — Парафраз русской народной песни «Эй, ухнем!».

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ И ПОДАРКИ

(С. 383)

Красная газ. Л., 1926. 24 дек., веч. вып. (в сокращ.); Известия. 1926. 25 дек.

Машинопись – ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 973.

Печатается по тексту «Известий».

Датируется по первой публикации.

Рабочим – миллионы стойких Куков... – Кук Артур Джемс (1884 – 1931) – генеральный секретарь федерации английских горнорабочих: в 1926 г. возглавил забастовку горняков; побывал в Советском Союзе.

НАШЕ НОВОГОДИЕ

(С. 386)

Известия. 1927. 1 янв.

Машинопись с авторской правкой, коррект. и типогр. пометами (наборная рукопись – «Известия») – ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 978. Авторская правка касалась не только лексики, но и ритмической разбивки строк (см.: Арутчева 1991. С. 545).

Заготовка рифм к стк. 41 – 45 («вычерствел – электричестве») – Зап. книжки № 37 и 39 (ГММ).

Печатается и датируется по первой публикации.

Перевод на немецкий язык: *Luft G. Russische Proletarische und andere revolutionare Poesie. Lieder der Tat.* М., 1927. S. 68 – 71).

...всем, кто переписью переписан? – 17 декабря 1926 г. в СССР прошла Всесоюзная перепись населения.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Владимир Владимирович Маяковский.
Фотография А. Родченко. 1924

Фронтиспис

ВКЛЕЙКА

Владимир Маяковский. Фотография. 1926

В.В. Маяковский. «Сергею Есенину». Беловой автограф стихотворения.
1926

В.В. Маяковский. «Сергею Есенину». Тифлис, 1926. Обложка А. Родченко

В.В. Маяковский. «Вещи этого года». Москва; Берлин, 1924. Обложка

В.В. Маяковский. «Только новое». М.; Л., 1925. Обложка А. Изенберга

В.В. Маяковский. «Париж». М., 1925. Обложка А. Родченко

Владимир Маяковский в Париже. Фотография П. Шумова. 1925

В. Маяковский и Ф. Морено. Мехико, 1925

Д. Ривера. Рисунок к стихотворению В. Маяковского «Наш марш» в переводе на испанский язык. 1925

В. Маяковский и Д. Бурлюк с сыновьями Давидом и Никифором. Нью-Йорк, 1925

В.В. Маяковский. «Солнце в гостях у Маяковского». Нью-Йорк, 1925.

Обложка Д. Бурлюка

Эли Джонс. Рисунок Д. Бурлюка. 1925

Афиша выступления Маяковского. Чикаго, 1925

В.В. Маяковский. «Открытие Америки». Нью-Йорк, 1925. Обложка
Д. Бурлюка

В.В. Маяковский. «Мексика». Черновой автограф. Записная книжка № 33
(ГММ). 1925

Владимир Маяковский в Нью-Йорке. 1925

В.В. Маяковский. «Атлантический океан». Беловой автограф. Октябрь
1925

В. Маяковский после возвращения из Америки. Сидят: Э. Триоле,
Л. Брик, Р. Кушнер, Е. Пастернак, О. Третьякова. Стоят: В. Маяков-

ский, О. Брик, Б. Пастернак, С. Третьяков, В. Шкловский, Л. Грин-
круг, О. Бескин, П. Незнамов. 1925

В.В. Маяковский. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка». М.; Л.,
1926

Журнал «Леф». 1924. № 4. Обложка

«Леф или блеф». Афиша. 1927

Встреча с японским писателем Тамидзи Найто. Слева направо: Т. Найто,
Б. Пастернак, С. Эйзенштейн, О. Третьякова, Л. Брик, В. Маяковский,
А. Вознесенский и неуст. лицо. 1924

Владимир Маяковский читает стихи. Кадр кинохроники. 1925

Страница журнала «За 7 дней» с текстом стихотворения «Лев Толстой и
Ваня Дылдин», сопровождаемого рисунками Маяковского. 1926. № 11

В.В. Маяковский. «Разговор с фининспектором о поэзии». Тифлис, 1926.
Обложка А. Родченко

Владимир Маяковский. Шарж Кукрыниксов

Владимир Маяковский. Фотография А. Родченко. 1924

Владимир Маяковский с собакой Скотиком. Пушкино, 1924. Фотография
А. Родченко

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВЫ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГММ — Государственный музей Маяковского
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

ИЗДАНИЯ МАЯКОВСКОГО

- Американцам* — Американцам для памяти. Нью-Йорк: New World Press, 1925.
Грозный смех — Грозный смех. М.; Л.: ГИХЛ, 1932.
ИзИз — Избранное из избранного. М.: Огонек, 1926.
Испания — Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка. М.: ГИЗ, 1926.
МиП — Мы и прадеды. М.: Молодая гвардия, 1927.
П. кр. — Песни крестьянам. М.: Долой неграмотность, 1925.
Песни рабочим — Песни рабочим. М.: Долой неграмотность, 1925.
Париж — Париж. М.: Моск. рабочий, 1925.
ПСС: В 13 т. — Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961.
Соч. — Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИЗ, 1927–1932.
Только новое — Только новое. Л.; М.: ГИЗ, 1925.
Школьный Маяковский — Школьный Маяковский. М.; Л., 1929.

ПЕРИОДИКА

- Бак. рабочий — газета «Бакинский рабочий», издается с 1906 г.
Бюл. пресс-бюро — «Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП(б)»; издание печаталось на ротапринтере, рассылалось в редакции местных газет; серия «А» — «для губернских газет, имеющих по преимуществу городского читателя», серия «Б» — «для уездных и губернских газет земледельческих районов с крестьянским кадром читателей»; 1922–1925.
Веч. Киев — газета «Вечерний Киев», с 1927 г.

Веч. Москва — газета «Вечерняя Москва», с 1923 г.
Заря Вост. — газета «Заря Востока». Тифлис, с 1922 г.
Звезда — журнал «Звезда». Л., с 1924 г.
Знамя. — журнал «Знамя». М., с 1931 г.
Известия — газета «Известия ВЦИК». М., с 1917 г.; Пг., с 1918 г.
Киев. пролет. — газета «Киевский пролетарий». 1925 — 1931.
КиР — журнал «Книга и революция». Пг., М., 1920 — 1923.
Книгоноша — журнал «Книгоноша». М., 1924 — 1926.
Комс. правда — газета «Комсомольская правда». М., с 1925 г.
Красная газ. — Красная газета. Л., 1918 — 1939.
Красная звезда — газета «Красная звезда». М., с 1924 г.
Красная нива — журнал «Красная нива». М., 1923 — 1931.
Красная новь — журнал «Красная новь». М., 1921 — 1942.
Красная Тат. — газета «Красная Татария». Казань.
Красный Крым — газета «Красный Крым». Симферополь, с 1918 г.
Красный перец — журнал «Красный перец». М., 1923 — 1926.
Лен. правда — газета «Ленинградская правда», с 1918 г.
Молодая гвардия — журнал «Молодая гвардия», с 1922 г.
Накануне — газета «Накануне». Берлин, 1922 — 1924.
На лит. посту — журнал «На литературном посту». М., 1926 — 1932.
На посту — журнал «На посту». М., 1923 — 1925.
Нов. Леф — журнал «Новый Леф». М., 1927 — 1928.
Нов. мир — журнал «Новый мир». М., с 1925 г.
Огонек — журнал «Огонек». М., с 1923 г.
Париж. вестн. — газета «Парижский вестник», с 1925 г.
ПиР — журнал «Печать и революция». М., 1921 — 1930.
Посл. нов. — газета «Последние новости». Париж, с 1919 г.
Правда. — газета «Правда». М., с 1912 г.
Прожектор. — журнал «Прожектор». М., 1923 — 1935.
Пролет. правда — газета «Пролетарская правда». Киев, с 1920 г.
Раб. Москва — газета «Рабочая Москва», с 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

Арутчева 1991 — Арутчева В.А. Почтенный сотрудник «Известий» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 50. 1991. № 6, нояб. — дек. С. 539 — 550.
Восп. 1963 — В. Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963.
Восп. 1968 — Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М.: Моск. рабочий, 1968.
Восп. 1993 — «Имя этой теме: любовь!» Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов, 1993.
Гаспаров — Гаспаров М.Л. Двадцать стиховедческих конъектур к текстам Маяковского // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 50. 1991. № 6, нояб. — дек. С. 531 — 538.

- Лавут – Лавут П.И.* Маяковский едет по Союзу. М.: Советская Россия, 1963.
- ЛН* – сборники «Литературное наследство».
- Харджиев 1958* – *Харджиев Н.И.* Заметки о Маяковском // *ЛН*. М.: АН СССР, 1958. Т. 65. С. 397–430.
- Харджиев 1975* – *Харджиев Н.И.* Заметки о Маяковском // Vladimir Majakovskij: Memoirs and essays / Ed. B. Jangfeldt; N.Å. Nilsson. Stockholm, 1975.
- Харджиев 1981* – *Харджиев Н.* Из материалов о Маяковском // Ricerche Slavistiche. Roma, 1980–1981. Vol. 27–28.
- Хроника 1985* – *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985.
- Шенгели* – *Шенгели Г.* Маяковский во весь рост. М., 1927.
- Янгфельдт 1991* – *Янгфельдт Б.* «Любовь это сердце всего»: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991.
- Янгфельдт 1992* – «Якобсон – бюджетянин»: Сб. материалов / Сост., подг. текста, предисл. и коммент. Б. Янгфельдт.
- Янгфельдт 2009* – *Янгфельдт Б.* Ставка – жизнь: Маяковский и его круг / Пер. со швед. М., 2009.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Английскому рабочему	257	Лев Толстой и Ваня Дылдин	332
Беспризорщина	310	Любовь	285
Будь готов!	7	Марксизм – оружие, огне- стрельный метод. Приме- ный умеючи метод этот!	148
В мировом масштабе	329	Мечта поэта	336
В повестку дня	279	Мои прогулки сквозь улицы и переулки	353
Взяточники	274	Московский Китай	268
Владикавказ – Тифлис	55	МЮД	312
Вот для чего мужику самолет	129	На помощь!	79
Выволакивайте будущее!	135	На учет каждая мелочишка	28
Даешь мотор!	147	Наш паровоз, стрелой лети	80
Два Берлина	33	Наше новогодие	386
Два мая	124	Не юбилейте!	366
Две Москвы	314	Немножко утопии про то, как пойдет метрошка	122
9-е января	12	О.Д.В.Ф.	142
Дипломатическое	16	О деле 26-ти (Гулом восста- ний, на эха помножен- ным...)	65
Долг Украине	360	О том, как некоторые вти- рают очки товарищам, имеющим циковские значки	377
Еврей	373	Октябрь. 1917 – 1926	363
Здравствуйте!	14	Париж	83
Искусственные люди	343	Верлен и Сезанн	88
Каждый, думающий о сча- стье своем, покупай не- медленно выигрышный заем!	349	Версаль	98
Канцелярские привычки	307	Город	85
Киев	19	Еду	83
Комсомольская	23	Жорес	102
Красная зависть	131		
Краснодар	239		

Прощание. (Кафе)	105	Бродвей	204
Прощанье	109	Бруклинский мост	228
Nôtre-Dame	95	Вызов	220
Первомайское поздравление	252	Домой!	236
Передовая передового	271	Испания	162
Письмо писателя Влади- мира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому	317	Кемп «Нит гедайге»	232
Послание пролетарским поэтам	290	Мексика	192
Посмеемся!	81	Мексика – Нью-Йорк	202
Праздник урожая	340	Мелкая философия на глубоких местах	171
Продолжение прогулок из улицы в переулок	357	Небоскреб в разрезе	214
Пролетарий, в зародыше за- души войну!	44	Порядочный гражданин	217
Протекция	282	Свидетельствую	207
Прочь руки от Китая!	73	Сифилис	177
		100%	223
		Тропики	190
		Христофор Колумб	183
		6 монахинь	164
		Стоящим на посту	370
		«Строго воспрещается»	241
Рабкор («Ключи счастья» напишет...»)	117	Тамара и Демон	60
Рабкор («Лбом пробив без- грамотья горы...»)	120	Тип	345
Радио-агитатор	160	Товарищу Нетте – пароходу и человеку	300
Разговор на одесском рейде десантных судов «Совет- ский Дагестан» и «Крас- ная Абхазия»	303	Третий фронт	114
Разговор с фининспектором о поэзии	260	Ужасающая фамильярность	305
Рождественские пожелания и подарки	383	Ух и весело!	9
Севастополь – Ялта	52	Фабрика бюрократов	296
Селькор	77	Флаг	110
Сергею Есенину	243	Хулиган («Ливень докла- дов...»)	327
Стихи об Америке	162	Хулиган («Республика наша в опасности...»)	323
Американские русские	226	Хулиганщина	75
Атлантический океан	167	Четырехэтажная халтура	253
Барышня и Вульворт	211	Юбилейное	35
Блек энд уайт	173	Ялта – Новороссийск	137
Богомольное	199		

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

	Текст	Вар-ты	Ком-мент.
Будь готов!	7		472
Ух и весело!	9	403	472
9-е января	12	403	473
Здравствуйте!	14	403	474
Дипломатическое	16	404	475
Киев	19	404	475
Комсомольская	23	405	477
На учет каждая мелочишка	28	405	478
Два Берлина	33		479
Юбилейное	35	405	480
Пролетарий, в зародыше задуши войну!	44		489
Севастополь – Ялта	52	407	490
Владикавказ – Тифлис	55		491
Тамара и Демон	60	408	494
О деле 26-ти (Гулом восстаний, на эха помноженным...) ...	65	411	496
Прочь руки от Китая!	73		498
Хулиганщина	75	411	499
Селькор	77	412	499
На помощь!	79		500
Посмеемся!	81		500
Париж			
Еду	83	412	504
Город	85	413	504
Верлен и Сезанн	88	413	507
Nôtre-Dame	95	413	511
Версаль	98	414	512

	Текст	Вар-ты	Ком-мент.
Жорес	102	414	513
Прощание. (Кафе)	105	414	515
Прощанье	109		516
Флаг	110		518
Третий фронт	114	414	519
Рабкор («"Ключи счастья" напишет...»)	117		520
Рабкор («Лбом пробив безграмотья горы...»)	120	415	521
Немножко утопии про то, как пойдет метрошка	122		522
Два мая	124		522
Май	129		523
Красная зависть	131		523
Выволакивайте будущее!	135		523
Ялта – Новороссийск	137	415	524
О.Д.В.Ф.	142		525
Даешь мотор!	147		525
Вот для чего мужику самолет	153		526
Радио-агитатор	160	416	526
Стихи об Америке			
Испания	162	416	528
6 монахинь	164	416	530
Атлантический океан	167	417	531
Мелкая философия на глубоких местах	171	420	533
Блек энд уайт	173	421	534
Сифилис	177	422	537
Христофор Колумб	183	425	537
Тропики	190		542
Мексика	192	427	543
Богомольное	199	430	546
Мексика – Нью-Йорк	202	431	546
Бродвей	204	432	547
Свидетельствую	207		549
Барышня и Вульворт	211	433	550
Небоскреб в разрезе	214	435	551
Порядочный гражданин	217	436	552
Вызов	220	437	555
100 %	223	439	557

	Текст	Вар-ты	Ком-мент
Американские русские	226	441	558
Бруклинский мост	228	441	559
Кемп «Нит гедайге»	232	443	561
Домой!	236		562
Краснодар	239	444	569
«Строго воспрещается»	241	444	569
Сергею Есенину	243	445	570
Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!	248	445	577
Первомайское поздравление	252	448	581
Четырехэтажная халтура	253	449	583
Английскому рабочему	257	450	586
Разговор с фининспектором о поэзии	260	450	588
Московский Китай	268		591
Передовая передового	271	454	592
Взяточники	274	454	592
В повестку дня	279	454	593
Протекция	282	454	593
Любовь	285	455	593
Послание пролетарским поэтам	290		594
Фабрика бюрократов	296	455	598
Товарищу Нетте — пароходу и человеку	300	456	598
Разговор на одесском рейде десантных судов «Совет- ский Дагестан» и «Красная Абхазия»	303	457	601
Ужасающая фамильярность	305	457	602
Канцелярские привычки	307	458	603
Беспризорщина	310	458	604
МЮД	312	459	604
Две Москвы	314	459	605
Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому	317	460	608
Хулиган («Республика наша в опасности...»)	323	462	613
Хулиган («Ливень докладов...»)	327		615
В мировом масштабе	329	463	615
Лев Толстой и Ваня Дыдин	332		617
Мечта поэта	336		617
Праздник урожая	340		618

	Текст	Вар-ты	Ком-мент
Искусственные люди	343	463	618
Тип	345	463	618
Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!	349	464	620
Мои прогулки сквозь улицы и переулки	353		620
Продолжение прогулок из улицы в переулок	357		620
Долг Украине	360	464	621
Октябрь. 1917 – 1926	363		621
Не юбилейте!	366	464	622
Стоящим на посту	370	465	623
Еврей	373	465	624
О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки	377		625
Наш паровоз, стрелой лети	380	466	625
Рождественские пожелания и подарки	383		626
Наше новогодие	386	466	626

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Грузия	391		
Мелкая философия на глубоких местах	395		
⟨Домой⟩	397		
Первомайское поздравление	399		
ВАРИАНТЫ	401		
КОММЕНТАРИИ	467		
Стихотворения 1924 – 1926 гг.	469		
Список иллюстраций	627		
Условные сокращения	629		
Алфавитный указатель стихотворений	632		

Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук

**Владимир Владимирович
МАЯКОВСКИЙ**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Том второй

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1924–1926**

Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректор *А.Б. Васильев*

Иллюстрации воспроизведены
в соответствии с представленными
архивными оригиналами

Подписано к печати 09.01.2014
Формат 70 × 90^{1/16}. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,1. Усл.кр.-отт. 48,1. Уч.-изд.л. 34,0
Тип. зак 3020.

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-02-038139-1

9 785020 381391

